

Дженни Блэкхерст

**КАК
Я ТЕБЯ
ПОТЕРЯЛА**

 INSPIRIA

Annotation

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР, СТАВШИЙ БЕСТСЕЛЛЕРОМ В БРИТАНИИ, ЧЕХИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, ВЕНГРИИ, ИТАЛИИ, КОРЕЕ, ПОЛЬШЕ, США.

Меня зовут Эмма Картрайт. Но три года назад я была Сьюзан Вебстер. И тогда же я убила своего сына.

Вы бы тоже поверили в то, что в один голос утверждают все – ваши близкие, врач, полиция, не так ли? Я не помню случившегося, но мне сказали, что я убила своего трехмесячного сына Дилана. Меня судили и отправили в психиатрическую лечебницу «Окдейл», где я отбыла свой срок.

Четыре недели назад меня освободили досрочно. Я создала себе новую личность Эммы Картрайт и переехала в маленький городок, где никто не знает мою историю. Этим утром я получила конверт, адресованный на мое прежнее имя. Внутри – фотография четырехлетнего мальчика по имени Дилан.

И теперь я сомневаюсь во всем, чему верила до этого дня. Раз у меня не осталось воспоминаний о том жутком событии, как я могу действительно знать, что он мертв? Будь хоть малейший шанс, что ваш сын жив, на что бы вы пошли, чтобы вернуть его?

«Зацепило с первой страницы и заставляло гадать до самого конца». – Клэр Дуглас, автор мирового бестселлера «Пара из дома № 9»

«Совершенно захватывающе». – Клэр Макинтош, популярная британская писательница и бывшая полицейская

«Выдающийся и оригинальный триллер». – Б. Э. Пэрис, автор бестселлеров New York Times

«Вызывает привыкание». – WOMAN & HOME

«Навязчивый, абсолютно увлекательный триллер». – RED MAGAZINE

«Интригующий триллер». – GOOD HOUSEKEEPING

-
- [Дженни Блэкхерст](#)

-
-
- [Благодарности](#)
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)

- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
-

Дженни Блэкхерст

Как я тебя потеряла

Jenny Blackhurst
HOW I LOST YOU

Copyright © 2014 Jenny Blackhurst

© Жукова М. В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Сильный по своей эмоциональной подаче, закрученный психологический триллер о матери, способной на все ради сына. Тревога и напряжение сопровождают каждую главу этой книги, где временами не знаешь, кому доверять, кто злодей, а кто герой. Блэкхерст удалость сохранить интригу до последней страницы.

Алина Лесняк, редактор

* * *

Посвящается Эшу и Коннору, который никогда не сдаётся и всегда находит выход.

Я люблю тебя, мой куриный наггетс!

Благодарности

В первую очередь я хочу поблагодарить своего замечательного агента Летицию Резерфорд. Если б ты с таким энтузиазмом не подошла к истории Сьюзан и постоянно меня не поддерживала, то сейчас я не писала бы эти слова. Благодаря тебе мои мечты сбылись.

Спасибо Вики и Дарси и всей команде издательства «Хедлайн». Вы взяли простой камень и превратили его в бриллиант. Быть принятой в ваш мир – честь для меня. Спасибо за все ваши советы, за то, что вам удавалось относиться ко мне так, будто я знаю, что делаю. Хотя вы понимали, что не знаю. Спасибо за всю ту сложную работу, которую вы делаете.

Я благодарна друзьям, которые меня поддерживали, лучшим друзьям, которые только могут быть у маленькой девочки. Вы всегда радовались за меня, когда я сама боялась радоваться за себя. Вы столько раз повторяли мне, что я смогу это сделать, и вели себя так, словно у вас не было никаких сомнений в том, что СДЕЛАЮ. Спасибо Саре, которая была моей первой читательницей, за то, что говорила мне, если я все делала правильно, и, что еще важнее, если что-то получилось не так. Я благодарю Лорну, Джо и Лору за то, что всегда оказывались рядом и были готовы меня выслушать. Девочки, вы же со мной уже больше семи лет! Спасибо Эмме и девушкам из JN, которые были рядом, когда я начинала этот проект, и дамам с джентльменами из SFRS, которые находились рядом, когда я его заканчивала. Вероятно, вы не понимаете, насколько странно слышать, когда кто-то из вас спрашивает: «Как продвигается книга?» Это приводит в трепет!

Я благодарна увлеченным и любящим свое дело рецензентам из YWO – без вашего вклада эта книга осталась бы в куче рукописей на выброс. Отдельно хочу поблагодарить Нотли, который рецензирует всех первым, – не за то, что беспощадно меня критиковал, а за то, что помог собрать вместе разрозненные куски. Я благодарю Кей Литч, Шивон Дайко и Фреда Хебберта за постоянную поддержку и за то, что заставили меня поверить: я могу стать «настоящей писательницей».

И наконец я хочу поблагодарить самую лучшую семью, о которой только можно мечтать. Я благодарна маме и папе, которые всегда

говорили, что я могу сделать все что угодно, если поставлю перед собой цель. Они помогали мне продолжать работу, просто находясь рядом и поддерживая меня. Также я благодарна своему большому младшему брату, которого очень люблю. Надеюсь, заставила вас всех мной гордиться, как я горжусь вами. Я вас люблю.

Эш. Тебе я благодарна за то, что ты вселял в меня надежду, за одобрение, любовь и поддержку; за моего замечательного сына и нашего еще нерожденного ребенка; за разговоры поздним вечером под навесом, где ты так по-деловому сказал мне: «Попробуй»; за то, что всегда оставался тем мужчиной, за которого я вышла замуж. Я люблю тебя и сына сильнее, чем можно выразить словами.

**Письмо в Комиссию
по условно-досрочному освобождению
от Сьюзан Вебстер,
заключенной № 397 609
23 января 2013 года**

Уважаемые члены Комиссии!

Меня зовут Сьюзан Вебстер. Почти четыре года назад, 23 июля 2009 года я убила своего трехмесячного сына. Мне потребовалось так много времени, чтобы сказать эти слова и принять это, тем не менее я испытываю невообразимую боль и печаль, когда их пишу.

В период предварительного заключения и в последовавшие за ним два года и восемь месяцев в «Окдейле» я изучила всю доступную информацию о послеродовом психозе, форме послеродовой депрессии, от которой я страдала после рождения Дилана. Чтение об этом помогло мне понять и осознать, что я не контролировала собственные действия в тот ужасный день. Теперь я знаю, что мои воспоминания о тех трех поразительных месяцах с Диланом были романтизированы у меня в сознании. Это случилось из-за отрицания того ужасного гнева, который я испытывала к нему. Я это знаю, потому что так говорят врачи. И мне еще труднее принять то, что мои священные воспоминания – все, что у меня осталось от моего красивого

сына – порождены моей покалеченной психикой. Это труднее, чем осознавать, что я убила своего маленького мальчика. В самые трудные минуты мне хочется вспомнить ненависть, безразличие к живому существу, которое я произвела на свет. Может, тогда я смогла бы хоть на какое-то время успокоиться, немного отдохнуть от чувства вины и боли, которыми окрашена каждая минута бодрствования. Я ненавижу себя за эти чувства. Мои воспоминания, истинные и поддельные, – это единственное, что помогает мне оставаться тем человеком, которым я была раньше. По крайней мере, тем человеком, которым я себя считала. Женой, матерью, может, немного неорганизованной, точно ужасно готовящей, но я никогда не могла представить себя убийцей, даже в самых жутких кошмарах.

И хотя я принимаю то, что сделала, я не жду прощения. Я знаю, что никогда не смогу простить себя сама. Я только прошу учесть мое раскаяние, когда будет слушаться дело о моем условно-досрочном освобождении, чтобы я смогла попытаться заново построить свою жизнь, принести какую-то пользу этому миру и начать искупать то зло, которое сделала в прошлом.

С уважением,

Сьюзан Вебстер

Глава 1

24 апреля 2013 года

Оно все еще там.

Я выхожу из кухни, пытаюсь жить привычной жизнью, но ничего не помогает. Не важно, сколько раз я отсюда выходила! Каждый раз, когда я возвращаюсь в кухню, оно ждет меня там.

Оно пришло сегодня утром, спрятанное под яркими конвертами с ненужной рекламой и счетами, которые выглядят зловеще. Я и так боюсь получать письма. Воскресенье – мой самый любимый день недели.

В воскресенье почту не приносят. Только сегодня не воскресенье. И сегодня почту принесли.

Я догадываюсь, что моя ненависть ко всему, лежащему в конвертах, объясняется тем количеством счетов, которые я получаю каждый день. Я здесь живу всего четыре недели, но кажется, что все компании страны, поставляющие какие-то ресурсы и услуги, пытаются выставить мне за что-то счет. В каждом письме, адресованном «Проживающей по адресу...», я получаю напоминания: мне следует дать разрешение на автоматическое списание средств с банковского счета плательщика за получаемые услуги. Это вызывает у меня депрессию, потому что я думаю о своей неорганизованности и о том, на сколько мне еще хватит средств. Денег у меня мало.

Однако сегодня с почтой принесли не счет. Я это знаю, потому что адрес на конверте написан от руки. Это не письмо от моих знакомых или друзей. Конверт размером с открытку, коричневого цвета. Почерк мелкий, буквы написаны слитно. Похоже, писала женщина, но я не уверена. Ничто из этого не объясняет, почему письмо все еще лежит на моем кухонном столе, и я его не распечатала.

Я могла бы отправить его прямо в мусорное ведро. Я могла бы дожждаться прихода Кэсси и попросить ее открыть письмо, как школьница, которая просит маму заглянуть в конверт с ведомостью, где одни пятерки. Я снова подхожу к конверту, вижу написанные на лицевой стороне слова, и у меня учащается сердцебиение:

*Сьюзан Вебстер,
Оак-Коттедж, 3,
Ладлоу, Шропшир*

Но Сьюзан Вебстер больше нет. Я-то знаю: сама убила ее четыре недели назад.

Ни один человек на свете не должен знать, где я нахожусь и кто я такая. Именно поэтому я официально сменила имя и фамилию – подала, как и положено в таких случаях, заявление о намерении. Даже мой инспектор по надзору за условно-досрочно освобожденными называет меня Эммой. Иногда я все еще забываю откликаться на это. Теперь меня зовут Эмма Картрайт. Однако эти имя и фамилия вам ничего не скажут. Четыре года назад я все еще была Сьюзан Вебстер. Представляю вас сейчас: вы немного хмуритесь. Может, эти имя и фамилию вы узнали, но никак не можете вспомнить, где их слышали? Поднимаете глаза к потолку, переводите взгляд влево, пытаюсь вспомнить. Если вы живете на севере, то, возможно, бормочете что-то типа: «О да, это та женщина, которая убила своего сына? Какой ужас!» Но если вы живете в других частях страны, скорее всего, вы меня вообще не вспомните. Новость прогремела одновременно с сообщением о поимке одного очень известного торговца наркотиками. О нас с сыном писали только на внутренних полосах местных газет.

Я это сделаю. Разрываю конверт дрожащими руками, осторожно, чтобы не порвать содержимое. Мне в руки выпадает небольшая карточка. На секунду появляется мысль – не надеть ли перчатки, если это вдруг окажется какой-то угрозой, и полиции потребуются улики. Обычному человеку такие мысли могут показаться странными – я беспокоюсь об угрозе жизни из-за получаемых писем. Поверьте: раньше я сама и представить себе не могла подобной ситуации.

Но сейчас уже слишком поздно думать о криминалистах. Это не письмо, это фотография. Маленький мальчик широко улыбается, глядя в объектив, у него теплая, искренняя, красивая улыбка. Страх уходит, появляется замешательство. «Кто это?» Я не знаю детей такого возраста – ему два, может, три года. У меня есть племянница, но нет племянников. Несколько мамочек и детей, с которыми я познакомилась в разных группах матери и ребенка, куда мы ходили до... ну, незадолго до... держатся от меня подальше. Вероятно, просто пытаются

заблокировать воспоминания о случившемся, словно мы с Диланом никогда не жили на этом свете.

Почему мне это прислали? Я пытаюсь вспомнить детей, которых встречала, и бросаю фотографию на стол. Она переворачивается в воздухе и падает лицевой стороной вниз. И в это мгновение мир для меня сжимается до размеров одной фотографии, лежащей передо мной – четыре на шесть дюймов [\[1\]](#). На обороте тем же аккуратным почерком выведены три слова:

Дилан – январь 2013

Глава 2

– Это шутка, – заявляет Кэсси, снова бросая фотографию на мой кухонный стол.

«И все?» Я ждала двадцать минут, пока она молча рассматривала фотографию. И что я получила? *Шутка*, и все? Делаю глубокий вдох.

– Я понимаю, Кэсс, но кто это сделал? Кто, кроме тебя, знает, что я здесь? Это угроза? Или кто-то на самом деле хочет, чтобы я считала, будто Дилан жив?

Она отводит глаза в сторону, но я знаю, на кого она думает.

– Марк, – объявляю я. – Ты думаешь, что это Марк.

Кэсси скрипит зубами при упоминании этого имени и борется с собой, чтобы не вспылить. Ей это дается нелегко. Она выпячивает вперед острый подбородок и, как я думаю, буквально прикусывает язык. Моя лучшая подруга ненавидит моего бывшего мужа. Она не любит большинство мужчин, но я думаю, Марк занимает первое место в списке. Я знаю, она ему тоже не понравилась бы, хотя они никогда не встречались.

Наверное, мне стоит немного рассказать о Кэсси. Она – моя лучшая подруга, никогда у меня такой не было, но я всегда мечтала именно о ней. Мы познакомились не так, как знакомятся робкие школьницы в первый учебный день, и мы не жили в одной комнате во время учебы в колледже. Я впервые встретила Кэсси под звук захлопывающихся у меня за спиной стальных дверей, под вопли и стоны. Она сидела на верхней койке, ее крашенные светлые волосы были собраны на макушке в какую-то непонятную кучу, а при виде меня она нахмурила тонкие черные брови. Она спрыгнула с койки и приземлилась рядом со мной, как кошка. Потом я узнала, что после первой подобной попытки она сломала лодыжку. Свободные зеленые тюремные штаны висели у нее на выпирающих тазовых косточках, а рубашку, завязанную так, что был виден молочно-белый живот, для нее вполне могли принести из крыла для несовершеннолетних. Судя по ее виду, Кэсси мог сбить с ног сильный порыв ветра, но при этом она источала невероятную силу, которую раньше я не встречала.

– Верхняя койка – моя, но я не мочусь во сне, как некоторые из здешних обитателей, так что беспокоиться тебе не о чем. К моим вещам не прикасайся.

Я познакомилась с Кэсси в день, когда чувствовала себя так одиноко, как никогда в жизни. Тогда я еще не знала, что это самый худший день в моей жизни – я узнала об этом значительно позже, но она помогла мне его пережить и спасла меня.

Мы познакомились, потому что она преступница. Убийца, как и я. Хотя, в отличие от меня, Кэсси помнит каждую секунду совершенного преступления. Она смакует детали, рассказывая эту историю подобно тому, как девочки-скауты рассказывают ужастики, сидя вокруг костра. Ее достает, если я повторяю: безразличие – это «защитный механизм, чтобы не вспоминать о совершенном преступлении». После того как я впервые высказала это предположение, она неделю называла меня Фрейдом, отказываясь обращаться по имени, пока я не пообещала прекратить заниматься с ней психоанализом. Больше она никогда так близко не подходила к признанию моей правоты.

– Хорошо... – Я готова доставить ей удовольствие и согласиться на какое-то время. – Давай предположим, что это Марк. А откуда он мог узнать, где я? И зачем ему заставлять меня думать, будто наш сын все еще жив?

Кэсси нетерпеливо закатывает голубые глаза.

– Он же айтишник, так?

– Так, – киваю я. – Но не хакер.

Она просто пожимает плечами, когда я встаю, чтобы заварить еще одну чашку чая. Если мои руки ничем не заняты, они начинают дрожать.

– Почему? Зачем моему бывшему мужу, пусть и ставшему хакером, отправлять мне фотографию мальчика, который, как мы все знаем, просто не может быть моим умершим сыном?

– Может, потому что он ублюдок? Или потому, что он хочет усилить твое чувство вины, добавить эмоционального дерьма к тому грузу, который и так на тебя давит? Может, хочет, чтобы ты свихнулась? А вдруг «Январь 2013» совсем не означает, что этот мальчик – Дилан, может, он так хотел показать, что Дилан выглядел бы вот так, если б ты... ну, если б он, в общем, ты сама знаешь...

– Знаю.

– У тебя сохранились фотографии Дилана? В альбоме, который отдал твой отец?

– Да, где-то лежат, – рассеянно отвечаю я, не собираясь их доставать. – Не думаю, что это дело рук Марка.

Марк был в отчаянии после потери нашего сына (да любой мужчина был бы в отчаянии), но пытался меня поддержать. Он даже два раза приходил на свидания в «Окдейл» [2]. Оба раза трясся как осиновый лист и едва ли поднимал на меня глаза, но мне было приятно, что он пытается меня простить. Затем посещения прекратились. Через несколько недель я получила письмо с уведомлением о начале процедуры развода и написанную от руки записку от Марка: «Прости». После этого Кэсси соорудила мишень для дартса из имевшихся у меня фотографий Марка и бросала по ней скомканные влажные бумажные полотенца, чтобы меня развеселить. В «Окдейле» нам не разрешалось играть в дартс – дротики там под запретом. Нам даже остро заточенные карандаши не разрешали.

– Значит, это просто шутка, – пытаюсь убедить сама себя. – Не угроза. Только слово «шутка» подразумевает что-то веселое, а где тут веселье?

– Значит, розыгрыш или – как это называется? – мошенничество. Тебя хотят как-то надуть.

Вот такой Кэсси становится, когда решает, что она права. Она постукивает по столу длинными голубыми ногтями, покрытыми гелевым лаком: значит, ей хочется курить. По-моему, эти ногти символизируют полную трансформацию Кэсси после выхода из «Окдейла». Когда мы только познакомились, ногти у нее были обгрызены и на них оставался старый облезавший лак. Я помню, как она нетерпеливо что-то выстукивала теми пальцами. Это все в прошлом, также исчезли короткие джинсовые юбки и топы, открывающие пупок. Теперь ее одежда полностью закрывала тело, а лак на ногтях никогда не облезал.

– Розыгрыш, да, конечно, – рассеянно повторяю я. – Должно быть, розыгрыш. Точно не угроза.

Я избавляюсь от Кэсси как можно быстрее, притворяясь, будто у меня много дел. Она знает, что я вру, но понимает намек, не задает вопросов и целует меня, оставляя ярко-розовый отпечаток губ у меня на щеке и мокрое бумажное полотенце в раковине.

В сотый раз верчу в руках конверт и вдруг замечаю то, на что не обратила внимания раньше – и мои руки покрываются гусиной кожей. На конверте нет ни марки, ни почтового штемпеля. Вероятно, он лежал на коврике еще до того, как принесли почту. Тот, кто его принес, подходил к моему дому, стоял у моей входной двери и тихо подбросил фотографию, пока я находилась на кухне. От этой мысли мне становится физически плохо, меня тошнит, и я прикрываю рот рукой. *«Это не угроза»*. Нет смысла так угрожать. Если это угроза, то дурацкая. На угрозу на самом деле даже нет намека. Только искусно поданное предупреждение о том, что некто знает, как меня зовут. Некто знает, кто я такая. Знает, что я сделала. И этот некто стоял у моей двери.

Сил у меня больше нет. Желание бороться словно вытекло из меня, я опускаюсь на колени на холодный кухонный пол и рыдаю.

Глава 3

Джэк: 23 сентября 1987 года

Мальчика ударили по лицу ступней, затем он получил пяткой по ребрам. Он еще плотнее сжался в комок, из горла у него вылетел хрип или какое-то кряхтение, но слез не было – Джэк заметил это и невольно проникся уважением. Когда они увидели кровь, Райли сделал шаг вперед, но Джэк схватил его за руку – было еще рано. Требовалось подождать еще немного: пусть добавят мальчишке пару синяков, может, сломают ребро. С его наблюдательной позиции в двадцати футах ^[3] избивение очаровывало и выглядело гладко срежиссированным. Джэк стоял, прислонившись к стене одного из панельных домов, выкрашенных в цвет дерьма. Услышав треск – словно ветка хрустнула, – он выпрямился, стряхнул пыль с рукава джемпера и жестом показал Райли, чтобы тот следовал за ним к месту развлечения. Хрипы и кряхтение прекратились.

– Отвалите от него.

Все трое парней замерли на своих местах, хотя один так и стоял, придавив ногой сломанное запястье пятнадцатилетнего мальчишки – словно тот мог куда-то сбежать.

– Какое ваше собачье дело? Что вам двоим тут нужно?

Парень номер один (Джэк понятия не имел, кто они такие) изобразил в воздухе удар – будто бил по голове воображаемого козла, оказавшегося перед ним. Чертов идиот.

– Что он сделал?

– Настучал на Харриса. – Парень номер два, который давил на запястье, еще сильнее вдавил его в землю. – Правда, Шекспир?

– Это не я, – послышалось тихое бормотание из кучи окровавленной одежды внизу.

– Тогда кто? – потребовал ответа парень номер три, судя по всему, тот самый Харрис. Он был самым крупным из трех нападавших, но, насколько видел Джэк, меньше всех участвовал в избивении. Может, не любил пачкать одежду. Разумно.

– Не знаю. Не я.

– Врешь, гаденыш. – Парень номер два уже собрался снова нанести удар, но Джек оказался рядом с ним, схватил его за бордовый блейзер и оттолкнул в сторону.

– Я же сказал вам: отвалите от него. Он не стучал на вашего друга. Он говорит правду, это не он.

– Да? А откуда ты знаешь?

– Я знаю всё, придурок. Если хочешь узнать, кто настучал, пойдешь и поведешь Майка Питерсона.

Харрис и Райли прищурились.

– Уверен?

– Да. И еще один момент. – Джек показал на лежащего на земле парня. – Теперь он со мной. Если у вас появятся к нему какие-то вопросы, приходите ко мне. Но если вы еще когда-нибудь его тронете, я вам обеспечу сломанные ноги – всем вам. Интересно, как тогда сложится твоя карьера в регби, Харрис, баранья ты башка.

Он задержал дыхание, даже челюстью не двигал. Харрис повернулся к своим парням и мотнул головой, показывая уходить. Все трое пошли прочь с таким видом, будто не сделали ничего плохо, просто поиграли в футбол.

– Ты как? – Райли приподнял парня, придерживая его за голову. Каштановые волосы, доходившие до плеч, пропитались смесью пота и крови. Он попытался повернуть голову, чтобы посмотреть на стоявшего над ним Джека, но сморщился, сжался и уставился в землю.

– Почему ты им это сказал? – Слова различались с трудом: разбитые губы уже начали опухать. – Питерсон... этого не делал. Это я.

– Я же заставил их остановиться, так? А то бы они все дерьмо из тебя выбили. Хочешь, чтобы я их снова позвал? Сказал, что ошибся? – Он повернулся в том направлении, куда ушли парни, зная, что они уже далеко и его не услышат. – Харрис! Эй, Харрис!

– Нет, прости, я не это имел в виду. – Парнишка поморщился от боли.

– Боже, ты в жутком состоянии. Пошли, отведу тебя к себе домой. Моих родителей постоянно нет дома, но Люси тебе поможет.

– Кто такая Люси?

– Домработница. Я дико сопротивлялся, когда они заявили, что она будет жить с нами. Они ведь специально ее наняли, чтобы за мной следила. Но на самом деле она клевая – ей всего восемнадцать, у нее большие сиськи, и она делает классные бутерброды с сыром и ветчиной. Меня зовут Джек, а это – Мэтт. Почему они тебя называли Шекспиром? Это твое прозвище?

Парень попытался нахмуриться, но лоб заливала кровь.

– Нет. Я его ненавижу. Я набрал сто баллов за тест по английскому, и мисс Брэмолл назвала меня маленьким Шекспиром. И теперь все меня так зовут. Я...

– Мне нравится это прозвище, – перебил его Джек. – Благодаря ему тебя принимают за умного, а я люблю умных людей. Если хочешь, я буду использовать сокращенный вариант – Билли ^[4]. Это будет наша маленькая шутка. Мы же теперь друзья, да?

– Почему вы хотите со мной дружить? Я не такой, как вы и другие из ваших.

– Правда? А какие мы?

– Богатые. И... вы хорошо выглядите, ну и... все такое.

Джек посмотрел на Мэтта, и они оба расхохотались.

– Ты голубой, Шекспир? Хочешь кого-то из моих друзей?

– Нет! Я не это имел в виду. Я просто...

Джек фыркнул. Неужели этот парень такой тупой и нудный? Однако ему можно будет найти применение.

– Пошли, помоем тебя и приведем в порядок.

Глава 4

Как и в большинство других суббот, город был заполнен подростками, парочками и мамочками, тянувшими за собой нывших малышей. Все шатались в районе нескольких оставшихся в городе магазинов и кафе.

– Кризис сильно ударил по городу. – Роузи Фэйрклоу подает мне большой кусок липкого теплого шоколадного кекса. – Нам нужно побольше молодежи типа вас, чтобы деньги начали возвращаться в город.

Я с трудом сдерживаю смех. Роузи изменила бы свое мнение, если б имела хоть какое-то представление о том, кто перебрался в ее сонный маленький городок. Вот *это* была бы тема для любящих посплетничать местных тетушек.

Впиваюсь зубами в свой кусок шоколадного кекса, может, излишне жадно, и рискую украдкой выглянуть в окно. Ничего нового – только мощеные улицы, на которых полно людей. Я качаю головой и чувствую себя глупо, пытаюсь напомнить самой себе, что живу не в низкобюджетном шпионском фильме. Никто за мной не следит. Мне нужно попытаться забыть все случившееся сегодня утром, эту глупую *шутку*, поэтому я перевожу внимание на окружающих меня людей.

Еще одна женщина сидит у стойки, погрузившись в свои мысли, с кусочком морковного кекса, но не набрасывается на него так, как я. Ей примерно столько же лет, сколько могло бы быть моей маме, но в отличие от мамы, непохоже, что ей нужно беспокоиться о фигуре. Однако по выражению ее лица понятно: у нее что-то не так. Длинные светлые волосы закрывают лицо, когда она смотрит в раскрытую газету, но она их не убирает. Я задумываюсь о том, что же у нее произошло. Поругалась с любовником? Муж загулял? Или что-то гораздо хуже?

Она внезапно поднимает голову – словно я ее позвала, и видит, что я на нее смотрю. Смущаюсь и перевожу взгляд на дверь; мне очень не нравится, что она меня застукала. «Не надо так смотреть на людей, дорогая, – учила меня мама. – Это невежливо».

– Да, вы быстро справились. – Роузи видит крошки, оставшиеся от шоколадного кекса, и улыбается. – Принести еще кусочек?

«Боже, да!»

– Боже, нет.

Я смеюсь излишне громко. Я всю жизнь веду борьбу с толстой маленькой девочкой, которая живет внутри меня. Еда меня успокаивает. Если я когда-то отказывалась от еды, мама обычно поворачивалась к папе и говорила: «Ой-ой, мне кажется, у нас возникла проблема, Лен». Мама обычно меня поддразнивала, но именно она виновата в том, что вся наша семья так любит поесть. Она прекрасно готовила, в особенности десерты, и мои подруги выстраивались в очередь, чтобы получить приглашение на чай. Моей коробке с завтраком, которую я приносила в школу, завидовали все одноклассники. Рулеты, лимонный кекс с глазурью, малиновые меренги – меня можно было считать наркодилером в начальной школе. К огромному разочарованию моего мужа, я не унаследовала кулинарные таланты мамы, и ему приходилось довольствоваться восхитительным обедом у тещи раз в неделю по воскресеньям.

– Мои бедра мне этого не простят, – отвечаю я. – Роузи, можно задать вам один вопрос?

Глаза у пожилой женщины загораются так, словно я предложила ей отдать выигранный лотерейный билет. Роузи – кладезь информации, которая бьет из нее фонтаном.

– Что за люди здесь живут? Проблем много возникает?

Роузи качает головой.

– О нет, дорогая. То есть я хочу сказать, дети в городе время от времени устраивают драки, обычно в субботу вечером, но больше ничего такого. А у вас возникли какие-то проблемы? Вам кто-то досаждают?

Мгновенно жалею, что вообще об этом спросила. Я и так знала, что Роузи сплетница, но теперь задумываюсь, не станет ли она специально выискивать информацию. Не бросится ли она к компьютеру сразу после моего ухода, чтобы поискать в Интернете, что там есть о тайнах из прошлого Эммы Картрайт? Ах, паранойя, моя давняя подруга, мне тебя не хватало в последний час.

– На самом деле ерунда, – с легкостью вру я. – Сегодня я нашла яйцо у себя на крыльце и задумалась: может, местные жители не хотят,

чтобы новые люди переезжали в город.

Роузи выглядит разочарованной.

– Это дети, дорогая. Видите ли, наш городок отличается от других маленьких городков, где все всё знают. Мы по большей части держимся сами по себе. Не беспокойтесь по этому поводу.

– Нет, конечно, нет, – отвечаю, испытывая облегчение от того, что моя невинная ложь не вызвала поток других вопросов. – Я так и подумала, что это чья-то шалость.

* * *

Кусок шоколадного кекса лежит у меня в животе тяжелым грузом, когда я выхожу из кафе; слова Роузи крутятся в сознании: «Видите ли, наш городок отличается от других маленьких городков, где все всё знают». Перед освобождением из «Окдейла» меня предупреждали, что нужно быть готовой к враждебности, если люди узнают, кто я. Я была готова к факелам и вилам, но не ожидала, что меня будут выслеживать и играть со мной в игры. Но факт оставался фактом: глупая это шутка или нет, но кому-то известны мои старые имя и фамилия. А это означает, что им также известно, что я совершила.

Колокольчик над дверью маленького магазинчика на площади громко звенит, когда я захожу внутрь. Ладлоу – город вкусной еды, он может похвастаться лучшей домашней кухней в Шропшире и придуманными здесь блюдами. В сентябре каждый год проходит кулинарный фестиваль. Толстая девочка внутри меня *обожает* Ладлоу.

– Эмма, я очень рада вас видеть. – Кэрл широко улыбается, заметив меня в дверном проеме. – Как вы?

– Буду чувствовать себя еще лучше, если получу упаковку вашего камамбера и какой-нибудь хлеб с толстой корочкой.

Кэрл, исчезнув на секунду, возвращается с коричневым бумажным пакетом и вручает его мне. Он все еще теплый на ощупь, и я улавливаю запах свежего хлеба, который лежит внутри.

– И еще бутылку вина.

Кэрл приподнимает брови.

– Собираетесь что-то праздновать?

Заставляю себя улыбнуться.

– Нет, просто люблю есть с комфортом. Может, когда-нибудь расскажу вам про то, как получаю удовольствие от еды.

Она достаточно вежлива и не давит на меня, не задает дополнительных вопросов. Мы с Кэрол называем друг друга по имени с тех самых пор, как я обнаружила этот маленький магазинчик, но мы не подруги. Мне кажется, я никогда не смогу быть близка ни с одним человеком, который не знает о моем прошлом. Это слишком рискованно.

– Наслаждайтесь.

Она берет у меня деньги, а я снова выхожу на улицу. Разум подсказывает, что нужно отправляться домой и уничтожить фотографию, но когда я поворачиваю в направлении дома, вижу то, чего быть не должно. Это невозможно! Впереди стоит стройная женщина с длинными прямыми темными волосами. Она слегка наклоняется, чтобы покрепче взять руку маленького мальчика, который вертится рядом с ней. Того маленького мальчика, который сегодня улыбался мне с фотографии. *Моего сына.*

* * *

Я пытаюсь ее позвать, но у меня перехватывает дыхание. Вместо этого я делаю несколько неуверенных шагов, потом срываюсь с места и бегу.

– Дилан! – удается мне выдать из себя.

Это не может быть он, это совершенно невозможно. Но это он. Увидев его после всех этих лет, мне хочется броситься перед ним на колени. Как мой сын смог оказаться так близко от меня после того, как был так далеко все это время?

Несколько человек поворачиваются, чтобы посмотреть на меня. Мой сын и похитительница моего ребенка не оборачиваются. Может, мне так только кажется, но похоже, что она ускорила шаг. Однако недостаточно – через несколько секунд я оказываюсь рядом с ними.

– Дилан!

Я вытягиваю руку, чтобы схватить маленькую ручку, но хватаюсь за рукав его темно-синего пальто. У меня в груди бурлит адреналин.

Женщина поворачивается ко мне лицом.

– Что вы делаете! Уберите руки от моего сына!

Она подхватывает Дилана на руки, делает шаг назад, и я выпускаю его пальто. У нее на лице смешались страх и ярость.

– Это мой сын, это Дилан, это мой...

Я замолкаю, когда приходит осознание. Это не мой сын. Мой сын мертв, его больше нет, а этот маленький мальчик жмет к шее своей матери, потому что его дико напугала безумная кричащая женщина. Внезапно он кажется совсем непохожим на мальчика на фотографии, он не похож на меня, на Марка, ни на кого из нашей семьи. Этот маленький мальчик находится там, где и должен находиться – на руках своей мамы. Я теряю всю свою решительность, отступая на шаг. Мне хочется бежать, но ноги не слушаются. Женщина понимает, что я больше не представляю угрозу ни для нее, ни для маленького сына, и начинает наступать на меня.

– Вы сумасшедшая? Как вы посмели хватать моего сына? Мне следовало бы позвонить в полицию. Ненормальная!

– Простите, мне очень жаль, я...

Меня подводит язык, и я не могу найти слов. Мне хочется все объяснить, но как? Как описать руки, которые всегда кажутся пустыми? Сердце, которое болит от утраты? Глаза, которые видят мертвых детей на каждом углу? Как дать кому-то понять, тем более незнакомке на улице, что значит потерять того, кого ты носила в себе?

– Конечно, вам должно быть жаль! Вы сумасшедшая.

Пока женщина не отталкивает мою руку, я не осознаю, что она все еще вытянута.

– Она же извинилась, – звучит у меня из-за спины. Голос сильный и знакомый. – Она ошиблась. Может, стоит принять ее извинения и идти туда, куда вы шли?

Я чувствую облегчение, которое разливается по всему телу, когда мне наконец удастся повернуться и увидеть свою спасительницу. Кэрол. Слышу, как женщина у меня за спиной еще раз бормочет, что я сумасшедшая, но потом слышны удаляющиеся шаги – она ушла.

– Спасибо. – Я вижу людей, собравшихся вокруг. Они остановились, чтобы посмотреть представление. – О боже!

– Не обращайтесь внимания. – Кэрол аккуратно берет меня под руку, потом повышает голос и теперь обращается к собравшимся: – Им

просто нечего делать.

Пара людей выглядит пристыженными, одна женщина пожимает плечами, группа подростков хихикает. Но они все уходят.

– С вами все в порядке? – мягко спрашивает меня Кэрол.

Со мной совсем не все в порядке, но от ее доброты у меня на глаза наворачиваются слезы. Я шмыгаю носом и киваю.

– Все будет нормально, я просто ошиблась. Сморозила глупость. А почему вы пошли за мной?

Кэрол протягивает кусочек бумаги.

– Вы это уронили, когда доставали кошелек.

Я не узнаю бумажку, но рука автоматически тянется вперед. Это вырезка из газеты, когда я подношу ее поближе к глазам, то все понимаю. На меня с черно-белой фотографии смотрит мой сын. Эта фотография была сделана через несколько дней после его рождения. Заголовка нет, но даже по прошествии стольких лет я его помню: «Мать получила шесть лет за убийство сына».

– Я не могла... – начинаю я, отрицая, что эта фотография могла лежать у меня в сумке, но обеспокоенный взгляд Кэрол заставляет меня замолчать. «А откуда еще она могла вывалиться?» – Да, это мое. Спасибо. Еще раз спасибо.

– Вы уверены, что с вами все в порядке?

Я снова киваю, на этот раз увереннее.

– Да. Спасибо, Кэрол, но мне нужно идти. Простите.

Судя по виду, женщина хочет сказать что-то еще, но решает этого не делать. Слава богу!

– Я живу всего через несколько домов от вашего, если нужно, обращайтесь, Эмма.

Я снова киваю, потом до меня доходит смысл ее слов.

– Вы что, простите?

Она смущается.

– Простите, я думала, вы знаете. Мы живем на одной улице.

Нет, я не знала. Почему я этого не знала? Я ходила тут четыре недели и не замечала никого и ничего вокруг себя? Но Кэрол меня определенно видела... А кто еще за мной наблюдал?

– Эмма? Вы уверены, что с вами все в порядке? Выглядите вы не совсем здорово.

Мне никогда раньше так не требовался человек рядом, как в эти минуты, но сейчас не время и не место приглашать незнакомку в мою жизнь. Даже ту, что управляет магазинчиком, в котором продают вино и сыр. Что мне сказать новой подруге? «На самом деле, сегодня утром кто-то узнал, что я убийца, а теперь меня мучают галлюцинации о моем мертвом сыне, и еще я ношу при себе его фотографии, не зная, что они у меня есть. Так что, на самом деле, неплохо было бы выпить чашечку чая или кофе. У вас или у меня?»

– Нет, со мной все в порядке, – говорю вместо этого. – Спасибо вам еще раз.

Глава 5

В библиотеке пусто, даже для субботы. Я бесцельно шаталась по городу, плотно сжимая в руке газетную вырезку – так сильно, что пальцы запачкались типографской краской. На одной боковой улочке я набрела на большое каменное здание.

Когда я приближаюсь к стойке, сидящая за ней суровая женщина даже не удосуживается поднять голову. На бейджике у нее написано «Эвелин».

– Что желаете? – спрашивает она, не отрывая головы от огромного библиотечного каталога, лежащего перед ней, и мне остается только смотреть на копну седых волос.

– М-м, мне хотелось бы получить читательский билет.

При звуке моего голоса женщина удивленно поднимает голову.

– О, простите, дорогая. – Она улыбается, и ее суровое выражение сменяется добродушием. Разительная перемена! Она понижает голос: – Я решила, это опять тот тип, который сидит в углу. – Женщина кивает на подозрительного мужчину в зеленой воценой куртке и мягкой фетровой шляпе, который устроился в углу и с решительным видом уставился в один из мониторов. – Он уже достал меня своими жалобами на интернет-ограничения из сообщений безопасности. Я боюсь к нему подходить и смотреть, что он пытается найти. Ради всего святого, это библиотека, а не слет деятелей порноиндустрии.

Я не могу сдержаться, и у меня с губ слетает короткий смешок. Эта пожилая женщина, которая должна быть сдержанной, вслух произнесла в библиотеке слово «порноиндустрия», и это кажется нелепым и смешным. Она снова улыбается.

– Простите, дорогая. Как я могу вам помочь? Только читательский билет?

Через десять минут я сижу перед компьютером – как можно дальше от мужчины в фетровой шляпе, – а мои пальцы печатают слова «Дилан Вебстер».

Я всегда полагалась на поиск информации. Та маленькая комнатка, которую в «Окдейле» называли библиотекой, не идет ни в какое сравнение с этим заведением. Первые пару месяцев в «Окдейле»

я даже не знала о ее существовании. Несколько недель тупо смотрела в стену нашей камеры, а Кэсси делала все возможное, чтобы вовлечь в разговор этот чистый холст, с которым она оказалась в одном замкнутом пространстве. Однажды она вернулась с рабочей смены в столовой во второй половине дня и взяла меня за запястье. «Вот оно, – подумала я. – Ее терпение лопнуло. Наконец она начнет меня бить. Может, я не выживу. Я снова воссоединюсь с Диланом».

– Это тебе, – объявила она, разжимая мои пальцы. – Возьми их и пошли со мной.

Я посмотрела на свою открытую ладонь. Три блестящих кружка серебристого цвета, которые в мире за этими стенами принесут не больше пользы, чем фишки, которые дети используют в играх в виде денег. Но эти кружочки ценились в «Окдейле» выше, чем золотые слитки. Мы называли их жетонами, это был наш вид денег, которые можно было заработать упорным трудом, еще их выдавали за хорошее поведение. За жетоны в нашем заведении можно было купить разные нужные вещи – сигареты, новое нижнее белье, журналы и доступ в элитные зоны, например, в спортивный зал. Или библиотеку. Кэсси подняла меня на ноги, и я позволила ей вывести меня из камеры. Мы отправились по коридорам со стальным полом в общее крыло. На двери слева от зала, где проходили общие встречи и собрания, висела табличка «Библиотека». Я никогда раньше не обращала на нее внимания. С одной стороны двери находилось прямоугольное отверстие, над которым было написано: «Три жетона за полдня», там же виднелась щель для карточки-пропуска. Кэсси достала из кармана мою карточку (бог знает, когда она ее украла – это показывает, как я относилась к своим вещам в первые дни), вставила ее в щель и опустила жетоны.

– Иди, у тебя полдня. – Она толкнула дверь, затем слегка подтолкнула меня. – Иди и поищи все, что только можно про эту хрень, о которой доктор Шейки все время треплется на сеансах психотерапии. Пуэр-что-то-там.

– Пуэрперальный, – пробормотала я, не в силах произнести то, что на самом деле хотела. – Пуэрперальный психоз [\[5\]](#).

– Да, я про него и говорила. Когда выйдешь, может, меня просветишь. Расскажешь все, что узнала.

И именно в той темной тихой комнатке, напоминающей пещеру, я узнала все о своем состоянии. Там было всего тридцать три полки, два компьютера и такие серьезные ограничения, что можно было считать везением, если удавалось добраться до чего-то более серьезного, чем картинки пушистых кроликов. Чем больше я говорила с Кэсси о том, что мне удалось узнать, тем понятнее становилось произошедшее. На мое душевное состояние повлияло ЭКО, а потом кесарево сечение, которое бывает таким травмирующим, что у женщины начинается глубокая послеродовая депрессия. А я списывала усталость, забывчивость и раздражительность на недостаток сна.

Образы, которые я так хотела спрятать подальше, прилагая огромные усилия, просачиваются в мое сознание, как вода сквозь камни. Я просыпаюсь на больничной койке, причем просыпаюсь внезапно, глаза резко распахиваются.

– Мой ребенок! Помогите! Где мой ребенок?

В палате пусто, я одна. Когда я пытаюсь сесть, мой живот яростно протестует. Что со мной произошло? Что случилось с моим ребенком?

– Эй, эй, не двигайся. – Через несколько секунд рядом со мной оказывается Марк и большим пальцем нажимает кнопку вызова медсестры. – Все в порядке, любимая, только не садись.

– Что с ребенком, Марк? С ребенком все в порядке?

Я прижимаю руки к животу. Он вздутый и твердый, я чувствую легкое шевеление внутри, и оно подсказывает мне, что все в порядке. Мне тепло и комфортно, и я вздыхаю с облегчением.

В палате пахнет антибактериальным мылом. Этот запах до сих пор напоминает мне про болезнь и рак, про то время, когда угасала мама. Марк улыбается, но до того, как он успеет что-то сказать, в палате появляется еще один человек, женщина. Волосы цвета грязный блонд стянуты в неряшливый пучок, но я не могу рассмотреть ее лицо.

– С ним все отлично, с ребенком все отлично, – шепчет Марк. Его улыбка становится шире, словно мне следует что-то знать, что-то понять, но я не знаю и не понимаю. – С ним все в порядке, учитывая все случившееся. Ты сможешь его увидеть после того, как тебя посмотрит врач.

– Ты о чем? – Я еще раз прижимаю руку к животу. – Мне еще раз сделали УЗИ? Тебе сказали, что у нас мальчик? Что не так?

Марк говорит мягким, успокаивающим голосом:

– У тебя начались роды, дорогая. Помнишь? Возникла проблема с ребенком, тебя пришлось ввести в состояние искусственной комы. Не помнишь? Ты сама сказала, чтобы делали. Ты дала согласие на операцию.

«Ты дала согласие на операцию». Почему слова моего мужа звучат так, будто их произносят выступающие по телевизору юристы? О чем он говорит? Почему эта женщина смотрит на меня с такой жалостью?

– Мы едва успели, – объясняет женщина. – Ваше состояние было критическим. Ребенок плохо реагировал. Нам потребовалось достать его как можно быстрее. Но сейчас с ним все в порядке, он в интенсивной терапии. Давайте я приглашу врача?

– Он такой красавчик, Сьюзан. Я так тобой горжусь. Хочешь посмотреть фотографию? – Марк достает телефон и показывает мне снимок самого крошечного младенца, которого я когда-либо видела. Почему он мне ее показывает? Он же не пытается сказать, что...

– Марк. – Теперь я говорю более жестким тоном. Мне нужно, чтобы он прекратил показывать мне какие-то дурацкие фотографии и улыбаться как идиот. – Что происходит? Чей это ребенок?

Я вижу, как меняется выражение его лица – оно вытягивается, морщинки в уголках глаз (я называю их «морщинками счастья») разглаживаются.

– Сьюзан, это *наш* ребенок. Тебе сделали кесарево сечение, и наш сын появился на свет. Это он.

Он снова сует мне под нос телефон, и я чувствую, как меня охватывает ярость, накатывает словно волна, и еще я поставлена в тупик. Все эти эмоции выплескиваются на поверхность. Я резко бью его по руке. Застигаю его врасплох, и ему не удается удержать телефон, тот летит через всю палату и врезается в стену.

– Прекрати мне это показывать! Это не мой ребенок! Он здесь! Я его чувствую!

– Боже, Сьюзан. – Марк вскакивает и бросается к своему драгоценному айфону, затем поворачивается ко мне. Он покраснел, глаза прищурены. – Зачем ты это сделала? Ты себя слышишь? Это наш ребенок, *твой* ребенок.

Он врет. Я бы знала. Я бы знала, что родила! Он сам держал бы меня за руку, когда я тужилась и кричала, я бы услышала крик своего

ребенка, я прижала бы его к груди. Я бы знала.

– Ты ошибаешься. Это не мой ребенок. Это не мой ребенок.

Потребовались три медсестры, врач и большая доза седативных средств, чтобы меня успокоить. Я впервые увидела ребенка, которого, как они все говорили, я родила, только через четыре часа после пробуждения. Уставившись в маленькую пластиковую коробку, которую на тележке вкатили в палату, я не почувствовала никакой связи с маленьким мальчиком в ней. Я не верила, что с такой осторожностью возвращала его внутри себя на протяжении последних восьми месяцев. Возникло ощущение, будто меня обокрали – эти люди лишили меня таких ценных первых минут с моим сыном. Мне разрешили его подержать; медсестры нас сфотографировали и подбодрили. Тут наконец я начала ее ощущать – любовь, которая возникла с той самой минуты, когда я узнала, что у нас будет ребенок. Но все равно чувство несправедливости не ушло. Меня обманули. Вначале не произошло зачатие естественным путем, а теперь я еще и не родила естественным образом. Помню, как я тогда почувствовала, что, возможно, судьбой мне не предназначено становиться матерью.

Я думала, все молодые мамочки испытывают такие же чувства. Понять, как обстоят дела, мне помогли поиски информации в Интернете. После того первого дня в библиотеке я убирала мусор и мыла туалеты, отчаянно стараясь заработать жетоны, и проводила в библиотеке столько времени, сколько могла себе позволить. Еще мне требовалось вернуть Кэсси долг. Потом ко мне в камеру пришел один из надзирателей и протянул спасательный круг: предложил работу в библиотеке в обмен на неограниченный доступ к ее возможностям.

Но одну вещь я не делала никогда – не вбивала имя сына в поисковую систему. Я не представляла, насколько сложно будет нажать Enter и ждать несколько секунд, испытывая страшные мучения, пока на экране не появятся результаты.

Курсор висит над небольшим крестиком в углу экрана – я готова закрыть страницу, если кто-то подойдет слишком близко. Но затем появляются результаты. Целая страница ссылок на смерть Дилана, и каждый раз его имя выделено жирным шрифтом. Первые несколько посвящены судебному процессу, я нахожу газетные статьи, которые читала в то время, но даже сейчас мне сложно принять факт, что они обо мне. Я вижу части заголовков вроде «Страдающая послеродовой

депрессией мать получила шесть лет тюрьмы» и «Я не помню», – говорит убившая ребенка мать». Они появляются в профилях других Диланов Вебстеров в «Фейсбуке» [\[6\]](#) и «Линкедине». Во всех статьях одна и та же фотография – та, которую я держу в руке. Сердце колотится в груди и болит. Каждый заголовок напоминает о времени, когда я так старалась отправить все воспоминания в какой-то дальний темный уголок сознания.

Всплыло несколько статей, которые, как кажется, не имеют совершенно никакого отношения к Дилану, но, вероятно, где-то в них упоминается его имя. Я отправляю их все на принтер и даю себе обещание прочитать все дома, где можно грустить в спокойной обстановке. Все это время я думаю про газетную вырезку, которая, по словам Кэрол, выпала из моей сумки. «Кто ее туда подложил? Зачем? Я сама? Я спятила?» Пытаюсь избавиться от навязчивых мыслей.

Руководствуясь каким-то капризом, набираю имя своего бывшего мужа – Марк Вебстер. Появляются только услуги дизайнера (это не мой Марк) и профессиональный игрок в дартс (*точно* не мой Марк). Затем наталкиваюсь на статью, которую уже видела раньше. Марк гордо смотрит на меня с экрана – Даремский университет рассказывает о том, каких успехов добились его выпускники. Помню, как он был доволен собой, когда эта фотография и статья «Где они сейчас?» были опубликованы в «Гардиан» [\[7\]](#). Всему миру было объявлено, что Марк Вебстер – партнер в ведущей IT-фирме и важная персона в сфере информационных технологий. Я улыбалась, видя, как его распирает от гордости. Мне всегда нравилась его амбициозность и то, как он гордился своими достижениями. Статья в «Гардиан» была чем-то вроде штампа «Одобрено», знаком, что он на самом деле добился успеха.

Я и не заметила, что провела в библиотеке два часа. Температура воздуха упала, чувствовался холодок. Я дрожу, когда снова выхожу на улицу, заворачиваюсь в свой толстый вязаный кардиган и ускоряю шаг, чтобы побыстрее добраться до того места, где припарковала машину. Я не понимаю, что совершенно не обращаю внимания на то, куда иду, пока не врезаюсь в женщину, которая только что отошла от стены библиотеки.

– О господи! Простите.

Поднимаю голову и вижу блондинку из кафе, которую рассматривала.

– Это я виновата.

Судя по виду, она совсем не нервничает из-за нашей неожиданной встречи и только неуверенно улыбается. Я хочу пошутить, чтобы ослабить напряжение (она выглядит очень напряженной), но понимаю, что меня могут принять за сумасшедшую, которая выслеживает людей, поэтому прикусываю язык.

– Не беспокойтесь, – отвечаю вместо этого.

Секунду кажется, что она скажет что-то еще, но после недолгого неловкого молчания она просто убирает за ухо выбившуюся прядь и проходит мимо меня.

Я очень рада попасть домой и устроиться перед камином с чашкой горячего шоколада и газетными статьями, которые разложены веером передо мной на полу. Все еще тяжело читать о судебном процессе, поэтому я пролистываю последние статьи, в которых имя Дилан Вебстер просто упоминается где-то в тексте. И надеюсь, что они не посвящены какому-то пловцу, участнику Олимпиады, имя и фамилия которого совпадают с именем и фамилией моего сына.

Нет, не посвящены. Первый заголовок бесполезен – сообщается о какой-то встрече выпускников университета. После прочтения второго заголовка я выпрямляюсь и внимательно читаю:

СЕМЬЯ ИСЧЕЗНУВШЕГО СУДМЕДЭКСПЕРТА БЕСПОКОИТСЯ О ПРЕКРАСНОМ ОТЦЕ

Автор: Ник Уайтли. Опубликовано: 20.11.10

Через три дня после сообщения об исчезновении доктора Мэттью Райли его семья заявила о серьезной обеспокоенности из-за пропажи «восхитительного, надежного мужа и отца».

Его кузен Джефф Этуотер, тридцати четырех лет, в настоящее время находится в доме доктора Райли в Брэдфорде. Он сказал: «Это невероятно трудное время для семьи Мэттью. Мэттью – восхитительный, надежный человек, потрясающий муж и любящий отец. По доброй воле он никогда не бросил бы жену и двух очаровательных дочек,

поэтому мы очень беспокоимся. Все здесь просто в отчаянии».

Кристи Райли, жена Мэттью, должна сегодня выступить на пресс-конференции.

Доктору Райли тридцать шесть лет, в последнее время он находился в центре внимания из-за его роли в вынесении обвинительного приговора Сьюзан Вебстер – женщине, которую признали виновной в удушении ее сына Дилана. В последний раз доктора Райли видели выходящим из «Вейтроуза» [\[8\]](#) в Брэдфорде с пакетом, в котором, скорее всего, были вино и конфеты, предназначенные для празднования восьмой годовщины его брака. Всех, кому что-либо известно о его местонахождении, просят связаться с полицией Западного Йоркшира по горячей линии, номера телефонов указаны на сайте полиции.

Мэттью Райли. Я его помню? У меня в голове проплывают образы, которые мелькали передо мной во время судебного процесса, где присутствовало только мое тело. И вдруг я вижу его. Врач выглядел очень молодо, чтобы выступать экспертом, но судя по газетной статье, он старше меня. Я помню, как старалась сосредоточиться, когда он появился на месте для дачи свидетельских показаний, потому что понимала, как это важно. Не знаю, в чем была причина – в стрессе, антидепрессантах, которые мне в больнице прописали врачи, или в том, что я не ела и не спала; после того как не стало Дилана, мне было невероятно сложно сосредоточиться на чем-либо. Отец сказал, что это горе, он точно также чувствовал себя после смерти мамы. Конечно, я тоже оплакивала уход мамы, но смерть Дилана я воспринимала по-другому – это была огромная черная дыра, находившаяся сразу же за полем моего зрения. Я знала, что она так и ждет, чтобы я сделала шаг. Тогда я соскользну в нее, и она поглотит меня навсегда. Требовались все мои силы, чтобы не сделать этот шаг.

Доктор принял присягу; к месту, где он сидел, подошел прокурор, жуткий маленький человечек, очень напоминавший великого и могучего волшебника из страны Оз, и мне приходилось прилагать усилия, чтобы не захихикать и не дать другим убедиться, что я –

сумасшедшая. Я попыталась сосредоточиться на словах доктора, которого, как я теперь знаю, звали Мэттью Райли.

– ...не реагировал. Я проверил пульс, сердцебиение, дыхание. Я отметил время смерти – 16:06, но вскрытие показало, что смерть наступила примерно на два часа раньше.

– А где находилась Сьюзан Вебстер?

Давая свои первые показания, доктор смотрел на присяжных, но, услышав этот вопрос, повернулся ко мне и откашлялся. Ему явно было не по себе.

– Бригада «Скорой помощи» отвезла миссис Вебстер в операционную. Увидев ее на автомобильной стоянке, я решил, что миссис Вебстер мертва, но быстро выяснил, что она просто без сознания.

Прокурор какое-то время молчал, чтобы у всех было время переварить эту информацию, хотя я подумала, что это заявление едва ли является новостью для присяжных.

– Какие у вас были первые впечатления о причине смерти Дилана Вебстера?

Доктор Райли еще раз посмотрел на присяжных и снова стал говорить очень профессионально.

– Я посчитал, что Дилан стал жертвой так называемой смерти в колыбели, СВДС. – Он бросил взгляд на прокурора, тот кивнул, предлагая продолжать. – Синдрома внезапной детской смерти вроде бы внешне здорового ребенка.

У меня тогда затуманился взгляд. У меня не было четких воспоминаний о том дне. Дилан был жив, а затем мне сообщили, что он мертв. Я только знала, что его больше нет, и я ненавидела этого мужчину. Мне страшно не нравилось, что он говорил обо мне и моем сыне, используя слово «смерть».

– Вы можете объяснить, почему вы предположили такую причину смерти?

– К сожалению, синдром внезапной детской смерти остается самой частой причиной смерти детей в возрасте до года, и поэтому вполне естественно предполагать именно эту причину, если ребенок умер в своей кроватке и нет никаких внешних признаков насилия и еще чего-то, что могло привести к смерти.

– И что показало вскрытие?

– Во время вскрытия я нашел волокна с диванной подушки мистера и миссис Вебстер во рту у Дилана. Также наблюдались острая эмфизема легких и отек легких.

Не требовалось быть судмедэкспертом и медиком, чтобы понять, к чему ведут показания доктора Райли.

– Как вы определили причину смерти после того, как собрали все эти доказательства? – спросил прокурор с каким-то извращенным ликованием.

Доктор Райли даже не посмотрел на меня, давая убийственные свидетельские показания.

– Мое мнение как профессионала: Дилан Вебстер умер в результате гомицидного удушения.

– А если выразиться простым языком?

– Дилана Вебстера задушили подушкой.

* * *

Доктора Райли нашли? Его исчезновение как-то связано с моим делом? Я вздыхаю, тру лицо руками, потом сажусь на пятки. И тогда я слышу шум.

Нельзя отрицать, что я его слышала. В саду у черного хода слышен какой-то звон, словно кто-то стучит по мусорным бакам. Вскрываю на ноги, быстро осматриваю гостиную в поисках средства защиты. Кочерга. Да, я знаю, это банально, но кочерга все равно лучше, чем свернутый трубочкой лист распечатки.

Проходит несколько минут, которые я провожу в ожидании за дверью гостиной. Уже начинаю чувствовать себя глупо, но тут снова слышу звук, уже другой. Кто-то дергает ручку двери черного хода и скребется, словно пытаюсь вскрыть замок. Проклятье! Я провела последние три года в институте психиатрии, не сталкиваясь ни с какими проблемами, а теперь мне предстоит встретить смерть в милом маленьком городке в Шропшире. Если б я не была так напугана, то, вероятно, увидела бы в сложившейся ситуации что-то смешное.

Кухня погружена во тьму – шторы опущены, – поэтому у меня нет возможности посмотреть, кто находится у двери. Моя единственная надежда – действовать неожиданно. Тот, кто пытается вломиться ко

мне в дом, явно не опытный взломщик – он шумит уже минут десять, но дверь так и остается плотно закрытой. Я раздумываю, не распахнуть ли мне ее резко и не врезать ли кочергой по типу за ней в стиле «Пиратов Карибского моря». Но потом решаю: последнее, что мне требуется, – это еще одно обвинение в убийстве, на этот раз какого-то пьяницы, который перепутал дом и никак не может вставить ключ в замок.

Дверь прекратили трясти. Может, отчаялись и ушли. Продолжая сжимать кочергу в руке, я крадусь к кухонному окну и выглядываю между штор. За окном стоит густая тьма, и я вижу только собственное отражение. Внезапный удар по стеклу – и я дико ору от страха. Мне требуется целая минута, чтобы понять, что случилось. Крик переходит в нервный смех. На подоконнике сидит большой черный кот и бьет по окну лапой, требуя, чтобы его впустили. Это Джосс, местный дворовый кот, который постоянно у меня кормится. Я делаю глубокий вдох, открываю окно и выпускаю его.

– Какое же ты наглое глупое животное, – с любовью укоряю его. Адреналин уходит, уступая место облегчению, которое разливается по всему телу. Джосс трется об меня, совершенно не осознавая, что я только что из-за него пережила. Достāju пакет его любимого корма, насыпаю в миску и, проверив заднюю дверь (заперта), возвращаюсь в свою уютную гостиную. Джосс преданно следует за мной, сворачивается клубком у камина и сразу же засыпает.

Я раздражена своей глупой реакцией. Единственное существо, которое среди ночи может красться по саду за моей задней дверью, – дворовый кот, которому отчаянно хочется поужинать и заснуть в тепле. Какая же я идиотка. Тем не менее я проверяю все двери и окна. Лучше перепроверить, чем потом жалеть.

Глава 6

Джек: 24 сентября 1987 года

– Эй, Шекспир, лови! – Джек бросил в него конфету и рассмеялся, когда она попала парню в грудь. – Медленно реагируешь.

– Спасибо. – Билли нахмурился. – А остальные когда придут?

Он уже три раза посмотрел на часы за те пятнадцать минут, которые находился дома у Джека. В третий раз Джек с трудом сдержался, чтобы не расхохотаться.

– Скоро. Ты что, нервничаешь?

– Нет.

Билли ответил очень быстро. Джек видел, что тот врет: он специально оделся для этой встречи. Джек считал, что парень выбрал самые лучшие свои вещи, но все равно его кроссовки ASICS и обычные темно-синие спортивные штаны и близко не стояли с тем, что носили остальные в их компании: они уже в двенадцать носили Nike и Fred Perry ^[9]. Хотя Билли, вероятно, думал, что Фред Перри – это владелец газетного киоска.

– Успокойся. Они не кусаются. Ну, по крайней мере, пока я им не прикажу. – Джек нахмурился, когда его боец в Street Fighter ^[10] опять погиб. Он бросил джойстик. – Какая скучная игра. Нам нужно что-то новенькое.

– Сколько у тебя тут всего!

Билли осматривал комнату Джека, не упуская ни одной мелочи. Все пространство занимали вещи, оставшиеся от его прошлых хобби: гитара, просьбами о которой он на протяжении многих недель надоедал родителям, но потом бросил ее после всего шести занятий; заляпанные грязью кроссовки, самые крутые в прошлом году, валялись на куртке, которая, вероятно, стоила дороже, чем все, что имелось в гардеробе Билли. На парня было забавно смотреть.

– Куча дерьма. Когда придет Адам, он захочет пойти на улицу и поиграть в следопыта. Твои красивые новые кроссовки могут запачкаться.

Джек улыбнулся, видя, как парень прилагает усилия, чтобы казаться невозмутимым. Он, вероятно, потом будет несколько часов их отмывать, перед тем как пойти домой. Ужасно, когда родители постоянно дома, все время спрашивают, куда идешь, с кем проводишь время. Но он ведь видел дом, в котором живет Билли. Конечно, только снаружи. Джек был уверен: в гости его никогда не пригласят. Он понимал, что в таком месте, словно размером с почтовую марку, трудно не сталкиваться друг с другом.

Билли поморщился, услышав дверной звонок. Джек рассмеялся и вскочил со стула.

– Я открою, – заорал он на случай, если кто-то был в доме. Джек проснулся в одиннадцать и Люси не видел. Вероятно, она ушла по магазинам, как делала каждую неделю, и не станет беспокоиться, если не застанет его, когда вернется. Родители Джека считали, что подросткам нужно давать свободу, но они также надеялись, что он не замечает, как Люси роется в его школьном рюкзаке и проверяет дневник с домашним заданием.

Билли был в спальне, пока остальные поднимались по лестнице. Первым вошел Райли. Джек увидел, как Билли вздохнул с облегчением и расслабил плечи. Билли кивнул Мэтту.

– Все в порядке?

– Все в порядке, – улыбнулся Мэтт.

Второй вошедший парень сморщил нос.

– Ты еще кто такой?

Джек слегка толкнул его в руку.

– Не выпендривайся. Это Шекспир. Он теперь будет с нами.

– Что за дурацкое имечко? – ухмыльнулся второй парень. – Твоя мать злилась, когда тебя так назвала?

– Это кличка, придурок. Он отличник по английскому. Шекс, это Адам Харви.

Двое парней кивнули друг другу, но ни один не был рад знакомству.

– Выглядишь дерьмово. Что случилось? – спросил Адам.

Опять заговорил Джек, не давая новому другу ответить.

– Ты других не видел. Шекс их классно отделал.

– Их?

– Да, троих из Уэстлейка. Хорошо им поддал. Круто было! Я его увел оттуда, чтобы они не позвали никого на помощь. Правда, Райли?

Мэтт кивнул, и Адам посмотрел на Билли с невольным уважением.

– Здорово. Ты идешь с нами играть в следопыта?

– Конечно, идет. Где Питерсон?

Мэтт пожал плечами.

– Понятия не имею. Я его не видел со вчерашнего дня.

Джсек приподнял брови, когда Билли нервно на него взглянул. Джсек слегка его придержал, когда остальные стали спускаться по лестнице.

– Не беспокойся, – прошептал он. – Я никому не скажу, что ты втянул Майка в это дело.

Глава 7

В последние три воскресенья мы с Кэсси бесплатно трудимся в благотворительной организации, оказывающей помощь бездомным в Телфорде, в двадцати минутах езды от Бриджнорта, где живет Кэсс. Я стала волонтером, чтобы сделать что-то для общества, искупить свои грехи. Кэсс составляет мне компанию, потому что я ее об этом попросила. Хотя Кэсс настойчиво повторяет мне, что ничего за эту работу не получает и приезжает в ночлежку только чтобы «убить время», я знаю, в глубине души ей нравится мысль о том, что она делает что-то полезное. Очень глубоко. Однако в это воскресенье она появляется с робким и застенчивым видом.

– Я хочу извиниться за свое вчерашнее поведение, – в лоб заявляет она, пока я не успела открыть рот. – Я не хотела отмахиваться от фотографии. Просто не смогла ничего придумать.

Быстро оглядываюсь вокруг. В пределах слышимости никого нет. Сегодня в ночлежке почти пусто, и пока не появилась Кэсс, я в одиночестве сортировала пожертвованные вещи за столом в углу большого помещения и могла думать только о событиях вчерашнего дня.

Мне стоит рассказать ей все остальное? «И показаться сумасшедшей?»

Быстро рассказываю про вырезку из газеты в своей сумке, про мой поход в библиотеку и то, что я там выяснила, а потом про испытанные страхи у меня дома.

– Вот дерьмо! Я понимаю, почему ты такая дерганая. Хочешь пожить у меня?

– Спасибо, но я пока не уверена, серьезно все это или нет. В дом ко мне ломился только Джосс.

– Пусть так, но кто подбросил тебе в сумку эту газетную вырезку? Это еще более странно, чем конверт под дверью, верно?

Я чувствую облегчение, ведь она не подумала, что я могла сама положить вырезку в сумку. Я не стала бы ее винить: такая мысль и меня саму посещала. В конце-то концов, у меня же бывали в прошлом провалы в памяти. Я делала вещи и похуже.

Нас прерывает Берни, менеджер благотворительного центра, которая приносит нам новую кучу пожертвований. С тех самых пор как я пришла сюда волонтером, не перестаю удивляться количеству людей, которые жертвуют ненужные вещи. Сюзан Вебстер из прошлого никогда не стала бы этого делать – она бы просто выбросила их. Не могу сказать, что мне было плевать на бездомных. Мне просто никогда не приходило в голову, что им можно таким образом помочь. Берни болтается рядом дольше, чем нужно, и это вызывает дискомфорт. Я вижу, что Кэсси тоже вся извелась.

Как только Берни уходит (сначала странно посмотрев на нас), Кэсси снова начинает говорить.

– А если это не Марк? – спрашивает она. – Кто еще хочет, чтобы ты считала, будто сходишь с ума? Может, его друзья? Мамаша?

– Мать Марка живет в Испании, я никогда в жизни ее не видела. Насколько мне известно, Марк даже не сообщил ей о рождении Дилана. Они серьезно поссорились незадолго до смерти его отца. – Я отбрасываю в сторону штаны с тремя дырками. Есть вещи, которые не подходят даже нуждающимся. – И мы упускаем очевидный момент. Как кто-то из них мог узнать, где я живу?

Кэсси качает головой.

– Это может узнать любой. Все, что требуется – Интернет и немного мозгов.

– Что ты думаешь про доктора Райли? Случившееся с ним имеет отношение к моему делу?

– Вероятно, нет, – заключает она. Наверное, у меня на лице отражается разочарование, потому что она быстро добавляет: – Хотя вообще-то его исчезновение выглядит подозрительно. Я могу ошибаться. Всегда ошибаюсь, когда пытаюсь угадать преступника в «Чисто английских убийствах» [\[11\]](#).

– Спасибо. – Милая попытка помочь мне почувствовать себя лучше в роли детектива-любителя. – Но ты, вероятно, права. Так что мне теперь делать? Я пугаюсь собственной тени. И ведь *кто-то* подбросил эту статью мне в сумку.

– Ну, если это Марк, то он, вероятно, находится где-то поблизости, правильно? Он же не станет тратить три часа на дорогу из Брэдфорда только для того, чтобы подбросить фотографию, а потом возвращаться домой.

Фу! Мне становится не по себе при мысли о том, что мой бывший муж украдкой перемещается по Ладлоу, а я об этом не знаю. Быстро оборачиваюсь на дверь ночлежки, и какая-то часть меня ожидает увидеть его там, стоящим в дверном проеме и наблюдающим за мной. Конечно, там никого нет.

– Но что мы будем делать? Звонить во все гостиницы в радиусе двадцати миль [\[12\]](#) и спрашивать, не останавливался ли у них Марк Вебстер?

– Или... – Кэсси растягивает слово так, что оно кажется в три раза длиннее обычного. – Мы можем позвонить ему домой и выяснить, ответит он или нет. Ты его номер знаешь?

Она достает мобильный, а я замечаю уголком глаза, что Берни подозрительно на нас смотрит.

– Давай отложим звонок, пока не вернемся ко мне домой.

Я накрываю телефон рукой и киваю в сторону любопытных глаз в одной с нами комнате.

Следующие три часа тянутся как три дня, и даже появление Ларри – моего любимого постояльца ночлежки – не помогает, я продолжаю думать про своего бывшего мужа и фотографию маленького мальчика. По-моему, это не в стиле Марка, но прошло уже много времени с нашего последнего разговора. Люди меняются.

– Спасибо за сегодняшнюю работу, дамы.

После окончания смены Берни, как обычно, прощается с нами. Но тут мне в голову приходит одна мысль.

– Вы не видели здесь в последнее время никаких странных мужчин, Берни? В последнюю неделю или около того?

Она улыбается и кивает на Ларри.

– Вы имеете в виду, кроме тех странных мужчин, которые тут обычно болтаются? – поддразнивает она. Ларри похлопывает ее по руке.

– Что вы все о странных мужчинах? Почему не спрашиваете про странных женщин, которые тут появляются? – отвечает он со смехом.

Я тоже смеюсь, хотя он даже не знает, насколько прав.

Глава 8

Кэсси отправляется к себе переодеться, заявляя, что делает это совсем не потому, что находилась рядом с бездомными, и я в одиночестве еду домой. При виде пустого коврика, на котором обычно валяется почта, я одновременно испытываю облегчение и разочарование. В доме очень тихо. Тишина кажется зловещей и пугает. Я сразу иду в кухню, ставлю чайник и снимаю крышку с банки кофе.

Не знаю, в чем дело – может, фотография Дилана действует на меня как соль на рану, но от запаха кофе у меня начинает чесаться старый шрам размером с кулак в верхней части руки. Я автоматически поднимаю другую руку, чтобы почесать обожженную кожу. Воспоминание, которое я заперла в стальном сейфе у себя в сознании, просачивается наружу и возвращается. Я сижу в столовой, где столы напоминают пластиковые скамейки в парке, а стены такого грязного желтого цвета, что теперь никто не скажет, какой изначально тут был оттенок. Напротив меня сидит Кэсси и смотрит на холодную запеканку из картофеля с мясом, словно блюдо может превратиться в пиццу из «Домино», если Кэсси достаточно сильно этого захочет. Краем сознания я чувствую, что за мной кто-то стоит, но не обращаю на это внимания, пока не слышу шипение рядом с ухом. Я до сих пор ощущаю жуткий сигаретный дым и вонючее дыхание, которое напоминает собачье дерьмо.

– Детоубийца.

Чувствую острую боль, которая разливается у меня по руке. Вначале думаю, что мне врезали кулаком; шок смешивается с ужасом, боль не стихает и становится только хуже. Кипяток прижег тюремную робу к моей руке; материал старается вжиться в руку, стать второй кожей. Голос Кэсси звучит у меня в ушах:

– Вот дерьмо!

Потом она бросается ко мне. На руку льется ледяная вода, а Кэсси отрывает рукав от рубашки.

– Врача позовите! – Слова звучат где-то вдали, словно я нахожусь под водой.

Через несколько дней, когда я вернулась в нашу комнату (персонал в «Окдейле» никогда не называл их камерами, мы были пациентами, а не заключенными), Кэсси рассказала, как мне повезло. Громадная Нетти Викерс, которая находилась в «Окдейле» за попытку убийства женщины, переспавшей с ее парнем, забыла добавить в воду сахар. Кэсси пояснила, что воду с сахаром невозможно смыть, в таком случае урон был бы больше. Я никогда не спрашивала, откуда она это знает, как не спрашивала и о том, что случилось с Нетти Викерс. Ее куда-то перевели, пока я находилась в лазарете. Хотя слухи до меня доходили. С ней произошел несчастный случай – на нее упал чайник с кипящей водой, и никто не мог объяснить, как в этой воде оказался сахар. Но больше я никогда не слышала слова «детоубийца» по отношению к себе.

В дверь тихо стучат, а я так глубоко погружена в воспоминания, что вначале думаю – мне это послышалось. Нет, опять стучат – тихо, почти виновато. Есть две причины, объясняющие, почему я так пугаюсь обыденного стука в дверь. Первая очевидна: вчера утром я получила фотографию, на которой утверждалось, что это снимок мальчика, умершего почти четыре года назад. Вторая заключается в том, что за четыре недели жизни здесь ко мне еще никто не приходил, за исключением Кэсси, а у нее есть ключ. Когда ты прожил с кем-то столько времени, сколько я с Кэсси, кажется странным открывать этому человеку дверь, и ключ, который я отдала ей «на случай непредвиденных обстоятельств», стал использоваться каждый день.

Поэтому мне очень не хочется открывать дверь. Не обращать внимания на стук будет легко (я не хочу никого видеть). Но я никогда не могла допустить, чтобы телефон звонил и звонил: я всегда отвечаю. А теперь не могу допустить, чтобы человек, который стоит за дверью, ушел, а я потом весь день гадала бы, кто же это был. Лучше сразу со всем разобраться.

Когда я резко распахиваю дверь, стоящий за ней мужчина отступает на шаг.

– Миссис Вебстер?

Мне второй раз за два дня напоминают про эту фамилию, и я на секунду задумываюсь, правильно ли я расслышала, или, может, мне только кажется, что все везде знают, кто я такая.

– Простите? Как вы меня назвали?

– Миссис Вебстер. Простите, меня зовут...

– Меня зовут не миссис Вебстер, – выплевываю я сквозь стиснутые зубы, глядя на высокого темноволосого мужчину, который стоит у меня на пороге. – Что вы здесь делаете? Вы журналист? Ведь журналист, да? Это вы мне прислали фотографию? Знаете ли, вы не должны здесь находиться. Почему вы не можете дать мне спокойно жить?

В моем голосе слышится отчаяние, когда слова вылетают изо рта, но ни одно из них не отправляет этого незнакомца прочь.

– Простите. Да, мне не следовало к вам так обращаться. – Он краснеет и выглядит взволнованным. Может, это его первый рабочий день, он нервничает, потому что его послали сюда на боевое крещение. Но первый день или не первый, я не собираюсь даже близко подпускать к своему дому ни одного гребаного журналиста. – Я не...

– Я вызову полицию!

– Нет, пожалуйста, не надо! – Мужчина поднимает руки вверх. – Я уеду. Простите. Мне не следовало приезжать.

Он разворачивается и удаляется быстрым шагом, почти бегом по дорожке. И тут я понимаю – если отпущу его, у меня останется больше вопросов, чем ответов. Зачем он сюда приехал? Это он послал фотографию? Чего он хочет?

– Подождите! – кричу, пока он не успел исчезнуть в своей машине. – Ждите там.

Я не позволю ему снова подойти к моему дому, поэтому сама спешу к нему, не думая о том, в каком уязвимом положении оказываюсь, ведь теперь не смогу захлопнуть дверь у него перед носом. Мужчина выглядел таким расстроенным при упоминании полиции, поэтому не думаю, что он набросится на меня на виду у всей улицы.

Он садится в машину, а у меня появляется больше времени, чтобы толком рассмотреть гостя. Теперь, когда цвет его лица вернулся к обычному (красивого загара), а не напоминал красный почтовый ящик, он выглядел весьма симпатичным. У него красивые голубые глаза, и он примерно одного возраста с моим мужем. Бывшим мужем. Я должна прекратить так о нем думать.

До того как мужчина успевает уехать, я стучу в боковое стекло его машины, надеясь, что не выгляжу сумасшедшей, хотя действую так,

словно съехала с катушек. Он немного опускает стекло – очевидно, чтобы я не могла на него напасть.

– Зачем вы сюда приехали? Вы оставляли вчера конверт у моей двери?

Он этого не делал: вижу непонимание у него на лице.

– Нет. А почему вы подумали, что это сделал я?

– Потому что вы назвали меня миссис Вебстер. Вы знаете, кто я.

– Кто-то вам что-то послал?

Я слишком поздно понимаю, что сообщила журналисту много лишнего. Он не знает – не знал – ничего про фотографию, а теперь учуял хорошую тему.

– Нет. Забудьте об этом, это не ваше дело. Я не заинтересована в интервью. Я видела вас раньше?

– Я присутствовал на... м-м-м... судебном процессе над вами.

Значит, он не новичок, он писал обо мне, пока меня судили. Интересно, к какому лагерю он примкнул: мать-чудовище или бедная несчастная душа?

– В какой газете вы работаете?

Меня это интересует? Я вступила в разговор с этим мужчиной?

– Я просто хотел поговорить с вами. Я знал...

– Как вас зовут?

Он колеблется, и я задумываюсь, не из-за того ли, что я преступница. Он-то знает все детали моей жизни, но я не должна выяснить ничего о нем.

– Ник, – в конце концов отвечает мужчина.

Он выглядит вполне безобидным со своими стоящими торчком черными волосами и очень-очень голубыми глазами. Мне даже приходится напомнить себе, как я ненавижу журналистов. Мне известно, как «Я просто хочу с вами поговорить, только и всего» может на следующее утро превратиться в эксклюзив на первой полосе под заголовком «Я ненавижу всех маленьких детей».

– Простите. Я все равно не заинтересована. Просто оставьте меня в покое, пожалуйста, дайте мне жить спокойно.

Он кивает и на несколько секунд мне кажется, что ему меня жалко. Жалость лучше ненависти, самую малость.

– Если передумаете... – Мужчина достает блокнот и пишет на нем номер. – Вот, возьмите.

– Я не передумаю, – заявляю, но все равно беру листок бумаги.
Когда он поднимает стекло и уезжает, резкий мужской запах все еще долго витает вокруг.

Глава 9

Когда приезжает Кэсси, я все еще не пришла в себя от встречи с журналистом и воспоминаний о Нетти Викерс. Ключ поворачивается в замке, у меня немного учащается сердцебиение, пока я не слышу ее голос.

– Эй, есть кто-нибудь дома? – Она проходит на кухню, где я сижу за столом. – С тобой все в порядке? Что случилось? Еще одну фотографию прислали?

– Нет, хуже. Журналист.

Я быстро пересказываю то, что произошло за последние двадцать минут, и чем больше я говорю, тем злее становится ее лицо. Кэсси очень красивая женщина, но если она сильно разозлится, то ведет себя так, что я вспоминаю обо всем, через что она прошла. О шрамах у нее на теле и в душе, о том, какой жесткой и непримиримой она стала после всех испытаний. Мне удалось увидеть ее шрамы всего один раз (она думала, я спала), и в результате я молча плакала, а Кэсси пришла в ярость. Она долгие годы трудилась над тем, чтобы создать образ матерой жестокой убийцы, которую не трогает ничего, какой ее и считали люди. Я почти уверена, что единственный человек, на протяжении долгого времени видевший настоящую Кэсси со всеми ее шрамами, – это я.

– Если он сюда вернется, то получит больше, чем рассчитывал, – предупреждает она. Я улыбаюсь.

– Не думаю, что он вернется. Он очень испугался, когда я пригрозила ему полицией. Как ты думаешь: это совпадение? Вчера письмо, сегодня он?

Кэсси обдумывает мой вопрос, ее ногти, сегодня кораллового цвета, рисуют узоры на столе.

– Да, вероятно. Он выглядел сбитым с толку, когда ты упомянула фотографию. Взгляни правде в глаза: тебе не обеспечили никакой защиты после освобождения, ты сама решила поменять имя и фамилию. Наверное, найти тебя не так сложно, ты не Усама бен Ладен.

– Как здорово. Спасибо.

– Может, заведем сторожевую собаку?

Кэсси хотела, чтобы я завела собаку сразу после освобождения. Никаких забот для нее, а она сможет играть с животным, когда приезжает.

– Это не понравится Джоссу.

Она морщит нос.

– Еще одна отговорка. А это что? – спрашивает Кэсси, когда я бросаю найденные в библиотеке статьи на стол рядом с ней.

– Материалы о докторе Райли и кое-что о судебном процессе. Надеюсь, ты посмотришь на них свежим взглядом. Может, я что-то пропустила.

– Ты прямо Джонатан Крик [\[13\]](#), – бормочет Кэсси себе под нос, просматривая страницы. – Только я ничего не вижу. Хороший семьянин... две красивые дочери... Готова поспорить: жена собиралась уйти от него к банкиру, который вел финансовые дела их семьи, или кому-то в этом роде. Не хочется мне тебя расстраивать, Сьюз, но, вероятно, это все-таки совпадение.

Я разочарована, но понимаю, что она права. Я прочитала слишком много детективных романов.

– Еще одно? Сколько их было за эти выходные.

Кэсси прикусывает нижнюю губу.

– Мне кажется, я нашла еще одно. Вот, взгляни.

Она передает мне статью про Мэттью Райли и показывает пальцем на фамилию автора. Ник Уайтли.

– Черт! Думаешь, это он? Вот это совпадение.

– Как ты считаешь: он что-то знает про исчезновение Райли? Может, он как раз о нем хотел тебя расспросить?

– Может, мне следовало с ним поговорить? Он сам сказал, что хочет только поговорить, но я его так быстро выгнала, что возможности сказать хоть что-нибудь у него не было.

– Кому на этой земле можно доверять меньше всего? Три варианта.

– Мужчинам, полиции и журналистам, – повторяю знакомую мантру. – Но он не показался мне страшным. А если я просто выясню, что он хотел, а сама не скажу ему ни слова?

Кэсси притворяется, будто обдумывает мои слова.

– Хорошо, мы ему позвоним. Но если он не сможет нам помочь, закопаем его на заднем дворе.

Я уверена, что она шутит, но иногда точно определить невозможно.

– Мне позвонить? – Кэсси берет со стола бумажку с нацарапанным номером телефона и достает мобильник. – Соединилось, но пока не берет, – шепчет она.

– Дай мне.

Я тянусь к телефону, но она быстро отходит танцующей походкой.

– Алло, это мистер Уайтли? – По телефону она говорит совсем другим голосом, не узнать. Прямо деловая женщина. – Меня зовут Джулия Уильямс, я звоню от имени Сьюзан Вебстер. У нее есть к вам несколько вопросов, и она хотела бы узнать, можно ли с вами встретиться.

Кэсси хмурится, затем корчит гримасу, глядя на телефон, и протягивает его мне.

– Он хочет с тобой поговорить. Строго следуй плану, – шипит она. Я даже не знала, что у нас есть план.

– Миссис Вебстер, это вы?

– Да. Мы можем встретиться, мистер Уайтли?

– Зависит от обстоятельств. Что вы от меня хотите?

Что у нас в плане на этот случай?

– Хочу знать, почему вы пришли ко мне домой.

– Я могу ответить на этот вопрос по телефону. Я просто хотел с вами поговорить, задать вам несколько вопросов, узнать, как у вас сейчас складывается жизнь, спросить, что вы чувствовали, когда муж отказался вас поддерживать. Назовите это просто интересом одного человека к другому. Хотите рассказать мне вашу версию истории?

– Никогда. – Я закрываю глаза.

– Тогда что вы от меня хотите?

По крайней мере, он честен. Может, стоит попытаться сказать правду.

– Мне нужна информация. Мне нужна ваша помощь.

– Я на полпути в Донкастер, миссис Вебстер. Вы просите меня развернуться и вернуться в Ладлоу, чтобы оказать вам любезность?

– Конечно, нет. Мы приедем к вам. Завтра, если вас это устраивает. Можете предложить какое-то место?

Мы договариваемся о встрече в ресторане в полчаса езды от его дома. Нам туда добираться два часа. Когда я отключаюсь, Кэсси

вопросительно смотрит на меня. Я ввожу ее в курс дела.

– Доставай свое лучшее платье, потому что нам нужно убедить этого мужика, что мы не две сумасшедшие, как считает весь остальной мир.

«Проше сказать, чем сделать». Да послушать нас сейчас и посмотреть, чем мы занимаемся – сразу подумаете, что с головами у нас не в порядке. Кэсси выполняет все задуманное – для начала набирает «141» [\[14\]](#), потом домашний номер Марка, который я ей дала. Он снимает трубку, ставя крест на теории о том, что он грустит в Шропшире и подбрасывает мне под дверь фотографии. Я рада, что мне не потребовалось слушать голос бывшего мужа. Чувствую возбуждение от предстоящей встречи с Ником Уайтли и до сих пор не могу поверить, что приняла бессознательное решение не спустить все на тормозах. Я собираюсь покопаться в прошлом, а не жить дальше, будто ничего не случилось. Надеюсь, моя лопата не ударит о слишком большое количество скелетов.

Глава 10

Джек: 18 октября 1987 года

– *Послушайте, директор уже третий раз за месяц звонил нам домой из-за того, что я пропускаю уроки. У меня там нет Люси, которая может притвориться моей мамой.*

– *Боже, Билли, не парься. Что с тобой могут сделать? Скажи им, что Адам никак не желает оставлять тебя в покое, а если ты не пропустишь школу, он тебя отделаает по полной.*

– *Эй! Почему я? – запротестовал Адам.*

Джек ухмыльнулся.

– *Потому что его мама меня очень любит и не поверит, что я способен на подобное, а Майк... – Он понизил голос. – Майк – слюнтяй, не сможет ничего такого.*

Адам улыбнулся ему в ответ, принимая как факт, что он сам не обладает таким шармом, как Джек, но все равно способен напугать сильнее, чем Майк.

– *Только проследи, чтобы твоя мать не звонила в школу, – добавил Адам. – Мой отец мне задницу надерет, если меня опять обвинят в травле.*

– *Хорошо, – вздохнул Билли. – Так что мы делаем?*

Джек скатился с кровати и вытащил из-под нее большой лист бумаги.

– *Это план магазина. Вот здесь у них пиво. – Джек обвел в кружок стойку слева от кассы. – Днем работает Уолтерс. Он слишком старый, чтобы работать по ночам. Он всегда стоит рядом с кассой, не очень хорошо видит, но будет достаточно близко, чтобы вас схватить, если не сработаете быстро. Заходим по двое. Вначале мы с тобой, Адам. Почитаем журналы, поболтаемся рядом с полками, где выставлены всякие сладости в прозрачных контейнерах. В общем, будем выводить из себя Уолтерса, чтобы он не обратил внимания на вас двоих, когда вы зайдете и будете брать выпивку. Берите водку, столько, сколько сможете унести.*

– Напомни мне еще раз, почему я должен воровать выпивку? – уточнил Билли. – Я никогда в жизни ничего не воровал.

– Да, это по тебе видно, – улыбнулся Майк, глядя на слишком длинные, немного сальные волосы Билли и купленные три года назад ботинки. – Мы с тобой, приятель, выгядим более невинными. Он даже не обратит на нас внимания, когда эти двое будут болтаться по магазину. Обычно это работа Райли, но он сегодня не пришел. Не беспокойся: я постоянно этим занимаюсь. Ты будешь просто держать сумку.

Джек сложил план магазина и засунул его назад под кровать, потом раскрыл дверцы двустворчатого шкафа, достал большую черную куртку и бросил ее Билли.

– Надень ее. Там очень большие внутренние карманы, поэтому, если получится, сунешь туда несколько бутылок. Мы подождем пять минут после вашего ухода, потом тоже уйдем. Идите домой, переодевайтесь. Снова встречаемся здесь в восемь. – Он посмотрел на Майка и Адама. – Идите вперед, мы догоним.

Как только они с Билли остались вдвоем, Джек повернулся к парню, рассматривавшему свои ногти.

– Сделай все так, как нужно, и можешь вернуться сюда и выбрать себе что угодно из одежды, чтобы идти на вечеринку у моей кузины.

– Зачем мне... – открыл рот Билли, но Джек оборвал его, покачав головой.

– Послушай, не нужно притворяться, когда ты с нами, мы твои друзья, понимаешь? Я знаю, у твоей семьи нет денег, и мне на это плевать. Сделай то, о чем тебя просят, и можешь пойти на вечеринку. Выгядеть будешь, как мы все, и никто из гостей не догадается, что ты из другого круга. Там будут девочки, Билли, много девочек. У тебя уже что-то было с девочкой?

Ответом ему послужило выражение лица Билли.

– Значит, сегодня вечером все и случится. От тебя только требуется раздобыть выпивку. Готов? – Джек улыбнулся, когда парень кивнул. – Вот и отлично, приятель. Поднимайся, пора двигать.

Все получилось даже лучше, чем они ожидали. На большее и надеяться не следовало. Их новый приятель не уронил ни одну бутылку, не побежал признаваться владельцу, хотя чуть не обделался, когда вошел в магазин вместе с Майком и увидел, что за кассой стоит не Уолтерс, а какая-то девушка с отличным зрением. Хотя это оказалось на руку. У Джекса в десять раз лучше получалось общение с женщинами, чем с пожилыми мужчинами. Он выглядел гораздо старше своих пятнадцати лет, а когда эта Тина смотрела в его ясные голубые глаза на красивом лице, обрамленном мягкими, свободно спадающими каштановыми волосами, было маловероятно, что она заметит происходящее в других частях магазина. Больше всех его удивил Майк. Когда Тина бросила взгляд в сторону Майка, тот просто уронил сумку и вышел из магазина. К счастью для Билли, в этот момент в магазин вошел Мэтт Райли. Он понял, чем заняты Джек и Адам, и увидел, что Билли стоит, как олень, попавший в свет фар. Он подошел к нему, засунул бутылки в его сумку и практически вытащил из магазина. Питерсон ждал их за углом. Три бутылки водки позвякивали в сумке у Билли. Питерсон поприветствовал их с таким видом, будто все провалилось.

– Черт, что с тобой случилось? – крикнул Джек. – Ты бросил Шекспира, чтобы он один выносил всю выпивку. Мне чуть не пришлось ее трахнуть на прилавке, только чтобы она не пошла проверять, почему ты так быстро свалил. К счастью, появился Райли.

– Она посмотрела на меня, – запротестовал Майк. – Она меня узнала. Я подумал, будет лучше, если он останется один и сам все сделает. Что ты взял?

Билли уже собрался открыть сумку, чтобы продемонстрировать свой впечатляющий улов, но Джек опустил на нее руку и сильно толкнул Майка в плечо.

– Отвали. Ты бросил Билли. Если думаешь, что сегодня идешь с нами, то очень сильно ошибаешься. Вали домой.

– О, прекрати. Я извиняюсь. Ведь все прошло нормально.

– Нет, все совсем не нормально. Вали.

– Да пошел ты! Можно подумать, ты сам когда-нибудь пачкаешь руки! – заорал Майк им в удаляющиеся спины. Джек только фыркнул.

– Наконец-то отделались. Этот долбаный мутант в любом случае не дал бы нам развернуться, обязательно вмешался бы. Встречаемся у меня в восемь. Харви?

Судя по виду, Адам не был уверен, стоит ли ему возвращаться без друга, но в конце концов кивнул. Джек стукнул кулаком по воздуху.

– Ты придешь? – спросил Билли у Мэтта Райли.

– Да, почему бы не развлечься?

– Спасибо, что помог мне там.

– Не парься, – улыбнулся Райли. – Увидимся.

Джек обнял Билли за плечи, сжал их, затем схватил его за руку и заставил ускорить шаг.

– Пошли, приятель, нам еще нужно поработать над твоим внешним видом.

Глава 11

Ник Уайтли – симпатичный мужчина. Теперь, когда мои глаза не застилают ярость, я это вижу. Ему идет менее взволнованный вид, а когда он встает, чтобы меня поприветствовать, я вижу, что он еще и хорошо сложен, под крахмаленной белой рубашкой просматриваются мускулы. Не знаю, заметил ли он, как я его рассматриваю, но в его поразительных голубых глазах загораются искорки, когда он улыбается и пожимает мне руку. Ему весело.

– Миссис Вебстер. – Он поворачивается к Кэсси. – И Кэсси Рейнольдс, если не ошибаюсь?

Кэсси хмурится.

– Простите, мне казалось, мы встречаемся с журналистом, а не детективом.

Мой локоть рефлекторно бьет ее в бок.

Мы усаживаемся за стол. Мистер Уайтли (может, мне следует называть его Ник?) уже заказал бутылку «Каберне Совиньон» и кувшин воды со льдом. Этот журналист из второсортного местного бульварного издания знает, как проводить встречи. Мне требуется минута, чтобы вернуться в настоящее. Понимаю, что он уже что-то сказал, а я все это время смотрела на его руки и пыталась вспомнить, когда подобные руки меня обнимали.

– Простите, что?

Он кивает на вино.

– Я сказал: не стесняйтесь, наливайте, сколько хотите.

Наливаю себе стакан воды, Кэсси выбирает вино.

– Итак, мистер Уайтли, – начинаю я.

– Пожалуйста, зовите меня Ник.

– Хорошо, Ник. Вы, вероятно, гадаете, почему я снова связалась с вами после того, как вчера так бесцеремонно вас выгнала.

Ник отрывает голубые глаза от бокала с вином и встречается взглядом со мной. Потом его взгляд быстро пробегает по мне и снова возвращается к моим глазам.

– Я задаюсь вопросом, Сьюзан... Могу я вас так называть? – Я киваю в ответ, и он продолжает: – Что вам от меня так нужно, если вы

внезапно захотели поговорить с представителем прессы?

– Вы поэтому здесь? Вам любопытно? Вы уже знаете мои новые имя и фамилию, адрес, вероятно, у вас имеется несколько фотографий. Что вы получите от этой встречи?

– Признаю: мне стало любопытно. Я журналист, пристрелите меня. – У него на лице быстро мелькает улыбка, и он поворачивается к Кэсси. – Не вы.

Кэсси саркастически кривит губы. Я не уверена, что Ник Уайтли шутит.

– В таком случае будет лучше, если я сразу перейду к делу.

Я достаю газетную статью из своей коричневой кожаной сумки и протягиваю ему. Он просматривает ее и возвращает мне назад.

– Я это уже читал, – сообщает он, и по его голосу слышно, что ему весело. – И полагаю, вы смогли узнать, что это написал я.

– Вот именно. – Я напряжена, но козырь пока не показываю. Не надо заранее раскрывать карты! – Вы не могли бы рассказать про исчезновение доктора Райли? Я долго искала информацию. Если верить «Гуглу», его так и не нашли.

Ник прямо смотрит мне в глаза.

– «Гугл» вам все правильно сообщил. Мэттью Райли так никогда и не нашли. Многие считают, что он связался не с теми людьми и был вынужден исчезнуть. Другие говорят, он совершил самоубийство из-за долгов, но полиция никаких долгов не обнаружила и вообще не нашла, чтобы что-то было нечисто. Вся информация, которую мы собрали, говорила о том, что у него красивая жена и две маленькие дочки. Никакой записки он не оставил.

– А вы сами что думаете?

Он качает головой и уже собирается ответить, но тут у нашего стола появляется официант и замирает с блокнотом и ручкой.

– Что желаете?

Я смотрю на остальных.

– Салат с курицей без заправки, – заказывает Кэсси.

Ник переводит взгляд на меня.

– М-м-м, я буду пенне аль полло [\[15\]](#), жареную хрустящую картошку и чесночные шарики. – «Что? Я проголодалась».

Ник улыбается.

– Звучит заманчиво. Я буду то же самое. Мне нравятся женщины, которые любят поесть. Так что вы хотели узнать про Мэттью Райли?

Его вкрадчивый голос заставляет меня вернуться к сути дела.

– Что случилось по вашему мнению? Зачем исчезать человеку с хорошей работой и любящей семьей?

– Люди постоянно совершают нетипичные для них поступки, – отвечает Ник, делая глоток вина. Он меня имеет в виду?

– Наверное, – осторожно произношу я.

– Теперь я задам вопрос. А почему *вы* хотите об этом узнать?

Кэсси кивает на мою сумку. Я понимаю, что пришло время показать ему то, что там лежит.

Запускаю руку в сумку, достаю фотографию и молча передаю Нику. Он берет ее.

– Я получила эту фотографию два дня назад. Ее подбросили в почтовый ящик на моей входной двери. На конверте не было марки и штемпеля. А потом появились вы.

Ник внимательно изучает фотографию, явно гадая, к какому выводу он должен прийти при виде маленького мальчика с красивой улыбкой. Когда он переворачивает фотографию и читает написанное на обороте, я вижу, как меняется выражение его лица – легкая озадаченность превращается в удивление.

– Теперь вы понимаете?

Я наклоняюсь вперед на стуле, не в силах скрыть свое возбуждение. Не могу объяснить, почему для меня так важно, чтобы этот мужчина поверил моему рассказу. До этой минуты я не осознавала, как сильно мне надо, чтобы *кто-то* озвучил то, что я думаю втайне от всех. Я считаю, что мой сын может быть все еще жив.

– Думаю, да, – медленно произносит Ник, опуская фотографию на стол.

Он смотрит на нее так, словно та может начать с ним говорить, если и дальше неотрывно смотреть на нее. Я не представляю, какие мысли проносятся у него в голове: глаза у него красивые, но прочитать что-то по ним невозможно. Может, юридическая практика подошла бы ему лучше, чем журналистика. Или игра в покер.

– Во-первых, я хочу, чтобы вы знали: я не имею никакого отношения к этой фотографии, хотя понимаю, как это может выглядеть. Во-вторых, мне сложно понять, почему после получения

этой фотографии (это может быть абсолютно *любой* маленький мальчик) вы пришли к выводу, что ваш сын жив, а доктор Райли подделал его свидетельство о смерти, чтобы вас обвинили в убийстве ребенка. И потом он совершил самоубийство? Или, может, его за вас убила мафия? И четыре года спустя он восстал из мертвых, чтобы собственноручно доставить вам фотографию вашего маленького мальчика?

Согласна: если представить все таким образом, то выводы на самом деле кажутся несколько натянутыми. Но я ни за что на свете не признаюсь в этом самодовольному ублюдку.

– Я не говорила ничего подобного, – с вызовом отвечаю я. – И мне совершенно не понравилась ваша издевка насчет восставшего из мертвых, которую вы добавили в конце. Меня беспокоит, что кто-то мог узнать, кто я. Это может быть человек, решивший поквитаться со мной. Зачем иначе прилагать такие усилия?

Кэсси сидит, опустив плечи, и устало трет лицо. Очевидно, она ожидала, что все сложится гораздо лучше. Ник Уайтли дал ясно понять, что считает нас обеих идиотками. Я не вижу смысла задерживаться дольше, но тут приносят еду, и мы втроем сидим молча, пока официант суетится вокруг, раскладывая салфетки нам на колени и доливая напитки в бокалы. Как только он уходит, я снова начинаю говорить.

– В тот же самый день кто-то подбросил еще и *это* мне в сумку. – Я вручаю ему газетную фотографию. – Возникает еще больше вопросов и еще больше маловероятных ответов. – Ник берет вторую фотографию, но неотрывно смотрит на меня. – Я не отрицаю, что рассматривала возможность, что мой сын все еще жив, пусть это и кажется безумием. Но ответьте мне вот на какой вопрос, мистер Уайтли. Представьте, вы провели последние одну тысячу и семь дней жизни, желая умереть из-за того, что, как вам все говорили, вы сделали со своим маленьким сыном, а потом вдруг выясняете, что есть шанс (пусть и минимальный), что вы этого не делали. Ваш маленький мальчик все еще жив и счастлив. Разве вы не ухватились бы за него обеими руками? Кто-то вложил мне в голову эту мысль. Пусть она появилась на секунду, пусть этот человек был жесток и хотел меня напугать, я не знаю, чем он руководствовался! Но я хочу выяснить, кто это сделал и почему.

Его вилка замирает на полпути ко рту, и я понимаю, что смотрит он на меня совершенно иначе. Любопытства больше нет, исчезла улыбка играющего с мышкой кота, как и дерзкий, самоуверенный блеск в глазах. Человек, который смотрит на меня, выглядит так, словно точно знает, каково это – отчаянно хотеть чего-то, но знать, что не получишь этого никогда. Теперь я вижу понимание в его глазах. Когда он, наконец, открывает рот, я почти поддаюсь своему желанию перегнуться через стол и поцеловать его.

– Как я могу вам помочь?

* * *

Мы сидим в «Дольче Вите» до самого закрытия. Когда официанты, наконец, прекращают притворяться, будто всегда рады посетителям и готовы их обслуживать, а вместо этого начинают ставить стулья на столы вокруг нас, мы решаем: на сегодня хватит.

Перед уходом мы с Кэсси исчезаем в туалете, чтобы обсудить, как прошел вечер. Мы давно ждали этой минуты. Кэсси не выглядит особо удовлетворенной.

– Хорошо, что ты ему понравилась, – заявляет она. Кажется, что хмурится даже ее голос. – В противном случае мы обе снова оказались бы в «Окдейле».

Я прилагаю усилия, чтобы не рассмеяться.

– Ничего я ему не понравилась.

– Заткнись, а? Он глаз от тебя отвести не мог. Он едва ли слово мне сказал после хитроумного замечания, что я могу его пристрелить. Кстати, ему для справки: это была гребаная рама для картины.

Я содрогаюсь.

– Лучше бы ты об этом не вспоминала.

Мы возвращаемся к столу и видим, что Ник только что закончил разговор по мобильному.

– Говорил с начальником. У меня осталось два дня от отпуска. Я решил их использовать.

– С какой целью? – спрашивает Кэсси, в которой тут же просыпается подозрительность. Я знаю, что она думает: одно дело – провести вечер в итальянском ресторане и вкусно поесть, при этом

слушая параноидальный бред чокнутой женщины и потворствуя ей. И совсем другое – использовать с трудом заработанные дни вместо отдыха для погони за воображаемыми преступниками.

– Всегда рад помочь. – Ник смеется над ее грубостью, а я чувствую себя ужасно. Бросаю на Кэсси предупредительный взгляд. Если этот шикарный, умный мужик со своими контактами и ресурсами хочет нам помочь, почему она его отталкивает?

– Нет, на самом деле, почему вы это делаете? – не отступает она. – Сьюзан, прекрати на меня так смотреть. Я ему не доверяю. Предполагалось, что *ни одна из нас* не станет ему доверять. Что вы будете с этого иметь, мистер Уайтли?

Ник не отвечает сразу на вопрос Кэсси. Он целую минуту не произносит ни слова и неотрывно смотрит на меня. Мне становится неуютно под этим напряженным взглядом. Наконец он снова опускается на стул.

– Мне редко попадаются дела, которые так возбуждают мой интерес, – говорит он, так и не отпуская мой взгляд. – Я рассказываю в своих статьях о делах, в которых все ясно и факты четко подаются. Я репортер и не веду журналистских расследований. Мне на стол попадают пресс-релизы, судебные материалы, заявления представителей полиции. Я все это соединяю в нечто удобоваримое – в то, что люди хотят читать. Мне скучно.

Он протягивает руку – «берите или отказывайтесь». Яжимаю его руку, мне плевать, что об этом скажет Кэсси.

– В таком случае спасибо. – Я встаю, и Ник делает то же самое. – С чего вы хотите начать?

– Вернусь домой, соберу кое-какие материалы, а завтра приеду к вам. Устраивает?

* * *

– У него, наверное, очень доверчивая жена, – объявляет Кэсси ровным, ничего не выражающим тоном, когда мы трогаемся в двухчасовой путь домой. – Или, может, он голубой.

– Он не голубой. И он не женат. Кольца нет.

– Это ничего не значит, – качает головой Кэсси. – Такие мутные типы никогда не носят обручальные кольца. Джим всегда говорил, что кольцо ему сильно жмет. Ага, жало оно ему, черт возьми.

– Может, не все мужчины такие, как твой Джим, – рывкаю я, и она больше ничего не говорит про Ника.

Путь домой отнимает меньше времени, чем ожидалось. На дорогах пусто, и я не всегда соблюдаю ограничения скорости. Я высаживаю Кэсси у ее дома, целую ее в обе щеки, благодарю за помощь и обещаю позвонить утром, когда узнаю время приезда Ника.

В машине слишком тихо без ее постоянной болтовни. Я включаю радио, увеличиваю звук, пока не понимаю, что уши громче не выдержат. Пытаюсь заглушить мысли, жужжащие в голове. Могу ли я доверять Нику Уайтли? Я знаю, Кэсси не доверяет ему просто потому, что он симпатичный (больше мужчин она ненавидит только симпатичных мужчин), но, возможно, тут она права.

Только завернув на подъездную дорожку к дому, я понимаю – что-то не так. У меня уходит несколько секунд на то, чтобы понять, что именно. Когда мозг осознает обработанное глазами, сердце в груди превращается в кусок свинца. Входная дверь приоткрыта. Как бы я ни торопилась, все равно не забыла б ее закрыть. Свое личное пространство и вещи нужно защищать – этот урок очень быстро вдалбливается в голову в «Окдейле». Но больше, чем раскрытая дверь, меня беспокоит другое – ярко-красная жидкость медленно капает с ручки на ступеньку. Крыльцо залито кровью.

Глава 12

Интуиция подсказывает, что не нужно заходить в дом. Она просто кричит! Так почему я выхожу из машины и направляюсь к входной двери?

Когда я подхожу поближе к пропитанному кровью крыльцу, сердце так сильно стучит в груди, что кажется, будто оно сейчас пробьет в ней дыру размером с кулак. Но я вздыхаю с облегчением. Кровь, которая выглядела так ужасающе, капая с ручки и собираясь в лужу на цементной плите, слишком густая и слишком яркая. Краска. «Кто-то сюда приходил, – предупреждаю я себя. – И кто-то все еще может находиться внутри».

Я знаю, что мне нужно вернуться в машину, уехать отсюда и позвонить в полицию, но вместо этого я натягиваю джемпер на руку и толкаю дверь.

– Привет! – нервно кричу я.

«Фактором внезапности ты не воспользовалась, Шерлок». Ответа на мой крик не последовало. Меня подбадривает то, что мне пока еще никто не дал по голове. Я делаю шаг внутрь.

Коридор разгромлен. Ни одно другое слово не подходит для описания сцены, которую я вижу. Столик для почты сломан, ящик, вырванный из него, тоже сломан, все содержимое разбросано по полу и залито красной краской. Ею измазаны стены, и капли ведут в кухню. Каким-то извращенным образом сцена напоминает мне демонстрацию против женщин, носящих натуральный мех. Я знаю, мне не следует идти дальше. Ничего хорошего из этого не выйдет. Но я все равно пробираюсь вперед и толкаю дверь в кухню.

Кухня в еще более жутком состоянии, чем коридор – если такое вообще возможно. Столовые приборы разбросаны по всему помещению, соковыжималка разбита и валяется на кухонном столе, тостер разлетелся на куски. Стены и пол вымазаны краской, как и все поверхности. Мой дом напоминает сцену из «Техасской резни бензопилой».

Внезапно я слышу глухой стук – звук идет сверху. Я вскрикиваю. Ошибиться невозможно – это шаги; кто-то бежит по второму этажу,

лестничной площадке. Я не успеваю никак отреагировать, а шаги уже на лестнице. Тот, кто находится в моем доме, бежит по ступеням вниз. Я осматриваю разгромленную кухню в поисках хоть чего-нибудь, чем можно защититься. Подставка для ножей пуста. Где мой дизайнерский набор ножей? Все шесть угрожающе торчат из стены. Их так глубоко вогнали в гипсокартон, что я не могу вытащить ни один из них. И тогда у меня начинается паника.

Я никак не могу справиться с ключами, когда в отчаянии пытаюсь открыть дверь черного входа. Потом слышу, как громко хлопает входная дверь. Я тяжело дышу, мне становится очень жарко. Я выпадаю в сад на заднем дворе и достаю телефон из кармана. Прокручиваю список контактов дрожащей рукой, потом нажимаю на кнопку вызова. Телефон Кэсси звонит и звонит, но она не отвечает. Прокручиваю список дальше и чувствую невероятное облегчение, когда на мой вызов отвечают, и я слышу низкий мужской голос на другом конце.

– Ник? Это я, Сьюзан.

* * *

– Что вы сделали после того, как вышли через черный выход, мисс Картрайт?

Я стараюсь медленно выдохнуть, чтобы полицейский не заметил мое нетерпение. Я уже почти три часа сижу в отделении полиции Ладлоу и в четвертый раз повторяю одно и то же. Они уже знают, кто я – служба надзора за условно-досрочно освобожденными обязана ставить их в известность на случай возникновения как раз таких ситуаций. Когда они приехали к моему дому, они вели себя так, словно ожидали чего-то подобного.

– Я позвонила Нику, то есть мистеру Уайтли, – повторяю я, догадываясь о следующем вопросе, но не зная, как на него ответить.

– А почему после того, как вы увидели разгром в своем доме и догадывались, что преступник, возможно, еще находится внутри, вы вместо того, чтобы позвонить в службу 999 [\[16\]](#), позвонили журналисту, с которым только познакомились? Журналисту, который живет почти в *трех часах езды*?

– Преступника в доме уже не было, – отвечаю я, занимая оборонительную позицию. Я понимаю, спрашивают меня не об этом, но мне не нравится, на что намекает полицейский. Если я на кого-то злюсь, то становлюсь бестолковой и саркастичной. Это еще одна из моих особенностей. – Вначале я попробовала позвонить своей лучшей подруге. Она не ответила на вызов.

– Но вы не знали, где находится преступник? – давит на меня полицейский. – Тем не менее вы побеседовали с мистером Уайтли и только потом обратились за помощью?

Он прав, но, черт, я не стану ему показывать это. Не их собачье дело, почему я вначале позвонила Нику, а потом в полицию. Я звонила не для того, чтобы передать ему материалы для статьи, на что намекает полицейский. На это намекали еще трое его коллег, которые разговаривали со мной после того, как увели меня из сада на заднем дворе. Тогда меня трясло, и я была в жутком состоянии.

– Я не стала бы называть наш разговор беседой, – заявляю я, увязая еще глубже. – Не понимаю, какое это имеет отношение к делу. Я позвонила человеку, с которым провела сегодняшний вечер, первому человеку, который пришел мне на ум. Он сказал, чтобы я звонила в полицию, а сам приедет, как только сможет. Тогда я и позвонила 999. Максимум через две минуты.

Мне не хочется объяснять ему, почему я не хотела звонить в полицию, рассказывать о панике, которую вызывают воспоминания при одном виде людей в форме. Я помню, как меня вели в наручниках, – и эти образы никуда не делись за четыре года. Я поняла, что полиция не всегда на стороне хороших людей, а вы не всегда знаете, считают ли вас положительным героем.

– Две минуты могут сыграть очень большую роль в поимке потенциального преступника. Это очень серьезная задержка. – Он прищуривается. – Но я уверен, *вам-то* не нужно об этом рассказывать.

Смысл его слов бьет меня, как пощечина.

– Я не понимаю, к чему вы клоните... – начинаю я, но он меня перебивает.

– Обычно в таких делах мы пытаемся максимально сузить круг людей, которые хотели бы причинить зло предполагаемой жертве...

Я ошарашена и не могу ничего ответить, чтобы защитить себя.

– ...но в данном случае, как я думаю, нам будет легче найти людей, которые *не* хотели бы причинить зло детоубийце, отсидевшей за это срок. – Он наклоняется ближе ко мне и неотрывно смотрит на меня. – Мы живем в маленьком городке, *мисс Картрайт*. Нам не нравится, когда у нас появляются преступники.

До того как я успеваю что-то сказать в свою защиту, дверь в комнату для допросов открывается, и я чувствую облегчение, сменяющееся на злость. Еще один полицейский, по возрасту – моложе, чем мои носки, пересекает помещение, ни разу не взглянув в мою сторону. Он наклоняется и что-то тихо шепчет моему дознавателю. Тот кивает и поднимает на меня глаза.

– Похоже, прибыл ваш рыцарь на белом коне.

Это как укол – он на самом деле *приехал*? Я нервничаю. Что мне ему сказать? Успокоившись, я чувствую себя несколько глупо. Мне предстоит встреча с человеком, с которым я только познакомилась, но вызвала спасать от преступника, и ему пришлось для этого проехать сто тридцать миль. Говорю себе, что нужно побыстрее со всем этим покончить, и выхожу вслед за полицейским в зону приема посетителей.

Ник стоит в холле, опустив голову и засунув руки в карманы светло-серых спортивных штанов. Не знаю почему, но я ожидала его увидеть в деловом костюме и накрахмаленной белой рубашке. Время близится к половине четвертого утра, и я, очевидно, вытащила его из постели. На мгновение у меня в сознании появляется образ Ника Уайтли, вылезающего из постели. Я трясую головой, чтобы избавиться от наваждения перед тем, как встретиться с ним лицом к лицу. Пересекаю холл и удивляюсь, когда он спешит ко мне навстречу и обнимает.

На объятия я не рассчитывала, но это именно то, что мне нужно. Плевать на полицейских, которые удивленно наблюдают за нами, и на то, что я практически не знакома с этим мужчиной. После того как кто-то вломился в мой дом, а затем последовал разговор с жутким полицейским, мне нужно было нормальное человеческое общение, немного сочувствия. У меня начинают литься слезы, Ник крепче обнимает меня, а я зарываюсь лицом ему под мышку, утыкаюсь в синий джемпер с капюшоном, и мое тело сотрясают рыдания. Когда

поток слез уменьшается, он нежно отодвигает меня и смотрит прямо в лицо.

– Сюзан, с тобой все в порядке?

Я тут же чувствую себя дурой. Конечно, со мной все в порядке, черт побери, на меня же никто не напал.

– Все нормально, – бормочу я, вытирая глаза рукавом своего джемпера. – Прости.

Ник по-доброму улыбается мне, затем смотрит на полицейских за стойкой, которые даже не пытаются скрыть, что их страшно интересует разворачивающаяся перед их глазами сцена.

– Мы можем идти? – кратко спрашивает Ник.

Полицейский, который всего несколько минут назад ужасно со мной разговаривал, кивает с таким видом, будто ничего не произошло.

– У нас есть все, что нужно, сэр. Полицейские закрыли ваш дом, мисс Картрайт. Но боюсь, сегодня вы не сможете там ночевать. Вам есть где остановиться?

– Я попробую еще раз позвонить Кэсси, – отвечаю я. – Поживу у нее.

– Нет, сегодня ты к ней не поедешь, – объявляет Ник, берет меня под локоть и ведет на автомобильную стоянку. – Я уже забронировал нам номера в гостинице тут неподалеку. – Он открывает переднюю дверцу своей машины и буквально засовывает меня внутрь. – Давай мы сейчас заедем за твоими вещами и поедем спать. Оглянуться не успеешь, а мы уже в постели. – Он морщится при виде моего изменившегося выражения лица. – Не вместе, – поспешно добавляет Ник. – Я имел в виду разные кровати в разных номерах. Я не хочу... Ну, не то, что я не *хочу*, а... – Он вздыхает, признавая свое поражение. – Послушай, сейчас уже поздно, и я утратил способность нормально говорить, так что давай поедем в «Трэвелодж» [\[17\]](#) и немного поспим.

«Трэвелодж» закрыт, но Нику хватило ума заранее договориться, чтобы нас впустил ночной портье и выдал ключи от номеров. Я испытываю огромное облегчение, еще раз благодарю Ника за помощь, а после того, как мне удастся его убедить, что я не на грани нервного срыва, устраиваюсь в уютной постели и натягиваю одеяло, укрываясь с головой, как делала в детстве. После событий двух последних дней, которые прокручиваются у меня в голове, я думаю, что вообще не

смогу заснуть, но стоит мне положить голову на подушку, как глаза автоматически закрываются и я мгновенно проваливаюсь в сон.

Глава 13

В комнате холодно.

В какой комнате? Где я? В комнате холодно, или одеревенело мое тело? Я не открываю глаз, не могу их открыть. Сейчас мне предстоит воспринимать мир с помощью остальных четырех органов чувств.

Обоняния. Я чувствую свежий цитрусовый запах средства для чистки ковров, которое регулярно использую, чтобы избавиться от приторного запаха – ребенок часто срыгивает на ковер. Есть и другой запах: мужской, но этот мужчина не мой муж. Запах дорогого одеколona, но пахнет плохо. Такой одеколон один из моих бывших парней воровал у своего отца, когда я была значительно моложе.

Осязания. Кажется, мое тело расплавилось и растеклось по коврику – судя по запаху, моему коврику. Но когда я пытаюсь пошевелить руками, оказавшимися подо мной, они не работают. Создается впечатление, будто я забыла, как заставить их выполнять простые движения, сжимать и разжимать пальцы. Что со мной сделал этот мужчина? Кто он такой и почему находится в моем доме?

Сосредоточься, Сьюзан. Что еще? Вкус. В задней части горла я чувствую что-то кислое, эта кислота почти обжигает, но боли нет. Во рту пересохло, словно я долго спала. Пытаюсь сглотнуть, собрать хоть немного слюны, но ее нет. Так бывает, если я слишком много выпила вечером. Или проглотила заплесневевший носок.

Я пила вчера вечером? Не могу ухватиться за свои последние воспоминания. Что я помню? Каким образом я оказалась спящей на полу у себя в гостиной, а не в кровати, со странным привкусом во рту и запахом чужого мужчины? Пытаюсь сосредоточиться на звуках, но в комнате стоит тишина. Этот орган чувств тоже меня предал. Я ослепла и оглохла? Нет, тишина не абсолютная, просто слышать нечего, а мои глаза определенно закрыты. Я не ослепла.

– Она мертва. Проклятье, она на самом деле умерла.

Могла пройти минута или час. У меня такие ощущения, будто я то погружаюсь в сон, то просыпаюсь, так бывает во время долгого путешествия на машине, когда не понимаю, как мы так быстро

добрались из пункта А в пункт Б, хотя вроде я все время бодрствовала. Просто прикрывала глаза, чтобы дать им отдохнуть.

* * *

Когда я просыпаюсь в «Трэвелодже» на следующее утро, голова у меня болит так, словно я провела десять раундов против Амир Хана [18], и еще болит каждый дюйм моего тела. Мне следовало бы уже привыкнуть к недостатку сна. После появления Дилана я то и дело вставала по ночам и ходила по дому в пижаме, укачивая его и пытаюсь успокоить, то и дело напевая «Ш-ш-ш» и молясь хотя бы об одной спокойной ночи. Потом, в больнице и «Окдейле», я спала глубоко и не видела снов – мне давали столько лекарств, что я едва осознавала, когда кончается ночь и начинается день, но я никогда не просыпалась отдохнувшей. Не помню, когда вообще в последний раз чувствовала себя отдохнувшей.

Я перекатываюсь на бок на огромной двуспальной кровати и проверяю время на телефоне: двадцать минут десятого. У меня три сообщения и четыре пропущенных вызова, которыми я решаю заняться позднее. Отправляюсь в просторную душевую, и мои ноющие мышцы приветствуют горячую струю воды, как старого друга. Я стою в душе дольше обычного, скрываясь от всего, что ждет меня за этими безопасными, надежными стенами. Я знаю, что просто тяну время, оттягиваю тот момент, когда мне придется спуститься вниз и встретиться с практически незнакомым человеком, которого я в полночь вытащила из кровати. Он ехал на машине три часа, чтобы проводить меня в гостиницу неподалеку от отделения полиции, и спал в этой гостинице в двадцати восьми номерах от меня. Я чувствую себя надоедливой и докучливой, вероятно, поэтому и провожу полчаса в душе и накладывая макияж. Положительным во всем этом является мой внешний вид – когда я наконец спускаюсь вниз, чтобы найти Ника, то выгляжу неплохо, только на мне вчерашняя одежда. Нажав кнопку вызова лифта, я наконец набираюсь смелости проверить сообщения и пропущенные вызовы. Все сообщения от Кэсси, которая хочет знать, почему я ей звонила прошлой ночью. Два из четырех

пропущенных вызовов тоже от нее. Еще два с неизвестного номера. Ник? Нахожу его номер среди «Контактов» и нажимаю «Вызов».

– Доброе утро, – приветствует он меня хрипловатым голосом, так обычно звучит невыспавшийся человек. Я тут же снова чувствую себя виноватой, хотя его голос звучит немного эротично. – Как ты себя чувствуешь?

– Дерьмово, – признаю я. – И умираю от голода. Ты мне звонил? Где ты? Когда ты бронировал этот отель, знал, что здесь нет ресторана?

– Прими мои извинения, – смеется Ник. – Далеко не во всех отелях горят желанием снимать трубку ночью и уж тем более принимать заказы на завтрак. Я в пабе рядом с отелем. Наслаждаюсь едой. Придешь?

– Уговорил! Буду через пять минут. Закажи мне полный английский завтрак.

В пабе все просто и непритязательно, обстановка домашняя, именно такое заведение и ожидаешь увидеть в сельской местности в Шропшире. Ник сидит далеко от барной стойки. Предположительно, для того, чтобы нас никто не подслушал. Рядом с ним огромный дровяной камин. Судя по виду, он может обогреть весь Ладлоу, если развести в нем огонь. Я усаживаюсь рядом с Ником и легко улыбаюсь ему, благодарю за чашку чая и набрасываюсь на еду, когда ее приносят. Ник прав: потрясающе вкусно. Отдаю ему должное: он ждет, пока я жадно заталкиваю бобы, бекон, сосиски и яйца в рот.

– Перед тем как ты начнешь, хочу сказать: я на самом деле чувствую себя очень виноватой за то, что позвонила тебе прошлой ночью, – начинаю я, когда вижу, как у него открывается рот. – Я не знаю, почему просто не позвонила в полицию. На самом деле очень здорово, что ты приехал, преодолев весь этот путь, хотя мы только недавно познакомились. Я себя чувствую, будто...

– Ради всего святого, женщина, прекрати извиняться! – перебивает Ник. – Я уже наслушался достаточно извинений прошлой ночью. Я приехал, потому что хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Знаешь ли, я не могу бросить человека в беде, даже если мы мало знакомы.

– Спасибо. – Я вожу кусочком тоста по тарелке, собирая бобовый соус. «Конечно, он приехал бы, – резко говорю сама себе. – Почему ты

считаешь себя какой-то особенной?»

– Я думаю, случившееся прошлой ночью подтверждает твои подозрения: фотография – это угроза, – заявляет Ник, хватая остаток тоста с моей тарелки и быстро его съедает.

Я поднимаю голову, и его пронзительные глаза встречаются с моими. Он наблюдает за мной.

– Почему? – спрашиваю я, хотя уже знаю ответ, и киваю.

– Тот, кто орудовал у тебя в доме, пытался тебя напугать.

– Может, это разные люди. Может, кто-то еще знает, как меня изводили. С другой стороны, как кто-то мог узнать про фотографию? Ты – единственный, с кем мы разговаривали, и я предполагаю, ты никому не пересказывал услышанное. – Ник приподнимает брови, и его выражение лица четко показывает: нет. – Я точно никому не рассказывала.

– А ты уверена насчет...

Он не заканчивает предложение – я уверенно качаю головой.

– Кэсси никому не рассказывала, – заявляю я тоном, который, как надеюсь, послужит предупреждением, чтобы он не спорил со мной. – Она умеет хранить секреты.

Судя по виду Ника, я его не убедила.

– Насколько ты можешь ей доверять? Вообще-то она убийца, Сьюзан.

Я пытаюсь не показать свою ярость, но мое лицо краснеет, выдавая злость.

– Так и я тоже, или ты забыл?

Ник смущается.

– Прости. Я не хотел тебя обидеть.

– Кэсси поддерживала меня с того самого дня, как я оказалась в «Окдейле». Я доверяю ей, как самой себе. Я не оправдываю нашу дружбу и не собираюсь ничего объяснять тебе или кому-то еще. Ты должен принять как факт: она сделала то, что сделала, и очень вероятно, что и я тоже. Я все пойму, если ты больше не захочешь ввязываться в это дело.

Ник качает головой.

– Прости, я не должен был говорить этого. Я попытаюсь быть пожеливее с Кэсси, хотя совершенно ясно, что она мне совсем не доверяет.

– Она привыкла к тому, что нас только двое. Ее отношение со временем изменится. Она просто пытается меня защитить.

– Хорошо, я буду с ней милым, – улыбается Ник. – Если мы предположим, что ни один из нас никому ничего не рассказывал, то тебя могли подслушать. Еще раз расскажи мне все, что ты делала после получения фотографии.

Я в точности повторяю все свои действия с той самой минуты, когда взяла в руки конверт, и до нашей встречи вчера. Ник внимательно слушает, пытаясь вычислить, когда кто-то мог обнаружить, что я начала во всем разбираться.

– В библиотеке ты с кем-нибудь разговаривала? – в конце концов спрашивает он.

– Нет. Ну, только о получении читательского билета на мою новую фамилию. Я разговаривала с библиотекаршей по имени Эвелин за стойкой, но ей я не сказала, зачем пришла.

Ник задумывается.

– В таком случае это тот же человек, который отправил тебе фотографию. В противном случае получается слишком много совпадений.

– И еще телефонный звонок.

Воспоминание возвращается, словно кто-то вручил мне стикер-напоминалку. Как я могла забыть? Но тогда это не показалось важным. Может, сегодня стоит уже взглянуть на это по-другому?

– Какой звонок?

– Это было на прошлой неделе, в самом начале, в понедельник или во вторник. Зазвонил домашний телефон, и я сразу же подумала, что мне предлагают что-то купить. Больше на домашний номер мне никто не звонит. Я даже не знаю, почему ответила.

– И кто это был?

– Никто. Ну, почти никто. Я подумала, соединение не прошло – вообще не было никаких гудков, потом послышался какой-то шум. Звуки, которые обычно присутствуют в доме: шаги, телевизор. Потом ребенок, причем я не знаю, мальчик это был или девочка, закричал: «Няня» – и все. Я подумала, что ошиблись номером.

– Теперь ты так же думаешь?

– Я не знаю, что думать. А что думаешь *ты*?

– Хотелось бы мне сказать, что это совпадение, но сколько совпадений может произойти у одного человека за две недели? Газетная вырезка у тебя в сумке, фотография, разгромленный дом, теперь это? Не знаю.

Это меня пугает, и мне не стыдно в этом признаться. Когда я получила фотографию, мы с Кэсси быстро от нее отмахнулись, посчитав шуткой. Я только на минуту задумалась, не является ли она чем-то более зловещим. Кто-то на самом деле хочет причинить мне зло?

– Как ты считаешь: мой телефон прослушивается?

То, что мне это вообще пришло в голову, производит впечатление на Ника.

– Об этом следует подумать, не хочу нагнетать, но должен вот что сказать. Фотография относительно безобидна, хотя, конечно, получить ее было неприятно. Но разгром, устроенный в доме? Это переход на совсем другой уровень. Может, тот, кто это устроил, знал, что ты тогда встречалась со мной.

Я откидываюсь на спинку стула, согреваю руки чашкой чая; мне очень нужно повысить уровень сахара в крови.

– Полицейский, с которым я разговаривала, предположил, что местные не хотят видеть в своем городе детоубийцу. Вероятно, он прав.

Ник поджимает губы и смотрит сочувствующе.

– Боюсь, такое бывает. Некоторые люди злятся или точат зуб на кого-то просто потому, что им нечем заняться. Они тебя совершенно не знают, не встречались с тобой лично, только знают, что ты сделала.

У меня снова начинает болеть голова. Все происходящее кажется нереальным. Я не живу в мире, где происходит подобное. Это моя жизнь, а не развлечение от скуки для какой-нибудь отчаявшейся домохозяйки. Вдыхаю и подпираю голову руками, прикрыв усталые глаза. Ни один из нас не произносит ни слова целых пять минут. Я поднимаю голову, чтобы проверить, здесь ли еще Ник. Он листает блокнот, который уже лежал на столе, когда я пришла в паб.

– Что это?

Мне становится любопытно, и я больше не могу молчать. Ник протягивает мне блокнот. Я вижу грубо нарисованную таблицу. Над одной из колонок написано «Доказательства», над другой «Новая

информация». В колонке «Доказательства» четыре пункта: фотография, газетная вырезка у меня в сумке, исчезновение доктора Райли и взлом моего дома.

– Вау, кто-то такой организованный, – отмечаю я, при этом не могу объяснить, почему меня это так раздражает. – Давай посмотрим правде в глаза. Более вероятно, что я сама отправила себе фотографию, потому что я сумасшедшая, как и утверждали врачи. – Я резко замолкаю при виде выражения его лица. Чувство вины. Конечно. Насколько глупой можно быть? – Ты об этом уже думал. – Утверждение, а не вопрос. Его лицо говорит само за себя. – Ты считаешь, я сделала это сама. Ты считаешь меня сумасшедшей.

– Такая мысль у меня появлялась, – признает он. – Примерно на две секунды. Я видел, что сотворили в твоём доме, Сьюзан, и знаю, что ты этого не делала.

– Как ты можешь быть в этом уверен? Ты меня не знаешь, ничего про меня.

Я подначиваю его, пусть отрицает, что я могла слететь с катушек.

– Я просто знаю.

Он ни на секунду не отводит взгляд и смотрит мне прямо в глаза.

Я слишком устала, чтобы спорить. Мое сознание требует всего одну маленькую таблеточку, чтобы снять ощущение беспомощности. Может, у меня осталось дома несколько штук. Я не могу попросить врача выписать еще – прошло совсем мало времени после освобождения. Я не могу признать, что не справляюсь.

Закончив завтрак, мы больше не можем откладывать возвращение в мой дом. Поэтому я радуюсь его предложению выпить кофе в саду рядом с пабом.

– Можно я тебе кое-что скажу?

Он старается не выглядеть слишком заинтересованным и горящим желанием услышать мое признание. В чем, по его мнению, я собираюсь признаться?

– Конечно, что угодно.

Уже открыв рот, понимаю, что я не могу не удовлетворить его любопытство.

– Вчера мне показалось, что я видела Дилана.

– Что? Где? Ты мне этого не говорила.

– Мне было стыдно. Я увидела мальчика на улице, и он был так похож на мальчика с фотографии, что я подумала... Конечно, он совсем не походил на Дилана, когда я подбежала поближе, но на расстоянии... Я же только увидела фотографию и...

– Эй, эй, успокойся. – Я смотрю в пол, а Ник наклоняет голову, чтобы заглянуть мне в глаза. – Ты испытала шок, а люди все время допускают такие ошибки. Мне самому казалось, что я вижу... Обман зрения бывает у всех.

– Может быть, но не все носятся по улице за детьми, и не все их хватают. Я честно думала, что это Дилан. Если я так ошиблась, то не могу считать, что я... – Замолкаю, не договаривая фразу до конца.

Ник долго молчит, потом смотрит на меня с таким видом, словно ему страшно хочется о чем-то меня спросить.

– У тебя есть братья или сестры? – Это совсем не то, чего я ожидала.

Я улыбаюсь.

– Как так получилось, что ты обо мне знаешь все, а я о тебе ничего? Кроме сомнительного выбора профессии.

Он откидывается на спинку стула, ему весело.

– Что ты хочешь узнать?

– Ты женат? – Вопрос вылетает у меня изо рта слишком быстро, и я сильно краснею. Щеки просто пылают. – Прости, это слишком личный вопрос.

Он поднимает безымянный палец.

– Не женат.

– Хм, Кэсси говорит, отсутствие кольца ничего не значит.

Ник хмурится и снимает вилы с каменной стены. Они явно висят там давно, потому что заржавели и покрылись пылью. Судя по его виду, он пытается найти в них смысл жизни, но я не понимаю, что в них такого интересного. Наконец он снова начинает говорить.

– А какие у нее проблемы? Я имею в виду Кэсси. Черт, она такая подозрительная. Похоже, она считает, что я собираюсь сбежать со всеми твоими сбережениями или что-то в этом роде.

Ты попал прямо в точку.

– Я тебе уже говорила не брать это в голову. Кэсси просто не доверяет людям. Она со всеми такая.

– Ого, как мне это льстит, – хмыкает Ник. – Я не удостоился особого отношения, да?

Я улыбаюсь, несмотря на отвратительное настроение.

– Она может не нравиться своей бесцеремонностью, цветом волос и тем, что постоянно ругается, но она моя лучшая подруга, у меня такой не было никогда. Попав в место типа «Окдейла», приходится принять, что твоей привычной жизни, твоих старых друзей, твоего старого дома больше нет. И начинаешь понимать, что реальность, в которой ты вынужденно оказался, совершенно необязательно должна походить на твою старую жизнь. – Я фыркаю. – Могу представить выражение лица Марка, если б я привела домой кого-то типа Кэсси из группы матери и ребенка.

Ник тупо смотрит на меня. Неужели ему нужно все раскладывать по полочкам? Пресса это достаточно помусолила – степфордская жена [\[19\]](#), у которой было все, убила своего маленького сына. Самое худшее заключалось в том, что они были правы – большая часть того, что о нас говорили, соответствовало истине.

– Марк очень богат, – поясняю я, и у меня снова краснеют щеки. – Мы ели в лучших ресторанах, я могла один раз надеть вещь и после этого выбросить ее. Да, я теперь понимаю, как это выглядит. – У него едва ли получается скрыть презрение, появившееся на лице, но я его за это не осуждаю. Я знаю, какой была. – Я не привыкла общаться с людьми типа Кэсси, к ее злобным тирадам и сорока ругательствам в день. Потом я оказалась в «Окдейле» и впервые в жизни – на нижней ступени социальной лестницы после того, как раньше с меня сдували пылинки. У меня не было подруг. Никто не хотел связываться с... со мной.

Я никогда не говорила ни с кем про отбытие срока в «Окдейле», но сейчас холодные голубые глаза Ника неотрывно смотрели на мое лицо, и, начав, я не могла остановиться.

– Кэсси не повезло оказаться со мной в одной камере. Она испробовала все, только чтобы заставить меня говорить. Кэсси давала мне журналы и косметику. Бог знает, почему ей так хотелось со мной подружиться, но она отказывалась сдаваться. Я не считала себя выше нее, не считала, что она недостойна со мной дружить – этот поезд давно ушел. Нет, наоборот, я не считала достойной себя, не считала,

что ей или кому-то еще стоит со мной связываться. Я просто хотела, чтобы меня оставили в покое и дали спокойно умереть.

– Но тебе же стало лучше? Как?

– Кэсси не отставала. Когда журналы и косметика не сработали, она начала контрабандой приносить мне еду. Я не объявляла голодовку, у меня просто не было ни сил, ни желания встать и поесть. Я едва вообще вставала, только в туалет. Кэсси каждый день приносила мне еду, но не из нашей столовой, а шоколадки и колбаски. Ей всегда удавалось каким-то образом добывать все самое лучшее. В большинстве случаев она как-то договаривалась с надзирателями, иногда ей помогали другие заключенные. Однажды я просто не смогла устоять перед запахом бутерброда с беконом и начала есть, пока она не смотрела. Я не осознавала, что делаю, пока его не съела. Кэсси мне только подмигнула. С тех пор, если дела идут плохо, мне нужно поесть.

– Я только что думал, откуда у тебя такой волчий аппетит, – смеется Ник.

Он смотрит на часы – пора отсюда уходить, а я понимаю, что разговор снова переключился на меня, и пока мы сидели здесь, он ответил всего на один вопрос. Или Ник избегает разговоров о себе, или в прошлой жизни был психологом.

Глава 14

Джек: 18 октября 1987 года

– У него все прекрасно получилось, – сказал он сам себе без ложной скромности. Билли наконец вышел из ванной, и пахло от него, как от прилавка в отделе лосьонов после бритья в «Бутс» ^[20]. Он выбрал одежду, на которую ушел бы недельный заработок его родителей.

– Уже давно пора. Хочешь глотнуть?

Джек налил стопку водки и протянул Билли. Тот только сморщил нос.

– Нет, со мной и так все в порядке.

– Ты серьезно? – рассмеялся Джек. – Ты спер эту водку в магазине и не собираешься ее пить? Давай, не выпендривайся.

Он снова вытянул руку поближе к приятелю, и часть водки выплеснулась ему на пальцы. Билли взял стопку и понюхал.

– Быстро проглоти. Чем больше будешь пить, тем лучше тебе покажется вкус, – пообещал Джек.

Билли запрокинул голову, влил в себя водку, и она покатила вниз по горлу. Он прикрыл рот рукой, закашлявшись; у него появились позывы к рвоте. Джек засмеялся.

– Вот так и надо, – сказал он. В эту минуту кто-то постучал в дверь спальни. – Заходи.

В дверном проеме появилось лицо Люси. Билли показал из ванной неприличный жест, при виде которого Джеку стало смешно. Бедный парень не знает, что нужно делать с девушкой типа Люси. Ему пятнадцать, а он даже ни разу не целовался с девчонкой! Ну, может, сегодня вечером удастся это исправить.

– Твои друзья ждут внизу, – сообщила Люси, подозрительно глядя на Джека. – Ты пил?

– Да. Хочешь?

Она зашла в комнату и только тут заметила Билли.

– О, привет. – Она увидела, что он держит в руке стопку, и улыбнулась. – Вот это да! Даже Джек водку не пьет.

Билли посмотрел на Джека округлившимися глазами. Тому нисколько не было стыдно. Он просто пожал плечами.

– Вкус дерьмовый. Пошли, Шекспир, пора.

Джек уже собрался выйти из комнаты, но Люси преградила ему путь. Она находилась достаточно близко, чтобы он мог вдохнуть тонкий аромат ее цветочных духов. Даже несмотря на то что он был на три года младше нее, Джек возвышался над ней дюйма на два.

– Ты не собираешься пригласить меня на вечеринку?

– Спасибо, но дуэнья мне не требуется. – Он положил руки ей на талию, подтянул к себе, а потом отодвинул в сторону. – Пошли, Билли.

Глава 15

Мне очень не хочется видеть собственный дом, но я не могу долго жить в «Трэвелодже». Мы заезжаем в полицию за моими ключами, и там подтверждают, что я могу вернуться домой. Когда мы подъезжаем, то видим одинокую фигуру, сидящую на крыльце. Ник стонет.

– Что, на хрен, происходит? – ударяет мне по барабанным перепонкам резкий голос Кэсси с манчестерским акцентом, как только мы выходим из машины. – Что он здесь делает? Почему твое крыльцо вымазано краской?

Я рассказываю ей о случившемся прошлой ночью, и с каждым словом ее лицо мрачнеет.

– Брось это, – предупреждает она меня, поднося палец к моему лицу. – Теперь все стало серьезно, Сьюз. За тобой следят? Шпионят? В твой дом вламываются. Брось. Это.

Я качаю головой.

– Я не могу, просто не могу. Даже если это какая-то кампания ненависти со стороны местных. Мне что, ждать, пока кто-то другой вломится ко мне в дом или набросится на улице?

Мы все еще на улице, и я пытаюсь говорить потише. Кэсси нет.

– Если это какой-то псих, который тебе мстит, то ты не должна оставаться в одиночестве! Ты можешь пожить у меня, или я поживу здесь. Давай просто забудем про ту фотографию и вернемся к нормальной жизни.

– Какой нормальной жизни? Нормальным для нас явля...

Я не могу произнести это вслух. Нормально для нас – это трехразовое питание, когда невкусную еду подают на пластиковом подносе, все еще запачканном вчерашним ужином. Нормально – это жить в комнате размером с мою старую домашнюю прачечную вместе с женщиной, для которой говорить о естественных нуждах организма также легко, как мне сравнивать с моими старыми подругами свечи Yankee Candles [\[21\]](#).

Теперь мне так просто не остановиться. Часть меня (та крошечная, которая помнит, как я добралась до автобусной остановки, пока мой ребенок неустанно плакал в доме), у которой всегда

оставались вопросы, *должна* узнать правду. Я должна вернуться в прошлое, погрузиться по колено в дерьмо, чтобы увидеть, что скрывается под ним. Я это заслужила? *Я сумасшедшая?*

* * *

Когда я захожу в гостиную с напитками, Кэсси и Ник сидят молча. Я вручаю Нику чашку кофе, а сама занимаю место на диване рядом с Кэсси. У меня такое ощущение, будто они спорили.

– Что? – спрашиваю я, переводя взгляд с одного на другую. – Что?

– Журналист хочет засунуть нос туда, куда его не нужно засовывать. – Голос Кэсси не просто окрашен ядом, он им пропитан. Я смотрю на Ника.

– Я просто подумал, не поможет ли делу, если я... м-м-м... если я взгляну, если у тебя есть...

– Он хочет посмотреть фотографии Дилана.

Я чувствую желчь в горле. Фотографии? Конечно, они у меня есть. Они лежат в самом низу соснового комода, вставленные в альбом, обтянутый коричневой кожей. Я его не открывала три года. Альбом принес отец во время одного из посещений «Окдейла», но у меня ни разу не хватило смелости его раскрыть. После рождения ребенка я сделала почти триста фотографий: Дилан со своим первым плюшевым мишкой, первая боязливая улыбка Дилана, Дилан в среду. Судя по размеру альбома, в нем не все триста фотографий. Я никогда не хотела знать, какие фотографии мой отец решил в него включить.

– Зачем? Они тебе ничего не скажут. Мы знаем, что это не может быть он. К тому же все младенцы похожи.

Это ложь. Мой ребенок был не таким, как другие дети. Все другие младенцы – это сморщенные, трудноузнаваемые существа, которые ни на кого не похожи. Дилан был красивым, с идеальным гладким личиком и огромными глазами, цвет которых изменился с синего на темно-карий. Несколькими годами раньше я влюбилась за эти глаза в его отца. В первые недели появились темные волосики. Росли они так быстро, что мне каждое утро приходилось их осторожно расчесывать мягкой белой расческой, которую подарили мой брат с невесткой. У

Дилана был такой очаровательный язычок, даже когда его ротик открывался, чтобы издать пронзительный боевой клич среди ночи.

– Ты права. Прости. Это в любом случае не поможет.

Но я знаю, что он думает иначе. Если Ник считает, что поможет, а я собираюсь пройти через это испытание, собираюсь пережить двенадцать коротких недель жизни Дилана за один день, то можно начать здесь и сейчас. Я встаю, Кэсси резко вдыхает воздух.

– Ты не должна этого делать, Сьюз, – предупреждает она. – Для тебя это будет сильным шоком, а их у тебя было столько, что хватит на всю оставшуюся жизнь.

– Но если ты все-таки хочешь, то лучше это сделать, пока мы здесь с тобой, – настаивает Ник.

– Все в порядке, Кэсси, я хочу.

Они оба молча наблюдают, как я открываю дверцу в нижней части комода и достаю нетронутый альбом. Я протягиваю его Нику. Когда он уже собирается его взять, я не могу разжать пальцы.

– Ты не должна. – Ник мягко эхом повторяет слова Кэсси.

Я медленно тяну альбом к себе, снова усаживаюсь рядом с Кэсси и кладу его на колени. Она опускает руку на мою, и мы вместе раскрываем альбом.

На первой странице под блестящей прозрачной самоклеющейся бумагой одна фотография. Я сижу на больничной кровати, меня со всех сторон окружают подушки – без них я не смогла бы сидеть прямо, – выгляжу более изможденной, чем когда-либо в жизни. Косметика полностью отсутствует, а мои светлые волосы все взмокли и убраны назад. Сын (к тому времени, как была сделана эта фотография, я уже признала, что он мой сын) лежит у меня на руках. Я помню все это очень хорошо, как будто все происходило сегодня утром. Наша первая семейная фотография. Он так ерзал, будто скользкая маленькая рыбка, которая не привыкла к рукам, что мы с трудом смогли сделать снимок. Марк улыбался и все время повторял: «Это мой сын», снова и снова. При этих воспоминаниях у меня на глаза наворачиваются слезы; опять всплывают вопросы. Я уже была в депрессии, когда делалась эта фотография? Медсестры говорили мне, чтобы я не беспокоилась из-за подавленного состояния после родов. Но по ощущениям все было гораздо хуже. Разве они не должны были что-то сделать?

Кэсси сжимает мою руку. У меня нет сил сжать ее руку в ответ.

По ощущениям проходит час, и только тогда у меня получается перевернуть страницу. Отсутствие фотографии шокирует меня не меньше, чем фотография на первой странице. В место для снимка вставлен листок бумаги. На нем тонким неразборчивым почерком моего отца написано: «Надеюсь, это поможет тебе понять». Я читаю слова вслух, и в них оказывается не больше смысла, когда они плывут по воздуху, чем когда они звучали у меня в голове.

– Поможет мне понять? Что это значит? – Я обращаюсь в никуда. – Что это значит? – Я повышаю голос, получается что-то среднее между истерикой и звучанием на частоте, которую могут слышать только собаки. – Зачем он это написал?

Я вскакиваю на ноги, держа альбом подальше от себя, словно он может меня обжечь.

– Успокойся.

У меня не настолько сильная истерика, чтобы не заметить взгляд, который Кэсси бросает на Ника: «Посмотри, что ты наделал». Три года упорной работы в «Окдейле», и я снова превратилась в легковозбудимую, дрожащую развалину, у которой все перепутано в голове.

– Вероятно, он хотел, чтобы ты увидела, как любила Дилана, – высказывает предположение Ник.

Сердцебиение у меня постепенно замедляется. Да, мой отец мог сказать подобное. Дать мне понять, как я любила своего сына.

– Вы не думаете, что он хотел, чтобы я увидела, что наделала? Что я потеряла? – Мой голос напоминает скулеж.

Кэсси яростно мотает головой:

– Нет, ни в коем случае. Все так, как *он* сказал. Твой отец тебя поддерживал на протяжении всего судебного процесса. Он каждый день приходил к тебе в больницу, пока тебя не арестовали. Он тебя обожает. Зачем ему посылать тебе что-то плохое?

Я тупо киваю. Они правы. Кэсси опускает руку на страницу, чтобы перевернуть ее, и смотрит на меня, убеждаясь, готова ли я. Я не отвечаю, и она медленно переворачивает ее.

На следующей странице фотография Дилана в абсолютно белых ползунках. Он спокойно лежит у меня на руках. От меня на фотографии только локоть и предплечье. Вот так все и бывает, когда

становишься матерью: ты всегда на заднем плане, две ноги или одна рука. Ты теперь больше никогда не в фокусе. Меня это беспокоило? Меня беспокоило то, что теперь я не нахожусь в центре внимания мужа и отца? У Марка не осталось близких родственников, мы всегда хотели быть только вдвоем, он и я, пока не приняли решение, что нас должно быть трое. Я хотела, чтобы Марк прекратил на него смотреть хотя бы иногда и занялся стиркой? Да. Я ревновала к своему ребенку? Я так никогда не думала.

– Ты все еще меня любишь?

От этих слов брови Марка медленно поднялись вверх. Он боялся сказать что-то не то и оказаться в ловушке.

– Конечно, малыш.

Марк произнес эти слова медленно, протянул руки и подтянул меня к себе. Я поморщилась, когда его руки прикоснулись к мягкой плоти, где раньше находился подтянутый живот.

– Больше Дилана?

Я почувствовала, как напряглось его тело. Он думал, что за мать может задать такой вопрос? Я только хотела знать, что меня еще хотят, что я еще нужна.

– Я люблю вас обоих одинаково, дорогая.

Ник все еще продолжает рассматривать альбом, так внимательно изучая каждую фотографию, что я задумываюсь, не ищет ли он сходство между недавней фотографией и старыми, или просто пытается оценить мою реакцию на снимки сына. Я начинаю быстрее переворачивать страницы. Черно-белая фотография ручек малыша на фоне моих гигантских пальцев – мне потребовалось семь попыток, чтобы этот снимок получился таким, как нужно. На пятой странице отпечатки ножек, сделанные черными чернилами, не больше двух дюймов в длину. Фотография моего маленького мальчика в полный рост, размером семь на пять дюймов. Он в кресле-шезлонге для младенцев, сбоку сидит большой медведь, в два раза больше спящего малыша. Это одна из последних сделанных мною фотографий. Если мой отец выбрал эти фото для того, чтобы показать мне, как я любила сына, он добился своей цели.

Мы находим *это*, только когда приближаемся к концу альбома. После страницы с фотографиями, на которых мой папа и Марк с гордостью держат Дилана. Ник и Кэсси теперь по очереди

переворачивают страницы, чтобы избавить меня от стресса. Сейчас очередь Ника – и на фотографиях внезапно оказывается другой объект. На самом деле несколько объектов. Пять разных темноволосых детей, недавно научившихся ходить, смотрят на меня со страницы альбома – со страницы, откуда изъяли одну фотографию. Ее место пусто. Это ее подкинули мне под дверь два дня назад? Между страниц лежит сложенная газетная статья, из которой аккуратно вырезали фотографию. Заголовок: «Мать получила шесть лет за убийство сына».

Я бледнею. У меня такое ощущение, будто из всего моего тела вытекает кровь, а по горлу вверх поднимается желчь. В голове сумбур, я пытаюсь понять смысл того, что вижу. Фотографии то и дело расплываются у меня перед глазами, я не могу сосредоточиться. Кэсси хмурится, она в тупике. Когда я поворачиваю голову к Нику, чтобы получить ответ или услышать подбадривающие, успокаивающие слова, он не встречается со мной взглядом.

– Мне нужен свежий воздух.

Каким-то образом я добираюсь до черного входа, колени у меня опасно дрожат, я боюсь упасть. Одной рукой держусь за дверной косяк, иначе не устоять на ногах. Холод и мелкий дождик – это как раз то, что нужно, чтобы снять жар. Теперь у меня горит лицо.

– Сьюзан? – произносит Кэсси тихим и спокойным голосом. «Никаких внезапных резких движений, никаких громких звуков. Не нужно пугать сумасшедшую».

– Я не знаю, как они там оказались, Кэсси. Я никогда в жизни их не видела.

На мое плечо опускается легкая рука.

– Я знаю. Иди в дом, а то промокнешь.

Слышен звук открывающейся и захлопывающейся входной двери. Мы обе замираем на месте, ждем звука заводящегося двигателя. Но его нет. Ник уезжает? Сбегает от психически неуравновешенной женщины в саду позади дома? Вместо этого до нас через забор доносится его голос. Я улавливаю четыре слова: «Тут есть что-то еще». Он разговаривает с кем-то по телефону, не понимая, как мы близко.

Я разворачиваюсь, чтобы вернуться в дом. С кем бы Ник ни говорил, мне неинтересно слушать, как он сообщает кому-то, что я чокнулась. Кэсси хватает меня за руку.

– Подожди.

Слова Ника то доносятся, то исчезают, наверное, он ходит взад и вперед. Я улавливаю «Обещаю», потом сказанное более тихо «Тебе того же». После этого входная дверь снова открывается, и наступает тишина.

– Видишь. – Я киваю в сторону гостиной. – Он знает, что это значит. Эти фотографии находятся *в моем доме*. Фотография, которую я нашла у себя на пороге, из альбома, доступ к которому был только у меня. Как я могла это сделать? Собрать фотографии маленьких мальчиков, а потом послать одну самой себе и не помнить об этом? Я даже не помню, как убивала собственного сына, Кэсси! Почему ты так уверена, что я не могла этого сделать?

– Потому что я знаю тебя, Сьюзан. Ты сейчас в гораздо лучшем состоянии, и ты не сумасшедшая.

Я смеюсь, но в моем смехе нет веселья, только горечь.

– Ты никогда меня не знала. Ты не видела, как я рыдала в три часа ночи, пока у меня не оставалось слез, потому что я не могла сцедить достаточно молока для следующего кормления сына. Я даже кормить его не могла! Знаешь, что при этом испытываешь? Знаешь, какой одинокой можно себя чувствовать в темноте, включая без звука повтор «Закона и порядка: Специальный корпус» [22], чтобы не разбудить никого в доме? Мне удавалось его укачать, он спал, а мне приходилось сидеть с голой замерзшей грудью, засунутой в молокоотсос, чтобы сцедить достаточно молока для его кормления, когда он снова проснется через два часа. Иногда требовалось сорок пять минут, чтобы набрать всего одну унцию [23], и я оставалась спать на диване, не в своей удобной кровати, где мне было так комфортно. Я не шла в постель, потому что знала, что сдохну, если мне придется через час снова из нее вылезать. Снова вытягивать себя из-под одеяла! Пришло время принять то, что я сделала, и смириться. Я больна. Не моя вина, что это со мной случилось, но мне все равно придется жить с последствиями. Я убила собственного сына, а теперь пытаюсь убедить себя, будто невиновна, а Дилан все еще жив. Я была так убедительна, сама поверила, что это правда! Я просто хотела, мне было нужно...

Мне нужно было поверить, что я не в состоянии принести вред младенцу, моему ребенку. Хотя глубоко внутри я с ужасом понимала, что именно на это я как раз способна. Это осознание было самым

жутким. Сознание иногда действует очень своеобразно, чтобы ты принял то, что тебе трудно признать.

Я вздыхаю. Я испугана и сломлена.

– Это не самое вероятное объяснение, Кэсси, а единственное. Чем быстрее я смирюсь с тем, что сделала, тем более вероятно, что мне станет лучше.

Но я не верю сама себе. Не верю, что мне когда-нибудь станет лучше.

Глава 16

Сегодня среда, в этот день я должна отмечаться у инспектора по надзору за условно-досрочно освобожденными. Я должна поддерживать постоянный контакт с моим инспектором Тамарой Грин: лично появляться у нее в кабинете раз в две недели, а в остальные недели звонить ей по телефону. На этой неделе положен телефонный звонок, я очень рада этому, учитывая, что последний час я убирала дом после вчерашнего. Не думаю, что смогла бы сегодня встретиться с ней лично. Я сижу в том же положении на своем обшарпанном коричневом диване, на том же месте, где просидела всю ночь, глядя на фотографии в альбоме. Я умоляла себя вспомнить, как собирала снимки на последней странице. Думаю, я все-таки заснула, по крайней мере, ненадолго, потому что не помню, как на часах 2:24 изменилось на 3:52, но все остальное время я просто тупо сидела.

Я подумывала позвонить Тамаре после того, как получила фотографию. Она милая женщина, и я не сомневалась, что она смогла бы помочь. Теперь я испытываю облегчение, что не сделала этого. Может, она и милая женщина, но не уверена, что инспектор смогла бы махнуть рукой на то, что я собрала жуткий альбом из сегодняшних Диланов, потом извлекла один снимок, положила в конверт и написала на нем свой адрес и фамилию. Добрые доктора в «Окдейле» сразу начнут готовить мою старую камеру (или палату) к приему, я даже трубку повесить не успею. Единственное, что я сейчас могу, это вести себя тише воды ниже травы, отвечать на вопросы и постараться не заорать.

– Эмма, как вы? – Тамара говорит теплым и дружелюбным голосом. Как она может так обыденно разговаривать, когда мой мир рассыпается на части?

– Все хорошо, спасибо, – заставляю произнести себя, но меня выдает голос. Тамара не обращает на это внимания и продолжает задавать вопросы по списку, как положено.

– Как идут поиски работы?

Далее следуют бессмысленные вопросы, – карусель, на которой мы обе катаемся, только на этот раз я жду. Жду, когда Тамара объявит:

она знает, что я сделала, она знает, на что я способна. Но она этого не говорит. Теперь вся моя жизнь станет такой? Я всегда буду ждать, когда кто-то внезапно заявит, что знает мою тайну? И постоянно буду гадать, что еще найду из содеянного мной?

Я не успеваю осознать, как ответила на все вопросы Тамары (очевидно, мои ответы ее удовлетворили), а она уже говорит, что мы увидимся на следующей неделе, и прощается.

Сегодня я не буду ничего делать. Кэсси не звонила, и Ник тоже.

Когда они уезжали вчера вечером, я едва ли что-то им сказала, просто кивнула. Ник объявил, что возвращается в «Трэвелодж», проведет там еще одну ночь, будет на связи, но я знаю – не будет. Статьи не вышло, и его интерес к моему затруднительному положению после того, как он узнал правду, иссяк. «Он тебя жалел, это единственная причина, почему Ник вообще согласился помочь. Он все это время знал, что ты виновна».

А если быть честной с самой собой, то и я тоже. Мои глаза жжет от усталости и слез, пролитых прошлой ночью, но на душе легче. Я больше не волнуюсь, не гадаю, не вру сама себе. В последние два дня я смогла «просмотреть» воспоминания о первых днях с Диланом. Я осознала, как же мне было трудно. Я не могла сделать это все три года в «Окдейле», а сейчас посмотрела фактам в лицо. Я все еще жива, даже если и ненавижу себя за содеянное.

Это я могу принять. Я жила с ненавистью к себе со дня смерти моего сына.

* * *

Когда в шесть вечера мне звонят в дверь, я ожидаю увидеть Кэсси. Отвожу в сторону занавеску на окне в гостиной и с удивлением вижу Кэрол из гастронома. Женщина нервно уставилась на мою дверь. Она что-то держит в руке, похоже, коричневый бумажный пакет. Принесла сыр? Сейчас я не в силах даже думать о еде. «Ой-ой, мне кажется, у нас возникла проблема, Лен».

Но я все равно не могу допустить, чтобы она стояла у меня на пороге, поэтому открываю дверь.

– Здравствуйте, Кэрол, как вы?

Я не хочу начинать разговор, в особенности сегодня, но также не хочу показаться грубой. Просто надеюсь, что, став свидетельницей той сцены, которую я на днях устроила на улице, она не решит, будто может ко мне заявляться, когда захочется. На самом деле я в некоторой степени чувствую себя так, словно попала в ловушку. Я даже не знала, что она живет совсем рядом. Почему Кэрол это ни разу не упомянула во время моих многочисленных посещений магазинчика? Я сама выхожу на крыльцо, а не приглашаю ее войти. Да, знаю: это невежливо.

– Эмма, простите, что я вот так заявила к вам на порог. Я не хочу, чтобы вы считали меня назойливой или...

– Конечно, я не считаю. – Но именно так я и считаю.

– Просто вот это сегодня утром оставили у моего дома для вас. – Она приподнимает коричневую коробку. – Я очень торопилась в магазин и забыла занести ее перед работой. Надеюсь, это не очень важно?

Кэрол смотрит на меня, ожидая объяснений, но я не свожу глаз с коробки. Не произношу ни слова, и она с неловким видом вручает мне коробку.

– Вы видели, кто ее оставил? – резко говорю я, и Кэрол понимает – да, это важно. Это очень важно.

– Да, я была дома, когда приехал парень из службы доставки. Он сунул коробку под цветочный горшок, потому что она не проходила сквозь щель в двери, и прикрепил бумажку «Передано соседям».

Я переворачиваю коробку, и сердце замирает в груди.

– Должно быть, какая-то ошибка. Адресовано не мне.

Кэрол смотрит на коробку у меня в руках, на имя и фамилию «Сьюзан Вебстер», напечатанные черными буквами, затем снова на меня. У нее в глазах жалость, она протягивает руку и касается меня.

– Но она для вас, не правда ли?

– Я думаю, вам лучше войти в дом.

* * *

Кэрол сидит на моем уродливом коричневом диване и тербит край яркого пледа, которым я его прикрываю, чтобы спрятать пятна

сомнительного происхождения, оставшиеся от предыдущих жильцов. Я стою, пребывая в слишком большом возбуждении, чтобы присесть. Ни одна из нас за несколько минут не произнесла ни слова.

– Откуда вы знаете, кто я?

Она поднимает взгляд, услышав мои слова, произнесенные напряженным голосом.

– Увидев фамилию на посылке, я поискала в «Гугле» и в конце концов нашла ваши фотографии, когда вы были еще Сьюзан Вебстер.

Вот как все просто. Я знала, люди смогут выяснить, кто я, но мне никогда не приходило в голову, что соседи станут искать в Интернете мои зернистые изображения. Я была так наивна, так глупа, что думала, будто люди слишком заняты собственной жизнью, чтобы их волновала моя.

– Я никому не скажу. Вас это волнует или что-то другое?

– Не знаю.

Понимание того, что меня рассекретили, заставляет забыть про посылку, которую принесла Кэрол.

– Простите, я не должна лезть не в свое дело. Я просто хочу, чтобы вы знали: ваша тайна останется тайной. Я не собираюсь давать объявление в газете или делать нечто подобное.

Она собирается встать с дивана.

– Оставайтесь. – Я не хочу открывать коробку и не хочу оставаться одна. – Давайте я вам заварю чашку чая.

Кэрол не согласится. Теперь, узнав, кто я, она побежит отсюда как можно дальше и как можно быстрее.

– Это очень мило. Спасибо.

Кэрол остается почти на час, и мы разговариваем. Я говорю, что до сих пор ничего не помню про день смерти Дилана. Но не рассказываю, как прихожу в ужас от мысли, что не помню этого, потому что мое сознание пытается меня защитить. Я признаюсь в своем страхе: что могу никогда не узнать правду про случившееся с моим сыном. Но я не сообщаю ей про фотографию и про все остальное, произошедшее со мной с прошлой субботы. В ответ она рассказывает мне собственную историю.

– У меня тоже была послеродовая депрессия. – Я поднимаю глаза, но она не смотрит на меня. Кэрол говорит не со мной, а со светильником, свет которого уходит вверх, с вазой на угловой полке, с

чем угодно, только не со мной. – После рождения дочери. Я смотрела на нее и ожидала прилива любви, о котором читаешь в книгах. Она спала и не казалась мне красивой. Она была вся сморщенная, с вытянутой головой – ей щипцами помогали родиться. Мне не хотелось брать ее на руки и прижимать к себе, как должна нормальная мать. Я думала, она выглядит ужасно.

Наконец Кэрол смотрит на меня. В глазах стоят слезы.

– Я никогда никому это не рассказывала. Хотя я обращалась за профессиональной помощью, мне стало лучше, и я очень люблю свою маленькую девочку, я все равно никогда не признавалась ни одной живой душе, что считала ее самым уродливым ребенком, которого мне доводилось видеть.

– Кто-нибудь это заметил? – спрашиваю шепотом.

– Мой муж. – Она яростно теребит выбившуюся нитку из пледа. – Но не сразу. Для всех остальных она была идеальной. Все говорили: какой замечательный ребенок! Но только не для меня... Каждый раз, когда я брала ее на руки, она плакала и плакала. Потом я узнала, что она чувствовала молоко: ей хотелось есть, как только она оказывалась рядом со мной, поэтому и плакала. Но тогда я думала, что она меня ненавидит. Она смотрела на меня своими огромными голубыми глазищами, а я чувствовала себя такой виноватой из-за того, что не могу любить ее, как все остальные.

– И что было дальше?

Кэрол снова отворачивается, делает небольшой глоток чая.

– Мой муж уехал на один день, оставив нас вдвоем, и с той минуты, как он вышел из дома, она кричала. Я ничего не могла сделать, чтобы дочь замолчала. Я так устала – фактически не спала ночью, потому что кормила ее каждые два часа и просто не могла это выдержать. Я положила ее в детской и просто слушала, как она плачет, сидя кучей на полу у входной двери. Когда муж вернулся, он не смог попасть в дом: я, свернувшись, лежала у двери. Ему пришлось выбить дверь черного входа, потому что я оставила ключ в замке. Он сразу же отвез меня к нашему врачу, и тот диагностировал послеродовую депрессию.

Кэрол смотрит мне прямо в глаза.

– У вас было точно так же?

– На самом деле, я не помню, – признаюсь я, усаживаясь и стараясь не смотреть на коробку на краю стола. – После случившегося врачи задавали мне самые разные вопросы. Я устала, была в раздражении, нервничала? Ответ на все эти вопросы: да. Я была измождена и пребывала в раздражении большую часть времени. После рождения Дилана к нам приезжало столько гостей – мои тети, соседи. У меня возникло ощущение, будто я первая женщина на земле, родившая ребенка. Они неожиданно появлялись в любое время, и у меня было желание наорать на них всех, чтобы они убирались вон и оставили нас в покое. Я ненавидела всех. Но я не помню, чтобы когда-нибудь ненавидела Дилана. Это странно, потому что пару раз я сказала: «Ну почему ты не заткнешься? Я тебя ненавижу!», но у меня не было этой ненависти, даже когда слова вылетали у меня изо рта.

Я впервые говорю об этом, раньше никому в этом не признавалась. Наверное, потому что Кэрол только что сказала мне одну из самых худших вещей, которые ты можешь сказать о себе. Я чувствую – если кто-то и сможет меня понять, то это она.

– Помню один из тех случаев, когда он никак не засыпал. У меня на руках спал, как ангелочек, был такой спокойный, но стоило мне положить его в кроватку, как он начинал кричать. Я хотела только принять душ. Я не спала всю ночь. Плакала, умоляла его – ничего не помогало. И тогда я сказала: «Лучше бы ты никогда не родился». Но на самом деле я никогда не имела в виду ничего подобного. Звучит глупо?

– Нет, – качает головой Кэрол. – У меня тоже были такие ощущения после того, что я говорила.

– Но бывали и другие дни, когда мы вместе играли, или он спокойно спал. Я сидела у его кроватки, смотрела на него, и мне казалось, если я не буду на него смотреть, то он исчезнет, как сон. В те минуты я так сильно его любила, что боялась остановки сердца.

– Биполярное расстройство.

– Да, они так и говорили. Но не только биполярное расстройство, – признаю я. – Еще и послеродовой психоз. Это настолько серьезно, что начинаются галлюцинации. То все хорошо, то настроение портится. Меняется буквально за одну минуту. Становишься параноиком, подозрительной, словно находишься в каком-то выдуманном мире.

Звучит так, словно я цитирую информацию с медицинского сайта, потому что так оно есть. Я столько всего могу рассказать на эту тему.

– Вы что-то подобное чувствовали?

– Не помню. Но есть еще один симптом. Вы можете поверить, что ваш ребенок дьявол, он – зло и собирается причинить его вам. И вы что-то с ним делаете, потому что считаете, будто другого выбора у вас нет: не вы его, так он вас.

– И вы это чувствовали?

– Не думаю. Только потом. Я помню все, о чем вы говорили – я хотела, чтобы кто-то его забрал, чувствовала себя виноватой, потому что не могла добиться любви собственного сына, глупой, толстой, неадекватной, ленивой... Я чувствовала все это, но не помню, чтобы хотела его смерти. Хотеть, чтобы он никогда не родился, – это ведь не то же самое, что желать ему смерти, правда?

«Или нет?»

Глава 17

Посылка размером с коробку для обуви обернута коричневой бумагой. Мое сердцебиение учащается, грудь сжимает, а к лицу приливает кровь.

Я разрываюсь. Мне одновременно хочется и побыстрее сорвать бумагу – так быстро, как только мои пальцы способны это сделать, и бросить ее в огонь и наблюдать, как она горит. Я не делаю ни то, ни другое. Вместо этого иду в кухню и ставлю чайник.

Однажды мама сказала мне – происходящее становится понятнее после того, как выпьешь чашку чая, и это относится ко всему. Если не ошибаюсь, тогда я страдала от разбитого сердца: один из парней, с которым я встречалась до знакомства с Марком, изменил мне с девушкой на год старше. Грудь у нее была больше моей, и она ее всячески демонстрировала. Я рада, что мамы сейчас нет рядом, и она не видит, что есть проблемы, которые чашкой чая не решишь, как и «остановкой для поцелуя».

Когда я была маленькой (помню, это началось с пяти или шести лет, но папа говорил, что гораздо раньше), мы с мамой любили вместе съезжать по лестнице на полах. И я то и дело говорила ей: «Остановимся для поцелуя». Мы замирали, целовались и ехали дальше. Если мы куда-то торопились, мама быстро несла меня на руках вниз, потом смотрела на меня, изображая ужас. «Мы забыли остановиться для поцелуя!» – восклицала она и покрывала мое лицо поцелуями, по одному за каждую ступеньку. Я смеялась, вертелась и пыталась (не очень сильно) сбежать.

Меня всегда поражало то, как сильно мои родители отличались от родителей моих друзей. *Мои* мама и папа обычно целовали друг друга, расставаясь утром, держались за руки, когда мы ходили в парк, а я висела на другой маминой руке, раскачивая ее назад и вперед. Папа приносил домой цветы, даже не совершив никакого проступка, а мама вставала, чтобы приготовить папе бутерброды, которые он брал на работу. Как мне казалось, посреди ночи!

Я сообщила маме о нашем с Марком решении завести ребенка в тот день, когда мы вместе с ней сидели в саду и просматривали

воскресные газеты. Она улыбнулась и сказала: «Очень вовремя, дорогая». И только значительно позднее я выяснила, что она тогда уже знала про болезнь, которая лишит ее жизни.

Мы пытались два года перед тем, как признать, что у нас что-то не так, и отправиться к врачу. К тому времени мама прошла уже два курса лечения, и казалось, что все идет хорошо. Она по три раза в день выходила в сад к своим помидорам, ездила со мной по магазинам, чтобы купить пару новых платьев, которые собиралась взять с собой в путешествие. Папа повез ее в Италию в те выходные, когда я отправилась в больницу для забора яйцеклеток. Через три месяца я была беременна, а еще через месяц после этого мы оказались в том же кабинете, и врач сообщил, что состояние мамы ухудшилось.

Она боролась за жизнь сильнее, чем раньше, но в тот раз я знала: нашего ребенка мама уже не увидит. Единственное, что успокаивает меня сейчас, – мысль о том, что ей не пришлось пережить его смерть. С другой стороны, отец пережил утрату единственной жены, единственного внука и единственной дочери, и все это произошло в течение какой-то пары лет.

Папа сидел в зале суда на протяжении всего процесса. В первый день я допустила ошибку – попыталась найти его глазами. Как только я увидела отца между моим братом и его женой, он поднял глаза и заметил, что я на него неотрывно смотрю. Он сидел, сжав челюсти, и заставлял себя не плакать, не показывать, как сильно он расстроен. На мгновение я представила, как он сбегает по ступенькам с галереи [\[24\]](#), сгребает меня в объятия и отказывается уходить, пока меня не отпустят домой. Тогда он впервые в жизни не смог решить мою проблему, не смог сделать так, чтобы мне стало лучше. Я не могла смотреть на него на протяжении всего судебного процесса, длившегося четыре недели. До тех пор, пока присяжные не зачитали свое решение: виновна. Когда они вернулись после совещания в зал суда, все представители прессы смотрели на меня и моего мужа, а я смотрела на отца. Когда я видела его в последний раз, он рыдал как ребенок.

Быстро осматриваю коридор – посылка все еще там, на столе, где я ее оставила. Стою и тупо смотрю на нее, пытаюсь добраться до содержимого с помощью силы мысли, расшифровать, что именно мне прислали. Но тут внезапно раздается стук в дверь, и я вскрикиваю.

– Сьюзан?

Это Ник. Даже после всего случившегося при звуке его голоса я чувствую невероятное облегчение, которое растекается по всему телу. Быстро иду к двери, опять не обращая внимания на посылку, и открываю ее.

– С тобой все в порядке? – спрашивает он. Я киваю на стол и вижу, как меняется выражение его лица – происходит понимание.

Я сразу же догадываюсь о ходе его мыслей.

– Я знаю, что ты думаешь, – заявляю я ему. – Время выбрано просто идеально, и я сама ее туда положила. Но я этого не делала.

Не знаю, почему мне так отчаянно хочется, чтобы он мне поверил. Может, если поверит он, то и я сама смогу поверить в происходящее.

– Ты не знаешь, о чем я думаю, – заявляет он.

У меня появляется ощущение, будто он сам не знает, что думает. Поэтому я продолжаю:

– Ты считаешь, я сама ее туда поставила после вчерашнего, чтобы ты снова воспринимал меня серьезно. Я этого не делала. Час назад ее сюда принесла Кэрол. Она пришла, мы поговорили. Можешь ей позвонить и проверить. Давай. – Я прокручиваю контакты в своем телефоне. Номер Кэрол я сохранила. – Позвони ей.

Ник не обращает внимания на мою несвязную болтовню. Он даже не спрашивает, кто такая Кэрол.

– Ты ее не открывала?

Глупый вопрос, он же видит, что она обернута бумагой. С трудом сдерживая сарказм, я просто качаю головой.

– Перчатки у тебя есть? – спрашивает Ник.

На мгновение я думаю, что он замерз, но затем понимаю – ему нужны перчатки, чтобы не оставить отпечатков пальцев на коробке. Слава богу, я не достала свои теплые шерстяные варежки.

– У меня есть пачка виниловых в ванной, – говорю и чувствую, что нужно объяснить, зачем они мне, и добавляю: – Унитаз чистить.

Ник похож на следователя, приехавшего на место преступления, когда натягивает перчатки и протягивает вторую пару мне. Он берет посылку, относит в кухню и ставит на стол. Затем берет нож и вводит лезвие под заворот коричневой бумаги. Проклятье, он на самом деле собирается ее открыть. Я задерживаю дыхание, словно то, что находится внутри, не сможет причинить мне вреда, если не дышать. Крышка открывается, и я выдыхаю.

– Это расческа, – тупо констатирую я и вынимаю из коробки маленькую голубую расческу. На ней много волос, но не волосиков младенца, какие были у моего сына, а волос более старшего ребенка. Я никогда в жизни не видела эту расческу.

– А это что? – Ник извлекает из коробки сложенный кусок ткани. – Он для тебя что-то значит?

Мне не нужно забирать его из рук Ника, чтобы понять, что это. Это детское одеяльце, сшитое вручную в период беременности будущей мамы и с любовью подаренное маленькому мальчику в день его рождения. Я сшила его из кусочков моего собственного детского одеяльца и квадратиков, голубого и светло-зеленого, клетчатой ткани. Есть там и кусочек, по которому маршируют игрушечные солдатики. Я его нашла в магазине, торгующем подержанными вещами и отдающем выручку на благотворительность в Девоне. Это были последние выходные перед рождением Дилана. Еще есть бежевый квадратик в белую точку, оставшийся от ткани, из которой были сшиты занавески в детскую. Есть шерстяной кусок с жирафом и слоном. По краям – голубой сатин, который было так трудно пришивать, что я чуть не отказалась от этой идеи. Мне хотелось выкинуть ленту в мусорку! Такое одеяльце существует в единственном экземпляре, и отрицать это невозможно. И только один в мире человек знал, где это одеяльце.

Мой мозг работает с удвоенной силой, эмоции зашкаливают. Это он прислал? Он знает про фотографию? Он и ее прислал? Я знаю, что мне нужно ему позвонить, потребовать ответа: в какие игры он играет, черт возьми? Почему он это прислал сюда? Но я не могу себя заставить. По крайней мере, теперь я знаю правду: Дилан мертв, и был мертв четыре года, как все и говорили мне, как слышали присяжные во время судебного процесса.

Значит, испытания для меня закончились? Теперь мне требуется только склеить расколовшиеся куски моей жизни и попытаться забыть – а уж в этом я профи.

Я не произнесла ни слова после того, как Ник достал одеяльце из коробки. Отдать ему должное, он на меня не давит, просто ждет, пока мой мозг переработает увиденное. Слова застревают в горле. Я не хочу произносить их вслух.

– Одеяльце Дилана, – удается прошептать мне. Я тяну время. Ник – умный парень, он уже сам об этом догадался. – Я сама сшила его. –

Еще одна пауза. – Вещи Дилана были отданы в какую-то благотворительную организацию, только те, что он никогда не носил. Но именно его вещи были отправлены на хранение. Я не ждала, что Марк станет их хранить в нашем доме, поэтому обратилась к человеку, которому доверяла. Человеку, который, как я знала, меня не подведет.

– К кому?

Ник говорит мягко, но в его голосе слышится напряжение. Он понимает, что это откровение может приблизить нас к завершению дела, и он сможет вернуться к своей обычной жизни. Но я не хочу, чтобы все заканчивалось, и не просто из-за того, кем это устроено, и не из-за того, что отрицаю смерть моего сына, а потому, что для меня невыносимы мои мысли. Хотя я не могу притворяться, будто не знаю, кто это, и отвечаю сильным голосом – насколько это возможно.

– Мой отец, – говорю я Нику и делаю глубокие вдохи, чтобы не расплакаться. – Я отдала одеяльце папе.

Глава 18

Джек: 18 октября 1987 года

Мэтт и Адам встретились с ними на вечеринке у кузины Джека. Ее родители уехали на все выходные, и предполагалось, что она будет жить у бабушки. Это означало дожждаться восьми вечера, когда бабушка уснет, украдкой выбраться из ее дома, вернуться в родительский дом и впустить их всех. Кузина была на год младше, следовательно, все ее одноклассники были не старше четырнадцати лет, но они хотели, чтобы на вечеринках им подавали не только желе и мороженое.

– Джек! – поприветствовала его кузина, обнимая руками за шею и целуя в щеку. Она уже явно пропустила пару стаканчиков. Вероятно, бабушка рано отправилась спать. – Заходи.

Она повела их через гостиную, где несколько девочек сидели отдельно от парней, хихикали и украдкой на них поглядывали. Адам и Мэтт понесли выпивку на кухню, а Джек жестом показал Билли следовать за ним.

– Привет, Шекспир, рада снова тебя видеть. – Девушка улыбнулась. – Принести тебе водку?

Билли кивнул. «Нервничает, – с нежностью подумал Джек. – Дай тебе бог здоровья». Кузина исчезла в кухне и вернулась через две минуты с Мэттом и выпивкой для них всех.

– Давай, приятель. – Джек кивнул на рюмку водки, которую его кузина вручила Билли. – Начинай накачиваться алкоголем.

Мэтт искоса посмотрел на Билли.

– Вот, возьми. Можешь это пить, если хочешь, – прошипел Мэтт. Джек увидел, как он меняет водку Билли на свое пиво. – Оно легче пойдет, если ты не привык пить.

Джек нахмурился.

– Он не ребенок, Райли. Пусть пьет то, что хочет.

– Да что угодно, – пожал плечами Мэтт.

– Пока мне этого достаточно, – кивнул Билли. – Оставь крепкое на потом.

– Как хочешь, – сморщил нос Джек.

* * *

– Хм, мне кажется, ей нужно прилечь.

Джек повел одну из девушек туда, где Билли продолжал увлеченно что-то обсуждать с его кузиной. Девушка – Вики, Ники или как ее там? – держалась за него, но все равно опасно покачивалась. Еще пять минут назад с ней вроде бы все было в порядке. Джек предложил ей выйти на улицу, подышать. Она вдохнула свежего воздуха – и ее зашатало. Джек едва успел ее поймать до того, как она рухнула на землю.

– Я отведу ее наверх.

Билли дернулся.

– Ты же не собираешься... ну, сам знаешь... нет? Она же совсем пьяная.

Джек рассмеялся.

– За кого ты меня принимаешь? Я просто отведу ее наверх и уложу в кровать, чтобы проспалась. Если повезет, я найду правильное положение, в котором восстановление пойдет быстрее.

Кузина улыбнулась и опустила ладонь на руку Билли.

– Не беспокойся. Вики всегда так напивается. Проспится, и все будет в порядке.

А, значит, ее зовут Вики. Лучше знать ее имя, если он собирается ее трахнуть. А его кузина-то запала на Шекспира! Как он этого раньше не заметил?

– В любом случае у него есть та стриптизерша, которая постоянно соблазняет его дома. – Маленькая сучка улыбнулась, глаза победно заблестели. Давно она знает про Люси?

– Что? – Билли повернулся к Джеку и прищурился. – Ты спишь с Люси?

– Не будь таким дураком, Билли. – Он жестом показал кузине, чтобы не открывала рот. Та стояла очень довольная собой. – Она тебя просто дразнит. Люси для меня слишком тощая. Я люблю девушек с формами. – Он ухмыльнулся и ущипнул за бок девчонку,

которая висела у него на руке. – Билли, а тебе не пора найти себе какую-нибудь малышку?

Джек немного подтянул висевшую на нем девушку, и она захихикала, так и не открыв глаза. Он отчаянно хотел затащить ее в одну из спален (предпочтительно в спальню тети и дяди), но не собирался уходить, не испортив вечер в кухне в качестве «ответной любезности». Джек повернулся к группе из трех девушек, которые пытались раскурить сигарету. Похоже, они никогда не делали этого раньше. Он жестом подозвал одну из них.

– Салли, – начал он.

– Саманта.

Он изобразил свою самую обаятельную улыбку.

– Да, конечно, Саманта. Прости. Это Билли. Он еще не видел пруд. Покажешь ему?

Саманта улыбнулась.

– Да, конечно, Джек. Пошли, Билли, пруд тут классный.

Билли не успел ничего возразить, как его потянули в направлении черного входа.

– Ублюдок, – прошипела кухня.

– Да, да, конечно. Я занят. А ты в будущем держи свой поганый рот на замке.

Он направился прочь, но успел услышать, как она добавила:

– Надеюсь, ты заразишься от нее лобковыми вшами.

Глава 19

Ник приходит в себя гораздо быстрее меня, и до того, как успеваю осознать, что делаю, я уже стою в своем саду позади дома, руки у меня трясутся, и одной из них я пытаюсь поднести зажигалку к сигарете, а второй держу чашку с кофе. Я много курила в «Окдейле» из-за скуки или для того, чтобы выйти на свежий воздух, но несмотря на то что я бросила курить после выхода на свободу, у меня всегда есть дома пачка сигарет на всякий случай. Чай для решения проблем, кофе и сигареты для кризисных ситуаций.

Проходит целых десять минут перед тем, как Ник обращается ко мне, и начинает он очень нерешительно, словно пытаюсь не расстроить меня еще сильнее.

– Когда ты в последний раз видела отца?

Я почти забыла о том, что мы недавно познакомились, и он понятия не имеет о положении дел в моей семье.

Я собираюсь с силами.

– Папа несколько раз пытался навестить меня в «Окдейле». – Я испытываю чувство вины, только произнося эти слова. – Но я отказывалась с ним встречаться, отказывалась вообще выходить из камеры.

Ник в замешательстве, и я его не виню. Уже наступил вечер, вероятно, холодно – замечаю гусиную кожу у него на руках, но сама не чувствую холода, а он не жалуется. Может, мое тело просто закрывается от внешнего мира, отключая по одному органы чувств, пока в один из дней я просто не прекращу свое существование.

– Мне кажется, ты говорила, он тебя поддерживал? Не бросил тебя? Почему ты не захотела с ним встретиться?

– Да, он меня поддерживал. – Я снова вижу папино лицо, когда председатель коллегии присяжных произнес *это* слово. Виновна. – Больше, чем я того заслуживала. И он не бросил меня даже после того, как меня отправили в «Окдейл». Он день за днем сидел перед зданием. В конце концов через шесть недель он сдался и перестал приходить.

Я одновременно испытывала огромное облегчение и разочарование. Он продержался дольше мужа, но в конце все равно

сделал то, что я предполагала. Что сделали все остальные люди из моей прошлой жизни. Он сдался и бросил меня, оставив альбом у надзирателей.

Я не рассказываю Нику все. Не рассказываю о том, что надзиратель, которому мой отец передал альбом, отказывался отдавать его мне – я никогда не была «мила» с ним, чтобы заслужить привилегии. Мы в «Окдейле» были между молотом и наковальней: если я не жаловалась, он знал, что может относиться ко мне, как заблагорассудится, и без оказания сексуальных услуг я никогда не увижу то, что мне оставил папа. Если же я пожалуюсь старшему надзирателю, то на мне будет клеймо доносчицы, и уже остальные сотрудники сделают мою жизнь невыносимой. Я не собираюсь рассказывать Нику, как получила альбом: одним прекрасным утром в нашу палату зашла Кэсси и просто вручила мне его, не говоря ни слова. Кэсси ни разу не пожаловалась из-за того, что на протяжении целых трех лет я не смогла заставить себя его открыть. Это еще одна вещь, о которой я ее никогда не спрашивала, это еще один мой долг ей. Я стольким ей обязана и никогда не смогу с ней расплатиться.

Я хотела, чтобы папа забыл обо мне, притворился, будто у него никогда не было дочери и внука. Я не могла даже думать о его еженедельных посещениях, о том, что ему придется терпеть во время проводимого надзирателями обыска – доблестными тюремными стражами, большинство из которых обожали издеваться и запугивать. Я представляла, с чем ему придется столкнуться на работе, в пабе и гольф-клубе. Там ему ежедневно будут напоминать, что его дочь – убийца. Это и так будет трудно, без дополнительного позора, когда нужно сидеть напротив меня с другой стороны стола и говорить о погоде или о том, что наша соседка Джин сделала с бегониями.

В последние четыре года я думала о папе по крайней мере два раза в день. Я гадала, чем он занимается, справляется ли он, все ли у него в порядке. Я так старалась о нем позаботиться после смерти мамы, чтобы он не впал в депрессию и ему не было очень скучно. Кто-то делал это после того, как меня посадили? Или ему позволили погрузиться в его собственный маленький мирок, в котором я виновна во всем, что пошло не так в его жизни? Он возненавидел меня во время моего отсутствия? Я это заслужила.

Ник слушает мой рассказ не перебивая и берет меня за руку, когда я начинаю молча плакать.

– Если твой отец всегда тебя поддерживал, зачем ему сейчас так мучить тебя? – удивляется он, разговаривая скорее сам с собой, чем со мной.

– Не знаю. Но это одеяльце – одна из тех вещей, которые я просила его сохранить для меня перед началом судебного процесса. Я и подумать не могла, чтобы оно отправилось в какую-нибудь благотворительную организацию или, хуже того, его просто выбросили. Эта мысль была для меня невыносима! Никто другой не мог послать его мне, никто.

– Это должен знать твой отец, – разумно заключает Ник. – Он должен понимать: ты поймешь, что его прислал именно он. Я практически ничего не знаю про твою семью, но это не похоже на дело рук старика с разбитым сердцем. Откуда он мог узнать, где ты живешь? Судя по тому, что ты рассказала, он не относится к тем типам, которые стали бы тебя выслеживать, сидя в кустах у дома.

– Не знаю, – повторяю я, напоминая заезженную пластинку. Не представляю, что еще можно сказать.

– Твой отец мог кому-то отдать одеяльце? Это очень важно, Сьюзан. Подумай, пожалуйста.

Его голос звучит напряженно, в нем слышится необходимость все выяснить. Мне становится немного не по себе. Не слишком ли близко к сердцу он это принимает? Это не его горе. У меня на совести окажется еще одна испорченная жизнь? Еще одна сломанная карьера, еще один мужчина в плачевном состоянии?

Я молчу, а Ник продолжает:

– Я думаю, тебе нужно встретиться с отцом, Сьюзи.

Я слышу эти слова и понимаю, что так оно и есть, но единственное, о чем могу думать, так это о том, что он назвал меня Сьюзи. Марк – единственный человек, который так меня называл. Странно слышать, как это слово слетело с губ Ника. Как я вообще могу считать, будто изменяю мужу, разговаривая с другим мужчиной? Я не видела Марка четыре года. Я заставляла себя не писать ему и не звонить, мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы сохранить остатки самоуважения, когда мне хотелось умолять его прийти на свидание и сказать, что я не одна. Потеря Марка была еще одной

тяжелой утратой. Он находился в таком месте, где я не могла его увидеть, поговорить с ним, положить голову на сгиб его руки и разделить свое горе из-за утраты Дилана. Сейчас он вполне может быть с другой женщиной, снова жениться и завести еще одного ребенка. Только богу известно, сколько раз я об этом думала. Проблема с зачатием была моя, не его, и я сотни раз мучила себя, представляя своего бывшего мужа и его новую беременную жену. Так почему я не могу двигаться по жизни дальше и позволить себе быть счастливой? Почему желать, чтобы этот мужчина меня обнял, сделал так, чтобы я чувствовала себя лучше – это преступление?

– Сейчас? – Я понимаю, что Ник выжидающе смотрит на меня. – Ты хочешь, чтобы я сейчас ему позвонила?

– Ты же хочешь со всем этим разобраться? Хочешь выяснить, почему он это сделал?

Нет, на самом деле не хочу. Дело в том, что не может быть никакой *хорошей* причины. В этом нет ничего, что делалось бы мне во благо. Что отец написал в моем альбоме? Это поможет мне понять? Понять то, что я сотворила со своей жизнью? Понять, что я сотворила со своей семьей? Поздравляю тебя, папа. Теперь я вижу это яснее, чем когда-либо.

От объяснений меня спасает звук открывающейся двери. Я знаю, что это Кэсси (по крайней мере, надеюсь), потому что только у нее есть ключ.

– Это я-я-я... – Она резко замолкает, и улыбка сходит у нее с лица при виде Ника. – Что ты здесь делаешь? – Кэсси поворачивается ко мне. – Он здесь целый день?

– Я тоже рад тебя видеть, – говорит Ник с не менее мрачным лицом. – Я мог бы задать тебе тот же вопрос.

– Нет, не мог. У тебя нет права спрашивать, что я здесь делаю. Я была здесь бесчисленное количество раз. У меня есть ключ. – Она эффектно достает его и демонстрирует. – Я имею полное право находиться здесь. А ты нет.

– Кэсси, достаточно, – предупреждаю я. Она напоминает собаку, защищающую хозяйку – прячет зубы, но готова в любой момент их оскалить.

– Я просто думала, что он к этому времени уже вернулся домой, вот и все.

Это работа моего воображения, или ее голос на самом деле звучит немного сердито?

– У нас есть кое-что новенькое.

Кэсси в замешательстве.

– Еще одна фотография? Но я думала...

Уверена, она запинается, чтобы не произнести: она думала, что первая фотография – моих рук дело. Она *думала*, вопрос решен. Она *думала*, Ник вернулся в Донкастер.

– Нет, не фотография. – Я беру коробку со стола. – Ее принесла Кэрол из магазинчика. Она адресована Сьюзан Вебстер, но курьер попросил ее расписаться, потому что меня не было.

– Проклятье! Она все растреплет? И что внутри?

Я киваю на диван.

– Наверное, тебе лучше присесть. Это займет какое-то время.

* * *

Кэсси старается ни в чем не соглашаться с Ником, но настаивает, чтобы я позвонила отцу. Лучше всего звонить, когда они оба здесь, рядом со мной, поэтому я принимаю из рук Кэсси трубку. Я чуть не отключаюсь после первого гудка, после второго и третьего, но каким-то образом мне удается удерживать телефон в руке и ждать, когда папа ответит. Он делает это после пятого гудка. При звуке его голоса, простого «Алло!», у меня чуть не сдают нервы в четвертый раз. И только когда он снова повторяет «Алло!», я вспоминаю, что настала моя очередь говорить.

– Здравствуй, папа.

На другом конце повисает молчание – отец обрабатывает информацию. Этот голос он не слышал четыре года. Я гадаю, надеялся ли он на этот звонок, ждал ли тех слов, которые никогда не прозвучали. Кэсси ободряюще улыбается, поглаживая мою свободную руку.

– Сьюзан, – наконец шепчет папа, и я не могу определить, рад ли он или готовится бросить трубку.

– Да, папа, это я. – Внезапно до меня доходит: я понятия не имею, что еще сказать, и в конце концов произношу глупую фразу: – Я на

свободе.

– Я знаю. Мне звонила Рейчел.

Ему звонила Рейчел? Моя адвокат Рейчел? Когда? Они поддерживали связь? Это она заставила его отправить одеяльце? В голове кружится путаница, но я знаю, что сейчас не время об этом спрашивать.

– Я могу приехать к тебе в гости? Пожалуйста.

Я не дышу, жду, что он скажет: нет, прости, сейчас не самое лучшее время, – и удивляюсь, когда он просто отвечает:

– Конечно, Сьюз. Я по тебе скучал.

У меня на глаза наворачиваются слезы, и я снова представляю, как он опускает плечи на галерее после того, как присяжные вынесли свой вердикт. Жизнь людей, которых я любила больше всего на свете, была разрушена в тот день.

– Спасибо, – шепчу я, не в силах сказать больше. – Я тоже скучала по тебе.

* * *

Встреча назначена на следующий день. Я отклонила предложение приехать к нему домой. Не хотела давать соседям повод для разговоров. Вместо этого мы договорились встретиться в пабе на выезде из Брэдфорда. Мы оба его знаем. Ехать мне два часа, но я не буду жалеть о времени, потраченном на эту поездку. Ник мною гордится и, когда Кэсси не видит, сжимает мне руку.

Нет смысла пытаться убедить Кэсси остаться в гостевой комнате. После выхода из «Окдейла» она отказывается спать где-либо, кроме собственной постели, даже если мы выпили. Несмотря на огромные деньги, которые ей приходится платить за поездку на такси до дома, она всегда отправляется к себе, несмотря на поздний час. К счастью, на меня «Окдейл» таким образом не повлиял, и я могу рухнуть на кровать в любом месте. Это просто факт, никаких намеков на нечто неприличное. Предлагаю Нику остаться у меня – я чувствую себя в большей безопасности, когда он рядом. Мне хочется, чтобы он принял мое предложение. Было так приятно сидеть вместе и болтать втроем. Даже Кэсси забыла на пару часов, что терпеть не может Ника, хотя она

до сих пор отказывается называть его по имени и зовет только «журналист», даже в лицо. Ник вежливо отказывается и заказывает такси, на котором отправляется назад в гостиницу.

– Спокойной ночи, дорогая. – Кэсси целует меня в щеку и крепко обнимает. – Все будет хорошо. Пожалуйста, позвони мне сразу же после встречи с папой.

Я киваю и задумываюсь, почему у меня наворачиваются слезы на глаза. Кэсси постоянно от меня уезжает, но обычно я не плачу.

– Спасибо, – шепчу я, и мне хочется сказать, как на самом деле я ей благодарна. Она пытается мне помочь, чтобы я снова не впала в депрессию, от которой страдала, оказавшись в «Окдейле», но слова не материализуются.

Приезжает такси Ника. Внезапно у меня появляется убеждение, что ненависть у них напускная, и они сядут в разные машины, но отправятся в одно место. Я представляю, как Кэсси проводит руками по его волосам и шепчет, что хотя она и убийца, но не сумасшедшая. А теперь скажите мне, что я не параноик.

Дом пустеет. Теперь мне кажется, что в нем особенно тихо. Гостиная такая маленькая, что три человека создают ощущение деревенского собрания. Мысленно возвращаюсь к тому, от чего пыталась уйти весь вечер – я прекрасно знаю, что не громила свой собственный дом и не придумала преступника. И я уверена, что в дом вломился не мой шестидесятилетний отец. Так что тогда получается с моей теорией? Это совпадение? Мстительный сосед, который знает, кто я? Или за мной наблюдают? Я содрогаюсь при этой мысли, пересекаю комнату и усаживаюсь на диван, который стоит дальше всего от двери и окон, словно это небольшое расстояние спасет меня от того, кто может наблюдать снаружи. Громче включаю телевизор, чтобы не вообразить, будто каждый доносящийся звук исходит от того, кто пришел за мной, чтобы заставить заплатить за содеянное. Понимаете: трех лет в «Окдейле» недостаточно. Я всегда это знала. Я слишком легко отделалась, мало получила за то, что совершила. А теперь кто-то хочет, чтобы я страдала, по-настоящему страдала. Мой отец? Не знаю. Но дело не закончено. Все не закончится, пока я не выясню, кто все это творит.

Глава 20

Утром, в первые несколько секунд после сна, я не могу вспомнить о случившемся вчера вечером. У меня разрывается сердце каждый день, когда я просыпаюсь после того, как не стало Дилана. Проходит несколько минут перед тем, как я открываю глаза. Все еще остаюсь во сне: мой сын снова у меня на руках, я его купаю или кормлю. Клянусь, иногда я просыпаюсь и чувствую, что у меня болит грудь. Она словно наливается молоком, которое давно ушло. Когда до меня доходит, как все обстоит на самом деле, на сердце становится тяжело; это знакомая тяжесть, постоянная боль от воспоминаний. Теперь я помню кое-что еще: голос отца, и как я вижу Ника, который достает одеяльце Дилана из коричневой коробки из-под обуви. Я чувствую тяжесть внизу живота, страх. Я боюсь, что все это – только начало уготовленных мне испытаний.

Я хочу закрыть глаза, перекатиться на бок и снова уснуть, видя во сне моего маленького мальчика, но не могу. Снаружи кто-то есть. Настойчивый звон дверного звонка вытащил меня из грез. Нужно возвращаться в реальность.

– Я хотел быть здесь, когда ты встанешь. – Это Ник. Он выглядит обеспокоенным. – Я не хотел, чтобы ты...

Он замолкает, не закончив фразу, но я знаю, что он имеет в виду. Он не хочет, чтобы я сделала какую-нибудь глупость. Отодвигаюсь в сторону, чтобы дать ему войти, обвожу глазами крыльцо, лужайку и кусты снаружи. Ник вручает мне бумажный стаканчик с кофе, от которого поднимается пар.

– Сколько времени?

– Половина десятого. – Он все еще смотрит на меня с беспокойством. – С тобой все в порядке?

– Конечно, в порядке. – Я замираю на месте. – Что-то случилось?

– Ничего не случилось, не беспокойся.

Ник усаживается на диван и бросает на меня взгляд, явно чувствуя себя некомфортно. Этот взгляд напоминает мне, что я все еще в тоненьком халатике, наброшенном на топик и свободные штаны.

– Прости, сейчас переоденусь. Минутку подожди.

Он выглядит смущенным. Надеюсь, халат не просвечивает. Штаны у меня ужасные и большие.

– Да, конечно, не торопись. Мне не следовало приезжать так рано...

Я на самом деле так плохо выгляжу? Ему показалось, что я в нестабильном состоянии, и поэтому он посчитал необходимым примчаться сюда с утра, чтобы проверить, не собираюсь ли я наглотаться таблеток? Боже, что же он думает о том, во что ввязался?

Я натягиваю джинсы, топ и обтягивающий жакет, провожу расческой по волосам, подкрашиваю ресницы. В результате выгляжу более собранной, чем себя чувствую. Может, если я буду предпринимать больше усилий, чтобы выглядеть нормальной, то люди поверят, что я нормальная. Когда я возвращаюсь вниз, Ник листает вчерашнюю газету. Он поднимает голову и улыбается мне.

– Эй, ты сегодня выглядишь лучше. Я хотел сказать: будто ты чувствуешь себя лучше. То есть... – Он вздыхает. – Ты собираешься встречаться с отцом? Не передумала? Ты в состоянии это сделать?

Я неохотно киваю.

– Наверное, я должна это сделать. То есть я хочу, чтобы все это закончилось...

Но я не уверена, что хочу. Если все это закончится, Ник вернется к своей жизни назад в Донкастер, а мне придется разбираться с отцом, который меня наказывает. Может, лучше не знать?

Ник снова вздыхает, когда видит, как меняется выражение моего лица, как я морщусь.

– Черт, прости меня.

– Просто, услышав его голос...

– Мне позвонить Кэсси?

Наверное, ему было тяжело это предложить. Его спасает звонок мобильного.

– Мне нужно ответить. – Он роется в кармане.

Мне ударяет в голову мысль, что я понятия не имею о том, кто может ему звонить. Я понятия не имею о том, как он живет, когда не занимается моими проблемами. У него есть семья? Он по воскресеньям играет в футбол или изучает какой-то иностранный язык в местном колледже? Он предпочитает «Фейсбук»^[25] или «Твиттер», «Макдональдс» или «Бургер Кинг», «Жителей Ист-Энда» или «Улицу

Коронации» [\[26\]](#)? Безумие, что я оперлась на него, как на эмоциональный костыль, и при этом даже не знаю, где он вырос.

– Мой коллега. Мне нужно с ним поговорить, проверить, все ли в порядке на работе. С тобой все нормально?

Я киваю, потому что не доверяю своему голосу, который не сможет соврать. Ник выходит из комнаты, чтобы ответить на звонок, и я слышу, как он заходит в кухню. Мне приходится бороться с желанием последовать за ним, подслушать то, что является невинным разговором и совершенно точно не моим делом.

Я так старалась, напоминая себе, что Марк был прав, не пожелав вникать в ситуацию с моей точки зрения и отстранившись от меня, а отцу не оставила выбора – он мог только сдаться и бросить меня одну. Но я не простила ни одного из них за то, что они так поступили. Мне нужно осознать, что именно я повернулась к ним спиной, и, если б я позволила им приблизиться ко мне, разделить мою боль, все могло сложиться совершенно иначе. Мне нужно научиться подпускать людей к себе, нужно научиться снова доверять, и на долю секунды я задумываюсь, может ли Ник стать тем человеком, который меня этому научит.

Глава 21

Я еду в паб. Когда сижу в машине перед ним, до меня наконец доходит, какими важными должны стать следующие несколько часов. Я старалась не думать о том, что скажу и почувствую, когда снова увижу папу по прошествии всего этого времени, но теперь, когда встреча должна вот-вот состояться, мне этого не избежать. Я всегда считала, что связь между мной и отцом нерушима. Когда я росла, он всегда был для меня героем, а после смерти мамы наша связь только усилилась. Мы с Марком каждое воскресенье приглашали его на обед, он стал первым человеком, которому мы позвонили после рождения Дилана, и он оказался рядом со мной через несколько минут после звонка. Я была удивлена и тронута, узнав, что он сидел в машине на стоянке перед больницей, пока я рожала.

Папа мгновенно влюбился в нашего маленького мальчика – с той самой минуты, когда впервые подержал его на руках. Неловкий, иногда грубоватый мужчина, которого я знала, превратился прямо у меня на глазах в расчувствовавшегося и сентиментального. Он не стыдился слез, которые текли у него по щекам, когда Дилан схватил его за мизинец своей крошечной ручкой. А затем снова заснул на руках мужчины, который, как он каким-то образом понял, будет защищать его от всего остального мира. Смерть Дилана привела папу в отчаяние, как Марка и меня саму. Я решила не позволять ему приходить ко мне на свидания в «Окдейл», потому что знала: каждый раз при виде отца, входящего в те двери, я буду видеть тот образ – папа крепко держит Дилана, словно его могут попробовать у него отнять там. Помню, как он смотрел на маленькое личико и шептал, что будет любить его всегда, и не знал, что это «всегда» окажется таким недолгим.

Я сглатываю комок, образовавшийся в горле, и часто моргаю, чтобы отправить назад слезы, которые угрожают пролиться по моим щекам. Сжимаю одеяльце Дилана, чтобы убедить себя, что я все это не придумала. Представляю, как папа сидит у себя за кухонным столом, складывая его аккуратным квадратиком, затем несет на почту, ставит на стойку перед оператором. Я не злюсь, мне просто грустно. Это я испортила наши отношения. У меня только один вопрос: могу ли я их

исправить? Не поздно ли для нас снова стать отцом и дочерью? Я могу простить его за несколько дней жизни в аду, но сможет ли он простить мне четыре года такой жизни?

Если я буду и дальше тянуть, то вообще никогда не зайду внутрь. Выключаю двигатель, запираю машину и иду к двери паба под названием «Оружие Таллулы» в поисках ответа.

* * *

В пабе много народа, и я не сразу вижу отца. Длинная барная стойка из красного дерева обращена к входной двери, и когда я вхожу, протирающий ее молодой человек на мгновение поднимает голову, а потом снова возвращается к работе. Я осматриваю столики, заполненные людьми. Здесь обедают семьи, есть несколько студентов. В конце концов мои глаза останавливаются на столике, за которым сидит отец, вертя в руках нетронутую пинту «Гиннеса».

Жизнь взяла свое. Теперь отец выглядит на свои шестьдесят два года. Он казался старым после смерти мамы, за исключением тех минут, которые проводил с Диланом, но теперь он выглядит побитым жизнью совсем по-другому: усталым, сломленным и потерпевшим поражение. В детстве я иногда забиралась на ящик, в котором лежали мои игрушки, когда родители думали, что я заснула, и чуть приоткрывала занавеску на окне. Оно выходило в задний двор, и если я слышала знакомое потрескивание огня в костровой яме, то оставалась у окна и наблюдала. Мама и папа обычно сидели на качелях, он обнимал своими большими руками ее узкие плечи, и они просто смотрели на огонь, прижавшись друг к другу. Родители так крепко обнимались, что казались одним человеком. Она улыбалась ему, я видела, как ее губы произносят одно слово. Папа смеялся в ответ, смеялось все его лицо, – они понимали друг друга с полуслова. Один раз я осмелилась открыть дверь черного хода и сонно сказала маме, что проголодалась. Вместо того чтобы отправить меня назад в кровать, она исчезла в кухне и вскоре вернулась, сжимая что-то в руке, разрываясь между раздражением и любовью. Она принесла зефир. Обычно мы надевали его на палочки и немного обжаривали, как тосты. Мама говорила, что они так делали с ее мамой. Папа наблюдал за ней и

улыбался. Казалось, он всегда улыбался, когда смотрел на маму. Он продолжал ей точно также улыбаться в день ее смерти и не позволял никому, кроме меня, видеть его боль.

Делаю глубокий вдох и направляюсь к его столику.

– Привет, дорогая, – здоровается папа, когда я останавливаюсь напротив него.

Он все это время смотрел на дверь и не сводил с меня глаз, пока я шла к его столику. На секунду или две я лишаясь дара речи при виде его лица и звука его голоса после всего того времени, пока мы не виделись. Выдвигаю стул напротив него и сажусь, и все также тупо молчу.

– Ты не собираешься со мной здороваться? – спрашивает он, когда я продолжаю молчать.

– Здравствуй, папа, – отвечаю я, прилагая усилия, чтобы голос не сорвался. – Как ты?

Эти слова кажутся идиотскими, когда у меня в сознании на головокружительной скорости проносятся столько вопросов, объяснений и извинений, но мои губы смогли выдать только это. Мы не можем просто сидеть здесь, молчать и смотреть друг на друга, гадая, каким образом все пошло не так.

– Пошли отсюда, – говорит папа.

Мы сбегает из душного паба и отправляемся на прогулку вдоль реки. В первое время после смерти мамы мы часто так делали, просто чтобы не находиться дома. По мере того как у меня рос живот, прогулки становились короче. Как это ни парадоксально, я потеряла лучшего друга одновременно с получением такого желанного ребенка. Мне тяжело об этом думать. Я содрогаюсь и автоматически закутываюсь в жакет, спасаясь от холодного ветра. Папа выглядит обеспокоенным.

– На тебе мало мяса.

– С моим весом все в порядке, – заверяю его. – Не беспокойся: я слежу за собой. А ты можешь это про себя сказать?

– Я делаю все, что могу, дорогая, – отвечает он, и я еще раз чувствую себя виноватой. Нужно со всем покончить и убираться отсюда. Я очень счастлива снова видеть его, но это медленно убивает меня.

– Папа, – начинаю я и вижу, как мрачнеет его лицо.

– Вот она, – произносит он. – Причина нашей встречи здесь.

– Мы не смогли бы весь день уходить от темы.

– Нет, тут ты права. – У него очень серьезное выражение лица. – Я всю ночь гадал, почему ты позвонила, Сьюзан.

– Я получила отправленную тобой фотографию, – объявляю я, медленно произнося слова и наблюдая за выражением его лица. Я жду чувства вины, но вижу непонимание. Он поставлен в тупик.

– Какую фотографию? – спрашивает он и, судя по виду, искренне не понимает, о чем идет речь.

Это выбивает меня из колеи. Мой отец никогда не умел врать. Я думала, мне потребуется только упомянуть фотографию – и он во всем признается. А если я ошиблась? Я достаю фотографию маленького мальчика и вручаю ему. Он переворачивает ее, видит написанное на обороте, и у него отвисает челюсть. Я мгновенно понимаю, что сделала ужасную ошибку.

– Где ты это взяла? – спрашивает он, затем, не дождавшись ответа, задает другие вопросы: – Ты считаешь, это отправил я? Почему ты так решила?

– Кто-то подбросил мне это на порог дома по моему новому адресу, – лопочу я, одно слово набегает на другое. Я не ожидала такой обиды у него в голосе. – Я *не* думала, что фотографию послал ты, пока не увидела фотоальбом, а потом получила одеяльце...

– Одеяльце? – Отец поворачивается ко мне. – Какое одеяльце? Ты о чем?

Я останавливаюсь, папа делает то же самое. Мы стоим рядом и смотрим на реку. Я собираюсь с силами и начинаю с самого начала, с того самого дня, когда я получила фотографию, и рассказываю ему все.

Папа не перебивает, хотя у него в голове, вероятно, проносятся тысячи вопросов. Он сильнее мрачнеет и выглядит еще более обеспокоенным, когда я сообщаю про Ника и про вторжение в мой дом. Затем перехожу к одеяльцу. Я достаю его из сумки и передаю папе, наблюдая за его реакцией, когда объясняю, как ко мне попала посылка. Он медленно начинает понимать то, что я пытаюсь до него донести.

– Ты его вчера получила? – спрашивает он. Я киваю. – И тогда ты мне и позвонила. Потому что доверила мне собрать вещи Дилана.

– Да. Прости. Мне совсем не хотелось думать, что ты имеешь отношение к этому делу. Это последнее, чего я хотела! Затем я позвонила тебе, а ты сказал, что разговаривал с Рейчел...

– Она позвонила мне. Она считала себя обязанной сообщить мне, что тебя выпустили из «Окдейла». Я подумал, может, это ты попросила ее позвонить мне, но понял, что это не так, когда она поинтересовалась, разговаривал ли я с тобой.

– Папа, одеяльце... Если не ты отправил его мне, то кто?

У него на лице отражается боль.

– Я его не видел, дорогая. Я собрал вещи Дилана, как ты и просила, но одеяльца среди них не было. Мне и в голову не пришло его поискать... Мне следовало это сделать.

Я представляю, как папа молча собирал и убирал воспоминания о своем любимом внуке, и боль пронзает мне грудь. Почему я думала, что для него это будет легко? Мне не следовало его об этом просить, когда прошло так мало времени после нашей потери.

– Я сделал это вечером перед похоронами Дилана, – тихо продолжает он, его лицо перекошено, словно воспоминания вызывают у него физическую боль. Он отказывается смотреть в мою сторону и снова начинает медленно идти вдоль берега реки. Я держусь рядом с ним, ловя каждое его слово.

– Я ходил на похороны. Ты знаешь об этом? – Он не ждет от меня ответа. Думаю, он даже не заметил бы, если б я развернулась и пошла прочь. – Не знаю, хотели ли меня там видеть, но Марк постарался, чтобы никто не произнес ни одного дурного слова, даже ничего дурного *не подумал*. Я это оценил.

Он засовывает руки в карманы.

– В вечер до этого я поехал к вам домой, чтобы выполнить твою просьбу. Я сидел на полу в детской, раскладывал его плюшевых мишек и одежду по пакетам, но мне даже не пришло в голову поискать ту единственную вещь, с которой он не расставался. Мне очень жаль, Сьюзан, но я понятия не имею, откуда взялось одеяльце.

Я беру его под руку, чтобы успокоить.

– Все в порядке, папа. Не следовало просить тебя это делать, – говорю я, но он качает головой.

– Я хотел это сделать. Я хотел чувствовать, что от меня есть какая-то польза. Но я ни разу не видел одеяльце ни в доме, ни на похоронах.

Так куда же оно делось? И каким образом к тебе вернулось?

Глава 22

Джек: 24 января 1990 года

– Ты, на хрен, не поверишь!

Джек давно не видел Билли в таком состоянии, с тех пор, как все начали готовить документы для поступления в университеты. Может, какая-то девчонка наконец ему дала?

– Что случилось?

– У моего отца новый инвестор. Бизнес пошел в гору. Он заключил новые контракты на крупные суммы, целых четыре в этом месяце. Теперь отец сможет оплатить мою учебу в университете.

– Вот это да! Здорово!

Джек спрыгнул с дивана и рубанул кулаком по воздуху. Он приложил столько усилий, чтобы его друг подал заявление в Даремский университет: он предлагал платить за него аренду, изучал вопрос получения стипендий и грантов. Джек никогда не признался бы в этом, но он с ужасом думал о том, что придется уехать из дома без кого-то из них: Адама, Мэтта, Билли и даже Майка. С оценками Билли тот был самым вероятным кандидатом на поступление.

– Мы подаем заявления в Даремский университет, да?

Билли погрузился и стал разглядывать свои руки, а потом отрывать заусенцы – он всегда так делал, когда нервничал.

– Классная руководительница говорит, что с моими оценками я могу попробовать подать заявление и в Кембридж... Папа обещал оплатить учебу в любом университете, в каком я захочу, раз теперь бизнес пошел в гору, поэтому я подумал...

– Ты подумал, что мы теперь тебе не ровня. Ты у нас умный и с бабками, как все прекрасно получилось, правда? – жестким тоном произнес Джек, глаза у него горели от гнева.

– Не надо так, приятель...

– Приятель? Я давал тебе все, что ты хотел, я позволял тебе брать мои вещи, чтобы ты не выглядел, как цыган, черт возьми, я познакомил тебя со своими друзьями. У тебя же не было никаких друзей, ничего не было, пока ты не познакомился со мной! Три года я

был тебе лучшим другом, никогда у тебя такого не было, и теперь ты хочешь просто меня бросить? Да я предлагал платить за тебя аренду! А теперь посмотрите на него: модная стрижка, немного деньжат – и он собрался в Кембридж, хочет нас всех переплюнуть.

Билли опустил голову, и Джек видел, что тот понимает, насколько он прав. Только благодаря ему этот ничем непримечательный парень по кличке Шекспир оказался привлекательным и популярным. Прыщавая кожа на лице разгладилась благодаря разным кремам Люси. Мама Джека отвела его к лучшему в городе парикмахеру, который обрезал сальные волосы и сделал стильную стрижку. Он даже впервые трахнулся за счет Джека, правда, не знал, что Джек заплатил из своего кармана девчонкам, которых они в тот вечер привели домой. И теперь он собирается свалить в Кембриджский университет и свысока смотреть на человека, который фактически его создал. Джек был умен, но слишком ленив, чтобы добиться тех оценок, которые требуются для поступления в Кембридж. Его отец мог оплатить учебу там, но он бы там долго не продержался. И чем плох Даремский университет? Он считается одним из лучших в стране.

– Послушай, я думал, ты за меня порадуешься. Я и предположить не мог, что ты это воспримешь как личное оскорбление. Мой отец сказал...

– Да плевать мне на то, что сказал твой отец. Заполучил пару контрактов и возомнил себя Дональдом Трампом? Давай, вали в свой Кембридж.

Билли уже открыл было рот, чтобы что-то сказать, но решил этого не делать, встал и собрался. Вот и прекрасно. Джек не хотел его видеть. Да кем он себя возомнил?

Джек услышал, как хлопнула входная дверь, и направился в кабинет отца. Значит, Билли решил бросить всех, кто сделал его таким, какой он стал. Джек не думал, что у него это получится. Не поедет его лучший друг в Кембридж.

Он постучал в дверь отцовского кабинета.

– Папа, мне нужно с тобой поговорить.

Глава 23

Следующие два часа мы гуляем вдоль реки и разговариваем. У меня такое ощущение, будто мы не расставались ни на день. Я отказывалась от его посещений, фактически вычеркнула его из своей жизни на четыре года, но сейчас мы забываем об этом, все прошло – словно мелкая ссора из-за того, кто будет переключать каналы на телевизоре.

– Я разрываюсь на части, папа, – признаюсь ему, когда он спрашивает настоящим отцовским тоном, как я справляюсь с ситуацией. – Я никому этого не говорила, едва ли сама себе в этом признаюсь, но часть меня страшно хочет верить, что кто-то пытается сказать мне: Дилан жив, все случившееся ошибка, какая-то злая шутка. Когда я пробую соотнести эти мысли с реальностью, мой гнусный внутренний голосок говорит, что в реальной жизни так не бывает. Да, люди бросаются на убийц, которым вынесли приговор, вымещают на них свою злобу. Людям плевать на правду, справедливость и реабилитацию, на самом деле плевать. Их волнует месть, расплата и наказание.

– Даже если это был кто-то, желавший тебя наказать, это изменит положение вещей? – спрашивает папа. – Заставило бы это почувствовать тебя способной лишиться Дилана жизни? Если ты хочешь докопаться до правды, то должна прекратить сомневаться в себе, Сьюзан. До того как тебя отправили в то заведение, где ты отбывала наказание, ты знала, кто ты, что ты можешь, а что не можешь сделать. Я должен тебе сказать прямо сейчас: я никогда, ни одну минуту не верил, что ты убила своего сына. Не только потому, что я твой отец и вырастил тебя, а потому, что видел тебя с Диланом. Видел, как сильно ты его любила. Я не утверждаю, что знаю, жив этот маленький человечек или нет. Я только знаю, что *ты* не принесла ему зла. Мне хотелось бы думать, что после того, как я тридцать два года был твоим отцом, я знаю тебя лучше, чем какой-то врач, который впервые увидел тебя через несколько дней после потери сына. Ты такая же нормальная, как и я. Я был готов свидетельствовать об этом в любом суде, если бы только кого-то волновало, что я думаю, но всем на это было плевать.

Должен сказать: тебе давно пора поверить в себя, как верю я. Вот что я думаю, если это имеет какое-то значение.

Он замолкает и выглядит смущенным после такой эмоциональной речи.

– Имеет, папа, – говорю я, и мои глаза щиплет от слез. – Это имеет очень большое значение.

* * *

Я уезжаю, давая обещание звонить ему каждый день и сообщать, что со мной все в порядке. У меня ощущение, будто сегодня я получила гораздо больше, чем возвращение отца в мою жизнь. Я наконец начала вспоминать, что такое быть Сьюзан Вебстер.

Папа прав. До того как отправиться к «Окдейл», я точно знала, что не убивала своего сына, несмотря на всех, кто пытался убедить меня в обратном. Однозначно не убивала! Я верила в свою нормальность, верила своему сознанию и верила в любовь к своему сыну. Но постепенно так называемые «эксперты» подрывали мою уверенность. Они решили: раз присяжные посчитали меня виновной в смерти сына, то так оно и есть, и постепенно я тоже начала считать это правдой. Потребовалась вера моего отца в меня, чтобы напомнить, как я сама верила в свою невиновность. Теперь я тоже верю. А если я невиновна, значит, мой сын все еще может быть жив.

Глава 24

Толкаю входную дверь своего дома. Я эмоционально истощена и готова рухнуть в постель. Сейчас всего-то семь часов, но я в состоянии думать только о том, как забраться под одеяло и спать-спать-спать.

В доме очень тихо, он кажется пустым без Кэсси и Ника. Я бросаю сумку на стул и быстро набираю сообщение, которое отправляю им обоим: «С папой все ОК – но нового ничего не узнала. Позвоню завтра». Потом завариваю себе чашку чаю и выбираю женский роман, чтобы почитать в кровати. Когда я читаю, то не думаю больше ни о чем. Погружаясь в слова на странице, не позволяю своему сознанию переключаться на что-то другое.

Толкаю дверь в спальню попой, двигаясь осторожно, чтобы не расплескать чай. Первым я чувствую запах – до того как увидеть, что ждет меня на кровати. Чашка валится на ковер, горячий чай обжигает брюки и ноги. Мой крик пронзает тишину, словно сирена.

* * *

Холодный воздух ударяет в лицо, но только ощутив землю под руками, я понимаю, что стою на коленях на траве перед домом. «Как я сюда попала?»

«На кровати, – напоминает мне звучащий в голове голос. – Оно лежит у тебя на кровати».

– Эмма?

Какой-то очень знакомый голос пробивается сквозь мои мысли. О боже! Что я делаю? Что я могу сказать? Через несколько секунд Кэрол оказывается рядом со мной. Нет времени, чтобы придумать веское оправдание пребыванию на лужайке перед домом в таком положении в семь вечера. Совершенно точно это не похоже на садовые работы.

– С вами все в порядке? Может, врача вызвать? Вы поранились?

Вопросы бьют меня как пули. Я все еще ошарашена и отшатываюсь от ее голоса.

– Со мной все в порядке, – удается пробормотать мне. Нет ничего удивительного в том, что Кэрол не верит.

– Пойдемте, я провожу вас в дом.

– Нет! – Мой крик шокирует нас обеих. – Нет, простите, Кэрол, я не могу туда вернуться.

На ее лице появляются замешательство и обеспокоенность.

– Кто-то что-то сделал с вами? Давайте в таком случае пойдем ко мне. Пойдемте, дорогая, вы не можете здесь оставаться.

* * *

Кэрол аккуратно усаживает меня на свой диван.

– Это имеет какое-то отношение к... ну, к тому, кто вы? Кто-то еще знает? Мне позвонить кому-то из ваших друзей, родственников?

Мгновенно думаю о Кэсси. Я не могу сидеть здесь полчаса, которые ей потребуются, чтобы доехать, и не могу вернуться в свой дом и ждать ее там.

– Вы можете позвонить в «Трэвелодж»? Там сейчас живет один человек, мой давний друг. Его зовут Ник Уайтли, он приедет за мной.

Кэрол кивает.

– Хотите что-нибудь выпить, пока ждете?

Качаю головой. Если я что-то сейчас залью себе в рот, все это тут же выплеснется назад. У меня перед глазами появляется увиденное на кровати, и во рту снова чувствуется желчь. Я не рискую даже говорить. Не могу допустить, чтобы меня стошнило в гостиной этой милой женщины.

– Хорошо, я сейчас позвоню. Сказать, что возникло срочное дело?

– Да, очень срочное, – бормочу я.

* * *

Мне следовало предупредить Ника о том, что он увидит, но я лишилась дара речи. Не могу произнести ни слова. Ник поблагодарил Кэрол, помог мне подняться с дивана и сесть в машину,

припаркованную перед ее домом. Я сижу в машине, жду, когда он вернется, чтобы объяснить, *что* находится у меня в комнате.

Ник выходит из дома и пересекает лужайку с мертвенно-бледным лицом. Сев в машину, он обнимает меня. Я ему позволяю это и стараюсь не плакать.

– Что там? – шепчу я, когда наконец перестаю за него судорожно цепляться.

– Кот. То, что от него осталось, – отвечает Ник. Кажется, его самого сейчас стошнит. – Он... с него сняли кожу.

Образ маленького животного, лежащего на моей пропитанной кровью кровати, без приглашения врывается в сознание. Я все еще чувствую запах несчастного существа у себя в носу и не понимаю, как могла его не почувствовать, когда поднималась по ступеням.

– О боже! – Внезапно у меня в голове появляется жуткая мысль. – А ошейник у него был?

Судя по виду Ника, он предпочел бы провести ночь в постели рядом с мертвым котом, а не отвечать на мой вопрос. В конце концов он кивает.

– Из шотландки? – хриплю я, желая, чтобы он сказал «нет», но знаю: он скажет мне правду, какой бы суровой она ни была.

Ник снова кивает. О нет, пожалуйста, нет. Не надо еще одной жертвы в этом безумии, не надо, чтобы погибло еще одно существо, которое я люблю.

– Джосс.

Это утверждение, не вопрос, и Ник знает, что ответ мне не требуется. Остатки сил, которые у меня еще были, вытекают из моего тела, и я снова падаю ему в объятия, из глаз льется новая порция слез. Глупый кот! Глупое, глупое животное. Почему он не мог просто держаться подальше? Почему он был таким любопытным, таким общительным и дружелюбным? И почему он выбрал меня из всех людей? Считается, что кошки умные животные. Он должен был почувствовать мое проклятие, которое забирает у меня всех, кому я не безразлична.

– Тебе пора ехать, – шепчу я, отрываясь от него. – Я разберусь с этим и поселюсь в гостинице.

Ник в замешательстве.

– Ты о чем? – резким тоном спрашивает он. – Сейчас мы вызовем полицию, а потом ты поедешь со мной.

– Нет, ты не понимаешь.

Мне хочется сказать ему, что с любым человеком в моей жизни случается только плохое. Марк, Дилан, папа и даже кот Джосс. Мне хочется сказать ему, что в конце концов его жизнь будет испорчена, как и у всех в этом списке.

– Что именно, по твоему мнению, я не понимаю, Сьюзан? Что ты что-то сделала четыре года назад, с чем никак не можешь смириться? Что кто-то использует это против тебя, пытаюсь заставить думать, будто твой сын может быть жив? Или, может, я не понимаю, что этот человек так внимательно наблюдал за тобой после освобождения, что как только ты связалась со мной, в твой дом вломились и разгромили его, затем убили прирученного тобой кота и положили на твою кровать? Тебе непонятно мое мнение о чем-то из этого?

– Джосс был не мой кот.

Больше я не нахожу слов. Ник высказался так эмоционально, что это меня шокировало и сразу отбило всякую охоту спорить.

– Сьюзан, с тобой происходят ужасные вещи, но тебе уже пора прекращать себя жалеть и позволить тебе помочь. Я большой мальчик и в состоянии решить, проклята ли ты, или тебе просто не везет, или ты сумасшедшая. Если ты больше не можешь терпеть мое присутствие рядом, скажи прямо сейчас, я отвезу тебя к отцу, сдам с рук на руки. Я не сомневаюсь, что ему можно доверять. – Ник неотрывно смотрит мне прямо в глаза и заглядывает прямо в голову. У меня ощущение, будто он пальцами перебирает мои мысли. – В этом все дело? Ты пытаешься от меня избавиться? – Я тупо качаю головой. Я не хочу от него избавиться. Мы только что познакомились, но он – один из тех трех человек, с которыми я сейчас могу быть собой, кто знает, кто такая «я».

– Я не пытаюсь от тебя избавиться, – шепчу. – Я...

– Нет, – резко обрывает меня Ник. – Не надо извиняться. Не начинай извиняться! Прекрати это, Сьюзан. Я не собираюсь бросать тебя, я здесь, чтобы тебе помочь. Прекрати вести себя так, будто я – Марк.

Его слова меня шокируют, как пощечина. До того как я успеваю что-то ответить, Ник открывает дверцу машины, вылезает из нее и

идет по лужайке. Он достает мобильный и набирает какой-то номер. Предполагаю, это номер местного отделения полиции. Я сравнивала его с Марком? Мои попытки его оттолкнуть были защитной реакцией, чтобы он не сделал того, что сделал мой бывший муж – сбежал, как только дела пошли плохо?

Голос Ника доносится до меня сквозь закрытые окна машины, а я сижу в салоне и дрожу. Боже, боже! Бедный Джосс.

* * *

Полиция приезжает через час, и сорок минут уходит у них на то, чтобы записать мои показания о случившемся. Полицейский очень вежлив, кивает в нужных местах, обещает, что Джосса увезут, как вещественное доказательство, а если у них появится какая-то информация, то со мной свяжутся. Спасибо, мэм.

– Я могу зайти в дом и собрать кое-какие ее вещи? – доносится до меня голос Ника, который обращается к полицейскому. Тот качает головой: лучше не заходить, пока криминалисты не закончат работу.

– Я забронирую номер в «Трэвелодже», – предлагаю я, открывая дверцу машины и высовывая ноги. – Я могу купить вещи на несколько дней. Не хочу брать ничего, к чему он мог прикоснуться...

Ник качает головой.

– Сейчас тебе не стоит здесь находиться, даже поблизости. Я за тебя беспокоюсь. Думаю, тебе лучше поехать ко мне.

– О нет, – начинаю сразу же возражать. – Я не могу тебе позволить...

«Я тебя не знаю!»

– Не начинай. Предупреждаю тебя. – Ник говорит очень серьезным тоном. – Полиция здесь все закрое. Потом мы заберем твои ключи в отделении. Поехали.

Глава 25

Когда мы наконец останавливаемся перед двухквартирным домом в Донкастере, и Ник паркует машину на подъездной дорожке, я впадаю в состояние шока, в хорошем смысле. Это совсем не холостяцкая берлога, которую я ожидала. В таком доме я предполагала бы увидеть женатого человека с увлеченной дизайном женой. На мгновение у меня в сознании возникает образ женщины в деловом костюме в стиле восьмидесятых – она открывает дверь, чтобы встретить Ника поцелуем. Мне приходится тряхнуть головой, чтобы избавиться от этого видения. Какая мне разница, если он женат? В любом случае он помогает мне, чтобы размять свои журналистские мышцы. Садик маленький, но очень ухоженный. Несмотря на то что Ник отсутствовал последние несколько дней, трава все еще низкая, а в огромных вазонах распустились цветы.

«Кто за всем этим присматривает?»

Ник выходит из машины и жестом предлагает мне сделать то же самое. Я вытаскиваю свои сумки и следую за ним. Он меня не торопит. Его совершенно не волнует, что соседи меня увидят?

– Соседи не начнут болтать? – спрашиваю я, стараясь говорить как можно более небрежным тоном, когда иду с сумками к входной двери.

– Очень надеюсь, что начнут, чтоб их всех, – дерзко отвечает Ник. – Я знаю, старые курицы уже шепчутся о моей голубизне.

– Хватит меня тут всем демонстрировать! Я не маяк для оповещения всех о твоей гетеросексуальности. Давай уже впускай меня.

Он услужливо толкает дверь и жестом предлагает мне зайти первой, что я и делаю, рассматривая каждую деталь. Холл большой, много пустого пространства, плюшевый ковер кремового цвета тянется к плиткам кухни. Стены выкрашены в цвет магнолии, антикварная мебель из сосны идеально расставлена, а за дверью висит огромное зеркало в золотой раме. Этот дом во многом похож на тот дом, который я когда-то оформляла для своей семьи, и я никак не могу

отделаться от мысли, что этим домом тоже занималась женщина. Осматриваю стены в поисках фотографий, но их нет.

Кухня тоже разочаровывает – гладкие черные рабочие поверхности обтекаемой формы, хромовые аксессуары, которые, если судить по их виду, никогда не использовались. Определенно, на этой кухне женщина не хозяйничает. Нет никакой кулинарной книги, никакого забавного календаря с котятами, нет и набора специй.

– Ты уверен, что не голубой? – поддразниваю я Ника, который при виде моего удивления выглядит робко и застенчиво.

– Боюсь, это не моя работа, – неохотно признает он. – После покупки этого дома я нанял дизайнера по интерьерам.

– Неплохо для журналиста из местной желтой газетенки, – замечаю я и сразу же жалею о своей грубости. Мне не следовало думать о том, как он смог себе позволить этот дом.

Однако на Ника моя грубость никак не действует.

– В молодости я выиграл кое-какие деньги и удачно их вложил, когда цены на дома были еще низкими, – поясняет он. – На самом деле мне просто повезло, учитывая то, как дела обстоят сейчас.

– Прости, – извиняюсь я. – Я не хотела даже намекать на то, что ты не можешь позволить себе этот дом.

Ник пожимает плечами.

– Все нормально. Ты права: я никогда не смог бы его купить, если б не удачно сложившиеся обстоятельства. Ну а сейчас я поставлю чайник, а потом отнесем твои вещи наверх.

– Отлично, хорошо, спасибо.

Должна признаться, что чувствую себя странно, заселяясь в дом к мужчине, с которым едва знакома. «Ты к нему не заселяешься, просто немного тут поживешь, пока не разберешься с делами. И Кэсси знает, где ты».

Проклятье! Кэсси.

– Я не сообщила Кэсс, что еду сюда, – понимаю внезапно. Я так привыкла к тому, что она постоянно находится рядом, что просто забыла ей сообщить. – Лучше ей сказать на тот случай, если она отправится ко мне домой...

В голове появляется образ заходящей в дом Кэсси и видящей остатки того, что там произошло. По коже бегут мурашки. Я не добавляю: «На тот случай, если ты убийца, который орудует топором».

Достаю телефон и морщусь при виде ответа на мое предыдущее сообщение: «Мне плевать, что ты устала. Я хочу знать, как у тебя прошло с отцом. Позвони мне!! <3».

– Она не обрадуется, узнав, что ты здесь, – предупреждает Ник, когда я поднимаю телефон, чтобы позвонить Кэсси.

– Не волнуйся, она слишком далеко, чтобы применить насилие.

– Где ты, черт тебя побери? – орет Кэсси, только ответив на вызов. – Я звонила тебе домой, отправляла сообщения, а ты исчезла! Я беспокоюсь. Господи, где ты, Сьюзан?!

Я уверена, этот поток так и продолжался бы, если б я быстро ее не перебила и все не объяснила. Гнев быстро сменяется обеспокоенностью, пока я не сообщаю, где нахожусь.

– Почему ты ко мне не приехала? – В ее голосе звучит легкий сарказм.

– Ник был ближе, в гостинице в двух шагах. Меня парализовало, Кэсс! Кто-то залез в мой дом и оставил у меня на кровати мертвого кота! Я просто хотела оттуда убраться. Ник, скажи ей, что со мной все в порядке.

Включаю громкую связь, и он подтверждает, что я не рассыпалась на части. Вместо ответа он получает хмыканье. Я рассказываю Кэсси про встречу с папой.

– А завтра я поеду к Марку, – удивляю я сама себя. Не знаю, когда я приняла это решение, но, произнесенное вслух, оно кажется логичным. Надо действовать. Единственное место, куда сейчас можно отправиться, – мой дом.

Похоже, Кэсси и Ник не разделяют мою уверенность. Они начинают говорить одновременно. Голос Кэсси звучит громче, хотя она находится на расстоянии свыше ста миль от нас. Но меня ничто не остановит. Мне лучше, когда я принимаю твердое решение. Сьюзан из прошлого упрямства было не занимать.

– Ты на самом деле думаешь...

– Сьюз, я на самом деле думаю, что это не лучший план действий. Прошло четыре года. Он не захочет тебя видеть. А если он позвонит в полицию? У тебя могут быть неприятности, ты можешь подставить себя под удар.

С каких это пор Кэсси Рейнольдс волнуют проблемы с полицией? За все три года нашего знакомства она ни разу не отступила от плана,

независимо от того, каким безрассудным он был.

– Кэсси права, – соглашается с ней Ник. Я чувствую, как Кэсси хмурится из-за того, что он с ней согласился, и улыбаюсь. – Ты можешь только все испортить. А если он ничего про это не знает?

– Я еду. – Часть меня просто демонстрирует упрямство, потому что я чувствую, как они объединяются против меня, а живущий внутри меня подросток отказывается отступить. – Это моя проблема, и я еду.

– Отлично, – сдается Кэсси. – Я еду с тобой.

– Не в этот раз, Кэсс, – отвечаю я. – Это я должна сделать сама. Ты можешь приехать сюда и помочь Нику.

– Ни за что! Я ему не верю.

– Вау, спасибо. Услышать это от убий...

– Не заставляй меня доказывать, как далеко я могу зайти.

– Можно подумать, я такой дурак. – Ник поворачивается ко мне. – Если она не собирается работать со мной, ее право. Я постараюсь собрать все, что смогу по твоему судебному процессу и доктору Райли, а потом снова встретимся здесь.

Кэсси, похоже, понимает, что в таком случае она останется дома и сможет только ждать. В одиночестве.

– Хорошо. Я помогу. Смогу приглядывать за журналистом. Приеду утром.

Я благодарна им за то, что они так легко сдались. Теперь мне не придется врать. Я нервничаю и сильно боюсь. Ведь менее чем через двадцать четыре часа мне предстоит встретиться с мужчиной, с которым я делила жизнь. С мужчиной, которому я сломала жизнь.

Глава 26

Джек: 13 января 1991 года

Как и следовало ожидать, когда Билли отказали в приеме в Кембридж, он был опустошен и очень предсказуемо побежал к Джеку, ну а Джек был готов его подбодрить. По крайней мере, его приняли в университет, который числился вторым в списке предпочтений, а это означало, что теперь они вместе поедут в Дарем. Билли снова и снова извинялся за то, что хотел их бросить, но Джек сказал ему не париться по этому поводу – в конце-то концов, они же друзья, а друзья должны прощать друг друга, верно?

Теперь они учились в Даремском университете, и Билли забыл о том, что хотел отправиться в Кембридж. Жили они классно. Каждый день вечеринки и траханье, воспоминания обо всем были окутаны наркотическим туманом. Девушки бросались на них, предлагая себя. Это было просто удивительно! Даже Шекс спал со всеми, не успевая подсчитывать количество побед, и опережал в этом плане Майка, Адама и Мэтти. Значительно опережал. Билли поразительно изменился за последний год. Бизнес его отца давал теперь такой доход, который мог обеспечить сыну тот образ жизни, о котором он всегда мечтал. Теперь Билли мог позволить себе новую дизайнерскую одежду, а на расходы отец выделял ему столько, сколько государство выделяет из бюджета на помощь другим странам. В последнее время именно благодаря ему они получали все самое лучшее. Фамилия Билли значилась первой среди ВИПов. И это было нормально – Джек мог позволить своему другу купаться в лучах славы, только если тот не будет забывать, кто главный в их компании. Кто принимает решения, благодаря кому они получают то, что хотят, благодаря кому случается то, что случается. Единственное, что беспокоило Джека, так это сближение Билли и Мэтта. Они становились очень близки. Джек не просто так потратил столько времени на полное преображение Шекспира, чтобы потом взять и отдать его Райли – чтобы тот все испортил?!

Они жили в Дареме уже третий месяц, когда Билли привел к ним Таню. Сиськи и ноги. У Тани все было в нужных местах, но что поражало еще больше – она могла читать и писать! Конечно, Шекспир на нее запал. Следующие три недели она словно приклеилась к нему. Куда бы они ни пошли, везде их сопровождала Таня. Это было плохо, но это было еще не все! Она разгуливала по их квартире в шортиках не больше кухонного полотенца и в таких обтягивающих майках, словно они были второй кожей. Ее длинные темные локоны полностью закрывали огромные груди. Она все время оказывалась рядом, стоило Джеку только повернуться – склонялась в поисках пульта, при этом казалось, что ее сосками можно резать стекло. Джек раньше несколько раз видел ее в колледже Святого Чада [\[27\]](#), но не обращал на нее особого внимания, пока Билли не привел ее к ним, и она не стала частью их жизни. Теперь ему хотелось к ней прикоснуться. Она ведь не могла не видеть, как ее присутствие на него действует? Конечно, видела, и ей это нравилось. Он сделает одолжение Билли, если покажет ему, что на самом деле представляет собой эта маленькая искусительница.

Как иронично получилось! В пятницу тринадцатого все пошло не так.

– Таня? – Джек нахмурился, стоя в дверном проеме. – Что ты здесь делаешь?

Она улыбнулась, приподняв пакет, в котором, судя по звуку, позвякивало несколько бутылок, и заглянула ему через плечо.

– Сюрприз! А он дома?

Обычно Таня называла Билли его настоящим именем, и это было еще одной из причин, почему Джеку не хотелось видеть ее рядом. У нее получалось создавать такое ощущение, будто последних четырех лет не было вообще, будто сейчас все начинается с нуля, а она – единственный человек, который имеет значение.

– Его нет, – объявил Джек, не двигаясь с места. – Он занимается. У Билла Брайсона [\[28\]](#).

Таня была в недоумении.

– Он в библиотеке? В пятницу? Странно. Может, мне стоит туда сходить и поискать его.

– Нет, – быстро ответил Джек. – Заходи, здесь подождешь. – Он повел Таню по квартире с открытой планировкой, забрал у нее

пакет с алкоголем и отнес на кухню. – Выпьешь пока что-нибудь?

Джек открыл вино, которое она принесла, налил бокал и, стоя спиной к ней, добавил в него немного водки. Ей не помешает. Затем налил полбокала себе.

– Вот, возьми. Надеюсь, ты не возражаешь, чтобы и я выпил бокальчик?

Таня взяла вино и улыбнулась.

– Спасибо. Выпью один бокал и пойду искать его в библиотеке. Может, ему нужна компания, чтобы вместе позаниматься.

– Послушай... – Джек уселся рядом с ней и поставил бутылку на столик рядом, потом запустил пальцы в короткие темные волосы, провел по ним и виновато посмотрел на девушку. – Я не стал бы этого делать. Будет лучше, если ты подождешь здесь.

– А почему мне не... о, поняла. – Таня сделала большой глоток вина и сморщила нос. – Боже, какое дерьмо. – Она допила бокал за два глотка. – Если он не в библиотеке, то где тогда?

Джек откинулся на спинку дивана и потер лицо руками.

– Прости. Не знаю. Если б знал, то сказал бы тебе, но...

– Да черт! – Таня потянулась к бутылке. – Если он хотел с кем-то встретиться, почему мне просто не сказать об этом?

– Эй, не заводись. – Джек поднял обе руки. – Я не говорил, что он с кем-то встречается. То есть я имел в виду, он на самом деле может быть в библиотеке...

Таня улыбнулась и сделала еще один глоток.

– Спасибо, но я не дура, а у тебя все на лице написано. Тебе кто-нибудь говорил, что ты не умеешь врать?

Джек принял робкий и застенчивый вид.

– Боюсь, это у меня никогда не получалось. Я не такой, как Билли. Он у нас мозг. Я просто парень, с которым хорошо проводить время. Я не вижу смысла врать женщинам. Я именно такой, каким кажусь. Боюсь, это недостаток. Здесь, в универе.

Он потянулся за бутылкой, чтобы еще раз наполнить Тане бокал, и в процессе на долю секунды прижался к ее груди.

– Я не думаю, что это недостаток. Твоя честность похвальна. – Таня взяла у него из руки бокал. Ему показалось, или ее пальцы дольше положенного касались его собственных? Она подняла бокал, словно хотела сказать тост, но ее глаза блестели от слез. – На самом деле я

не ожидала, что кто-то из первокурсников в первые месяцы учебы захочет постоянных отношений, но он казался таким серьезным. Следовало ожидать, что будут и другие. Но почему нельзя было просто сказать мне об этом? У меня уже были отношения на одну ночь, пережила бы. – Она шмыгнула носом. – Знаешь, а он мне на самом деле уже начал нравиться.

Джек положил руку ей на колено.

– Думаю, он просто не хотел от тебя отказываться, потому что ты такая красивая. Не нужно на него сильно обижаться, нельзя его винить за то, что он хотел видеть тебя рядом. То есть я хотел сказать, когда ты здесь... Прости, я не о том говорю. Наверное, выпил слишком много.

– Нет. – Таня подвинулась так близко, что ее грудь коснулась его плеча, и Джек задумался, осознает ли она, что делает. Намеренно или нет, но он чувствовал, как возбуждается, и знал, что нужно действовать дальше. Даже Билли не занимается до поздней ночи в пятницу вечером. – Продолжай.

– Я могу понять, почему Билли хотел видеть тебя рядом, вот и все. Ты шикарная, а еще и умная, и веселая. Он везучий парень.

Таня сморщила свой носик-пуговку.

– Был, – поправила она его. – Джек, мне не нравится, когда мне врут, и еще с его стороны было нечестно ставить тебя в такое положение. Ты был так мил, но мне на самом деле пора идти. – Она поставила бокал на стол, и ее глаза округлились при виде пустой бутылки. – Неужели я на самом деле... вау! – Ее шатнуло, когда она встала, и Таня снова рухнула на диван. – Ударило в голову. Нельзя так резко вставать. Со мной все в порядке.

– Обопрись о меня. – Джек протянул руку и помог ей подняться на ноги. – Послушай, тебе не нужно так быстро сбегать. Билли, вероятно, еще долго не вернется. – Джек поморщился. – Черт, прости.

Пошатываясь, она сделала шаг вперед и положила обе руки ему на грудь, чтобы удержаться на ногах.

– Со мной все в порядке, я просто выпила вино слишком быстро. Предполагалось растянуть его на весь вечер! Мне нужно в туалет.

– Конечно, иди.

Джек смотрел, как она направляется к туалету. Именно так ходят люди, пытающиеся убедить себя, что они не выпили лишнего. Когда за Таней закрылась дверь, Джек быстро метнулся к столу, вылил остатки из своего бокала в нее и снова добавил водку. Нет, больше не надо, ей надо остаться целой и невредимой. После того как все случится.

– Все в порядке? – спросил Джек, когда Таня вышла из туалета.

Ее шифоновая блузка с цветочным рисунком была не заправлена в джинсы, две верхние пуговицы растегнуты, и в вырезе виднелась загорелая грудь. Волосы казались взъерошенными, словно она просто быстро провела пальцами по локонам. Ох, как хорошо будет...

– В порядке, спасибо. Ты такой милый, мне очень жаль, что ты оказался впутан в это дело.

Она сдержала рвавшееся из горла рыдание, и Джек воспользовался возможностью, чтобы вручить ей бокал.

– Давай допей, и я провожу тебя вниз.

Таня выглядела расстроенной.

– Ты пытаешься от меня избавиться?

Джек покачал головой и придвинулся к девушке поближе.

– Нет, – сказал он, беря ее свободную руку в свою. – Я просто волнуюсь из-за того, что может случиться, если ты останешься. Билли – мой друг и...

Таня сделала глоток вина и поставила бокал на столик.

– И сейчас он развлекается с какой-то потаскухой, а тебя оставил здесь разбираться с его девушкой. Это не очень справедливо, не правда ли?

Она подняла руку и коснулась его лица, провела рукой вниз по шее, потом нежно наклонила его голову вперед. Джек сам склонился к ней, и она прижалась губами к его губам, вначале легко и нежно, а затем, когда убедилась, что он не собирается ее отталкивать, сильнее и крепче. Целуясь, они стали продвигаться к спальне. Таня прекрасно понимала, куда ее ведет Джек, и следовала за ним. Он нащупал ручку двери у себя за спиной, повернул ее, толкнул дверь и направил Таню к кровати. Она рухнула на нее и стала тянуть футболку из-за пояса его джинсов, наконец у нее получилось ее высвободить.

– Я делаю это не для того, чтобы ему отомстить, – выдохнула она, когда они на мгновение оторвались друг от друга. Ее руки

исследовали его тело, а потом переключились на пряжку ремня. Таня щелкнула ею, затем расстегнула пуговицу, за ней последовала молния, и она спустила джинсы ему на бедра.

– Мы вообще не должны этим заниматься, – пробормотал Джек, ловко расстегивая оставшиеся пуговицы у нее на блузке и распахивая ее, открывая себе доступ к поразительной груди. Он не мог понять, как ему удалось так долго продержаться, когда она тут фланировала по квартире, виляя задом. Билли сам виноват во всем происходящем – разве можно ставить перед алкоголиком ящик пива? Джек запустил большой палец в тонкий бюстгальтер и стал играть с ее соском. Ему очень понравилось, как она застонала. Он опустил губы к ее груди, взял сморщенный сосок в рот и стал его нежно посасывать, а потом прикусил. Таня резко вдохнула.

– Он это заслужил, ублюдок. Не думай о нем, Джек. – Таня сама расстегнула и сняла джинсы. – Знаешь, он предупредил меня, чтобы я тебя опасалась. Говорил, ты будешь ревновать и попробуешь испортить наши отношения. А на самом деле он хотел, чтобы мы не встретились, и ты не смог рассказать про его шлюх.

– Хитрый черт, – выругался Джек. – Ему это не сойдет с рук.

Таня приподнялась на локтях.

– Но разве то, что мы делаем, не превращает нас в таких же, как он? Может, это ошибка...

О, ради всего святого...

– Ш-ш-ш.

Джек склонился, стянул с нее кружевные трусики и отбросил их в угол комнаты. Потом спустил свои боксеры, подтянул Таню поближе, прикрыл ей рот одной рукой и резко вошел в нее, улыбаясь при виде ее округлившихся глаз.

* * *

– Я вернулся. Есть кто-нибудь?

Джек услышал, как хлопнула входная дверь, и до него из коридора донесся голос Билли.

– Давно пора. Как поработал в библиотеке?

Билли открыл дверь задом, потому что руки были заняты книгами.

– Дикая скукота. Напоминай мне, чтобы больше никогда не оставлял задания на последний день. А ты почему здесь в пятницу вечером?

Джек пожал плечами. Он лежал на диване, положив ноги на подлокотник.

– Хотел провести вечер спокойно. Принеси нам по пиву, будь другом?

Билли бросил стопку книг на свою кровать и достал две банки из холодильника, запасы пива в котором никогда не кончались. Он бросил одну банку Джеку, а сам устроился в любимом кресле.

– Сегодня вечером ты ничего не делал?

«Ну, так нельзя сказать».

Джек изобразил на лице обеспокоенность и повернулся к другу.

– Послушай меня, приятель, мне нужно кое о чем с тобой поговорить. О Тане.

Билли вздохнул и покачал головой.

– Я знал, что до этого дойдет. Тебя раздражает ее постоянное присутствие здесь, да? Прости, приятель, но мне она на самом деле нравится. Мы будем чаще ходить в ее квартиру, не станем тебе мешать...

– Дело не в этом, – перебил его Джек. – Просто понимаешь, тема на самом деле неприятная, я чувствую себя неловко, но... в общем, она со мной тут заигрывала.

Билли выглядел так, словно получил кулаком в лицо.

– Она что? Таня? Когда?

Джек опустил глаза и уставился в пол.

– С тех самых пор как ты ее сюда привел. С самого первого дня. Если честно, мне было трудновато скрывать это от тебя, приятель, но я думал, к этому времени она уже отказалась от идеи затащить меня в постель. Вот что она оставила. – Джек продемонстрировал кружевные трусики, которые в этот день были надеты на Тане. После того как все случилось, она позволила ему себя одеть и вызвать такси. Таня почти не спорила – вела себя словно оглушенная. Оказалось, она не любит грубый секс, как он ожидал. – Под подушкой

прошлой ночью. Я собирался это просто проигнорировать, но она вдруг сегодня заявила сюда...

– Что? Таня была здесь?

– Да, и пьяная, друг мой, от нее просто воняло алкоголем. Я ей сказал, что тебя нет, а она ответила, что знает об этом, видела тебя в библиотеке. Набросилась на меня, начала снимать одежду, говорила, что знает, что ты встречаешься с другими. Мне пришлось вытолкать ее за дверь в наполовину расстегнутой блузке. Не беспокойся: я вначале вызвал ей такси. Может, вел себя излишне грубо. Знаешь, я сказал, куда ей пойти. Но я не хочу, чтобы у тебя сложилось неправильное впечатление. Я знаю, ты считаешь меня не самым надежным человеком...

У Билли опустились плечи, он казался сломленным.

– Нет, спасибо, друг, мне на самом деле очень жаль. Проклятье! Какая сука! Знаешь, а она мне на самом деле нравилась. Я даже ей сказал... ну, я думал, ты можешь... А мне все это время следовало беспокоиться о ней.

Джек встал и хлопнул Билли по плечу.

– Не парься, друг, я знаю, что сейчас ты себя чувствуешь дерьмово, но ты ведь не собирался на ней жениться, правда? Забудь о ней. У нас впереди еще три года в Дареме, можем перетрахать всех Тань в этом городе. Знаешь, что я сделал бы на твоем месте? Я не стал бы ей даже звонить. Пойди трахни ту маленькую блондинку из колледжа Святого Иоанна, которая все прошлые выходные на тебя вешалась.

– Да. Да, ты прав. Пошла она... – ответил Билли.

Джек улыбнулся. Все вернулось на круги своя – как и должно быть.

Глава 27

Я верчусь на месте перед зеркалом, которое висит в примерочной, проверяю, как выгляжу спереди и с боков. Я вполне довольна тем, что вижу. Черные джинсы хорошо на мне сидят, бедра узкие, даже не скажешь, что я была беременна, лишний вес ушел. Застежки больше не натягиваются на раздутом животе. Раньше я носила длинные светлые волосы, теперь они стали короче и темнее, падают мне на плечи, обрамляя худое лицо. И только по глазам, которые называют зеркалом души, можно увидеть, что жизнь изменилась к худшему – но только если присмотреться очень внимательно. Тогда вы сможете заметить, что, когда я улыбаюсь, искорки до глаз не доходят, как бывало раньше. У меня не появляются мелкие морщинки, когда я смеюсь – если я теперь вообще смеюсь. Иногда мои глаза стекленеют, словно я нахожусь в другом месте, в другом времени, как часто и бывает. Обычно в такие минуты я с Диланом, пою ему песенки из «Книги джунглей» [\[29\]](#), когда меняю подгузник или плескаюсь вместе с сыном в ванной. Но иногда я вместе с Марком. Мы снова в Сорренто, где провели медовый месяц, я лежу в шезлонге у бассейна, а он играет в водный волейбол или сидит у барной стойки и маленькими глотками потягивает «Маргариту» со льдом. Иногда мы отправляемся на пешие прогулки вокруг старого замка, я возбужденно убегаю вперед, карабкаюсь вверх по потайным лестницам, а потом выпрыгиваю на него из темноты. Однако чаще всего в этих воспоминаниях я вижу, как мы отдыхаем на диване в воскресенье после обеда. Я на восьмом месяце беременности, пытаюсь не заснуть, сидя рядом с ним, когда мы смотрим какую-то жуткую программу по телевизору. Потом я представляю тот же диван, рядом колыбелька. Затем я просыпаюсь на больничной койке, пугаюсь и прихожу в замешательство при виде двух полицейских, которые смотрят на меня сверху вниз и готовы записать каждое мое слово.

Да. Марк знает – *знал* – меня вдоль и поперек, от и до. Он сразу же увидит произошедшие во мне перемены. Все до последней. И я подозреваю, что у него остались все те же глаза.

Я выбрала белую майку, поверх нее надела мешковатый серый джемпер с открытыми плечами в надежде, что по мне не будет видно, как я старалась. Не хочу, чтобы Марк думал, будто я пытаюсь его вернуть, а что еще хуже, что я сумасшедшая. *Все еще сумасшедшая.*

– Можно мне в этом остаться? – спрашиваю у продавщицы, помогающей мне в примерочной.

Судя по ее виду, она предпочла бы мне отказать, но ей неловко, и совершенно точно она не хочет потерять покупательницу.

– Конечно, только снимите бирки перед кассой и попросите размагнитить вещи, чтобы не запищали на выходе. Вы же не хотите, чтобы вас арестовали.

Она смеется над собственной шуткой, не зная, где ее покупательница провела последние несколько лет. Я совершенно точно не хочу снова туда вернуться.

Через двадцать минут бросаю сумку в машину и проскальзываю вслед за ней. Уже планирую, что скажу Марку, когда он откроет дверь и увидит на пороге свое прошлое.

Ник был в ярости при виде меня сегодня утром.

– Ты на самом деле собираешься это сделать? – спросил он. – Тебя не пугает то, что может сделать *он*?

– Он не будет делать глупостей, – ответила я. – Я знаю своего бывшего мужа.

Сама я не была в этом уверена. А теперь я нахожусь в пятидесяти милях от его дома и не чувствую себя такой умной.

* * *

Дом такой же, как и всегда. Приближаясь к нему, я вспоминаю те чувства, которые испытывала каждый раз, когда возвращалась домой. Гордость от того, что живу здесь, что мы построили для себя такую жизнь. Дом стоит немного на удалении от остальных окружающих его домов. Он красивый и современный, я влюбилась в него, как только увидела. Это был мой первый собственный дом. Он сильно отличался от того маленького домика, в котором я жила ребенком. Там было так тесно. Потом вместе с университетскими подругами я снимала довольно грязную квартиру с тремя спальнями. Я все еще представляю

себя сидящей на крыльце у входной двери, пока Марк подрезает маленькие елки, высаженные вдоль небольшой подъездной дорожки, которая огибает дом справа. Марк делает это с таким видом, будто знает, как надо действовать. Меня работа в саду никогда не привлекала. Я любила заниматься фотографиями – расставлять, развешивать, еще я красила – у Марка на эту работу никогда не хватало терпения. Подъехав, замечаю, что его серебристый «Мерседес» припаркован перед гаражом. Так он раньше никогда не делал, предпочитая прятать от чужих глаз предмет своей гордости и радости. Автомобиль не мыли несколько недель. В день покупки машины Марк занимался ею до десяти вечера, намывая и натирая до блеска даже после наступления темноты. Я только приносила ему чашки чая, и меня забавляла его гордость. Но он гордился только внешним видом автомобиля, внутри он даже не удосуживался протереть поверхности.

Я и не заметила, как у меня пересохло во рту, язык напоминает кусок наждачной бумаги. Сглатываю, но это не помогает. Похоже, я вообще разучилась выделять слюну. Грудь сжимает, внезапно я чувствую сильное сердцебиение, лицо пылает. Только я могла оказаться в подобной ситуации!

Быстро смотрюсь в зеркало, проверяю, как выгляжу. Несмотря на жар, я белая как полотно. Просто очаровательно! Выгляжу, как чумная. Вероятно, Марк захлопнет дверь у меня перед носом и вызовет полицию.

До входной двери идти десять метров, по ощущениям это целая миля. Звонок звучит оглушительно, словно церковные колокола, созывающие паству на воскресную службу. Или на похороны. Марку нужно три минуты, чтобы открыть дверь, по моим ощущениям проходит час. И вот он появляется передо мной. Мужчина, которого я когда-то любила так сильно, что это казалось просто невозможным, стоит в дверном проеме. Ему требуется несколько секунд, чтобы узнать меня, и я очень четко понимаю, что никогда не прекращала его любить. Мне становится дурно. Как разлюбить человека, который когда-то был для тебя всем? Хотя он бросил меня тогда, когда требовался больше всего, я не забыла эти руки, которые так крепко обнимали меня, когда умерла мама. Сейчас они сложены у него на груди, и они не обнимали меня, когда мы потеряли сына. Глаза, сейчас

прищуренные и горящие от гнева, обычно весело улыбались мне, когда я выдавала один из своих «блондинизмов», как он называл глупости, которые я иногда ляпала. Он начинает говорить тем же голосом, которым раньше ежедневно повторял: «Я люблю тебя». Теперь и слова, и тон другие, и я задумываюсь, не сделала ли ошибку, приехав сюда. Я так старалась возненавидеть этого человека и все это время пыталась не позволить себе оплакать его потерю.

– Что ты здесь делаешь, Сьюзан?

Я не знаю точно, чего ожидала. После того как я решила сюда приехать и увидеть Марка, то дюжину раз представляла нашу встречу, его извинения, его слова о том, что все будет в порядке, и он поможет мне выяснить, что случилось с нашим маленьким мальчиком. Совершенно точно все будет не так просто, как я воображала.

– Мне м-м-м нужно было с тобой увидеться... поговорить.

Запланированная речь полностью вылетает у меня из головы.

Он произвел на меня точно такое же впечатление при нашей первой встрече.

Меня, как Бриджит Джонс [\[30\]](#), тогда заманила на вечеринку чопорная семейная парочка из лучших побуждений, и я уже собиралась воспользоваться приемом «Телефонный звонок, срочно нужно уехать», как вдруг вошел Марк. Пять часов спустя я все еще сидела, словно приклеенная к стулу, и с восхищением слушала этого красивого, веселого мужчину, источавшего тепло. Я знала, что выйду за него замуж, по крайней мере, надеялась с ним переспать. В ту ночь мы вместе рухнули в одну постель – слегка пьяные, влюбленные по уши (по крайней мере, я), и провели там все выходные. Оглядываясь назад, испытываю ощущение, что эти воспоминания – ложь. Я столько раз рассказывала эту историю и теперь иногда задумываюсь, на самом ли деле мне так повезло или я просто романтизировала наши отношения, решив вспоминать только те моменты, когда была центром Вселенной Марка.

– Думаю, это не очень хорошая мысль. – Марк собирается закрыть дверь, и я понимаю, что ускользает мой единственный шанс.

– Подожди... Это насчет... м-м-м... Дилана.

Вижу, как он сжимается, когда я произношу имя нашего сына, но больше не пытается закрыть дверь.

– Мне прислали вот это. – Я неловко сую фотографию ему в руки и наблюдаю за его лицом, когда он ее рассматривает. Красивые карие глаза затуманиваются, я вижу в них замешательство, когда он изучает снимок, а когда он его переворачивает, в них появляется шок.

– Где ты это взяла? – спрашивает Марк с бледным лицом. – Ладно, заходи, я не хочу, чтобы кто-нибудь тебя здесь видел.

Он раскрывает дверь достаточно широко, чтобы я могла войти. Чувствую себя какой-то порочной тайной, любовницей, которую он хочет скрыть. Захожу в холл и пытаюсь физически не отпрянуть назад, когда на меня накатывают эмоции. Холл все еще выкрашен в нежный кремовый цвет, остались дорогие дубовые полы и дубовая винтовая лестница, но дом выглядит пустым и холодным без огромных фотографий в черных рамках, на которых были все наши отношения. Я потратила целых два дня, замеряя расстояния между рамками и выставляя моменты нашей жизни, которыми гордилась, чтобы их увидели все – день нашей свадьбы, медовый месяц в Сорренто, первый снимок Дилана в роддоме. Теперь их нет – исчезли, как будто никогда и не существовали.

– Ты оставил зеркало, – замечаю я ничего не выражающим голосом. Мои слова кажутся пустыми. Зеркало стало моей первой самостоятельной покупкой после того, как мы приобрели дом, и Марк при каждой возможности напоминал мне, что оно слишком большое и слишком дорогое, по его мнению.

– Стоило почти как весь чертов дом, – напоминает он мне и теперь. – Я не собирался от него просто так избавляться.

«Как избавился от нас».

Он направляется в гостиную до того, как я успеваю ляпнуть какую-нибудь глупость про исчезнувшие рамки. Теперь я определенно чувствую себя не в своей тарелке. У меня нет выбора, кроме как следовать за ним. Не успеваю осмотреть комнату, как он внезапно разворачивается и сует мне фотографию.

– Что все это, на хрен, значит, Сьюзан? Это какая-то шутка?

Делаю шаг назад, меня шокирует злость у него на лице.

– Конечно, это, б... никакая не шутка, – рявкаю я. Теперь и я злюсь. Он морщится из-за слова на букву «б». – Ты думаешь, что я совсем больная на голову?

Как только слова вылетают у меня изо рта, я сожалею о них, но уже слишком поздно. Я видела его выражение лица, и он это знает. С его точки зрения (и всего остального мира) я убила его единственного сына. А появление у него на пороге с фотографией убитого мною мальчика, вероятно, находится в самой верхней части шкалы «больной на голову».

– Сядь, – приказывает он, а сам направляется в дальнюю часть комнаты, где находится ведущая в кухню дверь.

Я слишком устала, чтобы спорить, поэтому просто делаю шаг назад и, не думая, выполняю указание. Стоит мне оказаться в кремовом кресле, как у меня перехватывает дыхание. Это тот же гарнитур, который был у нас, когда я здесь жила. Трехместный диван напротив меня – тот самый диван, на который я прилегла, когда в последний раз видела сына живым.

«Мой бывший муж живет с теми же самыми подушками, которые, судя по предъявленным мне обвинениям, я использовала, чтобы убить нашего сына».

Я подпрыгиваю, а внутри меня нарастает паника. Мысли крутятся в голове как смерч, мрачные и деструктивные. Зачем ему это? *Как* он может? В это мгновение Марк возвращается в комнату и видит, как я вжимаюсь спиной в стену, неотрывно глядя на диван. У него на лице отражается понимание.

– Господи, Сьюзан, это было бесчувственно с моей стороны. Черт! – Он ставит две кружки на столик рядом с вызывающим у меня ужас предметом мебели, пересекает помещение, опускает ладони на мои руки и притягивает меня к себе. Я падаю в его объятия, ноги отказываются меня держать. Марк опускает меня на пол и усаживается передо мной, глядит прямо в глаза и просит медленно дышать. – Это не тот же диван, Сьюзи, просто выглядит похоже. Я поменял его после того, как тебя увезли. Просто не знал, чем его заменить. Это ты у нас всегда была дизайнером. Я четыре часа ходил по магазину, а в результате вернулся домой с почти точной копией того чертова дивана.

Его слова медленно доходят до меня. Это не наш диван. Конечно, не наш. Наш был более округлым, более длинным, лучше вписывался в интерьер. Как и все остальное, пока я жила здесь.

Поняв, что я не лишусь чувств и у меня не будет нервного срыва, Марк встает, берет свой чай и передает мне вторую кружку. Я все еще

не готова сидеть на диване, пусть только копии старого, поэтому остаюсь на полу.

– Объясни мне, что все это значит, – просит он теперь не таким холодным голосом.

Он еще раз берет со стола фотографию, а я понимаю, что не хочу, чтобы она у него оставалась, я даже не хочу, чтобы он к ней прикасался. Протягиваю руку, словно хочу ее защитить, и он возвращает мне ее без комментариев.

– Не знаю, – честно отвечаю я. – Ее прислали мне, бросили вместе с остальной почтой всего несколько дней назад. Никакого письма, никакого пояснения, ничего. Подумала, ее мог прислать ты.

Произнося последнее предложение, не могу смотреть ему в глаза. Я опустила информацию о том, как нашла другие снимки в собственном альбоме.

– Я? – Он переспрашивает таким тоном, словно не верит, что я могла такое подумать.

Поднимаю глаза и смотрю на него с вызовом. «Он оставил диван», – говорит мне дьявольский голос в голове. Нет, не *тот* диван, – отвечаю я. – Просто диван, который оказался похожим.

Но он здесь.

– Безумие. – Опять это слово, и Марк сам все понимает и быстро продолжает: – Я хотел сказать, что я знаю тебя, Сьюзи, знаю, как ты казнила себя за случившееся. Я никогда бы...

Он замолкает. Марк имеет в виду... что простил меня?

– Но кто? – тихо спрашиваю я. – Кто мог так со мной поступить?

Внезапно Марк кажется усталым, и я только сейчас замечаю в нем перемены. Я вижу, что годы сделали с моим сильным, крепким мужем. Морщины вокруг глаз не те мимические морщинки, которые появляются у часто смеющихся людей и которые я так любила. Это свидетельства стресса, старости, которая подкрадывается раньше положенного времени. Его кожа бледнее, чем я помню. Его постоянный загар, которому завидовали все наши знакомые мужчины и женщины, сменился бледностью, которую я изначально объяснила шоком при виде меня. Я ожидала, что здоровый блеск еще вернется. Уверенный взгляд, под магию которого я попала с той самой минуты, как он был направлен в мою сторону, исчез. Я вижу, что сделала с мужчиной, который в прошлом считал, что весь мир у его ног. У него

была отличная работа, красивый дом, светящаяся счастьем беременная жена, а потом очаровательный маленький сын.

– Не знаю. На свете немало злобных и жестоких людей. Если кто-то пытается причинить тебе боль, я не знаю, кто это, и не знаю почему, но даю тебе слово, что это не я.

Я верю ему. Поэтому рассказываю все. Я рассказываю ему про доктора Райли, мою встречу с Ником, одеяльце Дилана, хотя опускаю тот факт, что живу с практически незнакомым человеком. Марк становится все мрачнее и мрачнее с каждым следующим словом. Когда я рассказываю про то, как в мой дом вломились, он уже готов взорваться.

– Во что ты играешь, черт побери? – спрашивает он и мерит шагами комнату. Раньше, приходя в возбужденное состояние, он так никогда не делал. – Ты вообще представляешь, какой опасности подвергаешь себя?

Это меня шокирует. Я надеялась на жалость, сочувствие, может, легкую ностальгию. Я даже ожидала злость, но не обеспокоенность. Не знаю, что делать с его беспокойством за меня. То есть разумное зерно в его словах есть, но с беспокойством обо мне он опоздал на четыре года.

– Я сюда пришла не за лекцией, – рявкаю я.

– В таком случае зачем ты пришла сюда? – Теперь Марк почти кричит. – В какие игры ты играешь? Ты вдруг заявляешься ко мне четыре года спустя. Что, по твоему мнению, я должен был почувствовать, открыв дверь и снова увидев твое лицо? Я несколько лет отчаянно пытался забыть обо всем, связанном с тобой, и вдруг ты снова здесь, выглядишь как раньше и пытаешься вытянуть на поверхность все то, что я с таким трудом забыл.

– Прости меня. – Я встаю, пересекаю комнату и вручаю ему кружку. – Оставляю тебя жить в уюте той жизнью, из которой тебе удалось стереть нас обоих! Если я найду нашего сына, хочешь, чтобы я тебе об этом сообщила?

У Марка вытягивается лицо, и я понимаю, что зашла слишком далеко.

– Найдешь нашего сына? – шепотом произносит он. – Сьюзан, я уже нашел нашего сына. Я нашел его с подушкой на лице, холодного как лед, и дыхание ему перекрыла женщина, которую я считал

любовью своей жизни. Я не могу позволить себе такую роскошь – хвататься за надежду, будто он все еще жив. Я помню, как держал его в руках на стоянке перед больницей, умоляя дышать, как кричал, зовя кого-то на помощь, чтобы спасти моего красивого маленького мальчика, имя которого ты едва ли когда-нибудь решишься произнести. Его звали Дилан, Сьюзан. Дилан Лукас Вебстер, и он мертв. Он мертв, потому что ты убила его, и никакое количество фотографий улыбающихся маленьких мальчиков это не изменит. Я думаю, тебе пора.

Глава 28

Я уезжаю так быстро, как только могу, управляя машиной дрожащими руками. Меня всю трясет. Я останавливаюсь при первой возможности и опускаю голову на руль. Меня сотрясают рыдания, которые угрожали вырваться наружу с той самой минуты, как я только увидела Марка. Он знает больше, чем говорит. Уверенность в голосе, с которой он говорил об обнаружении тела Дилана, точно не была фальшивой, но определенно есть что-то еще, и я с этим пока не разобралась. Не поняла!

Когда мне удастся взять себя в руки, я достаю телефон и набираю номер Ника.

– Я с ним поговорила, – сдерживаю слезы и пересказываю все от начала до конца. Когда я заканчиваю рассказ, Ник молчит. – Ты еще здесь?

– Здесь, – отвечает он. – Я просто не знаю, как все это понимать.

– Он что-то знает, – с уверенностью заявляю я. – И я намерена выяснить, что именно. Я возвращаюсь.

– Ты считаешь, это разумно? – обеспокоенно спрашивает Ник. Похоже, у мужчин в моей жизни входит в привычку говорить со мной обеспокоенным тоном. – Судя по всему, ты открыла кое-какие еще не зажившие раны. Может, стоит просто оставить его в покое.

– Я не хочу его больше расстраивать. – Меня немного корбит, что Ник беспокоится о моем бывшем, а не обо мне. – Я вернусь, когда его не будет дома.

– Ни в коем случае. Ни в коем случае, Сьюзан. Возвращайся сюда, пожалуйста.

– В чем проблема? Мне не нужно никуда вламываться, у меня есть ключ. Не думаю, что ему пришло в голову поменять замки. Не забывай: единственная опасность в его жизни сидела за решеткой. – Не уверена, звучит ли мой голос бойко или горько.

– А если он тебя поймает? Ты же не представляешь, на что он способен.

Да?

– Что значит «на что способен»? Марк ни разу в жизни не сделал ничего ужасного, он даже не совершил ни одного плохого поступка. Один раз Марк отнес в магазин ремень, потому что кассирша забыла его пробить, а он не хотел быть преступником.

– Но насколько хорошо ты на самом деле его знаешь, Сьюзан? Что ты знаешь про его прошлое?

– Ты о чем? У Марка нет *прошлого* в том смысле, который ты имеешь в виду. Ты говоришь глупости. Если у меня и будет когда-то возможность узнать, что ему известно, то только сейчас, до того как он вспомнит, что у меня все еще остается ключ от его дома.

– Вижу, мне тебя не остановить, – говорит Ник. Он явно лучше изучил меня, чем я его за такое короткое время. – Подождешь, пока я до тебя доберусь?

– Нет. – Я непреклонна. – Я должна это сделать сама. Подожду, пока мимо не проедет его машина, и тогда быстренько сбегаю в дом и обратно.

– А если он никуда не уедет? – спрашивает Ник, вероятно, уже зная ответ.

– Буду ждать. Не может же он вечно сидеть дома.

Глава 29

Может, Ник был прав. Марк может весь вечер не выходить из дома. А что я буду делать? Просто сидеть здесь в машине? Я даже поспать не могу, чтобы его не пропустить. Тогда окажется, что я сижу здесь и жду как идиотка, а дом стоит пустой. Он может проехать только по этой дороге. Только по ней можно попасть в город, в супермаркет. Я точно увижу его с этого места, конечно, если он не отправится прокатиться по пригороду. И если он вообще куда-то поедет. Десять минут назад мне очень понравилась пришедшая в голову мысль, а сейчас она кажется глупой. Что если Марк меня поймает? Что имел в виду Ник, когда говорил про его прошлое? Я задумываюсь, не выяснил ли он что-то про Марка, но не говорит мне, думая, что я предпочту этого не знать. Я пытаюсь не думать о том, какое это может иметь значение, поэтому сосредоточиваю внимание на машинах, которые проезжают мимо. Я придумываю истории о людях, которые в них сидят, гадаю о том, какой может быть их жизнь и куда они могут направляться.

Марк уезжает из дома гораздо раньше, чем я ожидала. Вижу, как его серебристый «Мерседес» проезжает по соседней полосе всего через сорок минут после того, как я покинула дом. Он едет до конца дороги, потом сворачивает направо, в город. Жду несколько минут, чтобы удостовериться, не собирается ли он сразу вернуться, потом завожу машину.

Паркуюсь в промышленной зоне, в миле от дома, и иду остаток пути в нервном возбуждении. У меня будет много проблем, если меня поймут в доме моего бывшего мужа, даже несмотря на то что я не собираюсь там ничего ломать. Меня вполне могут отправить назад в «Окдейл» досидеть срок до конца. Они могут это сделать? Мне следовало спросить Кэсси.

У меня уходит десять минут на то, чтобы дойти до дома, и на всем пути я украдкой осматриваюсь. Если меня увидят, то кто-то обязательно это упомянет на следующем собрании «Соседского дозора» [\[31\]](#). На мгновение в сознании появляется образ миссис Тейлор

из соседнего дома, которая приклеивает постеры «Ее разыскивает полиция» на фонарные столбы в ночной рубашке.

Несмотря на уверенность в том, что Марк не менял замки, я все равно слегка удивляюсь, когда ключ легко поворачивается, и дверь распаивается. Я быстро захожу внутрь. Вот оно, случилось – я преступница. Я имела в виду: снова.

Из всех помещений, в которые я заглядываю, больше всего изменилась кухня. Рабочие поверхности те же, но вместо красивого серовато-зеленого цвета, на подбор которого я потратила несколько часов, стены покрасили в ужасный, тошнотворный желтый. Пропали только декоративные морковки.

После того как взлом прошел успешно, я чувствую себя очень уверенно. Собираюсь проникнуть в кабинет Марка, где на столе лежит коричневая папка, помеченная грифом «Совершенно секретно». Очевидно, в ней собрана вся информация, которая мне требуется, чтобы найти моего сына.

– Принимаешь желаемое за действительное, – бормочу себе под нос. Звук моего голоса кажется лишним в погруженном в тишину доме.

Кабинет мало изменился с тех пор, как я тут была. Планировка та же, письменный стол стоит в углу справа, а потрепанное красное кресло (единственный предмет из прошлой жизни Марка, который просочился в нашу) – у стены напротив. Несколько новых картин сменили наши семейные фотографии, и по какой-то причине он снял со стен свои дипломы. Это кажется странным: листы бумаги формата А4 с гербом Даремского университета служили ему поводом для гордости. Может, он отдал их на реставрацию – почистить, сделать гравировку или что-то в этом роде.

Рядом с письменным столом все еще стоит запертый старый шкаф для хранения документов, хотя я не знаю, где находится ключ от него. Понятия не имею, с чего начать. В ящиках письменного стола все разложено аккуратно и упорядоченно, но ничего полезного там нет.

Когда мы жили вместе, я никогда не задумывалась о том, как мало знаю про работу мужа. После того как я выяснила, что он работает в сфере информационных технологий, мне стало скучно, меня мутило от одной мысли обо всем этом, хотя я всегда улыбалась и вежливо кивала на всех вечеринках, которые устраивали у него на работе. В любом

случае мы туда ходили только за бесплатной выпивкой. Марк терпеть не мог своих коллег. Он был полной противоположностью большинства из них: они были так погружены в свои маленькие мирки, что совершенно не понимали шуток. И еще они использовали идиотские словечки, которые я не понимала. В моем мире куки [\[32\]](#) – это то, что ты ешь, запивая чашечкой чая, пока смотришь «Кэрри» [\[33\]](#). Теперь я жалею, что хотя бы время от времени не заглядывала к нему в кабинет, чтобы посмотреть, что и где хранилось. Помню только один раз, когда зашла сюда. Было поздно, Марк работал, а я хотела, чтобы он пришел в постель. Я вошла в его любимом пеньюаре, который у меня будто бы случайно распахнулся, когда он смотрел в экран компьютера. Сдерживаться Марк смог три минуты, и в конце концов мы занялись любовью прямо здесь, на письменном столе. Мы хохотали как подростки, когда я сбила ногой со стены пробковую доску, а Марк даже не замедлил темп, чтобы ее отодвинуть. Представляю мысленным взором, как она лежит на полу, а к обратной стороне куском скотча приклеен маленький ключик...

Нет, это было бы слишком просто. Быстро снимаю доску со стены, переворачиваю ее, все еще ожидая ничего не найти, но вижу его – маленький серебряный ключик. Может, я и не Шерлок Холмс, но и мой муж не Джим Мориарти.

Сую ключ в замок верхнего ящика шкафа для хранения документов и резко поворачиваю, услышав щелчок, выдыхаю с облегчением. Полностью выдвигаю ящик и нахожу дюжины папок, расставленных в алфавитном порядке по первой букве фамилии. Быстро их просматриваю, но не узнаю никого – нет никаких понятных подписей типа «Дилан» или «Доктор Райли». Мои надежды на то, что удастся легко что-то найти, тают. Я вынимаю первую папку, помеченную «Эндрюс», быстро просматриваю содержимое. Как и ожидалось, там полно компьютерного жаргона и деловой информации. Засовываю ее назад, проявляя осторожность, чтобы никак не выдать свое присутствие здесь. В самой нижней части ящика, под папками, находится небольшая записная книжка, обтянутая синей кожей. На ней золотыми буквами напечатано: «Адреса». Опускаю ее в свою сумку. Уверена, ее исчезновение не выдаст меня.

Во втором ящике сверху лежат счета. В папках, помеченных «Коммунальные платежи» и «Телефон», только счета за воду и

телефон с детализацией. Если б я могла остаться здесь на весь день, то изучила бы телефонные счета, но я не знаю, какие номера искать, поэтому они для меня бесполезны. Я могу потратить время впустую, переписывая номера местного ресторана навынос или пиццерии, как и чего-то полезного. Открываю папку с надписью «Банк», достаю маленькую бухгалтерскую книжечку с надписью черными чернилами «Счета».

Там три раздела: первый для счетов, второй для расходов, третий называется «Разное». Я про эту книжечку никогда не слышала, хотя это ничего не значит. Деньгами всегда занимался Марк. Ему удалось обучить меня сводить баланс в личной чековой книжке – я вела учет только тех денег, которые мне выделялись на расходы, но об остальном не имела ни малейшего понятия. Оглядываясь назад, я кажусь себе жалкой. Про наше финансовое положение я не знала ничего. Только сумму, которую мне его адвокаты предложили при разводе. Я с радостью согласилась, потому что, по моему мнению, не заслуживала ничего. Даже беглый взгляд на эти документы показывает, что мне очень много недодали. Конечно, я знала, что мой муж хорошо зарабатывает – мы жили в доме с пятью спальнями, и я надевала новую пару дизайнерской обуви на каждое мероприятие, но я понятия не имела, что у Марка такие сбережения. Начиная с 1990 года, когда Марк начал вести учет доходов и расходов, на счет поступали огромные суммы денег, и поступали они на регулярной основе до 1993 года. С такими деньгами Марк мог жить как король. В начале бухгалтерской книжки есть пометка о деньгах, которые уже лежали на счету, когда он начал вести учет доходов и расходов. По виду это какой-то трастовый фонд. Я знаю, что отец Марка был богат и умер от сердечного приступа до нашего с ним знакомства. Они много лет не разговаривали, и Марк никогда не хотел это обсуждать, но теперь я задумываюсь, были ли эти деньги законным наследством, и почему мой муж ни разу не упомянул о них.

У меня нет времени размышлять, важно ли материальное положение Марка. Я не хочу от него денег. Хотя предполагаю, что Ник захочет это увидеть, поэтому делаю пару снимков страниц книжки, включая номера счетов, и осторожно убираю ее на место. Мне нужно торопиться: Марк может вернуться в любую секунду.

В последнем ящике бардак. Это так нетипично для Марка, что удивляет меня больше, чем обнаружение денег. Там просто горы наваленных друг на друга бумаг. Сердце замирает в груди. Если я что-то и найду, то определенно среди этой макулатуры. Листки бумаги с нацарапанными на них номерами телефонов засунуты между писем, рекламных проспектов и счетов. Я запускаю руку наугад, надеясь на удачу, благодаря которой зашла так далеко. Может, не подведет? Рука опускается на фотографию. Отчаянно надеюсь увидеть фотографию Дилана, предпочтительно с адресом и полным объяснением, почему он не мертв, на обороте. Я вытаскиваю ее.

Что там гласит старая поговорка? *Бойтесь своих желаний*. Я на самом деле держу в руке фотографию своего сына. Он в безопасности, уютно устроился на руках у улыбающейся женщины, которая, похоже, его очень любит. Женщины, которая через три месяца после того, как была сделана эта фотография, возьмет подушку и прижмет к его лицу, и будет держать, пока он не прекратит дышать. Мне хочется кричать на нее, мне хочется сказать ей, чтобы обратилась за помощью, пока еще не слишком поздно, но, может, уже тогда было слишком поздно. Я могу заглянуть в прошлое, могу держать его в руках, но не могу ничего изменить. Переворачиваю фотографию: никакого адреса, никакого поразительного открытия, ничего. Только то, что я уже знаю.

Сьюзан и Дилан, 3 дня

В горле появляется комок и угрожает задушить меня. Прошло столько времени с тех пор, как я позволяла себе смотреть на фотографии моего сына, но в последние несколько дней я столько раз видела его изображение! Я не могу это вынести. Я видела его образ не только на бумаге, но и постоянно в своем сознании. Любовь, которую я испытывала к нему на протяжении трех месяцев, не уменьшилась, и я отдала бы все, что у меня есть сейчас, все, что у меня когда-либо было и будет, только бы запустить руку в эту фотографию, провести пальцами по его нежной коже, поцеловать в крошечные губки.

Делаю глубокий вдох и отрываю взгляд от фотографии. Понимаю, что она выпила из меня энергию, и я больше не хочу бороться. Не хочу выяснять, что происходит, просто хочу домой. Убираю фотографию обратно, проявляя осторожность, чтобы не оставить следов своего пребывания. Затем заталкиваю эти приносящие боль образы в глубину сознания, запираю ящик и приклеиваю ключ к пробковой доске.

Выхожу на лестничную площадку и стараюсь не смотреть на дверь комнаты Дилана.

Снизу слышится шум, и я замираю на месте. Марк так быстро вернулся? Нет, там никого нет, это просто звуки дома. Второго шанса у меня не будет, поэтому я решаю проверить комнату на чердаке. Когда мы сюда переехали, чердак представлял собой пыльное помещение с опускающейся дверью в потолке. Я (с помощью целой армии готовых помочь строителей) превратила его в красивую спальню, в которую Дилан должен был перебраться в подростковом возрасте. Лестницу, по которой требовалось карабкаться, заменили удобными ступенями, а в крыше сделали световой люк. Эта комната понравилась бы любому подростку. Так несправедливо, что у моего маленького мальчика никогда не будет возможности здесь пожить.

Быстро поднимаюсь по ступеням, и у меня перехватывает дыхание, когда я вхожу. Ее определенно не использовали как спальню с тех пор, как я уехала. Тут полно коробок с пометками типа «Фотографии», «Для беременной», но есть и другие, взгляд на которые приносит меньше боли. Две помечены надписью «Журналы», еще четыре – «Универ». Открываю верхнюю из университетских коробок. Внутри лежат три скоросшивателя, набитые лекционными материалами и конспектами. Я знаю, каким правильным был мой бывший муж, зубрилой и ботаном в университете, поэтому меня не удивляет большое количество тщательно собранных материалов и заданий с высокими оценками. Во второй коробке тоже лежат папки с лекциями, и я уже собираюсь перейти дальше, когда вижу дипломы Марка в третьей коробке. Они лежат сверху, все еще в рамках, абсолютно целые, поэтому я не вижу причин снимать их со стены. Достая их и откладывая в сторону. Под ними фотографии: Марк с друзьями в барах, на различных вечеринках и фестивалях. Много фотографий красивой рыжеволосой девушки; у нее свежий вид, она улыбается. На носу и щеках у нее веснушки, похоже, она вообще не пользуется косметикой. Меня притягивают ее глаза. Они яркого изумрудного цвета, и в них светится такое неподдельное счастье, что я не могу ей не позавидовать, кем бы она ни была. Чем больше фотографий я просматриваю, тем сильнее становится это чувство. На следующих снимках девушка обнимает Марка, *моего Марка*; вот они целуются на селфи, держа фотоаппарат на расстоянии вытянутой руки,

на лицах широкие улыбки. Чем больше фотографий я вижу, тем яснее становится, что это пара влюбленных, но я никогда не слышала про эту девушку. Почему Марк скрывал ее от меня? Если взять это и таинственные деньги, то я совсем не знала своего мужа.

Смотрю на оборот каждого фото, но они не подписаны. Нахожу все новые и новые фотографии счастливой пары. При виде них у меня сжимается горло, начинает болеть сердце, но я не могу остановиться. Девушка на пляже, Марк с рюкзаком одет для долгих пеших переходов; там, судя по всему, жарко. Мне нужно отсюда уходить. Убираю назад фотографии и кладу сверху дипломы. Через десять секунд мне надо отсюда исчезнуть, но тут я слышу, как во входной двери поворачивается ключ.

Глава 30

Джек: 27 ноября 1992 года

Он ненавидел, когда к его обуви прилипала грязь.

Он ненавидел грязь на своей обуви и ненавидел чертов лес. Пусть по лесам ходят медведи и защитники природы, а он не относился ни к тем, ни к другим. В лесах медведи, защитники природы и мертвые тела.

Они оставили ее на краю леса, где были посажены молодые деревца, а гуща начиналась только метров через сто. Идиоты! Занесли бы подальше – и животные могли бы добраться до нее раньше полиции. Ее бы не нашли много дней. Недель, если б эта сука Уитакер не начала волноваться и не сообщила в полицию об исчезновении девчонки.

Он точно не станет ее передвигать, черт побери. Он собирался сжечь свою одежду, хотя даже не прикасался к телу. Жаль дорогой костюм. Проклятье.

Он знал, что приходить сюда не следовало, но он должен был сам все увидеть. В этом мире ни на кого нельзя полагаться. Он не поднялся бы туда, где оказался, если б этого не понял. Нужно делать то, что требуется, и не доверять важные дела слабакам и идиотам, из которых никогда ничего не получится.

Теперь уже совсем стемнело, но лунный свет проникал на землю между отдельно стоящих деревьев и скользил по ней. Никаких звуков, кроме хруста листьев у него под ногами. Он выдохнул и увидел пар у себя перед лицом. Через несколько часов эта грязь затвердеет как камень, под ногами образуется хрустящая ледяная корка. А она замерзнет, как фруктовый лед.

Он подошел к телу так близко, как только посмел. Даже мертвая она оставалась потрясающе красивой. От ее красоты дух захватывало. У него в сознании промелькнул какой-то случайный образ девчонки, ставшей шлюхой, наркоманки, замерзшей на холоде. Эта девушка совсем не походила на сброд из криминальной хроники. Несмотря на комья грязи и листья, прилипшие к ее длинным рыжим

волосам, все еще можно было понять, что те были в хорошем состоянии. Одежда была чистой и хорошего качества. Она выглядела бы, как любая другая девятнадцатилетняя девушка, если бы не зияющий на ее шее разрез – полная крови улыбка, да еще стеклянные безжизненные глаза.

Он почувствовал легкий укол сожаления. У нее все сложилось бы по-другому, если бы она только не пыталась играть с ним в игры, если бы не висла на Шекспире каждый раз, когда видела, как Джек заходит в помещение, если бы не притворялась, что ее не тянет к нему. Билли вел себя не лучше, гордо расхаживал как павлин, распутивший хвост. Капитан Большие Яйца! Бет пришлось трудным путем узнать, что Джек представляет из себя на самом деле. Она отказывалась от его цветов, украшений, даже картин, но она не смогла устоять перед пропитанной хлороформом тряпкой, которой накрыли ее лицо. Наконец он заставил ее упасть на колени, только не так, как планировал.

Они ее переодели. Он немного расстроился, но ожидал этого. Полиция никак не сможет узнать, что с ней случилось. Здесь они ее скоро найдут, поэтому нужно действовать быстро.

Он опустил руку в большой карман, где все еще лежала маленькая сумочка девчонки рядом со шприцем. Он подошел так близко, как только можно, не прикасаясь к телу, и ввел иглу под колено сзади, потянул поршень на себя. Она не так давно умерла, кровь еще не превратилась в воду и не застыла, поэтому ему удалось наполнить шприц красивой жидкостью винного цвета.

Хотя ему очень хотелось остаться поблизости и посмотреть, как ее найдут, его ждала работа.

Глава 31

Я замираю на месте, словно окаменела, и не могу пошевелиться, чтобы не выдать своего присутствия. Может, я ошиблась – все-таки нахожусь двумя этажами выше, но затем открывается входная дверь, и я слышу, как ключи бросают на столик в коридоре, затем шуршат пакеты, слышны шаги человека, который несет покупки в кухню. Значит вот как. Мне придется вернуться в «Окдейл». Никакой возможности выпутаться. Я практически уверена, что с Марком не сработает объяснение типа: «Я забыла свою сумочку и решила взглянуть на комнату на чердаке».

Может, у меня все еще есть время. Есть два варианта: найти место, чтобы спрятаться и надеяться, что Марк снова куда-нибудь уйдет до того, как меня обнаружит, или вернуться в кабинет и вылезти из окна на пристройку, рискуя быть замеченной. И сломать себе шею. На самом деле это не лучшие варианты, но других нет, и надеяться не на что. Открываю дверь так тихо, как только могу, и прислушиваюсь к звукам в доме. Слышу, как открываются и с шумом закрываются дверцы кухонных шкафчиков: человек внизу продолжает раскладывать покупки. Отсюда до кабинета совсем недалеко. Я добираюсь туда за несколько секунд, и теперь вместо того чтобы быть пойманной на чердаке, я в капкане в кабинете. Не сильное улучшение. Но я немного ближе к первому этажу.

Прыжок вниз из окна кабинета на пристройку не кажется таким ужасным, и я мысленно благодарю того строителя, который возводил ее для нас. Он убедил Марка сделать дорогую кирпичную пристройку на фундаменте и с разрешением на строительство, а не полностью стеклянное сооружение, которое придумала я. Эта пристройка прекрасно выдержит мой вес, только бы не свалиться с чертовой крыши.

Открываю окно, пытаюсь действовать как можно тише, и выглядываю наружу. Пристройка прямо внизу, рядом с кухней. Там у меня находилась домашняя прачечная, и я ее очень любила. Кажется немного странным и смешным тратить столько денег на дополнительное помещение, а потом ставить там только стиральную

машину и сушилку, но я очень рада, что мы ее построили. Двигаюсь так быстро, как только позволяют мои сапоги на каблуках – взбираюсь на письменный стол и раскрываю окно пошире. Получится очень нехорошо, если Марк решит именно сейчас развесить постиранное белье. Совсем неподходящее время!

Открывается дверь в кухню, и Марк поднимается наверх. Нужно быстро выбираться из дома. Я выбрасываю свою сумку из окна, слышу глухой стук, когда она приземляется на крышу пристройки, затем перекидываю одну ногу через подоконник. Теперь другую – сижу на подоконнике, свесив обе ноги вниз. Слышу, как Марк добирается до верха лестницы. Здесь не высоко, не то что от пристройки до земли, поэтому я спрыгиваю и тяжело приземляюсь. Не могу себе позволить посмотреть, куда отправился Марк – вошел в кабинет, в спальню, или ему просто нужно в туалет. Стою на крыше моей бывшей прачечной (к счастью, целая и невредимая); нужно убираться отсюда, пока меня тут никто не заметил.

Опускаюсь на четвереньки, пригибаюсь, как только могу, и продвигаюсь к краю крыши. Отсюда до земли примерно десять футов, но выбор у меня очень ограничен. Я не думаю о том, каким болезненным будет приземление. Не могу задерживаться, чтобы думать. Я не знаю, сколько времени Марк проведет наверху, а его возвращение в кухню станет проблемой для меня. Обматываю ремень сумки вокруг запястья, присаживаюсь на край, медленно спускаю ноги вниз и прыгаю.

Даже не буду пытаться представить себя смелой: мне очень больно после приземления. Колени еще не восстановились, но я заставляю себя убраться с места, которое хорошо просматривается из окна кухни. Я ни разу не вскрикнула от боли, и очень довольна собой. Слышу, как ключ поворачивается в двери черного входа, и тут, независимо от того, как у меня болят колени, бросаюсь наутек.

Я вынуждена остановиться в конце улицы – хватаю ртом воздух, перед глазами все расплывается. Прислоняюсь к стене, окружающей сад Маккинли, чтобы прийти в себя, и смотрю на окно их гостиной – не выглядывают ли оттуда любопытные глаза. Там никого нет, меня никто не преследует.

Иду остаток пути до машины и с каждым шагом благодарю бога за то, что я теперь в такой хорошей физической форме. Вероятно,

четыре года назад я не смогла бы взобраться на подоконник в кабинете, с прежним весом, и уж точно не смогла бы спрыгнуть с крыши прачечной и бежать, спасая свою жизнь. Я чувствую себя победительницей – несколько лет не пребывала в таком возбуждении. Машина стоит там, где я ее оставила, нет никакого штрафного талона за парковку в неположенном месте, ни одно колесо не прокололи. Я забираюсь в салон и кучей падаю на водительское сиденье с измученным видом.

* * *

– Как прошло? Тебя поймали? Ты сейчас со мной разговариваешь, потому что тебе разрешили сделать один звонок? – Ник отвечает после первого гудка и мгновенно начинает вербальную атаку.

– Меня не арестовали. И я не уверена, нашла ли хоть что-то полезное. Я дам тебе возможность поработать над найденными данными, когда вернусь. Готов?

– Конечно. – Часть напряжения в его голосе рассеивается после того, как он слышит, что мне не требуется залог за освобождение из-под стражи. Кстати, сколько сейчас зарабатывают журналисты? – Поезжай осторожно, – добавляет он и отключается.

Криво улыбаясь, убираю телефон и завожу машину. Я чувствую себя более спокойной, чем раньше, и даже самодовольной, и начинаю путь назад к дому Ника. У меня болят оба колена.

Глава 32

Я заворачиваю на улицу, где стоит дом Ника, через сорок минут. Действие адреналина, который выбросило мне в кровь после смелого вторжения в чужой дом и последующего бегства из него, прекратилось, и я вспоминаю слова Марка о том, как он нашел нашего сына. Они словно удар кулаком в живот, и мне приходится дважды останавливаться на пути и съезжать на обочину, чтобы привести дыхание в норму.

– Слава богу! – с облегчением восклицает Ник, но, судя по виду, он не испытывает облегчения. Моя эйфория мгновенно исчезает. Он держит в руках конверт.

– Что это? Где ты его взял?

– Лежал на коврике, когда я подошел к двери, чтобы ее открыть. Десять минут назад его не было.

На этот раз фотографий ребенка нет. На фотографиях, подброшенных Нику, изображена более знакомая фигура. Хотя я стою спиной к объективу, сразу же узнаю себя. Я одета в свободный серый джемпер, у меня короткие темные волосы. Я стою у двери моего бывшего дома и жду, когда мой бывший муж откроет дверь. Это недавняя фотография. Ее сделали сегодня утром.

На следующей фотографии Марк открывает мне дверь, на третьей я ухожу. На четвертой возвращаюсь к дому, на пятой мои ноги свисают с крыши прачечной. Я бы рассмеялась, если б это не приводило в такой ужас. Выгляжу нелепо, зависнув там, напоминаю подростка, залезающего на дерево. Я считала себя такой умной, раз мне удалось сбежать и остаться незамеченной, как Ловкому плуту [\[34\]](#), но меня заметили. За мной следили, фотографировали, а потом распечатали фотографии и подбросили Нику под дверь. Зачем? Это предупреждение? Эти фотографии уже лежат на письменном столе в каком-нибудь отделении полиции, пока я стою здесь и поздравляю себя с тем, что осталась свободной женщиной?

Стук во входную дверь резко возвращает меня в настоящее. Полиция? Уже? Бежать слишком поздно. Насколько мне известно, они должны стоять и у двери черного входа, ожидая попытки побега. Еще

одного дерзкого побега. Я засовываю фотографии в сумку и готовлюсь расплачиваться за содеянное. Пришла пора ответить. Ник открывает дверь, и у нас с ним на лицах появляется одинаковое выражение, означающее: «Помилуйте, офицер, я невиновен». Хотя в моем случае это выражение совершенно не сработало, а ведь я тогда искренне верила в свою невиновность. Но меня ждал полный провал.

На крыльце стоит Кэсси, держа в руках пакеты из магазина, и выглядит как идеальная степфордская жена.

– Боже, как я рада тебя видеть. – Все это время я не дышала, а тут смогла выдохнуть с облегчением. Ник впускает ее в дом. – Что ты тут делаешь?

– Мы же изучали материалы судебного процесса, – напоминает мне Кэсси. Я забыла, что значил ее приезд сюда, в дом Ника, пока я отсутствовала. – Я съездила за покупками. Как все прошло?

– Не так хорошо, как я думала, – отвечаю с мрачным видом и равнодушно протягиваю ей фотографии. – Только что принесли.

Кэсси просматривает фотографии и резко вдыхает, затем передает их Нику. Его обеспокоенный взгляд пугает меня еще больше. Он первым идет в гостиную, задергивает шторы и включает свет.

– Зачем это? – спрашивает Кэсси. Я согласна, это уж слишком. В конце концов, мы не Бонд и мисс Манипенни [\[35\]](#).

– Они принесли фотографии *сюда*. До того как она успела вернуться. Это означает, что они знали: она не собирается домой.

Кэсси мгновенно оглядывается через плечо, словно кто-то может стоять позади нее с фотоаппаратом и диктофоном.

– Ты никого не видела?

– Ты видела, чтобы я махала фотографу? – огрызаюсь я. Мои слова полны сарказма. Это от стресса. – Прости.

– Ну, кто бы это ни был, сейчас мы с этим ничего поделать не можем. – Ник любезно не обращает внимания на мою шпильку. – Что тебе удалось вытянуть из Марка?

Я рассказываю им все. Все детали нашего разговора впечатались мне в мозг, и я повторяю его практически дословно. Рассказываю им про деньги и про фотографии, даже про диван. Кэсси приходит в ярость, когда я сообщаю, что мой бывший муж скрывал такое богатство.

– И как ему удалось все это скрыть при разводе?

– Я не спрашивала, – просто отвечаю я. – Его адвокат предложил мне приличную сумму, и я согласилась.

– Мы это оспорим, – не унимается она, не обращая внимания на мои слова. Я не возражала против развода. Ничего не просила. Была благодарна за то, что мне дали.

– Я *не хочу* ничего оспаривать, – заявляю я. – Те деньги не имеют ко мне никакого отношения. Платежи прекратились задолго до нашего знакомства. Я просто хочу знать, почему он мне про это никогда не рассказывал. Или про *нее*.

Я не признаюсь в этом, но фотографии Марка с девушкой расстроили меня гораздо больше, чем спрятанные деньги. Надо отдать должное, он никогда мне про нее не врал – просто не говорил про нее. Конечно, нисколько не помогает тот факт, что таинственная незнакомка – роскошная женщина.

– Вопрос: а что-то из этого имеет отношение к нам? – задумчиво произносит Ник.

Он произносит слово «нам» так, будто это в не меньшей степени его проблема, чем моя, когда мы оба знаем, что он прямо сейчас может отказаться от участия в деле, если захочет. Я перевожу взгляд с него на Кэсси и гадаю, о чем они весь день разговаривали. Они – странная пара, которая вчера дико ненавидела друг друга. Я вручаю Нику свой телефон с фотографиями счетов и записную книжку с адресами, которую забрала из кабинета. Он слегка хмурится при взгляде на нее, словно не одобряет воровство, но ничего не говорит.

– Вы что-то нашли? – спрашиваю у Кэсси, пока Ник все еще пребывает в глубокой задумчивости.

– Вот что у нас есть, – объявляет Кэсси. Она выглядит возбужденной, когда достает приготовленные ею бумаги. Вижу «шапку» на нескольких листках: «Адвокатская контора «ЗБХ». Эти документы прислали из конторы адвокатессы, которая представляла меня на судебном процессе. – Это копии материалов судебного процесса над тобой. В «ЗБХ» нам старались всячески помешать. Останавливали на каждом шагу! Их сучка-секретарша отправила их только после того, как я притворилась тобой, когда разговаривала с ней по телефону, и пригрозила принять меры. Ник цитировал разные законы, которые дают тебе право на получение всей документации по судебному процессу.

Начинаю их пролистывать. Глаза падают на текст, который я не понимаю.

– Что означают эти результаты токсикологической экспертизы? – спрашиваю, просматривая страницу. – Что такое кетамин? Его вроде лошадям дают?

– Этот препарат нашли у тебя в организме, когда тебя привезли в больницу в день смерти Дилана, – поясняет Кэсси.

Это для меня новость, о чем я ей и сообщаю. Ник молча просматривает записную книжку. Это раздражает.

– Мы так и догадались, – кивает Кэсси. – Похоже, эта информация на суде не всплыла. Кетамин известен как «наркотик изнасилования на свидании». У жертвы начинаются головокружения, она дезориентирована и не осознает происходящее. Также он может вызывать провалы в памяти.

Она говорит словно фармацевт-стажер и гордится своими навыками проведения расследования.

– Что? Как я могла об этом не знать? Почему Рейчел не упомянула об этом на судебном процессе?

Я считала, что Рейчел Трэвис очень хорошо потрудилась – она была адвокатом защиты. Марк нанял ее, когда улики против меня казались неопровержимыми, но она все равно боролась за меня. Она была на моей стороне. Или я так думала. Может, у нее не было доступа к моим медицинским документам?

– Доступ у нее был, – наконец открывает рот Ник после того, как я высказываю это предположение. – Наняв ее, ты подписала доверенность на ведение дела и доступ ко всем документам. Ты дала ей полное право на изучение. Эта доверенность где-то здесь, среди других бумаг.

– Она знала, что у меня в крови нашли кетамин, и решила не использовать для моей защиты? А полиция имела доступ к этим данным?

Ник пожимает плечами.

– Хороший вопрос. У нас есть только показания и детали, которые сообщались СМИ. У нас нет права на ознакомление с полицейскими отчетами, ну если только совершим хакерскую атаку, иначе до этих данных никак не добраться. Или кто-то из работавших по делу просто

работал не очень дотошно, или о наркотиках знали и почему-то не включили в материалы расследования.

У меня болит голова.

– Что все это значит? – спрашиваю я.

– Может ничего не значить, – заявляет Ник. – Мэттью Райли был добросовестным врачом, и причин врать у него не было. Кетамин я не могу объяснить, но в таком простом деле, когда все очевидно... Прости, – быстро извиняется он при виде моего выражения лица. – Так оно представлялось в то время. Тебя нашли рядом с телом Дилана, подушка, которой его задушили, все еще находилась у тебя в руках, на ней остались частички твоей кожи и его слюна по всей...

– Ты забыл, что я тоже присутствовала на суде? – Я сразу же чувствую себя очень виноватой. Ник и Кэсси находятся здесь, чтобы мне помочь, а я только создаю трудности. – Прости. – Наклоняюсь вперед и тру рукой лицо и глаза. Внезапно я снова чувствую себя усталой.

– Сьюз, ты уверена, что хочешь все это знать? – мягко спрашивает Кэсси, протягивая руку и опуская мне на плечо. – В смысле, вытягивать все это на свет божий. Наверное, это для тебя сложно и сильно расстраивает.

– Нет. – Все это, как кажется, зашло уже слишком далеко, и я не очень горжусь собой, признаваясь: – Не уверена.

Мне трудно в деталях слушать про тот день, когда я лишилась сына, сложно, когда эти детали с такой легкостью пересказывает бесстрастный наблюдатель. Кэсси переглядывается с Ником, и это вызывает у меня раздражение. Это происходит очень быстро, но недостаточно быстро, чтобы я не заметила и не поняла, что это означает. Они явно ожидали от меня подобной реакции. Я решаю, что мне гораздо больше нравилось, когда они не могли терпеть друг друга.

– Мы думали, для тебя это будет слишком тяжело, – продолжает она все еще мягким тоном, словно разговаривает с ребенком. Это «мы» становится последней каплей. Она произнесла его уже добрую сотню раз после того, как вернулась. Я срываюсь.

– О, *мы* думали, *мы* сделали, не правда ли? – рывкаю я, резко поворачиваясь к подруге, забыв, что пару секунд назад сама признавала, что мне не справиться.

– Знаешь, мы просто думали, что для тебя это может оказаться трудно – заново переживать случившееся.

– Какая *мы* сегодня милая парочка, не правда ли? Только вчера ты хотела разбить ему голову картинной рамой. Есть еще какие-то мысли о моем душевном состоянии, доктор Рейнольдс?

Кэсси шокирована и довольно сильно обижена. Ник просто с интересом за мной наблюдает. От отсутствия у него реакции я злюсь еще больше. Нужно признать, сейчас это не сложно.

– Не расстраивайся, Сьюзан, – умоляет Кэсси. – Мы... Я хотела сказать: я просто беспокоюсь за тебя, знаешь ли, с твоим прошлым...

Она достаточно хорошо меня знает, чтобы мгновенно понять, что сказала не то.

– Моим *прошлым*? – Я практически кричу. – Каким прошлым, Кэсси? Депрессией? Или, может, тем, что я убийца? Ну, тебе следует все об этом знать, не правда ли? Если уж мы говорим про *прошлое*. В конце концов, не я хладнокровно планировала убийство своего мужа, потому что он с кем-то там переспал.

Кэсси и Ник шокированы молчат. Мне следовало бы понять, что я веду себя как сука, и Кэсси не заслужила такого отношения. Но знание этих двух фактов меня не останавливает. Нет, меня уже понесло.

– Ну так что, подруга? Что тебя так сильно беспокоит? Я-то думала, мы пытаемся доказать, что я *не* убивала своего сына в депрессии и ярости. Или ты просто пытаешься меня развлечь?

– Достаточно, Сьюзан, – обрывает мою тираду низкий голос Ника, и я замолкаю, как непослушная школьница, которую отругал директор. Когда я вижу, что Кэсси готова расплакаться, мне внезапно становится стыдно.

– О боже, прости меня, Кэсс, – извиняюсь я. – Не знаю, что на меня нашло. Прости.

Кэсси реагирует так, как и должна лучшая подруга, она улыбается. Иногда трудно поверить, что эта добрая, преданная женщина сделала то, что сделала.

– Нет, это ты меня прости, – говорит она, подходит к стулу, на который я рухнула, и обнимает меня. – Я сказала глупость. Ты хочешь продолжать или прекращаем?

– Нет, не прекращаем, – твердо заявляю я. – Вы оба сегодня приложили столько усилий, и я хочу узнать, что вы обнаружили. Боже,

как бы я хотела, чтобы это все закончилось, но единственное, что остается – это двигаться вперед.

Кэсси испытывает облегчение от того, что я успокоилась, Ник так и молчит. Гадаю, не думает ли он, что проще считать меня страдающей от маниакально-депрессивного расстройства. Я точно веду себя, как человек с таким диагнозом. Он ждет секунду, вероятно, хочет убедиться, не слечу ли я снова с катушек, потом склоняется ко мне, переворачивает несколько страниц, пока перед моим носом не оказывается заключение врача.

– Что здесь говорится? – спрашиваю я, просматривая страницу. Ник не отвечает, просто ждет, когда я все прочитаю сама.

Это справка, выданная моим бывшим участковым врачом, доктором Чоудри. Датирована 13 августа 2009 года, после смерти Дилана прошло всего три недели. Мне бросаются в глаза отдельные фразы: *«Миссис Вебстер продемонстрировала обычную обеспокоенность из-за медленного набора веса ее сыном... никаких симптомов депрессии, на нее ничто не указывало... маловероятно, что она страдала от послеродового психоза... никаких признаков галлюцинаций или нарушений мыслительного процесса...»*

Я поднимаю глаза на Ника.

– Что это значит? Почему это не использовалось в суде? Он говорит, что у меня не было депрессии.

Ник переворачивает еще пару страниц. На этот раз я вижу заключение другого врача. Эти имя и фамилию я не знаю – доктор Ингрид Томпсон. Ощущаю гораздо большее беспокойство, просматривая этот документ: *«Пациентка демонстрирует сильную послеродовую депрессию... не проявляет реакции, безразлична, временами в ступоре... Пациентка совсем не помнит инцидент... при упоминании сына приходит в возбужденное состояние и одновременно расстраивается... Пациентка не хочет обсуждать своего ребенка...»*

На этом документе стоит дата 30 июля, через семь дней после смерти моего сына.

– Что думаешь? – спрашивает Ник, и я никак не реагирую.

– Это было представлено как одно из доказательств на судебном процессе, – наконец вспоминаю я. – Она, доктор Томпсон, там присутствовала, выступала свидетелем обвинения. А почему доктора

Чоудри не пригласили, не выслушали его мнение? Я его не видела или не помню.

– В пометках твоего адвоката указывается, что доктор Чоудри был ненадежным свидетелем. Обвинение вполне могло высказать предположение, что он своим заключением прикрывает свою задницу. Ищет оправдания тому, что пропустил у тебя депрессию, когда осматривал в послеродовой период. Адвокатесса посчитала, что его показания скорее навредят, чем помогут.

– Наверное, она была права, – медленно говорю я, перечитывая заключение доктора Томпсон. – Но такие комментарии... Конечно, я была в шоковом состоянии, только что лишилась сына. Как я должна была себя вести?

– Похоже, работали не очень тщательно, – соглашается Кэсси. – Мы так... Я хотела сказать, что тоже так подумала. Диагноз одного специалиста всего после одной встречи с тобой. Похоже, все делалось поспешно.

– Косвенные улики, – предупреждает Ник. – Давайте не будем уходить в сторону. Нам нужно решить, что делать дальше.

– Больше ничего нет? – спрашиваю я, пролистывая оставшиеся страницы.

– Я не заметила, но тебе самой нужно все это прочитать, может, обратишь на что-то внимание. Подожди, у нас еще кое-что есть.

Кэсси в возбужденном состоянии вручает мне небольшую папку со словами «Доктор Райли», написанными карандашом на обложке. Внутри заметки журналистов об исчезновении доктора Райли, интервью с его друзьями и членами семьи, заявление жены, данные о финансах. Все пришли к одному и тому же выводу: у доктора Райли не было оснований сбегать или кончать жизнь самоубийством. Он был счастливым человеком, у него была хорошая семья, никто не смог найти никаких любовниц, две маленькие дочери, нет финансовых проблем. Его жена сказала журналисту, что он был очень тихим в последние две недели, но ничто не указывало на то, что случилось. Он исчез без предупреждения!

– Мне казалось, ты был тем журналистом, который освещал это дело, – поворачиваюсь я к Нику в замешательстве. – Это не твои заметки.

– Я только написал статью, – объясняет Ник. – В этом случае я не собирал материал, не бегал по интервью. – Я вопросительно смотрю на него. – Думаю, нам следует встретиться с миссис Райли.

Я качаю головой.

– Ни в коем случае. Я уже вытянула на поверхность прошлое многих людей. Последнее, что требуется миссис Райли – это наше появление у нее на пороге с дикими теориями заговора о смерти ее мужа.

– Я уже говорил с ней, – удивляет меня Ник. – Она будет рада с нами встретиться. Говорит, что уже давно пора хоть кому-то начать задавать вопросы об исчезновении мужа.

– Она считает, что это не самоубийство? – спрашиваю я, не подумав об этом варианте. – Если его убили, то нам явно будет угрожать серьезная опасность, если мы начнем копать в этом деле?

– Я считаю, мы уже давно «копаемся». Но нет, я думаю, она приняла версию самоубийства, только не нашла объяснений, почему он это сделал – тех, которые бы ее удовлетворили.

– И она считает, что мы можем предоставить ей эти объяснения?

– Я думаю, она одинокая женщина, а твой друг мистер Уайтли, который здесь присутствует, умеет очень хорошо разговаривать по телефону, – встречается Кэсси.

– Это так? – уточняю я, обращая внимание на использование местоимения «твой» вместо «наш». – Флиртовал, чтобы добиться интервью?

– Всеми возможными способами, – отвечает Ник, прижимает правый кулак к сердцу, а тремя пальцами левой рукой салютует мне. – Это журналистский девиз.

– Когда идем?

– Завтра.

Как я понимаю, момент самый подходящий.

– Но это не самое главное, Сюзан. – Кэсси берет меня за руку. – Есть кое-что еще. Очень важное.

Она смотрит на Ника, который не может встретиться глазами ни с ней, ни со мной.

– Что? В чем дело? Что случилось? – У меня внутри нарастает паника, к горлу подступает желчь.

– Это все он. Я ему говорила, что ты дико разозлишься. Я сама пришла в ярость, когда он мне это сказал, но теперь я понимаю, что все к лучшему, хотя действовать нужно было у тебя за спиной, а это нехорошо.

– Теперь ты на самом деле заставляешь меня беспокоиться. Что здесь происходит?

– Кэсси права – все сделал я. Помнишь расческу?

– Какую расческу?

– Которую прислали в коробке вместе с одеяльцем Дилана.

Я с трудом верю, что могла про нее забыть. Маленькую голубую расческу положили поверх одеяльца моего сына. Я была настолько ослеплена появлением одеяльца, что отложила ее в сторону. Меня не озаботил предмет, который я никогда раньше не видела. Какая мне польза от расчески, когда я думала, что мой отец отправлял мне жуткие загадки?

– Что ты сделал?

Я произношу слова медленно и размеренно, потому что стараюсь дышать ровно. Пытаюсь не впасть в панику, потому что знаю ответ. Я сама бы это сделала, если б у меня не затуманило мозг, если б не появилась такая злоба на отца.

– Пожалуйста, не волнуйся. Я забрал расческу, когда приехал вчера утром. И взял еще одну – из твоей ванной комнаты. Я отвез их к своему двоюродному брату, он заведует лабораторией в независимой компании, они делают тесты на установление отцовства. Он трудился всю ночь напролет, чтобы сделать тест для меня. Я получил результат сегодня во второй половине дня.

У меня учащается дыхание, все плывет перед глазами: лицо Ника, лицо Кэсси, все кажется размытым. Я чувствую, как жар приливает к щекам, и знаю, что сейчас расплачусь.

– Как ты мог не сказать мне? – шепчу я.

Теперь Кэсси держит меня за руку, просит дышать медленно. Ник извиняется, но я едва ли его слышу. Смотрю на еще один конверт, который может изменить всю мою жизнь. Вот оно: если результат отрицательный, то делу конец. Если положительный...

– Послушай, Сьюзан, послушай меня. – Ник говорит медленно и спокойно, я пытаюсь сосредоточиться на его словах. – Ты не обязана вскрывать конверт. Мы можем просто бросить его в огонь и забыть о

том, что я когда-то ездил в лабораторию. Но если ты хочешь его открыть, то ты должна знать несколько вещей.

– Хорошо, – слышу я свой голос. – Что мне нужно знать?

Ник смотрит на Кэсси, та кивает.

– Во-первых, материал для исследований не самый лучший. На расческе были только два волоска с корнями. В дополнение к этому они загрязнены, это называется «испорченные улики» – ты же доставала расческу из коробки. Я пытаюсь сказать, что результаты этого теста не могут служить доказательством в суде. Это только информация для тебя.

Я его слышу, но на самом деле меня не волнует то, что он говорит. Мне все равно, может ли содержимое этого конверта служить доказательством в суде или нет. Я не в суде, и я не понимаю, что такое «испорченные улики». Я хочу открыть этот конверт. И при этом я *не* хочу его открывать.

– Сьюз, ты собираешься это сделать? – Кэсси нежно гладит меня по руке, и я понимаю, что уже несколько минут сижу молча.

«Ложная надежда, – говорит мерзкий голосок в голове, поддевая меня. – Что сказал бы доктор Нельсон?»

«Да пошел этот доктор Нельсон», – отвечаю я, вспоминая одного из многочисленных психиатров в «Окдейле», маленького, толстого лысого лицемера в твидовом пиджаке, рука которого тряслась, явно демонстрируя алкогольную зависимость, когда он говорил мне, что нужно принять *моих* демонов. Я приняла решение. Что я была бы за мать, если б не стала искать правду?

«Такая мать, которая...» Нет, туда я больше не отправлюсь.

Я поворачиваюсь к Нику.

– Ты знаешь? – спрашиваю я. – Твой друг сообщил тебе результат? Ты уже знаешь, принадлежат ли эти волосы моему сыну?

Ник качает головой.

– Хорошо. Я готова.

Слезы застилают мне глаза, когда я подсовываю большой палец под клапан конверта идвигаю его вверх, разрывая бумагу. Пальцы дрожат, пока я достаю изнутри лист бумаги, мне приходится зажмуриться, чтобы избавиться от слез. Они молча катятся у меня по щекам, капают на страницу. Я медленно разворачиваю листок и начинаю читать.

Мне требуется минута, чтобы понять, что здесь говорится – там полно медицинского жаргона, да и я слишком быстро пробегаю по тексту глазами, чтобы понять содержимое. Наконец я это вижу. Маленькими черными буквами, слишком маленькими для важности этой информации, напечатаны слова: *«Сьюзан Вебстер не исключается из биологических родителей ребенка. Результат основан на 99,999 % совпадении ДНК-профиля».*

Вот оно, черным по белому. Мой сын жив.

Глава 33

Весь следующий час Ник и Кэсси пытаются удержать меня от звонков в полицию или Марку. Я пыталась это сделать четырнадцать или пятнадцать раз. У меня кружится голова, я то злюсь, то радуюсь, то впадаю в отчаяние, эмоции сменяют друг друга каждые несколько минут. Не могу остановить поток слез, которые текут у меня по лицу, падают на мою футболку, волосы.

«Мой сын жив».

Нельзя сказать, будто я всегда знала: то, в чем меня пытались убедить, окажется враньем. Все люди, занимавшие хоть какое-то дающее власть положение, которые в последние четыре года встречались в моей жизни, встраивали эту ложь в удобную рамку «какой ужас» или «как жаль, как досадно», но ни разу никто не высказал предположения, что могла быть допущена ошибка, и я могу быть невиновна. Я мечтала о живом Дилане, но даже в мечтах представляла, что меня в тот день не оставили с ним одну, или что врачи давали мне достаточно таблеток, и я оставалась в здравом уме, но не считала, что все это – ужасная ложь.

Я сейчас не в том положении, чтобы думать, кто или почему. Единственный вопрос, который крутится у меня в голове, – это *как*. Как такое могло случиться? Дилан в опасности?

– Они там давно?

Кэсси резко поднимает голову, и я понимаю, что заговорила впервые за долгое время.

– Волосы на расческе. Он знает, они там давно? Твой друг.

Ник качает головой.

– Определить невозможно. Он сказал только, что это волосы не трехмесячного младенца, а гораздо старшего по возрасту ребенка.

– Расческой могли пользоваться полгода, год назад? За это время с ним могло случиться все что угодно. С ним могло случиться все что угодно за последние четыре года, когда он **ДОЛЖЕН БЫЛ БЫТЬ СО МНОЙ, А Я СЕЙЧАС ЗДЕСЬ, ПЬЮ ЧЕРТОВ ЧАЙ!**

Встаю и швыряю наполовину недопитую чашку с чаем в противоположную стену, она разбивается, я начинаю рыдать, а по

стене расплывается молочно-коричневое пятно. Кэсси мухой пролетает разделяющее нас расстояние, заключает меня в объятия, давая мне уткнуться в мягкий кашемир ее джемпера, и крепко прижимает к себе, пока я рыдаю.

* * *

– Что мы будем делать, Сьюзан?

Ник впервые заговорил. Мы уже час сидим за его кухонным столом. Он не трогал меня, пока я рыдала на плече у Кэсси, потом меня вырвало. Он принес нам кофе и ничего не сказал, когда увидел, как я курю, пуская дым кольцами в его гостевой комнате. Сейчас уже начало третьего, Кэсси заснула на полу в выделенной мне комнате час назад, даже отказавшись ехать домой в свою кровать. Не знаю, разбудила ли я Ника, когда спустилась вниз, или он не спал все это время. Он без слов приготовил мне кружку горячего шоколада и уселся на стул напротив меня на кухне. Все это время он сидел с таким видом, словно есть тема для обсуждения, но такая, что он лучше врежет себе кулаком в лицо, чем ее поднимет.

Я слишком устала даже для того, чтобы пожать плечами.

– Прости, что испортила тебе стену.

– Заново покрашу на днях. Перестань уходить от темы. Нам нужно решить, что делать с тем, что только что произошло.

– Ты про Марка?

Он кивает. По ощущениям, я ездила к моему старому дому целую жизнь назад. Тогда я еще думала, что Дилан мертв и я его убила.

– Теперь все выглядит совсем по-другому, – говорю я. – Он постарался как можно быстрее затащить меня в дом. Тогда я думала, что он боится соседей – что кто-то из них может увидеть меня у него на пороге. Но теперь я задумываюсь, не боялся ли он, что меня увидит кто-то еще.

Ник неотрывно смотрит на меня, пока я говорю. Он выглядит подавленным и усталым: глаза припухли больше обычного, под ними темные круги и морщинки.

– Как ты думаешь: он знает? – наконец спрашивает Ник. – Как ты думаешь: Марк знает, что ты не убивала Дилана? Как ты думаешь,

Сьюзан: на что он способен?

Ник говорит напряженным голосом, слегка склоняется ко мне, его рука сжимает кружку сильнее, чем раньше. Что он хочет от меня услышать?

– Это кажется невозможным. – Я не думаю ни о чем другом, только об этом, с тех пор как узнала результаты теста. – Он говорил так убедительно, когда произносил речь о том, как обнаружил Дилана. Но ведь так не могло быть, правда? Если Дилан жив.

Ник не напоминает мне, насколько спорными могут быть результаты ДНК-теста, все еще возможно, что образец был загрязнен. Я сама не упоминаю это, потому что знаю: мой сын жив, а я невиновна.

– Если он только не ошибся насчет дыхания Дилана, – выдвигает версию Ник. – Ситуация была очень стрессовой. Он мог поверить, что Дилан мертв, когда его нашел. Он же посчитал тебя мертвой. А если что-то произошло после того, как вас обоих отправили в больницу?

Я с минуту обдумываю это.

– Ты имеешь в виду, кто-то его выкрал и заставил нас обоих поверить, что Дилан умер? – Я предпочту думать так, а не верить в участие Марка в этом деле. Ни одной лишней секунды не верить. – Кажется безумием, как и все в этом деле, не правда ли?

– Ты все еще не ответила на мой вопрос, Сьюзан. Ты думаешь, что твой муж тебе врал? Что ты знаешь про его прошлое? Его семью?

Я думала, что все. Пока не нашла его фотографии с таинственной женщиной, я думала, что знаю все, что только можно знать про Марка Вебстера. Тот факт, что я не знала про университетскую подружку, меняет дело?

Я вздыхаю.

– Я не могу больше об этом думать. Мне нужно с ним поговорить, спросить его...

Я все еще хочу, чтобы Марк обнял меня и сказал, что мы вместе со всем этим справимся.

– Не очень хорошая мысль, – твердо заявляет Ник. В его словах слышится напряжение? – Он мог сегодня отправить нам эти фотографии – ты же не знаешь точно. Изначально именно он мог нанять кого-то за тобой следить. Если ты обратишься в полицию, они могут...

– Подумать, что я снова сошла с ума. Меня опять упекут в психушку.

– Я считаю, завтра нам все равно нужно встретиться с миссис Райли. В конце концов, это ее муж признал Дилана мертвым и исчез через четыре месяца после этого. А теперь нам нужно отдохнуть.

* * *

Я не думала, что смогу заснуть этой ночью. Кэсси все еще спит на полу у меня в ногах. Как только я опускаюсь на кровать, глаза у меня закрываются. Не помню, о чем думала несколько минут назад, поэтому понимаю, что засыпаю. В тишине я слышу голос, так четко, словно эта женщина стоит рядом со мной:

– Я пришла тебе помочь.

У себя в сознании я вижу, как бросаюсь вперед, толкаю что-то, кого-то. Я защищаюсь, бью кого-то, отталкиваю прочь от себя и своего малыша. Ко мне тянутся руки, я отступаю назад, падаю и кричу. У меня в сознании переключаются картины, я сама в зрительном зале, смотрю пьесу. Вижу человека рядом, на нем велосипедный шлем, в руке он сжимает фотоаппарат. Смотрю направо – там такой же человек, как и передо мной. Во всем театре безликие люди, которые меня фотографируют, и я не знаю, смогу ли когда-нибудь от них отделаться.

Глава 34

Джек: 1 декабря 1992 года

Прошло три дня после обнаружения тела, но полиция все еще рыскала повсюду. Девушки вели себя раздражающе – становились параноиками. В первый вечер после исчезновения Бет было весело, никому не хотелось отказываться от привычной жизни. Все желали, чтобы жизнь не останавливалась, и их часы продолжали тикать. Но они были осторожны и испуганы. Девушки хотели, чтобы кто-то проводил их домой, до самой комнаты. Как они были благодарны находиться в обществе человека, рядом с которым чувствовали себя в безопасности! Хотя сейчас, осознав, что реально произошло, они так испугались, что не хотели выходить вообще никуда. Подозревали всех – конечно, кроме людей типа него.

Больше всего ему нравились слухи. Он их все слышал. Бет спала со всеми, от университетских преподавателей и профессиональных игроков до обычных клиентов проституток – со всеми, кто платил за секс. Никто не подозревал, как все обстояло на самом деле. Он считал, что вполне может отправиться в полицию и рассказать им о том, что на самом деле случилось с Бетани Коннорс, и его со смехом выгонят из отделения.

Шекс полностью расклеился, когда ему сообщили об обнаружении тела Бет. Джек в тот момент рядом с ним не было – маловероятно, что они в ближайшее время помирятся. Но Джек наблюдал за Шексом из другого конца помещения – лицо его стало пепельно-серым. На лбу выступила испарина. Райли пришлось его поддерживать, чтобы не рухнул на пол – невероятно, что он его удержал, учитывая, как он сам дрожал. А теперь Билли побежал домой к папочке. Как трогательно. Ричард – сильный мужчина, обладающий определенной властью, но даже он не может воскресить убитых невест.

Джеку требовалось поговорить с Билли, удостовериться, что он не собирается идти в полицию. Что-то плохое случается постоянно. Джек хотел, чтобы Шекс понял: это не то дело, ради которого стоит ломать свою жизнь и создавать себе проблемы. Он забудет о

Бет, страдает и успокоится, как было в случае с Таней. Они найдут ему новую девчонку, и он снова будет радоваться, как валяющаяся в грязи свинья. Это не должно стать концом всего.

Глава 35

Миссис Райли живет в ближайшем пригороде Брэдфорда в потрясающем современном доме, из которого открываются вдохновляющие на поэзию виды. Дом не стоит изолированно: вокруг полно соседей. Я нервничаю из-за этого, хотя уверена, что они не медиумы и не экстрасенсы. Я все еще жду, что кто-то вылезет из кустов. Ощущение, что за мной следят, усилилось после пребывания дома у Ника, после сна, который я видела прошлой ночью, и новой информации. Теперь я знаю, что мой сын жив, и излучаю целеустремленность – интересно, а человек, который пытается меня напугать, способен уловить изменения во мне? Когда он или они проснулись сегодня утром, то знали, какая у меня была первая мысль? Я собираюсь их найти! Я приду за своим сыном!

Доктор Райли точно очень хорошо зарабатывал. Может, они унаследовали деньги. Я почти уверена, что даже высокие гонорары врача не позволят такое красивое место и «Рейндж Ровер», который стоит на подъездной дорожке. Конечно, я понятия не имею, чем миссис Райли зарабатывает себе на жизнь. Возможно, я недооцениваю несчастную женщину – она вполне может быть хирургом или адвокатом. Но одну вещь я знаю точно: я рада, что Кэсси сегодня утром решила вернуться домой. Ей это место очень не понравилось бы.

– Прелестный домик, – тихо говорит Ник себе под нос. – Интересно, где они взяли столько бабла?

Журналист, занимающийся расследованиями, – это диагноз, но теперь я сама думаю, как он. Борюсь с желанием взять его за руку, когда мы идем к главному входу, потому что боюсь того, что мы можем выяснить. Я увеличиваю расстояние между нами, чтобы автоматически не потянуться к нему и не унизиться полностью. Мне нужно напоминать себе, что у меня есть человек, который достаточно верит в меня, чтобы находиться здесь.

– Готова? – спрашивает Ник.

Киваю в ответ, надеясь, что мне не придется много говорить. Ник не успевает постучать – входная дверь распахивается, удивляя нас

обоих.

– Простите, – тут же извиняется миссис Райли при виде удивления на наших лицах, но меня поразила не распахнувшаяся дверь, а женщина за ней.

Миссис Райли выглядит, как кинозвезда. Когда слышишь словосочетания «жена врача» и «брошенная жена», возникает образ несчастной пожилой женщины, а нам открыла дверь сногшибательная молодая актриса, сыгравшая одну из второстепенных ролей в «Женах футболистов» [\[36\]](#). Я молча ругаю себя за то, что забыла возраст доктора Райли (судя по статье, лет тридцать пять), за то, что я такая дура, которой не пришло в голову, что немощная пожилая женщина, вероятно, не станет ездить на «Рейндж Ровере». Еще я ругаю себя за то, что не потрудилась смыть вчерашний макияж и заново накраситься, а просто добавила немного туши поверх старой.

Когда мы идем вслед за миссис Райли, я быстро расчесываю волосы пальцами, надеясь хоть немного привести их в порядок, потом провожу пальцем под каждым глазом, чтобы убрать размазавшуюся подводку. Кажется, Марка никогда не беспокоило, что я не самая ухоженная женщина. В голове у меня возникает образ рыжеволосой красотки, обнимающей моего бывшего мужа, и пляшет перед мысленным взором. Судя по ее виду, ей не требовалось прилагать усилия, чтобы выглядеть красивой. Такой контраст с круглолицей, немного полноватой женщиной, волосы которой ведут непрекращающуюся войну с расческами и выпрямителями, на которой он в конце концов женился. Этот контраст был преднамеренным? Он выбрал меня потому, что я никоим образом не напоминала его прошлую любовь? Он забрал моего сына, чтобы быть вместе с ней?

– Я подумала, мы можем перекусить в оранжерее, – говорит миссис Райли и ведет нас в большую стеклянную пристройку, где на обеденном столе, накрытом накрахмаленной белой скатертью, красиво выставлены сэндвичи с огурцами, рогалики и кувшин с водой со льдом.

– Миссис Райли, вам не следовало беспокоиться. – Ник выглядит слегка смущенным, а я задумываюсь, сколько же он с ней флиртовал, если она решила устроить такой прием. Или от чего она пытается отвлечь наше внимание.

– Пожалуйста, называйте меня Кристи. – Она жестом предлагает нам обоим сесть. – Что будете пить?

Мы усаживаемся за стол, берем сэндвичи. Как и ожидалось, Кристи (вероятно, полное имя у нее Кристабель или Кристал) едва прикасается к еде и только маленькими глотками попивает воду из дорогого стакана.

– Вы сказали по телефону, что хотите поговорить про Мэттью? – наконец спрашивает она, адресуя вопрос Нику. С некоторым раздражением я понимаю, что она едва ли взглянула в мою сторону с момента нашего прибытия. Миссис Райли вела себя так, словно Ник приехал один. Ее муж сломал мне жизнь. Она могла бы, по крайней мере, посмотреть на меня.

– Мы будем вам очень благодарны. – Ник смотрит на нее с сочувствием и обеспокоенностью – как отлично умеет. – Но, конечно, только если это не слишком тяжело для вас.

Она ему не отвечает, вместо этого впервые поворачивается ко мне и теперь направляет все внимание на меня.

– Вы Сьюзан Вебстер.

Это утверждение, не вопрос, а я внезапно понимаю, что мне гораздо больше нравилось, когда она меня игнорировала. Насколько мне известно, Ник использовал мои новые имя и фамилию, когда договаривался о встрече с Кристи. Он сказал ей, что мы собираем материал для статьи про стресс у медиков. Насколько он мог судить, она купилась. Похоже, мы не такие умные, как думали.

– Да, – честно отвечаю я. – Простите, что мы вам наврали.

– Не сожалейте об этом, – по-деловому отвечает она. – Я поняла, что это вы, только открыв дверь. Если б я не хотела с вами разговаривать, просто не пустила бы вас в дом.

– Так почему пустили?

– Мне стало любопытно, – нисколько не стыдясь, признается она. Я при этом чувствую себя так, словно я никто. – Знаменитая Сьюзан Вебстер появляется вместе с журналистом, который хочет поговорить про Мэтти? На вашем судебном процессе мой муж в последний раз давал показания. – Судя по виду Кристи, ей больно об этом вспоминать. Может, так и есть. Может, она понятия не имеет о том, каким лживым ублюдком был ее муж. – Я все это время думаю о том, не связаны ли два дела. Я не забыла ваше лицо, я видела его каждый

раз, закрывая глаза. На протяжении многих лет я винила вас в его исчезновении.

Вот это да!

– Больше не вините? – спрашивает Ник.

– Нет, больше не виню, – отвечает она, не встречаясь со мной глазами. – Чем больше я об этом думала, тем меньше в этом было смысла. Мэттью и раньше участвовал в трудных и выводящих из душевного равновесия делах, но он никогда не допускал, чтобы они глубоко его тронули. Может, происходило что-то, о чем я не знала. Может, я винила вас потому, что не хотела чувства вины на собственных плечах. Я просто не заметила то, что было у меня под носом.

– Вы не считаете, что исчезновение вашего мужа как-то связано с судебным процессом над Сьюзан? Ведь оно произошло вскоре после него.

– Этого не могло быть, правда? – спрашивает Кристи. – Он ведь просто давал показания, говорил правду в своей интерпретации. Случившееся с вами – то, что вы получили обвинительный приговор – не его вина. Но я все равно не могу найти причину, объясняющую, почему он нас покинул. Полиция проверяла наше финансовое положение, спрашивала про наши взаимоотношения, но ничего не нашла. Мэттью унаследовал большие деньги от своего прадедушки, и сам достаточно зарабатывал, чтобы мы жили комфортно. Сами видите. Я знала, что они копают не в том направлении, но сама пребывала в состоянии шока, чтобы задавать вопросы, да и сейчас не знаю, какие вопросы следовало задавать.

– У вас не создалось впечатления, что ваш муж знал больше о смерти Дилана Вебстера, чем говорил? – мягко спрашивает Ник.

У Кристи к щекам приливает кровь.

– Что вы имеете в виду? Что он имел какое-то отношение к смерти ребенка?

– Я и не думал намекать...

– Но подразумеваете вы именно это! Что она вам сказала? – Она обвиняюще тыкает пальцем в направлении моего лица. – Она может думать, будто что-то знает, но она врет.

Теперь пришел мой черед краснеть. Жар подступает к моим щекам, я вижу, как Ник сверлит меня глазами, пытаюсь удержать от

взрыва. Но я никогда не давала ему никаких обещаний.

– А что, по вашему мнению, знаете *вы*, Кристи? Вы говорите, что не имеете ни малейшего представления о том, почему ваш муж сбежал?

Кристи встает.

– Я до сих пор не могу понять, почему вы пришли сюда, но если вы пытаетесь намекать, что мой муж имел какое-то отношение к смерти вашего сына, то уходите. Мне жаль, что с вами такое случилось, миссис Вебстер. Послеродовой депрессии не нужно стыдиться, ужасно, что вы не получили помощь, которая вам требовалась. Но если вы думаете, что я буду сидеть здесь и слушать, как имя Мэттью смешивают с грязью, вы оба сильно ошибаетесь. – Она берет мою сумку и бросает в меня, источая яд. – Убирайтесь вон, оба.

Глава 36

– Поехали в контору Рейчел, – говорю я, когда мы снова оказываемся на улице. – Жалко потратить столько времени на дорогу сюда и упустить возможность поговорить с ней.

– Ты уверена, что это хорошая мысль? В твоём нынешнем настроении? – спрашивает Ник и снова смотрит на меня с беспокойством. Вначале мне казалось это милым, но если это выражение и дальше останется у него на лице, думаю, я этого не вынесу.

– У тебя есть идеи получше? – отвечаю я вопросом на вопрос. – У миссис Райли мы полностью провалились. Думал, что она сделает чистосердечное признание? Скажет, что знает, что случилось с Диланом? Или ты надеялся, что я буду плохим полицейским, а ты хорошим?

Он поворачивает налево, больше не произнося ни слова.

Адвокатская контора «ЗБХ» располагается в высотном старом здании, но я знаю, что внутри все выглядит по-другому. Никакой старины. В большой отделанной мрамором приемной стоит белый стол обтекаемой формы, за ним сидит надменная блондинка, которая выглядит безупречно, как и мебель.

– Мы приехали к Рейчел Трэвис, – говорю ей, приближаясь к письменному столу. Женщина мгновенно узнает меня, хотя мы никогда не встречались лично. Они меня ждали?

– Миссис Вебстер, у вас назначена встреча?

– Меня зовут мисс Картрайт, – огрызаюсь я. – Нет, мы просто были в этом районе по делам и решили навестить старую знакомую. Сообщите ей, пожалуйста, что мы здесь.

Я ожидаю, что она начнет спорить, но девушка снимает трубку и набирает номер. Из тех слов, которые до меня доносятся, делаю вывод, что Рейчел ожидала моего появления и не сопротивляется. Я предполагаю, что звонок Кэсси, которая представлялась мной, когда требовала материалы дела, привел их в состояние боевой готовности, а отсутствие сопротивления говорит о том, что я ничего не узнаю от

Рейчел. Она, вероятно, начнет зачитывать заранее подготовленное заявление. Это будет в стиле Рейчел, которую я знаю.

– Мисс Трэвис вас примет, – объявляет мисс Прямая Спина и сразу же возвращается к своим бумагам.

Кабинет Рейчел находится на четвертом этаже. Когда мы туда поднимаемся, ее личная секретарша Тэмсин уже ждет нас и тепло улыбается.

– Здравствуйте, Эмма, – приветствует она меня, используя мое новое имя, и благодаря этому тут же кажется мне милой. Я говорила с ней только по телефону, но она всегда разговаривала тепло и дружелюбно, казалась искренней. Она никогда не использовала осуждающий тон, как многие другие сотрудники фирмы. – Я очень рада наконец лично познакомиться с вами. Как вы?

– Все в порядке, спасибо, Тэмсин, вы как?

– Все гладко, – приветливо отвечает она. – Мисс Трэвис вас ждет.

– Спасибо.

Кабинет Рейчел отделан полированным деревом, линии везде плавные. Книги по юриспруденции стоят на полках в безупречном состоянии, я сомневаюсь, что их когда-то читали. За громоздким деревянным столом удобное по виду кресло. Сама Рейчел стоит у окна, спиной к двери, хотя я знаю, что она слышала, как мы вошли. Минуту спустя она поворачивается к нам, но не улыбается. Лицо выглядит по-другому, не так, как я его помню. Черты все те же – заостренные высокие скулы, идеально наложенный макияж, большие карие глаза миндалевидной формы. У нее другая прическа – косая и более короткая стрижка. Но больше всего изменилось выражение ее лица. Я помню, как она приносила мне в «Окдейл» пакеты с шоколадными маффинами и сигареты, новое нижнее белье и блокноты. Помню, как она улыбалась и брала мою руку в свою над пластиковым столом в комнате для свиданий со следами от затушенных сигарет и нацарапанными рисунками. Как она говорила про надежды на апелляцию, из которой ничего не вышло, потому что не появилось новых доказательств. Как она сжимала мою руку, разговаривала тихим, успокаивающим голосом, говорила, что я хорошо выгляжу, хорошо держусь, и делала это даже в те первые дни, когда я не произносила ни слова.

– Как ощущения на свободе, Сьюзан? – спрашивает она таким тоном, по которому понятно – ей на это плевать. Говорит коротко, слова кажутся усеченными. Она не дожидается от меня ответа и поворачивается к Нику, протягивает ему руку с идеальным маникюром. Я на мгновение задумываюсь, сколько еще женщин заставят меня чувствовать себя безвкусно одетой и непривлекательной. – Рейчел Трэвис. А вы?

– Ник Уайтли. – Он протягивает руку, но не отвечает на ее фальшивую улыбку. Я приободряюсь.

– Уайтли, – задумчиво произносит Рейчел. – Я слышала эту фамилию. Но уверена, что узнала бы вас, если б мы встречались раньше.

– Я освещал процесс над Сьюзан, но не брал интервью лично у вас.

– Вот в чем дело. – Рейчел резко поворачивается ко мне. – Что я могу для вас сделать, Сьюзан? Неужели вам так скоро после освобождения опять потребовались услуги адвоката? – Она улыбается, словно шутит, но в ее голосе нет намека на веселье.

– Нет, пока не потребовались. – В моих словах скрыта угроза, но если Рейчел ее и уловила, то она этого не показывает, и я продолжаю: – Я просмотрела материалы дела и хотела бы обсудить с вами несколько моментов при личной встрече.

– Джемма сообщила мне, что вы подавали запрос. – Значит, на меня донесла секретарша из приемной. – Что вас беспокоит?

Она жестом предлагает нам присесть, а сама устраивается на краю письменного стола. Большинству людей подобная поза могла бы показаться расслабленной, но я знаю, что это не так. Таким образом она нависает над нами, как и всегда, пытается держать ситуацию под контролем, ведет себя, как адвокат по уголовным делам.

– На момент смерти моего сына у меня в организме присутствовал наркотик. – Я делаю глубокий вдох и смотрю на Ника. Он кивает, предлагая мне продолжить. – Кетамин. Судя по той информации, которую мне удалось собрать, он мог сделать меня беспомощной. Тем не менее про него ни разу не упомянули во время всего судебного процесса.

– Кетамин – это легкий раскрепощающий наркотик, Сьюзан. Если б я упомянула, что он присутствовал у вас в крови на момент смерти

Дилана, то обвинение заявило бы, что вы были под кайфом, когда убили его. – Я стараюсь не дернуться от ее слов. – Вам повезло, что они это сами не заметили. Благодарите счастливую звезду, под которой родились! Детоубийца в депрессии – это гораздо лучше, чем детоубийца под кайфом.

Сохраняй спокойствие. Сосчитай до десяти. Не плачь. Не врежь ей.

– Но это могло бы доказать, что в деле участвовал кто-то еще.

Рейчел глубоко вздыхает.

– И теперь мы подходим к причине вашего появления здесь. Я знаю, вам трудно смириться. Боже, да любому человеку трудно признать, что он навредил своему ребенку! Но никто другой не был связан со смертью Дилана.

Подумать только – я считала эту женщину союзницей. Она стоит передо мной с таким холодным видом, так небрежно произносит имя моего сына, что у меня внутри начинает закипать злость. Как она может говорить, будто знала Дилана? Мне приходится прилагать массу усилий, чтобы не закричать и не бросить ей в лицо результаты ДНК-теста, которые лежат у меня в кармане. Секунду я не осмеливаюсь сказать ни слова. Рейчел принимает мое молчание за признание своей правоты и продолжает дальше свою кабинетную психологию.

– Многие люди, которые пережили подобную травму, уходят в отрицание. Они ищут, на кого свалить вину – только не на себя. Совершенно естественно, что вы чувствуете, будто я саботировала ваш судебный процесс. Вы не первая. Но вы должны помнить одну вещь: я выполняла эту работу тысячу раз, вероятно, больше, и если я что-то не включила, то на это имелась причина.

Ее снисходительный и покровительственный тон «я знаю лучше, классическая преступница» только усиливает мою злость. Незаметно делаю пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Если я выйду из себя, делу это не поможет.

– А как насчет заключения доктора Чоудри? – спрашиваю ровным тоном. – Разве он был недостоин упоминания? Когда та женщина рассказывала всему суду о моей сильной послеродовой депрессии, вам не показалось нужным указать на то, что мой врач, который знает меня с детства, заявил, что у меня все было в порядке?

Мисс Трэвис явно ожидала и этот вопрос. Она умоляюще смотрит на Ника, очевидно, считая, что ее женские чары воздействуют на него.

– Доктор Чоудри опозорился, – мягким тоном заявляет ему Рейчел. – Одна из его пациенток страдала послеродовым психозом, а он его не диагностировал, не назначил успешного лечения, и в результате случилась трагедия. Предполагалось, что он заявит, будто со Сьюзан все было в порядке, просто чтобы прикрыть свои промахи. Если б я пригласила его для дачи показаний, это совсем не помогло бы ей, а если б до него добралась сторона обвинения, это вообще положило бы конец его карьере. – Она снова поворачивается ко мне. – Вы бы хотели этого?

– Нет, – неохотно признаю я. Понятия не имею, как на карьеру доктора Чоудри повлияло то, что я сделала. Марк, доктор Чоудри, доктор Райли и его семья – сколько еще жизней оказались разрушены? Я пытаюсь сосредоточиться на причине нашего появления здесь. Я знаю, что Дилан жив, что я никогда его не убивала, и не я виновата в том, что эти жизни пошли прахом. *Боже, как я хочу, чтобы это было правдой!*

– И это еще не все, – продолжает Рейчел. – Мы пытались доказать, что вы на самом деле были в депрессии. Если б мы приглашали свидетелей, которые заявляли бы, что с вами все было в порядке, вас все равно признали бы виновной, но отсидеть бы вам пришлось двадцать лет.

– Справедливое замечание, мисс Трэвис, – соглашается Ник, и на мгновение мне кажется, что он собирается сдаться и уйти. Он прав, замечание справедливое. Может, я просто ищу человека, на которого свалить вину. До получения фотографии с именем моего сына я считала, что Рейчел прекрасно поработала, лучше просто невозможно. Но, может, она дерьмовый юрист. Хотя Ник еще не закончил. – Не могли бы вы объяснить нам одну вещь так же, как вы любезно объяснили все остальное?

На этот раз Рейчел выглядит удивленной, да и я сама стараюсь скрыть свое удивление. Мы не обсуждали больше никаких «вещей».

– Продолжайте, – медленно произносит она.

– Мне интересно, почему вы семнадцать раз звонили по домашнему телефону мистера и миссис Вебстер в течение недели перед судебным процессом. Миссис Вебстер в это время проходила

лечение в больнице от так называемой депрессии. Что вам требовалось обсудить с мистером Вебстером?

У меня отвисает челюсть. Рейчел пару раз моргает и смотрит на меня. «Он ее поймал».

– Возникла небольшая проблема с... м-м-м... финансированием, – в конце концов отвечает она. Услуги адвоката оплачивались с нашего общего счета, и я ни про какие сложности не слышала. – Мистер Вебстер считал, что Сьюзан не следует обременять финансовыми вопросами, поэтому он решал их непосредственно со мной.

– Правда? – переспрашивает Ник, изображая удивление. – Но у мистера Вебстера другая версия. Он сказал нам, что вы собирали доказательства, чтобы помочь Сьюзан любым возможным образом.

Он разговаривал с Марком? Почему я об этом не знаю? Отдать должное Рейчел, она быстро приходит в себя, но я вижу, как она мысленно себя ругает.

– Конечно, это было еще одной причиной моих звонков. Я не понимаю, какое вам до этого дело. Кто вы, повторите еще раз?

Ее тон подразумевает, что беседа окончена, и Ник, не теряя ни грамма невозмутимости, поднимается на ноги и заявляет об этом Рейчел. Я настолько шокирована, что могу только попрощаться.

– Откуда ты это взял? – спрашиваю я, когда мы выходим в коридор и плотно закрываем за собой дверь, чтобы Тэмсин не могла нас услышать. Прежде чем Ник успевает ответить, дверь напротив нас открывается и появляется лицо, достойное тысячи кораблей [\[37\]](#).

– Мне показалось, я слышал голоса.

Мужчина улыбается, и у меня в груди на мгновение замирает сердце.

– Мы не разговаривали, – довольно грубо отвечает Ник. Очевидно, ему не нравится конкурировать с другими красивыми мальчиками. Мужчина хмурится.

– Странно. Подождите секундочку. Вы ведь Сьюзан Вебстер?

До того как я успеваю ответить, Ник встает передо мной.

– Вы кто?

Мужчина на мгновение переводит взгляд на Ника, потом снова на меня.

– Роб Хоуи. – Он протягивает руку, а когда я протягиваю свою в ответ, он задерживает ее в своей ладони чуть дольше, чем требуется. –

Я – Х в «ЗБХ». – Он кивает на большие буквы на стене.

– Вы начальник Рейчел? – Он смеется над удивлением в моем голосе. – Я ожидала кого-то...

– Не такого потрясающе красивого?

Ник хмыкает. Я чувствую, что краснею, в отличие от Роба.

– Постарше.

– Сьюзан, нам пора. – Ник тянет меня за руку.

– У вас есть время на пару слов? – спрашивает Роб, потом прямо смотрит на Ника. – У вас одной?

Я практически чувствую, как у Ника открывается рот, и из него готовы вылететь возражения. До того как он успеваает что-то сказать, я говорю ему:

– Встретимся в машине.

– Ты уверена?

– Ник, серьезно. Что со мной может произойти в коридоре адвокатской конторы?

Он пожимает плечами с таким видом, словно может придумать тысячу вариантов, но знает, что ни один из них не будет принят.

– Ладно. Жду тебя в машине.

Мы с Робом смотрим в удаляющуюся спину Ника.

– Он вас чрезмерно оберегает. Просто гиперопека! – говорит Роб. – Кто он вам? Брат? Парень?

Не хочу сообщать лишнюю информацию, поэтому просто качаю головой.

– Друг. Он заботится обо мне. Простите.

– Не извиняйтесь. – Роб начинает говорить тише, и мне приходится подойти поближе, чтобы его слышать. От него пахнет дорогим одеколоном, и выглядит он шикарно в пошитом на заказ костюме от Армани. Вероятно, ему меньше сорока, он хорошо сложен, а его лицо словно вырезала из камня уверенная рука. Мужчина идеально выбрит. – Я рад, что есть кому о вас позаботиться. Хотите зайти ко мне в кабинет? Моя секретарша на обеде.

Он держит руку на ручке двери в свою приемную, потом кивает на дверь Рейчел, перед которой мы продолжаем стоять.

– Конечно.

Его кабинет во многом выглядит, как кабинет Рейчел – дорогое дерево, обтянутые кожей книги, только здесь на стене висят различные

сертификаты, выданные «Роберту Льюису Хоуи, дипломированному адвокату».

– Мне очень жаль, что мы с вами не познакомились во время судебного процесса. – Несмотря на просторный кабинет, Роб все еще стоит в нескольких дюймах от меня. – Когда ваш муж позвонил в нашу фирму, я сам хотел заняться делом, но Рейчел настояла, что вести его будет она, и ваш муж с ней согласился. У меня сложилось впечатление, что они знакомы.

– Если это так, мне они об этом никогда не упоминали.

Он качает головой.

– Именно этого я и опасался. Понимаете, возможно, я говорю что-то не то, но я всегда считал, что нам не всё рассказали про ваше дело. Что-то мистер Вебстер от нас утаил. Если я несу чушь, просто скажите...

– Нет. – Возможно, я ответила слишком быстро. – Я хотела сказать: если вам известно что-то, что, по вашему мнению, следует знать мне, то я предпочту, чтобы вы это сказали.

– Понятно. Я не уверен, что что-то было, просто у меня возникло такое ощущение. У меня нет никаких реальных доказательств. Если хотите, могу еще раз взглянуть на материалы вашего дела, посмотреть, не бросится ли мне что-то в глаза. Конечно, если вы просто хотите обо этом забыть, я прекрасно пойму. Вы наверняка хотите начать новую жизнь, забыть, что это случилось.

Как сказать ему, что это невозможно, не сообщая, что Дилан жив?

– Посмотрите, – говорю я вместо этого. – Посмотрите и скажите, что вы думаете. Если что-то найдете, вот номер моего телефона.

Я беру ручку с письменного стола, хватаю его руку и записываю свой номер на тыльной стороне.

Он смотрит на свою руку, и у него на лице появляется широкая улыбка.

– Вы записали номер у меня на руке? В кабинете столько бумаги, а вы пишете у меня на руке? Никто этого ни разу не делал с тех пор, как я окончил школу.

Я чувствую, как у меня краснеют щеки.

– Простите. Как глупо...

– Прекрасно! – Слава богу, он смеется. – Может, сходим куда-нибудь, пропустим вместе по стаканчику? Я пойму, если вы не... Я

хотел сказать...

Теперь мое сердце судорожно колотится в груди. Не знаю, от мысли о том, что я могу пойти куда-то с Робертом Хоуи на настоящее свидание, где пьют вино, болтают о ерунде, потом, может, прогуляться до дома (поцеловаться?), или от того, что я собираюсь ему отказать. Независимо от того, какой он привлекательный мужчина, сейчас в моей жизни столько сложностей, что я не могу позволить себе такие простые вещи, как свидания и парни. Как всё может проходить? «Как прошел твой день, дорогая?» «О, прекрасно, спасибо, дорогой. Утро я провела, болтая с женой исчезнувшего врача, а вторую половину дня в поисках моего *не* умершего сына».

Нет, это совершенно точно не сработает.

– Простите, Роб, – говорю я в конце концов, понимая, что он хочет получить ответ. – Сейчас столько всего происходит, я снова приспосабливаюсь к жизни в реальном мире. На данный момент свидания – не для меня.

У него ни на секунду не меняется выражение лица. Может, он даже не разочарован. Может, он приглашает подобным образом каждую женщину, с которой пересекается. На всякий случай.

– Конечно. – Роб легко пожимает плечами. – Но на тот случай, если вы вдруг передумаете... – Он забирает у меня ручку, которую я все еще сжимаю, переворачивает мою ладонь и пишет номер на тыльной стороне. – Это мой номер. Звоните. В любое время.

Чувствую легкое покалывание в руке – в том месте, где он ее коснулся. Ох! Мне пора уходить.

– Спасибо за предложение помочь. Мне лучше вернуться в машину. Мой друг наверняка уже заблокировал здание, а то и оцепление вызвал. Но спасибо. Спасибо вам.

Я смущаюсь, несущая чушь, но Роб Хоуи снова улыбается. Я разворачиваюсь и буквально вылетаю из кабинета, несущая по коридору и вниз по лестнице. А он, вероятно, не сдвинулся с места.

– В чем дело? – спрашивает Ник, когда я буквально падаю на сиденье рядом с ним.

– Он хочет помочь, – только и выдаю я.

– Ты ему не рассказала...

– Ничего не рассказала, – отвечаю слишком быстро для человека, который говорит правду. Если Ник и заметил написанный у меня на

руке номер, то не упоминает это. – Объяснишь, как узнал про ее звонки Марку?

– Я увидел ее номер в записной книжке Марка. Решил рискнуть, количество телефонных звонков я придумал, но она явно с ним многократно связывалась, иначе сказала бы, что понятия не имеет, о чем речь. На самом деле просто повезло.

– А когда ты об этом говорил с Марком?

– Я не говорил. – Ник смотрит на меня, как на тупую. Простите, но я не привыкла играть в инспектора Морса [\[38\]](#). – Это был блеф. Готов поспорить: она сейчас звонит ему и ругает себя за то, что купилась. Хотелось бы мне увидеть ее лицо.

– Как ты думаешь: почему она на самом деле ему звонила? С оплатой никогда не возникало проблем. – Оправдание кажется смехотворным в свете того, что я нашла. – И ей, наверное, не следовало разговаривать с одним из главных свидетелей.

– Определенно нет. Я хочу задать тебе несколько неудобный вопрос, но как ты думаешь...

– Не знаю, – отвечаю и чувствую себя несчастной. Я понимаю, о чем он хочет спросить. – Ты хочешь знать, спали ли они, ответ: я не знаю. Я больше ничего не знаю ни о чем.

– Может, твой бывший муж и не святой, которым ты его считала.

Что это значит? Но я позволяю себе задуматься об этом не больше, чем на секунду. Ник ничего не знает про Марка и про нашу совместную жизнь. Я знаю своего бывшего мужа. Я знаю Марка. Да, знаю.

Глава 37

Мы снова в доме Ника, и я вижу, что он все время о чем-то думает после нашего возвращения. Суетится, наводит порядок там, где не требуется, сделал три телефонных звонка из кухни, откуда я не могу слышать, что он говорит. Испытываю облегчение, когда он объявляет:

– Мне нужно заняться кое-какими делами.

– Хорошо. Мне сходить в магазин или что-то сделать?

Я пытаюсь говорить легким тоном, но хочу знать, что все же самое важное. Эгоистично хочу удержать его рядом с собой (что может быть важнее происходящего со мной?), но знаю, что это глупо, не хочу быть похожей на капризного ребенка. Я должна помнить, сколько времени он уже потратил, чтобы помочь незнакомке. У него есть и другие обязательства. Правильно. Но почему он мне о них не рассказывает?

– Нет, оставайся здесь. С тобой все будет в порядке? Ты чувствуешь себя здесь в безопасности?

Если я отвечу отрицательно, он останется? Я не буду это проверять, поэтому отвечаю «да». Не хочу показаться неженкой.

Пока его нет, я просто хожу по дому. Мне хочется что-то сделать, чем-то себя занять, попытаться не смотреть на одеяльце моего сына, которое лежит в сумке с тех пор, как мне его принесла Кэрол. Представляю Дилана четырехлетним ребенком, он радостно играет, качается на качелях в каком-то неизвестном месте. Я стараюсь не думать о том, что растит его кто-то другой и он называет мамой другую женщину. Вместо этого пытаюсь сосредоточиться на том, чем мы сможем заниматься вместе, когда я его найду. Уверена, что обязательно его найду.

Звонит мой телефон. Кэсси.

– Привет. Как ты себя чувствуешь после прошлой ночи?

Я не говорю ей, что у меня болят глаза, кожа на лице стянута от слез, голова раскалывается от мыслей. Не хочу заставлять ее беспокоиться, поэтому не говорю ей, что чувствую себя как машина, которая едет по шоссе на нейтралке. Вместо этого отвечаю:

– Все в порядке. Мы сегодня встретились с Рейчел.

– Правда? И как прошла встреча с Круэллой [\[39\]](#)?

Я улыбаюсь. Кэсси никогда не стеснялась в выражениях.

– Нормально. Даже неплохо, но безрадостно. С миссис Райли все получилось гораздо хуже.

Я ввожу Кэсси в курс дела и чувствую ее раздражение из-за того, что она находится так далеко и не может помочь.

– Обещаю: я постоянно буду держать тебя в курсе дел, сообщать про каждый наш шаг. Звонить каждый день. Ты будешь чувствовать себя так, словно находишься здесь.

Она фыркает.

– Как я понимаю, помогать бездомным завтра ты не собираешься?

Проклятье, неужели завтра опять суббота? С одной стороны, мне кажется, что с тех пор, как я получила маленький коричневый конверт, прошла целая жизнь, с другой, что это произошло только вчера. Безумная неделя, все смешалось, этакий кадр из голливудского блокбастера.

– Прости, Кэсс, ты можешь придумать для них какое-то оправдание? Ты же все понимаешь, правда? Теперь я должна довести это дело до конца, не вернусь домой, пока не найду Дилана. Как только все это закончится, приглашу тебя на воскресный обед. Обещаю.

– Да, конечно. Только лучше в ресторан, специализирующийся на мясе, – ворчит она. – И обязательно позвони мне завтра. Я могла бы быть рядом с тобой, но у меня такое ощущение, что я вам мешаю.

– Не дури. Вчера вечером ты все сделала восхитительно, но я знаю, что у тебя есть дом, в котором ты хочешь находиться.

Как только мы с ней прощаемся, я хватаю ручку и лист бумаги. У меня всегда хорошо получалось составлять списки, я ими руководствовалась на протяжении жизни – пока у меня была жизнь. Может, они мне и сейчас помогут. Записываю все факты, связанные со смертью моего сына. В документах судебного процесса вижу то, что не позволяло вспомнить мое сознание, – то, что случилось в один из дней в июле 2009 года. Ну, не совсем, потому что ничто не объясняет мне, почему следы ДНК моего сына оказались на расческе через четыре года после его смерти.

Помню, как чувствовала себя сильно уставшей и расстроенной. Почему? Почему я в тот день расстроилась? Что-то там случилось после прихода патронажной сестры... Она сказала нечто такое, что

меня потрясло, я почувствовала себя плохой матерью, но не могу вспомнить, что именно, хоть убейте. Я вернулась домой и собралась вздремнуть вместе с сыном. Нет, погодите, вначале я заварила себе чашку чая, пока Дилан лежал на игровом коврикe и бил ножкой по птичке, которая свисала с арки. Я его накормила и поменяла подгузник... Вот оно! Патронажная сестра спросила, почему я перешла на кормление из бутылочки. Это было совершенно бесчувственно, учитывая наши проблемы с кормлением грудью. Я не могла успокоиться все то время, когда после кормила его из бутылочки... Затем положила его в кроватку-корзину, поставила рядом с диваном и... ничего. Следующее воспоминание – мое пробуждение в больнице, двое полицейских под дверью моей палаты и толпа журналистов перед входом в больницу.

Или есть что-то еще? Туманные образы из сна, который мне снился не один раз, приплывают и уплывают, становятся более-менее четкими, потом снова размытыми. Образы людей, которые разговаривают, спорят. Это только сны или реальные воспоминания? Разумно предположить, что они из реальности: ведь нас нашел Марк. Если он нашел своего сына мертвым в кроватке-корзине, с прикрытым подушкой носиком и ротиком, то он должен был плакать, предположить, что ребенка убила я. Что-то в этой сцене кажется неправильным, хотя все описано черным по белому в документах судебного процесса. Не могу понять, что не так. Почему я не могу ничего толком вспомнить? Странно. Другие дни я помню с кристальной четкостью. Как возила Дилана смотреть на землекопов, когда в местном парке велись земляные работы. Помню, как ездила на могилу матери, чтобы положить на нее фотографию Дилана с папой. Это была одна из причин, объясняющих, почему врачи диагностировали послеродовой психоз: я ничего не помнила про смерть Дилана. Хотя я всегда чувствовала досаду и неудовлетворенность доктора Томпсон: она думала, что я могу притворяться, чтобы получить меньший срок.

Достаю пачку аспирина, которую всегда держу в сумке, чтобы справиться с мигренью, угрожающей меня атаковать, принимаю две таблетки, запиваю стаканом воды. Без колебаний беру бутылку вина из никогда не заканчивающихся запасов Ника и наливаю себе еще бокал вина. Я считаю, что заслужила его после всего пережитого, и у меня

перестанут дрожать руки. Ник должен вскоре вернуться. Он поможет мне ее допить.

Глава 38

Джек: 16 декабря 1992 года

«Держись, Джек. Ты поднялся уже так высоко, постарайся сейчас не испортить все».

Он видел, что ситуация ухудшается, и ему требовалось что-то сделать. Шекс не вернется в Даремский университет – он сломался после случившегося с Бет, и его отец договорился, используя связи, чтобы ему разрешили закончить учебу удаленно. И вот теперь Джек сидел в отделении полиции, готовился к допросу касательно убийства. Боже, эти уроды на самом деле хватаются за соломинки.

«Я здесь не как подозреваемый. Я здесь по доброй воле».

Он повторял эту мантру и благодаря ей успокаивался, лучше держал себя в руках. Принимая во внимание, из какой он семьи, детектив, который вел дело, предложил поговорить в университете, но Джек твердо ответил: нет. Он сам придет в отделение, ему не хотелось особого отношения к себе. Теперь Джек сидел рядом с лучшим другом и адвокатом отца. Детектив сказал, что в этом нет необходимости, но отец никогда не позволил бы ему переступить порог отделения полиции без сопровождения Джереми.

– Вы хорошо знали Бетани Коннорс?

Джек посмотрел на Джереми, тот кивнул.

– На самом деле нет. То есть я хочу сказать, она была девушкой моего друга...

– Невестой, – поправил детектив.

«Чертов придурок, какая разница?»

– Да. – Джек позволил себе натянуто улыбнуться. – Конечно. Но я встречался с ней всего несколько раз.

Детектив улыбнулся в ответ. Он терся большим животом о край стола, и живот все ближе приближался к Джеку, когда детектив наклонялся вперед. У него были сальные волосы, которые тот не мыл уже несколько дней, лицо казалось темным от отросшей щетины. Этот человек много работал, явно сверхурочно, но он

больше не получит никаких сведений от Джекса. Джек мог бы поставить на это свою жизнь.

– Несколько подруг Бет заявили, что вы были в нее влюблены.

Джек вздохнул. От истеричных женщин всегда следует ждать драматизации событий.

– Да, я считал ее симпатичной. Вы же видели ее, да? У нее была тонкая талия и при этом большая грудь, на которой можно было держать миску с кашей... – Джереми кашлянул. – Простите, – извинился Джек, приняв пристыженный вид и с трудом сдерживая улыбку при виде отвращения на лице детектива. – Да, я считал ее симпатичной.

– Вы, вероятно, испытывали раздражение, когда она начала встречаться с вашим лучшим другом.

Встречаться? Кем себя возомнил этот мужик? Фонзи? [\[40\]](#) Больше подходило слово «трахаться». Она трахалась с Билли, и долго это не продлилось бы. Джек видел, что говорил взгляд зеленых глаз этой охотницы, когда она на него смотрела. На самом деле она хотела его.

– Нет, не испытывал, – заявил Джек. – В Даре много девушек типа Бет. У меня нет недостатка в свиданиях. – Он специально подчеркнул последнее слово, поддразнивая детектива, который был так сильно оторван от реальности.

– Вы не отправляли ей подарки?

Смысла врать не было. Дженнифер должна была рассказать этому дерьму о его подарках Бет.

– При нашей первой встрече Бет упомянула, какие произведения искусства ей нравятся, и я их ей посылал. Тогда я еще не знал, что она встречается с моим лучшим другом. После того как я это выяснил, тут же извинился перед Бет и сказал, чтобы она оставила все подарки себе – я искренне сожалел, что вел себя таким образом, и просил считать их моей попыткой извиниться. Я никогда преднамеренно не стал бы ухаживать за девушкой лучшего друга.

Ему страшно не нравилось, что приходится говорить такие вещи, он казался самому себе жалким, но это сработало: идиот скушал это представление «брат мой, друг мой». Джек бросил взгляд на Джереми, который снова кивнул. Боже, сколько же отец платит ему за то, чтобы он тут сидел и кивал?

– Хорошо. Итак...

В дверь постучали, и в кабинет вошел молодой офицер с округлившимися глазами, словно до сих пор не верил, что его пустили в отделение полиции без наставника. Он не знал, куда деть руки, когда обратился к детективу, сидевшему за столом.

– Простите, что перебиваю, сэр, но мы его взяли.

Толстый мужик, сидевший за столом, нахмурился.

– Твою мать, Дэвид, неужели ты не видишь, что я опрашиваю свидетеля?

После этой головомойки молодой человек покраснел, но добавил:

– Простите, сэр, но старший инспектор Барнс хочет, чтобы вы там присутствовали. Он сказал...

Детектив повернулся к Джеку.

– Простите, но мне нужно ненадолго уйти. Вы можете подождать несколько минут?

Сердце Джека судорожно забилось в груди. Они нашли того бродягу? Дверь за детективом закрылась, но неплотно. Джек подошел к ней и приоткрыл побольше, но все равно ничего не услышал.

– Мне нужно в туалет, – заявил он Джереми. – Через минуту вернусь.

У Джереми не хватило смелости возразить. Джек открыл дверь и отправился за двумя полицейскими. Говорили они на повышенных тонах, и это заставило его остановиться. Черт, вот оно! Сейчас все может закончиться.

Глава 39

Проходит час, а Ник еще не вернулся, поэтому я снова наполняю бокал и возвращаюсь к своим записям. Судя по показаниям полицейского, который вел расследование, нас с Диланом обнаружил Марк и сразу же повез в больницу. Когда в дом приехала полиция, они нашли подушку – орудие убийства – на полу, там, куда ее отбросил Марк после того, как вырвал из моей крепко сжатой руки. Еще на полу валялась пустая баночка из-под аспирина и натекла лужа крови – в том месте, где я ударилась головой после того, как отключилась. Марк обратился за помощью к доктору Райли, которого встретил на автомобильной стоянке перед больницей. Доктор Райли заявил, что и я, и мой сын мертвы. Нас завезли в помещение, и тут еще один медицинский работник заметил, что я дышу. Они все остолбенели от шока. Полицейский психиатр подтвердил, что я, вероятно, отключилась из-за послеродового психоза – потеря сознания стала прямым следствием психологической травмы, полученной в результате убийства сына. Все было очевидно. Простое дело. Меня поместили в больницу, где я проснулась на следующий день.

С некоторым удивлением понимаю, что мой бокал опустел, а когда поворачиваюсь к бутылке, чтобы его снова наполнить, то понимаю, что и она опустела. Как такое случилось? Помню те времена, когда одной бутылки вина хватало на три бокала. Я открываю вторую бутылку, возвращаюсь на диван и закидываю на него ноги. Сделав всего пару маленьких глотков, решаю опустить голову на подушку и дать отдохнуть глазам. На секундочку.

Глава 40

– Сьюзан! Сьюзан, просыпайся!

Что-то не так, кто-то кричит, судорожно трясет меня за плечи. Где Дилан? С ним все в порядке? Я медленно оглядываюсь вокруг, понимаю, где нахожусь, вспоминаю, что Дилана больше нет, я не дома, а трясет меня за плечи не мой муж, а Ник.

– Ник, какого черта? – Я сажусь, голова дурная, кровь стучит в висках, во рту пересохло. – Где-то пожар?

И тогда я вижу, что не так. Создается ощущение, будто в гостиной у нас над головами разбили пиньяту. Весь пол покрыт обрывками бумаги, и мне требуется секунда, чтобы понять: все мои записи, материалы судебного процесса, медицинские документы и статьи разорваны на мелкие кусочки.

– Что ты наделал? – кричу, вскакивая на ноги. Ник не отвечает, тогда я осматриваю остальное. Три пустые бутылки вина валяются на полу рядом с перевернутым бокалом, а моя пачка аспирина лежит на ручке дивана, осталось всего две таблетки. – Это ты сделал?

Судя по выражению его лица, не он.

– Ну, и не я. Кто-то еще...

– Как, черт побери, кто-то еще попал сюда, пока ты спала, выпил три бутылки вина, опустошил пачку аспирина и разорвал все бумаги так, что ты этого не заметила?

Я знаю как. Вино.

– Я выпила часть вина. Одну бутылку, не три.

– Ну, это хоть что-то объясняет, – фыркает Ник. – Например, почему ты оставила входную дверь в мой дом незапертой, когда решила поспать.

– Я думала, что ты ее запер, когда уходил! И я не планировала спать. Только на минутку прикрыла глаза.

Ник вздыхает и тяжело опускается на диван.

– На секунду мне показалось, что ты... – Он не заканчивает фразу, но конец предложения и так понятен. Решил, что я приняла слишком большую дозу аспирина. Ник думал, что я совершила самоубийство.

– Именно этого они и хотели! Они хотели, чтобы ты так думал! Что я сумасшедшая пьяница. Зачем еще выливать две бутылки вина и забирать аспирин? Чтобы я казалась сумасшедшей. Как ты считаешь, следует позвонить в полицию?

– И сказать им, что кто-то приходил в мой дом, пока ты спала...

– Выпил две бутылки вина, опустошил пачку аспирина и разорвал все бумаги, а я ничего этого не заметила, – заканчиваю фразу с мрачным видом. – Нет, думаю, что звонить не надо. Они подумают то же самое, что и ты. Лишились всех наших доказательств, как раз в тот момент, когда я думала, что мы начали продвигаться вперед.

– Об этом беспокоиться не нужно, – отвечает Ник. – Я сделал копии всех материалов перед тем, как отдать их тебе, за исключением...

Результатов ДНК-теста, которые я открывала сама и с тех пор держала при себе. Они лежали на столе, когда я заснула.

– Их больше нет, – печально подтверждаю я. – Пропали. Мое единственное доказательство...

– Не беспокойся. – Ник обнимает меня и подтягивает к себе. – Мы можем получить копии у Тима в лаборатории. Я рад, что с тобой все в порядке.

– Правда? А мы здесь в безопасности? Может, следует перебраться в гостиницу?

После того как первый шок прошел и исчезла настоящая необходимость заверять Ника, что я не пыталась покончить с собой, прихожу в ужас от того, что кто-то снова побывал в доме, когда я сама в нем спала. Мне здорово повезло, потому что разрезана только валяющаяся на полу бумага.

– На самом деле мне не хочется снова жить в гостинице. – Судя по виду Ника, он нервничает, и достаточно сильно, чтобы рассматривать и этот вариант; мне становится только хуже. – Думаю, если дверь у нас будет заперта – еще один многозначительный взгляд на меня, – и я с этой минуты буду находиться рядом, то все будет в порядке. – Он не может не видеть, насколько я с этим не согласна. – Обещаю, что при первых тревожных звоночках мы съедем.

Я чувствую себя с ним в безопасности. Тот, кто хочет, чтобы я оставила прошлое в покое, последовал за мной сюда, чтобы напугать до смерти, но я чувствую себя в безопасности рядом с Ником.

Глава 41

Воскресенье уже давно мой самый любимый день недели, так было и в те времена, когда я не думала с ужасом о приходе почтальона. Когда я была замужем, мы никогда не работали по выходным, поэтому долго валялись в постели, а потом заставляли себя из нее вылезти, чтобы отправиться на неторопливую прогулку или покататься на машине по сельской местности. Я очень любила торговлю с капотов и могла часами ходить и рассматривать выставленные людьми на продажу подержанные вещи. После рождения Дилана мы часто брали его в местный парк покормить уточек, хотя их там осталось совсем немного. Сын был слишком маленьким, чтобы это оценить, но такие прогулки сплачивали нашу семью.

В «Окдейле» воскресенье означало дополнительный час в кровати – настоящий подарок в месте, где простые удовольствия были редкостью. Потом мы отправлялись в часовню на службу. Я никогда не была особенно религиозна, но посещение часовни казалось таким обычным, нормальным делом в воскресенье, что я ценила каждую службу. Присутствие на них было доказательством того, что я все еще существую. И мысль о том, что Господь дарует мне прощение за содеянное, заставляла меня ходить в часовню каждую неделю. После освобождения я заменила посещение воскресной службы на волонтерство в ночлежке для бездомных и решила, что Бога это устроит.

В это воскресенье меня тянет вниз запах готовящегося завтрака. Ник улыбается при виде меня в дверном проеме – я в его ворсистом темно-синем халате.

– Что?

– Ничего. Я приготовил тебе завтрак.

– Ну, я надеялась, что мне, а не другой женщине, которую ты скрываешь в подвале.

Это была шутка, но Ник не улыбается, опускает глаза в пол и быстро отворачивается. Что-то не так. У меня не хватает смелости спросить, что именно. Я не хочу слушать плохие новости о том, что он

передумал или хочет, чтобы я съехала. Лучше не буду спрашивать. Если он собрался что-то сказать, не буду облегчать ему жизнь.

Но он ничего не говорит.

Ник подает мне завтрак. Не успеваю оглянуться, как впиваюсь в бекон, словно не ела несколько недель. Смеюсь, когда Ник в шутку предлагает мне ложку вместо вилки. Я так давно по-настоящему не смеялась, звук кажется мне чужеродным.

– Я тут подумал...

Ох! Вот оно. Ему не нужно, чтобы я усложняла его хорошую жизнь, ему пора возвращаться к работе.

– Ты еще думаешь об участии Марка в этом деле?

О, паранойя, дьяволенок, который не дает покоя. Чувствую облегчение, проглатываю свою гордость и честно отвечаю. Конечно, думала – чуть ли не каждую минуту.

– Мне казалось, я все про него знаю. Мы говорили обо всем и не только в начале отношений. Иногда в период беременности я не могла заснуть. Он обычно садился рядом, тер мне спину, и мы разговаривали часами. – Ник внимательно слушает. – Он рассказывал мне про отношения с отцом, которые всегда были натянутыми, про свое детство, страхи; он боялся, что у нас никогда не будет ребенка. Он даже признался, что ему казалось, будто Господь наказывает его за что-то, сделанное в прошлом.

После этого откровения Ник поднимает голову от полной бобов вилки. Быстро понимаю, как он это воспринял, и даю задний ход.

– Я не думаю, что он на самом деле имел в виду, что совершил нечто ужасное, – поясняю я. – Просто все плохое, сделанное людьми, возвращается и не дает им покоя. – Девушка на фотографиях и припрятанные деньги. – Я могла на самом деле толком не знать своего мужа, правда?

Мне становится грустно от этой мысли; все, что было между нами, испорчено горьким привкусом лжи.

– Я много думала про девушку на фотографиях, – признаюсь после долгого молчания. – Кто она? Почему Марк никогда ее не упоминал?

– Может, она для него ничего не значила, у них в университете был легкий романчик, который ничего не стоил. – Судя по виду Ника, у него после этих слов остается мерзкий привкус во рту.

У меня сложилось совсем другое впечатление. Они так смотрели друг на друга, вместе путешествовали. Я слышала миллионы рассказов про университет, но ни разу не встречалась ни с кем из его университетских товарищей или вообще с кем-то из его прошлых друзей. Раньше это никогда не казалось странным – вероятно, они все переехали, у них началась взрослая жизнь, – но теперь я отчаянно хочу знать, какую жизнь вел Марк до знакомства со мной. Даже если эта девушка не имела никакого отношения к исчезновению Дилана, я знаю, что не успокоюсь, пока не выясню, почему Марк «забыл» ее. Я выдаю Нику все это и с удивлением вижу, как он кивает.

– Я ожидал, что ты захочешь выяснить, кто она, – признается он. – Я удивился, когда ты так легко оставила эту тему. Если она знала Марка в университете, может, она также знает и про деньги, которые Марк от тебя прятал.

– Мне прямо спросить у Марка, кто она?

Я знаю, что до сих пор ему небезразлична. Когда я находилась в его доме, возник момент, когда мне показалось, что все еще его люблю. Если он никак не втянут в это дело, то заслуживает знать: Дилан жив. Хочу ли я сейчас к нему вернуться?

Ник смотрит скептически.

– Он выгнал тебя из дома, когда ты туда приехала. Не думаю, что он примет тебя с распростертыми объятиями и станет отвечать на все вопросы о его бывшей девушке из университета. Разве не так?

– Но ему следует знать...

– Когда мы выясним, что произошло, ты можешь рассказать ему все. Если ты отправишься к нему сейчас, он просто займет оборонительную позицию.

Хорошо.

– Так что вы предлагаете, мистер Журналист? Есть какие-то полезные намеки или подсказки? Как вести себя с широкой общественностью?

Ник улыбается.

– Я думал, ты никогда не спросишь.

Он встает, идет за ноутбуком, ставит его на стол перед собой, что-то печатает, а через несколько минут разворачивает экраном ко мне. У него открыта страница, посвященная выпускникам Даремского университета, и «Фейсбук».

– Марк почти избегает социальных сетей, что странно для айтишника, – сообщает Ник. – Я нашел его профиль в «Линкедине», там всего парочка бывших выпускников университета и нет никого даже отдаленно похожего на девушку, которую ты описывала. В «Фейсбуке» у него профиля нет.

Это меня не удивляет. Марк всегда ненавидел «Фейсбук» и частенько говорил о том, сколько жизней разрушила компания. Я чувствовала себя в безопасности из-за того, что моему мужу не требовались социальные сети, его не интересовало возвращение в прошлое, подписчики или знакомство со случайными женщинами. Я предполагала, что дело в возрасте. Марк считал, что «Фейсбук» и «Твиттер» предназначены для подростков. Они там могут жаловаться на школу, узнавать про вечеринки и заявляться друг к другу без приглашения. Теперь я задумываюсь, не странно ли это – выпускник одного из лучших университетов в стране не хочет поддерживать связь с людьми, которые учились вместе с ним.

– Куда мы отправимся теперь? – спрашиваю вслух.

Ник улыбается – он рад моему вопросу.

– Вот номер отдела по работе с выпускниками Даремского университета, – поясняет он, показывая мне веб-страницу, которую нашел. – Если мы хотим найти кого-то, кто учился в университете, нам помогут эти люди.

– Если она училась в Дареме.

– Давай надеяться, что училась.

Ник достает мобильный и набирает номер.

– Здравствуйте! Меня зовут Ник Уайтли, я работаю в газете «Стар» в Брэдфорде, – представляется он человеку на другом конце.

Я немного удивлена, потому что он использует свое настоящее имя, но, предполагается, что мы не делаем ничего плохого, а лучшая ложь обычно на девяносто процентов состоит из правды. Я слушаю его объяснения: он пишет статью о социальных сетях и находится в поиске давно потерянных друзей, ему хотелось бы сравнить новые технологии со старыми. Он хочет знать, как найти человека, если есть только его фотография. Ник делает паузу, чтобы послушать, что говорит человек на другом конце. По его заигрывающему тону я догадываюсь – это женщина.

– М-м-м, секундочку. – Он прикрывает микрофон рукой и спрашивает меня: – В каком году Марк закончил университет?

За пять лет до меня.

– В тысяча девятьсот девяносто третьем, – отвечаю я.

Ник повторяет эту информацию и ждет ответа.

– Спасибо, вы невероятно помогли. А где найти эту информацию? Отлично, Мередит, да? Я обязательно упомяну вас в статье с благодарностью. И вам того же.

Ник кладет мобильный на стол и корчит гримасу.

– Мне показалось, что Мередит очень помогла, – замечаю я.

– Прекрати, – улыбается Ник. – Кстати, она на самом деле помогла. В библиотеке имени Билла Брайсона хранятся фотоальбомы по годам, начиная с 1990 года, с фотографиями поступивших в каждый колледж. Библиотека работает по воскресеньям.

– Сколько нам нужно времени, чтобы туда добраться?

– Пара часов. – Ник ударяет по клавиатуре, и на экран появляется изображение библиотеки Даремского университета. – Мы можем быть там к полудню, если быстро оденешься.

* * *

Это едва ли повод для того, чтобы собирать корзину для пикника, поэтому мы останавливаемся у магазина на углу с очень подходящим названием «Магазин на углу», берем пару плиток шоколада и бутылку колы. Тишина в машине кажется заряженной ожиданием, но ее нельзя назвать некомфортной.

– Ты училась в университете? – спрашивает Ник через десять минут. Я рада отвлечься – мне не нравится, в каком направлении следуют мысли.

– Да, в Ноттингемском. Мы с Марком познакомились через общих друзей, когда уже получили дипломы.

– Поддерживаешь связь с кем-то из университетских друзей?

Я качаю головой:

– Нет. Раньше время от времени я получала письма по электронной почте. Они писали, как у них дела, но очень быстро стало понятно, что все мои однокурсники хотят сделать карьеру в Сити, а я в

ответ рассказывала про свадебные планы и реновацию дома. После свадьбы контакты полностью прекратились.

– У тебя было много друзей перед тем, как тебя отправили в «Окдейл»?

Он пытается выяснить, почему в моей жизни никого нет, кроме Кэсси. Я предполагала, что ответ очевиден. Возможно, и нет.

– Большинство наших с Марком друзей были общими, – честно отвечаю я. – После случившегося было гораздо легче их отпустить, чем тянуть за собой и осложнять им жизнь.

Понятия не имею, продолжает ли Марк встречаться с нашими друзьями. Представляю, как он ходит на вечеринки к Фрэн и Крису без меня, рядом с ним – привлекающее внимание пустое место, которое раньше занимала я. А что еще хуже – место, занятое моей сменщицей.

– Марк получил дом, машину, друзей. А что получила ты?

– Я получила Кэсси, – улыбаюсь, но это шутка только наполовину. – Пара моих подружек вначале пытались поддерживать связь, но я поступила с ними точно так же, как с папой. Я должна была давать согласие на свидание, но спускала в туалет все запросы. Кэсси попыталась подписать один вместо меня, я вырвала его и разорвала на мелкие кусочки. Тогда я говорила себе, что делаю это ради них, чтобы они никак не были связаны с убийцей, теперь, оглядываясь назад, думаю, что вела себя эгоистично. Просто не могла слушать о том, как они дальше живут своей жизнью, когда моя пошла прахом. После того как Марк прекратил приходить, я убедила себя, что мне плевать на них.

– Кто-то с тобой связывался в течение последнего месяца? После того как ты вышла из «Окдейла»?

Я качаю головой.

– Прошло слишком много времени. Я бы не вынесла, если б они стали меня жалеть, спрашивать: «Как ты? Как там было?», извиняться при каждом упоминании детей или убийств по телевизору. Решила, что лучший способ продвигаться вперед – это встретить новых людей, тех, кто не знает, что происходило в моей жизни, не следит за каждым словом, находясь рядом со мной, не ждет, когда я снова слечу с катушек.

– И как это у тебя получается? – шутит он. Я смеюсь.

– Неплохо. Есть новые люди в ночлежке для бездомных, но даже от них я держусь подальше. Знаешь, такой большей секрет сложно хранить.

Ник смотрит на дорогу, когда отвечает излишне многозначительно:

– Да, знаю.

Я уже собираюсь спросить у него, что он имеет в виду под этим, но тут из-за поворота появляется черный седан и мчится по нашей полосе прямо на нас.

Я ору, Ник давит на тормоз, но это не помогает, та машина все равно мчится, не снижая скорость. Автомобиль уже собирается в нас врезаться, но Ник выкручивает руль в сторону, и мы с визгом шин вылетаем на тротуар. Тормозим всего в метре от автобусной остановки. Я поднимаю голову и вижу, как черный седан уносится прочь.

Глава 42

Ник поворачивает голову и смотрит на меня. От испытанного шока его лицо побелело, но больше он никак не пострадал. Вокруг машины собралось шесть или семь человек, они смотрят на нас сквозь лобовое стекло. Пожилая женщина случит в окно.

– С вами все в порядке, мисс? Может, вызвать «Скорую»?

Я смотрю на Ника, он качает головой.

– Нет, нет, спасибо. С нами все в порядке. Будет в порядке.

Она кивает и слегка отступает в сторону, но никто из них не уходит.

– С тобой *на самом деле* все в порядке? – спрашиваю я, а Ник со злостью бьет кулаком по рулю.

– Он пытался нас убить, – в конце концов заявляю я. Больше не могу ничего придумать.

– Да, пытался.

– На самом деле хотел нашей смерти.

– Да, Сьюзан, на самом деле хотел нашей смерти.

Когда я снова смотрю на Ника, его трясет. Я автоматически протягиваю руку и опускаю ему на плечо. Он обнимает меня, притягивает к себе, и мы с минуту так сидим. Мы ошарашены и испуганы, держимся друг за друга, ища спасения.

– А тебе нужно в больницу? – наконец спрашивает Ник, держа меня на расстоянии вытянутой руки и проверяя мое лицо. – С шеей у тебя все в порядке? Двигать ею можешь?

Проверяю ее на предмет травмы: отвожу голову назад и наклоняю в стороны.

– Думаю, со мной все в порядке.

Ник поворачивается к заднему сиденью и забирает оттуда бутылку колы.

– Глотни, сахар поможет справиться с шоком.

– И шоколад, – добавляю я. – Шоколад тоже помогает справиться с тревогой и стрессовыми ситуациями.

Несмотря на серьезность ситуации, Ник смеется.

– Где ты это слышала?

Я задумываюсь на мгновение и улыбаюсь, когда до меня доходит ответ. Опускаю глаза в пол и бормочу:

– «Гарри Поттер» [\[41\]](#).

Ник смеется так, словно это самая смешная вещь, которую он слышал, и я присоединяюсь к нему; шок после случившегося начинает рассеиваться.

Вот и все. Вопрос о том, чтобы отказаться от нашего путешествия, даже не стоит, как и о том, чтобы отказаться от расследования в целом. Это моя борьба, Ник не должен с такой готовностью принимать попытку лишить его жизни, но он принимает. В конце концов Ник поворачивает ключ в замке зажигания, а я вздыхаю с облегчением, когда машина сразу же заводится. Он сигналист, чтобы толпа глазующих людей уступила нам дорогу, но они не двигаются с места. Тогда он начинает движение на них, и они разбегаются.

– Может, стоит позвонить в полицию?

Ник качает головой:

– Нет. То есть я хотел сказать, что следует, это была попытка убийства, но тот, кто это сделал, уже давно смылся. И еще я думаю обо всех неприятных вопросах, на которые нам придется отвечать.

– Ник, кто-то только что пытался нас убить. Такое с тобой часто случается? Ты считаешь, нам следует дать им уйти безнаказанными, чтобы они завтра повторили попытку? Или послезавтра?

– Подобное со мной никогда не случалось, Сьюзан. Я журналист, а не сотрудник ЦРУ, забыла? Я просто думал, что ты хочешь добраться до сути происходящего здесь, а не проводить остаток дня в приемной полиции. А если это попадет в газеты? О какой новой жизни тогда может идти речь?

– Ты прав. – Боже, я даже не подумала про газеты. К счастью, я путешествую с журналистом. – Просто какой-то сюр! Кто-то попытался нас убить, а мы продолжаем жить дальше, словно ничего не случилось.

– Ты хотела получить доказательства, что не сходишь с ума – вот тебе доказательство. Тот, кто за нами следит, понял, что мы направляемся в Дарем, и пошел на большой риск, пытаясь нас остановить. Может, это означает, что мы на правильном пути.

Понятно, что я боюсь, нельзя с легкостью отнестись к попытке убийства, но теперь я знаю: мы выясним, что же случилось с моим

сыном, и я не могу не испытывать из-за этого возбуждения. Или мы его найдем, или я умру, пытаюсь это сделать. И хотя теперь это стало вполне реальной возможностью, мне плевать. Я готова умереть за своего сына. И если встанет выбор: они или я, то я готова за него убить.

* * *

Библиотека имени Билла Брайсона – это настоящее произведение искусства. Фасад стеклянный, обтекаемые формы, плавные линии, изгибы. Непростительно шикарное здание. Когда я захожу внутрь, возникает ощущение, что делаю шаг в будущее, переступив через десять лет. Она и близко не стоит рядом со старым разборным домиком, в котором располагалась наша школьная библиотека.

Молодая сердитая девушка, сидящая за письменным столом, поднимает голову, видит Ника и широко улыбается. Очевидно, его лицо одинаково действует на женщин везде, независимо от того, в каком они настроении. У нее густые тусклые светлые волосы, которые стоят вокруг головы, как в иллюстрациях про удары током. Девушка худая, одежда на ней висит, словно это одежда носит ее, а не наоборот. Мне инстинктивно хочется хорошо ее накормить. У нее темные глаза, и из-за этого бледность кожи выделяется еще сильнее. Проходит целая вечность перед тем, как она поворачивается ко мне.

Внезапно мою голову пронзает боль, она такая сильная, что я останавливаюсь и закрываю глаза.

– С тобой все в порядке? – Ник опускает ладонь мне на руку.

– Мигрень. Меня они часто мучили... раньше. – Не могу объяснить, почему у меня так участилось сердцебиение. Меня охватывает паника. Я не могу дышать, но должна. Мне хочется бежать отсюда.

– Ты уверена? У тебя...

– Паническая... атака, – удается вымолвить мне.

– Что мне сделать? Что-то принести? Это из-за случая на дороге?

Я качаю головой, опираюсь на его плечо, он обнимает меня обеими руками. Паника уменьшается. Я делаю глубокие вдохи,

сердцебиение замедляется. Через несколько минут Ник уже держит меня на расстоянии вытянутой руки.

– Теперь все в порядке. – Немного привираю, но дыхание вернулось в норму, и у меня нет ощущения, что я сейчас расплачусь. Оглядываюсь вокруг, вспоминаю, что мы в библиотеке, и меня могут видеть другие люди. – Прости, что напугала тебя.

– Все в порядке. Хочешь уйти?

Я прилагаю усилия, чтобы голос не дрожал.

– Нет, мы уже здесь. У меня и раньше случались приступы. Это не страшно. – Еще одна ложь. – Давай займемся делом?

Ник хмурится и несколько секунд осматривает мое лицо, мне некомфортно, но в конце концов он кивает и поворачивается к библиотекарше. Судя по виду, она одного со мной возраста, может, постарше. У нее под глазами темные круги. Я рада, что не одна выгляжу так, будто не спала целую неделю. После общения с такими роскошными женщинами, как Кристи Райли и Рейчел Трэвис, я рада, что выгляжу лучше, чем кто-то.

Ник объясняет, что мы хотим посмотреть университетские альбомы, при этом проявляет осторожность, чтобы не сообщить никакой лишней информации. Девушка тут же выдает нам гостевые пропуска и показывает, где хранятся альбомы. Их там невероятное количество, на каждом указано название колледжа. Я знаю, что Марк учился в колледже Святого Чада, и мы решаем начать с него. Девушка поясняет нам, что альбомы сложены в соответствии с датой начала учебы, а не окончания.

– Я сама тут несколько раз разбиралась, если могу вам как-то помочь, вы знаете, где меня найти. Надеюсь, с вами все в порядке. – Она улыбается нам на прощание и оставляет одних. В библиотеке довольно тихо, а в этой части вообще никого нет.

– Что с тобой все-таки случилось? – спрашивает Ник, когда мы остаемся вдвоем.

– Не знаю, – честно отвечаю я. – Последние пара дней были очень тяжелыми.

Он хочет еще что-то сказать, но решает этого не делать. Ник достает альбом за 1990 год и открывает на первой странице.

Я чувствую знакомый укол ностальгии при виде фотографии Марка. У него такое свежее лицо, он полон энтузиазма и совсем не

похож на того Марка, которого я видела в последний раз.

– Это он. – Я опускаю палец на фотографию. Ник приподнимает брови.

– Симпатичный парень, – замечает он.

При мне он так ведет себя во второй раз, и это ему не идет. Это смешно, потому что, хотя Ник прав, и Марк на самом деле симпатичный, он не идет ни в какое сравнение с Кларком Кентом [\[42\]](#), а рядом со мной сидит как раз Кларк Кент.

– Внешность – это еще не все, – говорю я.

– Кто-нибудь из этих девушек напоминает тебе ту, которую ты видела на фотографиях? – спрашивает Ник, не обращая внимания на мои поддразнивания.

Я качаю головой:

– Нет, я точно узнала бы ее.

Испытываю разочарование. В Даремском университете шестнадцать колледжей [\[43\]](#), и мы понятия не имеем, в котором из них училась наша таинственная девушка. И это не упоминая того, что она могла начать учебу в любой год между 1988 и 1992-м, чтобы их пути с Марком пересеклись. Еще больше беспокоит мысль о том, что она вообще могла не быть студенткой – просто его подружкой из родного города или официанткой из местного паба.

Но мы нацелены на поиски и не позволяем неудачному началу нас остановить. Достаем один альбом за другим и изучаем фотографии. Проходит почти час перед тем, как я наконец вижу знакомые рыжие волосы и зеленые глаза, которые не могла забыть на протяжении последних двух дней.

– Вот она! – кричу громче, чем следовало бы. Я оглядываюсь, никого не вижу, но все равно опускаю голос до шепота. – Прости. Это она.

– Бетани Коннорс. – Ник проводит пальцем по фотографии и читает имя и фамилию, написанные под ней. – История искусств. Тревельян-колледж. Она... красивая.

Фотография – единственное упоминание о Бет в альбоме, что немного разочаровывает, но, по крайней мере, мы теперь знаем имя, фамилию, год поступления и специальность, а это гораздо больше, чем у нас было. При виде ее фотографии я чувствую себя в какой-то мере реабилитированной: это четкое доказательство того, что я не

вообразила эту девушку. Ник прав, она на самом деле красива, чувствую укол ревности, когда думаю о ней и своем бывшем муже. Мужчине, которого я любила. Об их интимных моментах, прогулках по территории колледжа и пикниках при свечах в парке.

Ник делает копию снимка и убирает в карман. Какое-то время мы рассматриваем фотографии спортивных мероприятий, проводившихся в Даремском университете на протяжении нескольких лет, читаем помещенные в рамки газетные статьи, рассказывающие о достижениях выпускников университета. Мы не находим ни одного упоминания Бетани Коннорс, поэтому решаем на сегодня закончить и отправиться домой поесть. Уже три часа дня, обратно нам ехать два, а при воспоминании о событиях на пути сюда мысль о поездке особой радости не вызывает.

– Вам лучше? – спрашивает нас девушка, сидящая за письменным столом, когда мы расписываемся в журнале и сдаем пропуска. Похоже, она прошла расческой по своим тусклым локонам и намазала губы помадой, но так и осталась ничем не примечательной. Ее темно-карие глаза смотрят обеспокоенно. Я киваю.

– Да, спасибо.

– Вы нашли, что искали?

– О да, спасибо, – отвечает Ник с улыбкой.

– Я не подумала, чтобы спросить у вас раньше, но, может, вы искали кого-то, кого я знаю?

Ник достает фотографию из кармана и вручает девушке.

– Бетани Коннорс, – отвечает он. – Вы ее знали?

Выражение лица девушки резко меняется. Улыбка превращается в оскал, брови сходятся вместе. Она смотрит на Ника так, словно хочет его ударить.

– Это шутка? – практически выплевывает она. – Кто вы такие? Журналисты? Неужели вы думаете, что нам всего этого не хватило двадцать один год назад?

Ник шокирован не меньше меня, но старается этого не показывать.

– Простите, я не знаю, что вы имеете в виду, – говорит он, забирая фотографию. Я смотрю ошарашенно, когда девушка показывает на входную дверь.

– Прошу вас уйти, – рявкает она. Поразительно, как она перешла от обращений к одному Нику до внезапного признания моего присутствия. – Или я вызову полицию. Вы пришли сюда под ложным предлогом, а университет не приветствует обманщиков и журналистов.

Несмотря на то что мы оба вруны, а один из нас журналист, чувствую себя немного оскорбленной. Однако до того, как я успеваю ответить на ее вспышку, Ник выводит меня за дверь библиотеки, бормотание про «собак с костью» звучит у меня в ушах.

– Что это было, черт побери? – взрываюсь я, как только мы оказываемся на улице.

Ник ничего не говорит, только выглядит так, словно зашел в тупик.

Когда мы садимся в машину, он сразу же едет в кафе, хвастающееся бесплатным Wi-Fi и «лучшим кофе в Дареме». Я проверяю второе утверждение, а Ник достает свой ноутбук.

– Ну, думаю, я нашел причину такой быстрой смены личности миссис Хайд [\[44\]](#), – объясняет он через несколько минут.

– И почему это произошло?

Он разворачивает ноутбук экраном ко мне – весь экран заполняет фотография.

– Потому что Бетани Коннорс убили в 1992 году.

Глава 43

Карл: 16 декабря 1992 года

– Что ты имеешь в виду? Что значит «вы его взяли»? Что происходит, черт возьми?

Дэвид уже вышел за дверь. Чтобы получить информацию, нужно было следовать за ним, причем быстро. Карлу не хотелось оставлять этого зазнавшегося маленького мерзавца Джека Брэтбери, но у него не получалось что-то вытянуть из парня, а теперь это вообще может не иметь значения.

– Его зовут Ли Рассон, – прочитал Дэвид с листа в пачке бумаг, которую нес. – Известный бродяга, его арестовывали за мелкие кражи, пару раз выгоняли с территории университета, где он укладывался спать. Его поймали, когда он пытался обчистить карманы у одного студента по фамилии Харви. Одежда оказалась заляпана кровью, и еще у него нашли сумочку Бет, он прятал ее в своих вещах. Его доставили в отделение. Сейчас ждет нас в двенадцатом кабинете.

– Чушь собачья, и ты это знаешь.

Карл вошел в кабинет начальника, даже не постучавшись. Уже прошло три недели после обнаружения тела Бетани Коннорс, и они казались невероятно длинными, но у них так и не появилось ни единой зацепки. Университету надоело, что полиция постоянно находится на их территории. От этого студенты чувствовали себя некомфортно и страдала репутация Дарема. Потенциальные свидетели не сообщали никаких сведений, даже подруги девушки стали враждебно относиться к полиции. И вот теперь, после всего этого, они просто взяли его и доставили в отделение?

Старший инспектор отступил назад.

– Карл, пожалуйста, веди себя разумно. Он сам во всем сознался, ради всего святого! На меня давят со всех сторон, требуя, чтобы мы побыстрее закрыли это дело, и тут обмазанный кровью наркоман, у которого нашли сумочку девчонки, признается в убийстве. Что ты от меня хочешь? Чтобы я сказал: «Прости, приятель, но у нас в

отделе по расследованию убийств есть один детектив, который считает, что ты этого не делал, так что возвращайся назад на улицу! Будь хорошим парнем и больше не убивай никаких студенток». Прекрати, Карл.

Карл сжал зубы.

– Ее звали Бет, Бетани Луиза Коннорс, а у большинства бродяг-наркоманов нет сил даже вытереть собственную задницу, не говоря о том, чтобы отнести тело на такое расстояние и там его бросить.

– Он говорит, что украл машину.

– И где эта машина? Он тебе сказал, где убил девушку? Что он сделал с орудием убийства?

– Он говорит...

– Да плевать на то, что он говорит! – взорвался Карл. – У нас есть какие-то улики в подтверждение его слов? Ты помнишь, Джон, что нужны улики? Именно их мы используем в качестве доказательств, когда расследуем дело.

– Послушай, Карл, я вижу, что ты злишься. По какой-то причине ты воспринял это дело близко к сердцу. Трудно принять, что эта девушка, Бет, умерла без всяких на то оснований. Но иногда такое случается. Иногда обдолбанные ублюдки совершают жуткие вещи. А наша работа – проследить за тем, чтобы эти люди ответили за свои поступки. И я обещаю, что этот тип ответит. Он очень надолго отправится в тюрьму.

Старший инспектор Джон Барнс развернулся, чтобы выйти из кабинета. Он ожидал, что Карл последует за ним.

– А если я прав? – крикнул Карл ему в удаляющуюся спину. – Если ты посадишь не того?

Глава 44

Бетани Коннорс было всего двадцать лет, когда ее похитили, увезя от колледжа, в котором она училась, изнасиловали, убили, а тело бросили в пяти километрах от университетского городка. Все испытали шок. Бет была умной, молодой, талантливой, шла к диплому с отличием по истории искусств, две престижные художественные галереи согласились взять ее на практику. Она должна была встретиться со своим женихом Марком Вебстером в студенческом баре колледжа Святого Чада, а когда она не появилась в половине двенадцатого, он позвонил ее лучшей подруге Дженнифер Мэттьюс, которая сообщила об этом администратору Тревельян-колледжа. Миссис Уитакер позвонила в полицию, а другие студенты начали поиски. Бетани нашли мертвой в семь утра на следующий день – через двенадцать часов после того, как ее в последний раз видели живой.

Теперь я знаю, почему мой муж никогда не упоминал о своих отношениях с Бет. Судя по сообщениям в газетах, его допрашивали, но он никогда не был подозреваемым, потому что многие подтвердили его алиби. Тем не менее это едва ли та история, которой можно поделиться за ужином.

До Тревельян-колледжа совсем недалеко ехать от кафе, и мы преодолеваем этот путь молча. Группа хихикающих студентов указывает нам путь к кабинету администратора и подтверждает, что миссис Уитакер все еще занимает руководящую должность. Я понятия не имею, что мы ей скажем, надеюсь, как обычно, у Ника есть план, и нам не будут угрожать полицией, как только мы снова упомянем имя Бет.

– Здравствуйте. Как я могу вам помочь?

Миссис Уитакер сидит в своем кабинете. Это маленькая, милая, даже домашняя женщина. Я уверена, что она помогает студентам почувствовать себя комфортно в пугающей новой обстановке. Задумываюсь, чувствовала ли Бет себя здесь в безопасности.

– Мисс Уитакер, меня зовут Ник Уайтли, а это Сьюзан Вебстер. – Мы пожимаем руки, и я не замечаю, чтобы у нее на лице

промелькнуло узнавание при упоминании моей фамилии. – Можем ли мы побеседовать с вами по поводу одной вашей бывшей студентки?

Она слегка прищуривается, но ее лицо остается дружелюбным, или только пока. Жестом предлагает нам зайти и закрывает дверь.

– Пожалуйста, присаживайтесь. Что привело вас в Дарем?

Ник усаживается, я делаю то же самое, надеясь, что ей будет труднее нас выгнать. Позволяю Нику вести беседу.

– Мы в некотором роде проводим расследование, – начинает он, и я жду, какую версию он выдаст на этот раз.

– Расследование? Вы из полиции? – Она смотрит на меня так, словно очень сильно сомневается, что я могу представлять закон.

– Нет, мы не из полиции. Это расследование частного характера. Мы пришли, чтобы расспросить про Бетани Коннорс.

Она еще сильнее прищуривается, на этот раз менее дружелюбно.

– Вы журналисты, – объявляет она без всяких эмоций.

– Да, я журналист, – к моему удивлению, признает Ник. – Но мы здесь не ради статьи.

Миссис Уитакер встает, Ник остается сидеть, как и я.

– Боюсь, мне нечего вам сказать по поводу случившегося с Бет. Я не могу вам помочь.

– Да, я знал, что вы можете так ответить, – кивает Ник. – Давайте, вы просто нас выслушаете? Если вы и после этого не захотите с нами разговаривать, мы тихо уйдем, а вы продолжите работу.

На столе лежит книга – ясно, что она не занималась никакой работой, но это удачный ход. Ник в этом мастер.

После недолгой паузы миссис Уитакер пожимает плечами.

– Хорошо, рассказывайте.

Ник поворачивается ко мне.

– Возможно, будет лучше, если ты сама все расскажешь. Ведь это твоя история.

Я в шоке. Он хочет, чтобы я сказала правду? Не могу думать достаточно быстро, чтобы придумать подходящую отмазку, поэтому умоляюще смотрю на него. Миссис Уитакер терпеливо ждет, Ник слегка мне кивает. Он хочет, чтобы я говорила честно. Делаю глубокий вдох.

– Как Ник уже сказал, меня зовут Сьюзан Вебстер, – нервно начинаю я. – Четыре года назад я была замужем за бывшим студентом

Даремского университета Марком Вебстером.

Миссис Уитакер кивает.

– Я знала Марка Вебстера и знаю, кто вы, дорогая. – В ее глазах нет осуждения. – Я хотела бы выслушать то, что вы собираетесь рассказать – если можете.

Мне она нравится. Она напоминает мою мать, которая всегда видела в людях только самое лучшее, пока они не доказывали обратное. У меня есть ощущение, что студенты редко ее подводят. Таким людям, как она, хочется доставлять удовольствие. Я киваю в ответ.

– Мы с Марком считали нашу семейную жизнь идеальной, – продолжаю я. – Ну, по крайней мере, казалось, что он так считает. Я не знала, что в его прошлом имеется что-то, что он хотел бы от меня скрыть, но я сама кое-что от него скрывала. Я не очень хорошо справлялась. Сомневалась в своих способностях как матери и временами думала, что им обоим было бы легче без меня. Когда Дилану было три месяца, его задушили во сне, а меня обвинили в его убийстве.

Теперь мне не так больно произносить эти слова вслух: я не верю, что убила сына, но мне все еще трудно говорить людям, что я была совсем не идеальной молодой матерью.

– Продолжайте.

Я опять вдыхаю полной грудью.

– Предварительное следствие шло почти год, меня содержали под стражей в ожидании судебного процесса. У меня диагностировали послеродовой психоз, вынесли приговор, обвинив в убийстве при смягчающих обстоятельствах. Меня отправили в Окдейлский институт психиатрии. Там я провела два года и восемь месяцев. Меня освободили почти пять недель назад. В прошлую субботу я получила вот это.

Я вручаю ей фотографию, на обороте которой написано имя моего сына, и наблюдаю за ней, пока она ее изучает. Вижу, как у нее округляются глаза, как и у всех, когда они читают написанные на обороте слова.

– Поверьте мне: я удивилась не меньше вас. Я обратилась к мистеру Уайтли за помощью. Я решила, что журналист может знать детали судебного процесса, с чего начинать поиски, а также может

владеть и другой информацией, которая имеет отношение к моему делу. Например, исчезновение судмедэксперта, который давал показания во время судебного процесса. Мистер Уайтли уже помог гораздо больше, чем я ожидала.

Я бросаю быстрый взгляд на Ника и продолжаю.

– Когда я поехала к своему бывшему мужу с этой фотографией, он заявил, что ничего не знает. Тогда же я нашла фотографии Бетани Коннорс. Мне нужно знать, есть ли какая-то связь между случившемся с Бетани и моим сыном. Мне нужно знать, жив ли еще мой сын.

Закончив говорить, я понимаю, что в моих глазах блестят слезы, а руки дрожат. Миссис Уитакер снова встает на ноги. Не сработало, я все испортила. Ник полагался на мою честность, а у меня не получилось.

– Думаю, нам всем нужно выпить чего-то горячего и устроиться в другой, более комфортной обстановке. Студенты знают, где меня искать, если я им срочно потребуюсь. Пойдемте ко мне домой. Там мы побеседуем в домашней обстановке.

Я вздыхаю с облегчением, и Ник ободряюще улыбается. Пока мы идем за миссис Уитакер по территории университетского городка к ее дому, он смотрит вдаль, а я гадаю, о чем он думает.

У администратора колледжа маленький, но очень уютный домик.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – приглашает миссис Уитакер и предлагает нам горячие напитки. Мы оба соглашаемся. Она уходит из комнаты и возвращается через несколько минут с подносом, на котором стоят чашки с кофе и тарелка с печеньем. Мы с Ником берем по чашке.

– Миссис Уитакер, – снова открывает рот Ник, но она только машет рукой.

– Пожалуйста, называйте меня Джин.

– Спасибо, Джин. Мы понимаем, что вы, возможно, не хотите углубляться в случившееся с Бет. Но если вам известно что-то, что нам следует знать, мы будем благодарны за помощь.

Она берет чашку кофе и садится с нами.

– Сьюзан, вы были со мной честны и рассказали то, о чем вам явно было трудно говорить. Я отвечу вам любезностью на любезность, но вначале мне нужно вас кое о чем попросить.

– Что угодно, – киваю я.

Я вижу страх в глазах маленькой женщины.

– Если из этого что-то выйдет, если окажется, что это каким-то образом связано с вашим сыном, я должна попросить вас, чтобы мое имя никогда не упоминалось в связи с этим делом.

Я снова киваю, на этот раз более энергично.

– Конечно.

Теперь кивает она и устраивается поудобнее.

– Бет была очаровательной девушкой. Я знаю, что у администратора не должно быть любимчиков, но Бет была одной из моих самых любимых студенток. Все, кто с ней знакомился, мгновенно в нее влюблялись. У нее был тихий мягкий голос, другие студенты ловили каждое ее слово. – Миссис Уитакер выглядит расстроенной, но продолжает свой рассказ. – Она была умной, серьезной и обязательной девушкой, перед ней открывалось блестящее будущее. В конце первого курса она начала встречаться с Марком Вебстером.

При упоминании моего бывшего мужа у меня учащается сердцебиение.

– Ваш муж был очень харизматичным мужчиной, даже в таком молодом возрасте, – сообщает она. Не считаю нужным поправлять ее, напоминая, что он мне больше не муж. – У них с Бет было много общего, люди обожали их обоих. Если вам интересно мое мнение, они были запоминающейся парой. Потрясающей парой! Надеюсь, я вас не обидела.

На самом деле мне неприятно это слышать.

– Когда у них состоялась помолвка, Бет была невероятно счастлива. Очень мало кто знает, но Бет предложили работу в Сорренто после окончания университета, и Марк согласился поехать туда вместе с ней.

У меня внутри все опускается, горло сжимается до размеров карандаша. Сорренто. Там мы с Марком провели медовый месяц. Он о ней даже тогда думал?

Похоже, что ни Джин, ни Ник не замечают, как мне некомфортно. Женщина продолжает свой рассказ. Она только что испортила воспоминания о двух самых лучших неделях моей жизни.

– На какое-то время перед смертью Бет превратилась в совсем другого человека. Она почти ни с кем не разговаривала, и я вообще не видела ее с Марком. Ее лучшая подруга Дженнифер позднее сообщила

мне, что Бет планировала с ним порвать. По ее словам, он оказался не тем человеком, за которого она его принимала.

– Марк входил в список подозреваемых? – спрашивает Ник.

Джин качает головой:

– Нет, никогда. У него было алиби с шести вечера до восьми утра следующего дня. Он пил с друзьями допоздна, а потом вырубился на диване у кого-то из приятелей и проснулся только на следующее утро.

– Он пил, когда пропала его невеста? – Это не похоже на того Марка, которого я знаю.

– Полиции он сказал, что они поругались, и он подумал, что Бет не пришла специально – чтобы отомстить ему, насолить. Когда ее тело нашли, он был в отчаянии, на самом деле был, я в это верю. Марк позвонил ее лучшей подруге, та очень сильно забеспокоилась и позвонила мне, а я, в свою очередь, позвонила в полицию, но им было плевать. Я сама и несколько студентов отправились на поиски Бет, мы искали во всех местах, которые только пришли нам на ум...

Пока я не услышала ничего, что могло бы мне помочь. Ник бросает на меня взгляд, словно читает мои мысли. Снова.

– Когда Бетани нашли, весь колледж был убит горем. Всегда тяжело терять людей, с которыми учишься, друзей и подруг, но когда выяснилось, как она погибла... Когда тело Бет нашли, полиция обнаружила следы жестокого изнасилования. Она была полностью обнажена, на запястьях и лодыжках остались следы веревок, которыми ее связывали, и еще ей перерезали горло...

– Пожалуйста, миссис Уитакер, не надо об этом, – быстро перебиваю я. – Мы знаем из прочитанного, что случилось с Бет. Может, вы расскажете нам о том, что происходило после обнаружения тела.

По ней заметно, что она чувствует облегчение, она благодарно кивает.

– Все были напуганы. Подобные вещи не происходят в нашем маленьком мирке. Родители требовали ответов. От Тревелиян-колледжа до колледжа Святого Чада всего двадцать минут пешком, самый короткий путь – по территории университета. Здесь в основном находятся студенты, и они чувствуют себя в безопасности. Через пару дней поползли слухи.

Она тяжело вздыхает, и я вижу, как ей трудно об этом говорить. Мы с Ником молчим. Мне не по себе от того, что мы приносим ей боль, но мне нужно знать, что случилось с ее точки зрения, а не то, что мы прочитали в Интернете.

– Один из приятелей Марка дал показания в полиции, заявив, что видел Бет в одном из районов Дарема, пользующемся дурной репутацией. Она садилась в машину к незнакомому мужчине за несколько дней до смерти. Этот приятель потом отказался от своих показаний (предполагаю, что по настоянию Марка), заявив, что тогда было темно, он мог ошибиться насчет того, что видел, но ущерб уже был нанесен. Слухи распространились, как лесной пожар, говорили, будто Бет зарабатывала, оказывая сексуальные услуги незнакомым мужчинам. После этого появилось предположение, что у нее возникли проблемы с одним из клиентов, которые ей платили, ну и дело дошло до убийства. – Джин краснеет, когда говорит про клиентов. – Доказательств не было, дело заглохло, полиция фактически прекратила им заниматься. – Судя по ее виду, женщина злится, руки у нее дрожат, а добрые глаза наполнились слезами. – Именно тогда они и арестовали того бродягу, Рассона. Утверждали, будто он убил Бет, потому что не хотел ей платить.

– Вы не верите, что так было на самом деле? – мягко спрашиваю я.

Она решительно качает головой.

– Бет никогда не стала бы заниматься ничем подобным. Не смотрите на меня так, мистер Уайтли, я не какая-то наивная старая сентиментальная дура, и я не ханжа. Я знаю, что студенты иногда делают неприглядные вещи, чтобы свести концы с концами, хотя в Дареме это встречается реже, чем в других местах. Но только не Бет! Полная чушь, и полиция это знала. На них давили очень влиятельные люди, требуя закрыть дело, и в то время подобное объяснение показалось очень удобным. Я не поверила ни одному слову.

– Другие поверили?

Она ставит чашку на стол и смотрит на меня. За последнее время я так привыкла к тому, что люди меня игнорируют, предпочитая адресовать вопросы и ответы Нику, что чувствую себя некомфортно из-за этого внезапного внимания.

– Люди верили в то, во что хотели верить. Трудно передать, как боялись наши девочки. Никто не хотел плохо думать о Бет, но альтернатива пугала еще больше. Мысль о том, что это с ней мог сотворить другой студент или кто-то, кого она знала, приводила их в оцепенение. Они хотели верить, что Бет сама виновата. Ведь это означало, что им не угрожает опасность. Все вздохнули с облегчением, когда полиция исчезла с территории университета. В буквальном смысле с глаз долой, из сердца вон. Жизнь вернулась в нормальное русло, и на самом деле никто больше не пострадал. Студенты успокоились, в головах у них отложилось, что это был несчастный случай, и его больше никто не упоминал.

– Никто за нее не заступился? – спрашивает Ник.

– Конечно, заступались, – отвечает Джин. – Я сама и несколько преподавателей умоляли полицию искать дальше, так сказать, ближе к дому. Нам пригрозили, что мы лишимся работы в университете, если и дальше будем портить репутацию колледжа. Ее брат Джош очень долго пытался бороться, но в конце концов сдался даже он. Как бы мы ни любили Бет, но неприятностей не хотели. Ее все равно не вернуть.

– Вы знаете, куда ее подруги отправились после окончания университета? Как вы думаете, кто-то из них согласится с нами поговорить?

– Не знаю. – Женщина встает, берет наши чашки и относит на кухню. Она возвращается с листком бумаги. – Это фамилии, которые я помню. Лучшей подругой Бет была Дженнифер. Она все еще живет неподалеку отсюда. Кстати, работает в университетской библиотеке.

Мы с Ником переглядываемся, и нам внезапно становится понятно, почему молодая женщина в библиотеке так эмоционально отреагировала на фотографию. Она была лучшей подругой Бет.

Почему-то я думаю, что поговорить с ней будет непросто, не как с миссис Уитакер.

– Вы можете поговорить с полицейским, который занимался делом Бет. Он не верил в виновность Рассона и ушел в отставку вскоре после того, как бездомному вынесли обвинительный приговор. Я не помню его фамилию, но у меня тут целая стопка старых записных книжек, может, найду его. И у Бет были родственники, сестра и брат. Простите, не знаю, где они живут, лично я с ними никогда не встречалась.

Она снова поднимается на ноги.

– Мне очень жаль, что я никак не смогла вам помочь с поисками сына, – говорит она мне, провожая к двери. У меня создается ощущение, что ей на самом деле жаль.

– Вы очень помогли, спасибо вам большое, – искренне отвечаю я. – Мне тоже очень жаль, что мы вынудили вас обо всем этом вспомнить.

– Ничего страшного, – заверяет Джин, но я не могу не думать, что сегодня ночью она не заснет. – Есть еще кое-что, что вы можете попытаться сделать...

– Говорите все, что, по вашему мнению, может помочь.

– Я долго размышляла, почему тот парень изначально сказал такое про Бет, – говорит она тихим голосом. – Если б не его заявление, полиция никогда бы так плохо о ней не думала.

– Да, определенно этим вопросом стоит заняться, – соглашается Ник, достает ручку и блокнот. – Как его звали?

– Так, дайте мне вспомнить. – Она выглядит задумчиво. – Он был лучшим другом Марка, но ни один из них не появлялся у меня в Тревелиан-колледже. У него очень распространенное имя, только какое? – Она раздражается из-за того, что память ее подводит. – Вспомнила! Не могу поверить, что могла забыть! Он был милым парнем, но после того как сказал подобное про Бет, я ему больше никогда не доверяла. Они все звали его Мэтти, полное имя Мэттью. Мэттью Райли.

* * *

Мы снова ее благодарим и уходим. Молчим в изумлении. За все годы нашего знакомства с Марком он ни разу не упомянул, что Мэтт Райли был его лучшим другом. Во время судебного процесса они даже не намекнули на свое знакомство, и Марк не сообщил, что Райли пропал после дачи показаний.

– Как насчет того, чтобы здесь переночевать? – предлагает Ник, когда мы идем назад к машине. – Тогда мы завтра сможем поговорить с Дженнифер, других людей поспрашивать.

Я сама думала о том же. Соглашаюсь и достаю телефон из сумки. Пять пропущенных вызовов. Три от Кэсси, один от папы и один с незнакомого номера.

– Кэсс и папа.

Сейчас уже слишком поздно для звонков, поэтому я отправляю им сообщения, что жива и на связи.

Мы заселяемся в «Трэвелодж», и нам удается получить соседние номера. Зная, что он спит с другой стороны стены, я чувствую себя в большей безопасности, хотя нахожусь так далеко от дома, в особенности после того, что случилось по дороге сюда. Но это не останавливает меня от разочарования в себе – после «Окдейла» я не думала, что так скоро смогу полагаться на другого мужчину.

– Я знаю, тебе сегодня было трудно, – говорит Ник, когда я стою в дверном проеме, собираясь уйти в свой номер. – В особенности, после... библиотеки. Но мы на шаг ближе к выяснению того, что с ними случилось.

– С ними?

– С ним, Диланом. Прости, а я что сказал?

– Ты сказал «с ними». Я тоже устала. Но мы приблизились к правде, а я бы до нее вообще никогда не добралась, если б не ты. Я бы вообще не знала, что Дилан жив...

– Сьюзан, я вообще-то не какой-то там герой, – начинает он, но я заставляю его замолчать.

– Не нужно скромничать.

– Сьюзи, я должен тебе кое-что сказать...

– Тебе нужно возвращаться на работу, да? – Я уже несколько дней жду, как он это скажет, но не готова к разочарованию.

– Нет, дело не в этом. Мой начальник очень понимающий. Я не брал отпуск много лет, и он сказал, что я могу взять столько дней, сколько нужно.

– Ну, тогда нет проблем. Если только ты сам не хочешь прекратить заниматься этим делом. Ты сыт по горло беготней? Знаешь, я не стану тебя винить, если откажешься.

– Нет, дело и не в этом тоже. Думаю, что теперь не смогу остановиться, даже если б и захотел. Мне нужно выяснить правду, как и тебе. Я гораздо больше вовлечен в это дело, чем следовало бы, потому что я...

О боже. Он со мной заигрывает? Мне следовало понять, что к этому идет. Я поощряла его интерес ко мне как к женщине? Он думает, что наше общение – несколько большее, чем есть на самом деле? Я так погрузилась в поиски сына, что даже не задумывалась, почему симпатичный, явно холостой мужчина захотел вдруг бросить свои дела и бегать по стране с женщиной, которая последние три года провела в психушке. Я даже минуты об этом не думала!

– Ш-ш-ш, завтра мне все скажешь. Давай сегодня обо всем забудем. Я не хочу ни о чем говорить.

Чувствую себя отвратительно из-за того, что эмоционально беру то, что мне требуется, и ничего не даю в ответ, но Ник не давит. Может, он чувствует то же самое. Может, это все так невинно, как кажется, и он просто хочет мне помочь. Может, я зашла слишком далеко.

Глава 45

На следующий день меня будит звонок телефона. Уже начало одиннадцатого. Это не мой домашний телефон и точно не мобильный, – думаю я, постепенно просыпаясь и начиная вспоминать, где нахожусь. Все еще лежа в кровати, прокручиваю в голове события вчерашнего дня. Все, что со мной случилось, все, что я видела и слышала за последние двадцать четыре часа, до сих пор кажется нереальным. В конце концов я вытягиваю руку из теплой постели и хватаю трубку.

– Алло?

– Проснулась?

– Теперь да.

– Как ты считаешь, Марк имел какое-то отношение к тому, что с нами случилось вчера? Он способен на подобное?

– Если б ты спросил меня об этом две недели назад, то я ответила бы, что этого просто не может быть. Но две недели назад я не думала, что он меня подставил, допустил ложное обвинение в убийстве, врал про мертвую невесту и целое состояние в банке. Теперь я вообще не знаю, чему можно верить. Мне следует беспокоиться?

– Не знаю. Он может каким-то образом узнать, где ты находишься?

– Только если спросит Кэсси.

Если б я не была так напугана, то расхохоталась бы. Сама мысль о том, что мой бывший муж и моя лучшая подруга могут за чашечкой чая обсуждать мое местонахождение, смехотворна.

Стук у меня в голове усиливается.

– Мне не хочется, чтобы ты лишней раз волновалась, – говорит Ник тихим успокаивающим голосом. – Мы можем только попытаться собрать достаточно доказательств, чтобы полиция снова открыла дело Дилана, а это значит, что нужно оставаться в живых как можно дольше. Я не могу утверждать это с уверенностью, но все-таки не думаю, что за нами следили после того, как тот тип пытался убить нас на дороге. Возможно, он не знает, куда мы направлялись. Нам следует

поговорить с Дженнифер Мэттьюс, затем куда-то перебраться. Нужно все время быть на шаг впереди.

– Правильно, но они видели, как я сбегаю из дома Марка. Помнишь? Значит, за мной следили, а я этого не заметила. Поэтому я не стала бы утверждать, что это мы на шаг впереди.

На другом конце воцаряется молчание, а я представляю Ника Уайтли с другой стороны разделяющей нас стены.

– Ты не чувствуешь себя в безопасности рядом со мной? – в конце концов спрашивает он.

Глупый вопрос, и он вызывает у меня легкое раздражение. Это в подростковом возрасте можно думать, что ты будешь в безопасности благодаря большому сильному мужчине. За последнюю неделю ко мне в дом вломились, я была в опасности, пока спала в доме у Ника, за мной кто-то следовал по пятам сотню миль, меня сфотографировали, когда я вылезала из окна, и какая-то машина пыталась оттеснить нас на обочину. И еще Джосс. Кто бы ни были эти люди, думаю, что вполне оправданно считаю, что журналист из местной газеты не может гарантировать мою полную безопасность. На самом деле, если быть предельно честной, то я буду в большей безопасности с Кэсси, но я, естественно, не собираюсь говорить это Нику.

– Конечно, чувствую. Забудь все, что я говорила. Просто меня до сих пор трясет после вчерашнего. Я буду рада отправиться домой, когда мы поговорим с Дженнифер.

– Если она согласится с нами разговаривать. Когда мы вчера упомянули Бетани, у нее явно не возникло желания пригласить нас на чай, – напоминает Ник. Он прав, но все равно мы должны попытаться ее разговорить.

– Я сейчас схожу за продуктами, пока ты вылезаеть из кровати. Надо позавтракать. Постучу пять раз, когда вернусь, чтобы ты знала, что это я.

Он шутит? Боже, надеюсь, что да.

Я заказываю плотный завтрак, и Ник отключается. Я должна в его отсутствие придать себе хотя бы частично презентабельный вид. Пока Ника нет, быстро звоню отцу, чтобы заверить его, что со мной все в порядке. Он молчит, пока я говорю, но в конце разговора предупреждает, чтобы я была осторожна. Обещаю ему это (скрещивая пальцы) и отправляюсь в душ.

Провожу больше времени, чем нужно, под горячей струей. Вода бьет по шее и плечам – ощущения лучше, чем от массажа. Я могла бы оставаться здесь весь день, но знаю, что только откладываю неизбежное, поэтому заставляю себя выйти и заворачиваюсь в одно из пушистых гостиничных полотенец. Ник не намекал ни на что между нами. Может, он и не собирался об этом говорить. Я сама еще не готова думать о нас с ним после того, как все закончится. Не готова думать ни о чем, кроме возвращения сына. Я хочу заключить его в объятия!

Проходит несколько минут после того, как я вышла из душа. Внезапно звонит мой мобильный. Номер я не узнаю.

– Алло?

– Сьюзан?

– Марк.

– Ты где? – Его голос звучит обеспокоенно.

– Я сейчас не могу разговаривать. Откуда ты узнал этот номер? Зачем ты мне звонишь?

– Я беспокоюсь о тебе, Сьюзи. – Он так звал меня в прошлом. Я говорю с ним всего несколько секунд, но уже готова расплакаться. Невероятно! – Возвращайся домой, и мы что-нибудь придумаем. Я хочу тебе помочь.

Сердце судорожно колотится в груди, дыхание почти перехватило. Я хочу сделать то, что он предлагает. Хочу развернуться и бежать домой, в тот дом, где мы были так счастливы. Хочу, чтобы мой муж исправил все, что пошло не так. Именно поэтому я удивляю себя своими следующими словами.

– Я не вернусь домой, Марк. Мне нужно выяснить, что происходит. Мне нужно выяснить, что ты сделал.

– Я ничего не делал.

Он врет. Дилан жив, мертва бывшая невеста Марка, а я хочу знать, за кем, черт возьми, я была замужем. Вовремя останавливаю себя, чтобы не выдать ему все это. Слышу у себя в голове голос Ника, который говорит, что нельзя раскрывать карты, нельзя доверять Марку и нужно *быть осторожной*.

– До свидания, Марк. – Отключаю связь и начинаю плакать. Вот как оно получилось. Я решила не доверять единственному мужчине,

которого любила в своей жизни, отцу моего ребенка, и повернуть назад уже невозможно.

* * *

Никаких вопросов мне не задают, поэтому нет необходимости врать о телефонном звонке Марка. Вернувшись, Ник или не обращает внимания на мои припухшие глаза, или предполагает, что меня просто все достало – ведь столько всего навалилось. Это меня устраивает, я не люблю врать.

Женщина более старшего возраста, которая в этот день дежурит в библиотеке, достаточно дружелюбна и не задает лишних вопросов, когда мы интересуемся временем начала рабочего дня Дженнифер.

– Ее смена с часа дня, – сообщает она, выдавая нам два новых гостевых пропуска. Дженнифер явно не предупредила ее, что следует опасаться парочки журналистов, которые несут зло. – Но обычно она приходит пораньше, чтобы выкурить сигаретку.

Когда мы покидаем здание через главный вход, то первым человеком, которого видим, оказывается Дженнифер. Она выделяется среди студентов в первую очередь возрастом – лет на двадцать старше. А также своим видом и одеждой. На ней джинсы и простые черные ботинки. Нельзя сказать, что она одета неряшливо или безвкусно, но то, что на ней, очень сильно отличается от черных плотно обтягивающих джинсов и замшевых сапожек, которые носят девушки в университетском городке. Несмотря на то что на улице не так и холодно, на ней зеленая куртка оверсайз, которая может смотреться модно, но сейчас кажется совершенно обычной громоздкой курткой. Волосы цвета грязный блонд никогда не встречались с продукцией GHD [\[45\]](#), которой пользуется половина Вселенной, включая меня. Дженнифер держит сигарету губами, а сама одной рукой роется в сумке, а второй удерживает стаканчик с какой-то жидкостью, от которой вверх идет пар. Когда она поднимает глаза и видит нас, на ее лице, не тронутым косметикой, появляется злобное выражение.

– Я вызову службу безопасности, – угрожает она, когда мы к ней подходим.

Я оглядываюсь вокруг, но не вижу ни одного человека в форме. Опускаю руку в карман и достаю свою верную зажигалку, которую снова стала носить при себе с тех пор, как мне опять потребовались сигареты. Дженнифер колеблется, потом берет зажигалку у меня из руки.

– Выслушайте нас вначале. Потом, если вы все равно захотите, чтобы мы ушли, вам не потребуется служба безопасности, – обещает Ник.

Она качает головой.

– Не пойдет, – твердо заявляет Дженнифер. – Я достаточно насмотрелась на вашу братию, когда все это случилось. Вы столько врали про Бет, и какая это была гнусная ложь! Меня тошнит от таких, как вы.

– Я не журналистка, – быстро говорю я. – Я бывшая жена Марка Вебстера.

Она пораженно приподнимает кустистые брови.

– Присядьте, – наконец предлагает она и кивает на скамейку рядом.

Чувствую облегчение, которое разливается по всему телу. Секунду мне казалось, что она сейчас начнет звать охрану.

– Что вам от меня нужно?

– Я хочу знать, что случилось с Бет, – честно признаюсь я, достаю свои сигареты и жестом прошу отдать мне зажигалку. – *Что на самом деле* случилось, а не то, что говорят все. Хочу знать, мне *нужно* знать, имел ли Марк к этому отношение.

– Вы хотите, чтобы я сказала, что Марк Вебстер не имел к случившемуся никакого отношения, – произносит она ничего не выражающим тоном. – Ну, это я сказать не могу. Если вы не готовы услышать неприятную правду, то вам лучше сразу отправиться назад туда, откуда приехали.

– Я готова. Ну... – запинаясь и смотрю на Ника. – Я не уверена, что готова, но мне нужно услышать правду. Вы были лучшей подругой Бет. Мне нужно услышать вашу версию.

– Почему сейчас? – с горечью спрашивает она и глубоко затягивается сигаретой, смакуя вкус. Наконец она выпускает дым и продолжает: – Почему это вдруг стало играть для вас роль по прошествии стольких лет?

Я пытаюсь быть честной, но не хочу рассказывать этой женщине все. Я ей не доверяю.

– На протяжении всех лет брака Марк никогда ничего не говорил мне про Бетани. Я узнала про нее, только когда случайно нашла их совместные фотографии.

Это почти правда.

– Вы приехали в Тревельян-колледж искать бывшую девушку вашего бывшего мужа, хотя ничего не знали про ее убийство? Какое вам вообще дело до этого?

Дженнифер наклоняет голову и снова приподнимает брови. Брови густые и не выщипанные, очевидно, никогда не встречались с пинцетом. И даже садовыми ножницами. Она не дура, понимает, что я не говорю ей всю правду.

– Я захотела узнать, почему Марк никогда ее не упоминал. – Это полуправда. – Мне показалось странным, что он рассказывал мне про других своих девушек из прошлого, но не про эту. Я знаю своего бывшего мужа. У меня это вызвало подозрения, и еще я была заинтригована. Теперь жалею, что сунулась в это дело, но не могу не обращать внимания на то, что узнала.

– От меня вы что хотите?

Ее голос смягчается. Думаю, у меня получится перетянуть ее на свою сторону. В любом случае, она еще не позвала службу безопасности, а это плюс.

– Все так, как сказала Сьюзан, – вставляет Ник. Дженнифер выглядит почти удивленной, словно забыв, что он здесь. – Мы хотим узнать правду.

– А вы кто?

Интересно, он продемонстрирует такую же честность, как я?

– Я журналист. – Я удивлена его признанию. – Но здесь я не ради статьи. Даже если б я хотел написать статью на эту тему, мой начальник никогда не позволил бы мне разворошить столько грязи. Я здесь как друг Сьюзан.

Понимаю, что давить на Дженнифер нельзя, но не уверена, что способна долго ждать. Я уже собираюсь что-то сказать, но тут она начинает говорить.

– Вы правы насчет того, что Бет была моей лучшей подругой в универе, – тихо произносит девушка. – Но она была больше, чем

просто подруга. Она была словно частью меня. Я жила с ощущением, будто мы знакомы всю жизнь. Она была просто поразительной, когда я находилась рядом с ней, то становилась другой. Ей удавалось вытащить на поверхность все самое лучшее, что есть в человеке, так происходило со всеми окружавшими ее людьми. Если Бет находилась рядом, то невозможно было пребывать в дурном настроении. – Дженнифер тепло улыбается, от этих воспоминаний озаряется ее лицо. – Я чувствовала себя особенной, когда она выбрала меня. Она могла дружить с самыми популярными, самыми богатыми девочками в колледже, но решила проводить время со мной, простой и ничем не примечательной. Естественно, я ее обожала. В середине первого курса театральная компания Хилл-колледжа ставила «Сон в летнюю ночь». Как и ожидалось, Бет играла Гермюю. Играла потрясающе, все в зале ловили каждое ее слово. В последний вечер Марк с друзьями пришли посмотреть пьесу. Потом мы встретились в студенческом баре.

Она хмурится. Совершенно ясно, что она обожала Бет Коннорс, а мой бывший муж стал нежелательной помехой.

– Тогда они встретились в первый раз? – спрашивает Ник, мягко подталкивая Дженнифер к продолжению рассказа. Девушка не обращает на него внимания: она сейчас в другом месте – заполненном людьми, прокуренном студенческом баре двадцать два года назад.

– Все еще оставались в театральных костюмах. – Она улыбается при этом воспоминании. – Спектакль тогда давали в последний раз, но никому не хотелось, чтобы показы заканчивались. На следующий день Дэвид Томпсон из отдела реквизита пришел в ярость. Университет арендовал костюмы в «Королевской Шекспировской труппе», а Оберон (я не помню, как его звали на самом деле, и это смешно, правда?) залил штаны пивом. Как Дэвид взбесился, когда об этом узнал!

– А вы кого играли? – спрашиваю я.

Дженнифер поднимает голову, словно только что вспомнила о нашем присутствии.

– Я не участвовала в постановке, – отвечает она, и даже по прошествии стольких лет при воспоминании об этом у нее в голосе слышится горечь. – Мое лицо больше подходило для того, чтобы оставаться за кулисами.

«Всегда в тени, – думаю я. – Всегда в стороне, за пределами круга, в месте, откуда можно только смотреть на свою лучшую подругу,

находящуюся в центре всеобщего внимания». Именно так я сама себя чувствовала, когда рядом находился Марк. Люди хотели говорить с ним, стоять рядом с ним. Я не Бетани Коннорс. Я всегда была такой, как сидящая рядом со мной женщина – самой обычной, не отличавшейся ничем особенным. Я не в первый раз задумалась, что во мне увидел Марк. Может, он так хотел забыть кого-то?

– Мне было плевать, – врет Дженнифер, словно может прочесть мои мысли. – Меня радовали успехи Бет. Она обладала поразительной способностью: создавала у меня ощущение, будто ее успехи – это также и мои успехи. Бет всем позволяла так думать, именно поэтому люди любили ее. Нас всех омывало ее счастье. Мальчики хотели быть с ней, девочки хотели быть ей – знаете такое выражение? Идеально описывает Бет. А в тот вечер она просто светила. Все парни в баре мечтали оказаться рядом, но как только появился Марк, шансов у них не осталось.

Я это прекрасно понимаю. Марк всегда обладал способностью сделать так, что все остальные вокруг просто прекращали существовать. Когда он с тобой разговаривал, возникало ощущение, что ты особенная, выделяешься среди других. Дело не только в его внешности, он обладает такой уверенностью, которая тянет тебя к нему, и ты хочешь, чтобы он никогда не вытолкнул тебя из своего пузыря. А за пределами пузыря Марка на самом деле холодно.

– Я все это так ясно помню. Марк подошел к Бет и спросил: «Что случилось? Неужели не осталось костюмов женщин-полицейских?» Я думала, она ему врежет – никто никогда раньше не говорил ей, что она выглядит, как стриптизерша. Но она просто засмеялась и весь вечер от него не отходила. В конце он предложил проводить ее до дома, а Бет отказала. Вежливо, но потом добавила: «Хотя надеюсь, что мы снова увидимся, ты такой забавный». Когда мы добрались до дома, она часами говорила о нем, как влюбленная девочка-подросток.

Я стараюсь скрыть ревность. Представляю, как Марк отправился домой в тот вечер явно в раздражении, все его усилия ни к чему не привели, ему отказали, но он поклялся завоевать эту девушку любой ценой, как храбрый и доблестный сказочный принц. В мое сознание врываются воспоминания о том, как я сама, менее стильная и классная, но более пьяная, завалилась с ним в постель в первую ночь после

нашего знакомства. Все случилось по пьяни. Какой я была легкодоступной, каким разочарованием!

Что он во мне увидел? Полная противоположность тому, к чему он привык. Я никогда не была в центре внимания, не особо привлекала мужчин, а уж таких мужчин, как Марк, так тем более. Может, все дело в доступности? В том, что я совсем не похожа на потерянную им любовь? Он меня любил, или я служила для него наказанием, и выбрал он меня потому, что я даже близко не стояла рядом с первой любовью?

– После того вечера они стали неразлучны, – продолжает Дженнифер. – Марк был большим человеком в студенческом городке. Они с приятелями ходили по территории с таким видом, словно тут всем владели. Кстати, если говорить про его отца, то дело именно так и обстояло. Марк был последним человеком, в которого, по моему мнению, могла влюбиться Бет. Она всегда терпеть не могла весь этот список богатеньких.

– Список богатеньких?

Дженнифер кивает.

– Элиту Даремского университета. Марк в нем числился в самом верху, уступая только одному Джеку Брэтбери, самому состоятельному парню в университете. Мерзкий был тип, единственный из друзей Марка, кого Бет не переносила. Даже рядом с ним не хотела находиться. Я думаю, он приставал к ней на глазах у Марка, но Марк боялся его и не мог ничего сказать. Одно слово Джека – и от Марка все отвернулись бы. Бет очень не нравилось, как тут все устроено, но отец Джека сделал невероятно щедрые пожертвования университету. И мы все это знали.

Она корчит гримасу, допивает чай, который, как я предполагаю, к этому времени уже полностью остыл. Похоже, Дженнифер этого не замечает.

– Лучший друг Марка – Мэтти – тоже был из даремской элиты, как и большинство парней, с которыми он проводил время. Бет говорила, что на самом деле они не такие и плохие ребята, и ей их даже немного жалко, потому что они никогда не знали истинной стоимости денег. Хотя она считала Марка другим. Ему, как и ей, не нравилось, как все устроено в университете, и не нравилось, что люди думают, будто его приняли благодаря отцу. Мы с Бет впервые серьезно поругались именно из-за этого. Я помню, как сказала: «Боже, у меня

сердце кровью обливается, когда я думаю об этом бедняжке», – я обвинила ее в том, что продалась богатеньким. Сказала ей, что пройдет совсем немного времени, и она тоже начнет вести себя так, словно владеет Тревельяном. Я говорила очень резко. Бет сильно обиделась, ей было больно это слышать. – Дженнифер трясет головой, словно пытаюсь избавиться от воспоминаний. – На следующий день я просила у нее прощения, но наша дружба больше не была такой, как раньше. Бет держалась на расстоянии, а отношения с Марком стали только крепче. И все это так и шло, пока она не появилась в слезах у меня в комнате за неделю до смерти.

У меня немного учащается сердцебиение. Вот это ближе к делу, мы приехали сюда, чтобы послушать об этом. Я не осмеливаюсь говорить, чтобы Дженнифер не изменила своего решения.

– Это было в пятницу вечером, по пятницам Марк играл в покер с друзьями. Бет появилась у меня, промокшая до нитки, и редела так, что, казалось, вот-вот глаза выплывут. Конечно, я тут же ее впустила. Фактически в тот вечер я впервые за несколько недель видела ее рядом, до этого мы только разговаривали по телефону или на лекциях. Выглядела она ужасно. Сильно похудела, побледнела, темные круги под глазами смотрелись так жутко, что я подумала, не подседала ли она на наркотики.

– Что она сказала? – спрашиваю я. История становится все более захватывающей!

– Мне не удалось получить вразумительный ответ. Я поняла только, что она порвала с Марком. Она повторяла и повторяла, что ей не следовало туда идти, ей следовало держаться подальше. Она также говорила про какую-то Элли Толдот – я до сих пор не знаю, кто это такая. Я подумала, что Марк ей изменял, но Бет заявила, что я ничего не поняла и не пойму никогда. Она была не просто расстроена, она была напугана.

– Чего она боялась? – спрашивает Ник.

Дженнифер качает головой:

– Не знаю. Марка. Думаю, того, что она увидела. Бет скоро ушла, заявив, что не должна втягивать меня в свои проблемы, и вообще ей не следовало ничего говорить.

– Вы еще виделись с ней перед ее смертью?

– У нас были общие занятия, но она держалась на расстоянии. В ту неделю, когда Бет пропала, она почти не посещала занятия, но все разы, когда я видела ее вне лекционных аудиторий, Марк был словно приклеен к ней. Создалось впечатление, будто она меня избегает. В тот вечер, когда она умерла, я отправилась к ней в комнату поговорить. Я хотела ее вразумить.

– У вас получилось?

Дженнифер снова качает головой:

– Нет, и с тех пор я каждый божий день жалею, что не приложила больше усилий. Подойдя к ее комнате, я услышала сквозь дверь, как она разговаривает по телефону. Она сказала что-то типа: «И что он там делает?» Потом: «О боже, Мэтти, я сейчас приду». Мне показалось, что она в дурном настроении, злится, и я даже не успела постучать – она сразу вылетела из комнаты. Удивилась при виде меня, а когда я заявила, что нам нужно поговорить, Бет ответила, что торопится, но на следующий день придет ко мне поболтать. Извинилась за свое поведение в последнее время, пояснила, что ей требовалось кое с чем разобраться, но теперь все будет хорошо. Я заставила ее пообещать, что она придет ко мне на следующий день, и Бет поклялась, что обязательно меня найдет. Поцеловала меня в щеку и призналась, что скучала по мне. Я сказала, что тоже скучала. Тогда я видела ее в последний раз.

– Вы рассказали полиции о том, что слышали?

– Конечно. Но они не хотели меня слушать. – Ее лицо искажается от гнева. – Я сказала им, что Бет собиралась где-то встретиться с Мэттью Райли, а мне в ответ заявили, что у меня нет доказательств, что она разговаривала по телефону с Райли. Это мог быть один из ее «клиентов». Они только прямо в лицо не назвали меня вруньей, но я-то знаю, что слышала.

– Я думал, у Мэттью Райли и Марка есть алиби на время убийства Бет? – вставляет Ник.

Дженнифер насмешливо смотрит на него.

– Вы хоть что-нибудь слышали из того, что я сказала? Марк Вебстер, Мэттью Райли и им подобные из Даремского университета могли бы найти полный зал людей, которые поклялись, что они в это время выступали на сцене в Карнеги-холле, если б им это потребовалось.

– А что с человеком, которого арестовали? Ведь у полиции были какие-то доказательства.

Дженнифер кивает.

– У него была сумочка Бет, и он оказался запачкан ее кровью. Полиция заявила, что Бет собиралась заняться с ним сексом. – Дженнифер корчит гримасу. – Нет ни одного шанса вообще, что Бет стала бы спать с типом, подобном Ли Рассону. Ни за какие деньги. – Она смотрит на часы. – Простите, но мне пора на работу. Надеюсь, вы найдете то, за чем приехали.

– Дженнифер, подождите. – Ник встает, чтобы остановить ее, когда она тушит сигарету носком ботинка и разворачивается, чтобы уйти. – Еще один вопрос.

– Задавайте.

– Как вел себя Марк Вебстер после обнаружения тела Бет?

Дженнифер поворачивается и смотрит на меня.

– Он был убит горем. Если честно, когда я увидела его после случившегося, то не сомневалась, что он не имеет никакого отношения к трагедии. Он был полностью сломлен, хотел бросить университет. Если б его отец не уговорил декана разрешить Марку учиться удаленно и жить дома, то он не получил бы диплом.

– Спасибо за вашу помощь, Дженнифер, – благодарит Ник. – Мы очень ценим то, что вы уделите нам время.

– Но ведь это не играет никакой роли, правда? Бет мертва, – отвечает она и снова разворачивается, чтобы уйти. – Хотите узнать правду? Она не вернет Бет.

Глава 46

– Где ты? Почему ты мне не позвонила? Я уже думала, что ты померла! – Кэсси орет так громко, что мне приходится держать телефон подальше от уха, пока она не закончит свои вопли.

– Я написала тебе сообщение, – напоминаю робким голосом.

– Его кто угодно мог написать! После всего, через что мы прошли вместе, ты думаешь, что я хочу включить программу новостей и увидеть тебя мертвой и валяющейся в канаве?

Мне хочется рассмеяться вслух, но я понимаю, что она говорит серьезно.

– Кэсс, ты включала программу новостей один раз в жизни, когда там рассказывали о тебе, – отвечаю таким серьезным тоном, какой только могу выдать. – И почему это меня должны показывать валяющейся в канаве? Почему я должна умереть?

– Мне кажется, до тебя не доходит, что я хочу тебе сказать, – буквально шипит она.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать. Прости меня, я вела себя как ужасная эгоистка. Теперь я возвращаюсь назад. Можно мне тебе завтра позвонить?

– Уж постарайся.

– Можешь для меня кое-что сделать? – спрашиваю я до того, как она успевает отключить связь.

– Не знаю. Мне нужно посмотреть ежедневник. – Она притворяется, будто листает страницы. – Как и ожидалось, у меня загружен весь день – буду ждать звонка лучшей подруги.

– Это означает «да»? – нетерпеливо уточняю я.

– Ну, что там?

– Попытайся найти для меня Элли Толдот. – Я произношу имя и фамилию по буквам. – Имя малораспространенное. Можешь погуглить? Заглянуть на «Фейсбук», ну и так далее.

– Хорошо, но ответ ты получишь, только если *позвонишь мне завтра*. Ты меня услышала? *Позвони мне*.

Мы обе отключаемся, и я опускаюсь пониже на переднем сиденье, радуясь окончанию разговора. Я ожидала, что Кэсси разозлится

сильнее, учитывая, что я почти полностью игнорировала ее последние несколько дней. Я сама была бы в ярости и очень сильно обижена.

Непрочитанное сообщение. Роб Хоуи из «ЗБХ». «Посмотрел записи, в глаза пока ничего не бросилось. Не передумали насчет встречи? Пропустим по стаканчику? Конечно, если сможете на это время отделаться от своего телохранителя. Х».

С трудом скрываю улыбку и быстро набираю: «Простите, думаю об этом 24/7. Он хуже моего отца. Сказать, что все очень запутано – клише?»

– С ней все в порядке? – спрашивает Ник.

– Она в ярости. Но ничего, справится.

Телефон снова издает сигнал.

«Точно, клише. Непрофессионально сказать, что у вас и клише получаются милыми? Х».

Отвечаю: «Совсем непрофессионально», а потом добавляю «Х», затем стираю «Х» и добавляю смайлик. Понимаете? Вот поэтому я и не хожу на свидания.

– С тобой все в порядке? Ты услышала все это про Марка...

– Я не знаю, что думать.

Не хочу обсуждать свои отношения с Марком. И признавать, что мне обидно и больно, я чувствую себя униженной из-за того, что услышала больше о жизни моего бывшего мужа от библиотечарши, чем от него самого. Я в тупике, не знаю, была ли я для него способом отвлечься. Я боролась за его любовь с призраком, о существовании которого не знала? Стала бы я прилагать больше усилий, если бы знала про Бет? Была бы более изящной, элегантной, ухоженной, больше напоминающей жену «даремской элиты»? Больше похожей на Кристи Райли, на Бет Коннорс? Я рыскаю у себя в сознании, пытаюсь вспомнить хоть какой-то намек на то, что Марк скрывал от меня эту тайну. Теперь кажется, что все то, что мы делали вместе, даже мелочи, ведут к его возлюбленной из университета. Он думал о ней, когда мы ходили в театр на «Сон в летнюю ночь»? Когда в субботу лениво прогуливались по Лондонской национальной галерее? Во время нашего медового месяца? Я была просто дешевой заменой?

Хочу задать ему все эти вопросы, но не хочу видеть его лицо, когда он начнет мне врать. Мне просто нужно знать, имеет ли что-то из

этого отношение к сыну. Как убийство, совершенное двадцать один год назад, может быть связано с моим маленьким мальчиком?

Глава 47

Джек: 17 декабря 1992 года

– Ты все это видел?

Голос был наполнен благоговейным трепетом. На аппетитную задницу с прилажавшимися к ней блестящими губками было легко произвести впечатление. Она придвинулась поближе к Джеку, совершенно не обращая внимания на других слушателей. Боже. Если она придвинется еще поближе, то окажется у него на коленях, хотя он не возражал. Девчонка (Сэнди? Сэмми? Он не знал точно, как ее зовут, и ему было глубоко плевать) наклонилась пониже, и ее предплечье оказалось у него на стуле. Под этим углом он видел тонкий бюстгальтер телесного цвета и представил у себя в голове маленький твердый сосок, прижимающийся к ткани. Нельзя допустить эрекцию, только не тогда, когда он сидит в окружении группы людей, жаждущей от него рассказа об аресте мужика, которого обвиняют в убийстве Бет.

– Все видел.

Он откинулся на спинку стула, предлагая слушателям склониться поближе. Теперь прислушивались и люди за другими столиками. Сэнди (или Сэмми) не удосуживалась говорить потише.

– Как я уже сказал, я отправился в отделение вместе с Джереми, чтобы оказать посильную помощь полиции. Боже, должен же кто-то был им помочь в расследовании этого дела.

Несколько человек, сидевших за столом, усмехнулись. В последние несколько недель полиция не пользовалась популярностью в университете.

– А почему ты пошел с адвокатом? – спросил Грэм (как там его фамилия?), сморщив нос.

Джек коротко усмехнулся.

– Да мой папаша никогда не допустил бы, чтобы я переступил порог полиции без юриста. – Это заявление все приняли без комментариев. Конечно, сын Джорджа Брэтбери должен всюду

ходить с адвокатом. – В любом случае мы там находились не больше пятнадцати минут, когда услышали дикий шум снаружи.

Зрители затаили дыхание – увлеклись рассказом, как Джек и хотел. Ему это нравилось.

– Жирный идиот, который меня опрашивал, отправился посмотреть, что происходит. Я сказал Джереми, чтобы сидел в кабинете, и пошел за ним. – Выражение лица Блестящих Губок было неопишным, его бы запечатлеть для потомков. – Там стояли двое полицейских – здоровенные узколобые типы. Они держали грязного вонючего бродягу. Волосы до плеч, причем на них было столько сала, что можно было бы намазать весь состав «Стриптиза». В коридоре жутко воняло. Просто тошнотворно.

Он сморщил нос, будто вспоминая запах. Этим людям совершенно не нужно было знать, что он несет чушь, и все происходило по-другому. Рассона отвели в комнату для допросов раньше, чем Жирного проинформировали о его аресте. Им не требовалось знать, что Джек видел Рассона только один раз – когда мазал грязного наркомана кровью Бет утром после ее смерти и засовывал ее сумочку под вещи бродяги, пребывавшего в коматозном состоянии.

– А как он выглядел? – Блестящие Губки опустила ладонь на его руку.

– Жутко. Полностью обдолбанный, бросался то в одну сторону, то в другую, как дикий зверь, пытался вырваться из рук горилл, которые его держали. Но шансов у него не было. Он выл, снова и снова, вначале это были завывания без слов, просто непонятные звуки. Джинсы у него были такие грязные, что не сразу поймешь, что это джинсы. Явно носил их много недель подряд. А футболка...

Это была самая лучшая часть, которую он оставил напоследок. С каждым его вдохом толпа слушателей подвигалась ближе, словно он притягивал их к себе внутренней силой. Его рассказ производил огромное впечатление. Джек сделал паузу, пытаясь выглядеть так, словно собирался с мыслями. Боже, да он сейчас кончит, если эта девка еще раз потрется об него. Джек испытывал сексуальное возбуждение от власти, от понимания, что все люди вокруг делают то, что хочет он, от знания, что именно он владеет информацией,

которая интересует всех в студенческом городке, всех полицейских в Дареме.

– Его футболка была заляпана кровью. Кровью Бет.

Глава 48

Я просыпаюсь, почувствовав запах бекона внизу. Этот поразительный пьянящий аромат пронизывает каждый уголок дома. Уже собираюсь накинуть на себя какую-нибудь одежду и спуститься вниз, но тут слышится стук в дверь. Хватаю халат и кричу:

– Заходи!

– Хорошо спала?

Дверь открывается, и входит Ник с подносом, полным еды. Маслянистые пышки, бекон, яйца, колбаса и помидоры. Все выглядит восхитительно.

– Ты хочешь, чтобы я поправилась? Я всю неделю не выходила на пробежку, а ты только и делаешь, что кормишь меня.

– Что сказала бы Кэсси, если б ты снова прекратила есть, а я ничего не сделал бы? – улыбается Ник. – Куда мы теперь? – спрашивает он, когда я заталкиваю еду в рот. – Мы так и не приблизились к случившемуся с Диланом.

– Не знаю, – отвечаю я, вытирая рот пальцами и стараясь не привлекать к этому внимания. – Я просто не верю, что случившееся с ним и с Бет Коннорс не связано, но не понимаю, как именно пересекаются эти два события! Если б Дилана убили или выкрали с требованием выкупа, я бы решила, что это своего рода мести за убийство Бет. Но на фотографии, которую я получила, изображен счастливый маленький мальчик, он никак не пострадал, он улыбается! Мне это не кажется мезью. Мы не можем заявиться к Марку домой и спросить: «О, кстати, ты случайно не убил свою невесту двадцать один год назад?»

До того как Ник успевает ответить, у меня звонит мобильный. «Проклятье!» Опять Марк? Этот номер мне не знаком, но до того, как звонящий успевает нажать на отбой, я хватаю трубку и нажимаю на зеленую клавишу.

– Алло?

– Сьюзан Вебстер? – спрашивает низкий мужской голос.

– Да.

– Мисс Вебстер, меня зовут Карл Уэстон, в прошлом – детектив Карл Уэстон из даремского отделения полиции. Мне позвонила Джин Уитакер и сказала, что вы, возможно, захотите со мной поговорить о Бетани Коннорс.

«Конечно!»

Я прикрываю микрофон рукой и одними губами говорю Нику: «Это детектив».

– Можем ли мы с вами где-нибудь встретиться? Например, часа через два?

Я киваю, потом понимаю, что он же меня не видит, и отвечаю:

– Конечно. Где вы находитесь?

– В ближайшем пригороде Дарема. Я приеду на поезде.

Мы договариваемся встретиться в кафе недалеко от железнодорожного вокзала. Заканчивая разговор, я ожидаю увидеть Ника в возбужденном состоянии. Вместо этого он явно испытывает опасения. Звонок показался ему подозрительным.

– Кто это был? Какой еще детектив?

– Карл Уэстон. Тот самый, который уволился из даремской полиции, потому что не считал Рассона виновным в убийстве Бет. Мы встречаемся с ним через час.

– Я не могу, – отвечает он резким тоном. – Мне сегодня нужно заехать на работу, кое-что забрать в офисе. Поезжай одна, потом расскажешь, что он сообщил.

Я не могу скрыть разочарование.

– Раньше ты не упоминал работу. А попозже сегодня можешь туда съездить?

– Знаешь ли, не весь мир вертится вокруг тебя, – произносит он холодным тоном и собирается уходить. – Возвращайся сюда после встречи. И будь осторожна, ты же понятия не имеешь, что это за тип.

Глава 49

Воздух холодный и колючий, и я решаю подождать Карла Уэстона не на улице, а в кафе. Когда он заходит, у меня нет сомнений в том, кто он. Выглядит как офицер полиции, ходит как офицер полиции, при виде меня сразу понимает, кто я (как офицер полиции), и приближается к столику.

– Мисс Вебстер?

Я киваю.

– Пожалуйста, присаживайтесь.

Мужчина садится за столик. Он старше, чем я ожидала. Я бы сказала, что ему за шестьдесят. На меня он смотрит с опаской, словно я внезапно могу его укусить.

– Миссис Уитакер рассказала вам, почему мы к ней приходили?

Карл Уэстон кивает.

– Она сказала, что вы хотели получить информацию о Бетани Коннорс. Вы – бывшая жена Вебстера.

– Вы встречались с Марком?

Он опять кивает.

– Много лет назад, теперь уже больше двадцати, но я помню вашего мужа. Мы пытались несколько раз с ним поговорить.

– Пытались?

Карл Уэстон поднимает голову и улыбается при виде молоденькой официантки, которая пришла выслушать заказ. Он просит принести два чая, потом вопросительно смотрит на меня, словно забыл, о чем говорил. Или почему вообще находится здесь.

– Вы сказали, что пытались поговорить с Марком.

– О да. – Он снова возвращается к разговору. – Можно сказать, почти безуспешно. Когда мы увидели его в первый раз, он был в жутком состоянии. Отец нанял ему дорогого адвоката, хотя никакой адвокат ему не требовался: у него было железное алиби, и у нас не имелось оснований считать, что он мог быть как-то связан с делом. Он плакал и не мог остановиться. На каком-то этапе допрос пришлось прекратить, потому что его тошнило. Можно было подумать, что мы допрашиваем его как подозреваемого.

– А разве это не естественно? Так расстраиваться и переживать?
Карл качает головой.

– Это нормально. Люди по-разному реагируют на утрату близких, мисс Вебстер. – Детектив смущается. Конечно, он знает, какие бывают реакции.

– Да, конечно.

Я опускаю глаза и смотрю в стол, чтобы он не видел, как на них наворачиваются слезы. К счастью, появляется официантка с чаем, и это позволяет нам обойти неловкий момент.

– Боюсь, что помочь я вам не смогу. – Он еще раз смущенно смотрит на меня. – Если б я знал что-то стоящее, то нашел бы гораздо лучшее объяснение, чем Ли Рассон.

– Вы определенно считаете, что он этого не делал? Я имею в виду: не убивал Бет.

– Не мог он ее убить. Когда его привезли в отделение, он нес какую-то чушь. Заявил, что украл машину, чтобы отвезти тело Бет на пустошь, но не помнил, где оставил автомобиль.

– У него были проблемы с головой?

Карл кивает.

– Он не мог себе позволить нанять приличного адвоката, и суд принял его признание. Провел два года в тюрьме, потом повесился у себя в камере. Всем было плевать.

– Дженнифер Мэттьюс сообщила нам, что при нем нашли сумочку Бет. И на его футболке была кровь Бет.

Карл выдыхает воздух сквозь зубы. На лице написано отвращение.

– Сумочку он мог взять где угодно: из мусорного бака, из канавы. Мы его случайно привезли в отделение – он чистил карманы. При виде сумочки он как будто только что вспомнил, что кого-то убил. Кровь была на футболке, под курткой, на которой не нашлось никаких следов. Кстати, их не было и на его грязных руках, и вообще больше нигде. словно он стер ее со всего остального, а про футболку забыл. Чушь собачья.

Все это очень интересно, но, как и сказал Карл, он тогда не знал, кто убил Бет, и не знает этого теперь.

– Что вы можете сказать про того парня, который заявил вам, что Бет продавалась за деньги? Мэттью Райли?

Карл хмурится.

– Еще одно несоответствие. Он заявил это, а потом практически сразу же взял свои слова обратно. Вроде на следующий день. Мы не смогли найти ни одного человека, который подтвердил бы, что Бет предлагала себя мужчинам, но остальные члены следственной группы восприняли это как данность. Я всегда считал, что он был не прав, а его девушка убедила его изменить показания. Симпатичная малышка. Она буквально притащила его в отделение. Я до сих пор ее помню: блондинка с осветленными волосами, лицо у нее просто пылало. Забавно, что мы иногда помним такие детали.

«Блондинка с осветленными волосами...»

– Вы помните, как ее звали?

– Память у меня отличная. Помню даже по прошествии двадцати лет. Кристи.

Значит, Кристи Райли училась в университете одновременно с моим бывшим мужем, когда умерла его невеста. Странно, что она не удосужилась это упомянуть.

– Кристи – красивое имя. Кристи Трэвис.

– Трэвис?

Это, должно быть, совпадение. В Брэдфорде должен жить не один Трэвис. Это же не означает, что жена Мэттью Райли – родственница моей адвокатессы Рейчел Трэвис.

– Имя как у кинозвезды, правда?

– Вы случайно не знаете, не было ли у нее сестры?

Карл морщится.

– Еще бы не знать. Такая девица, что воспоминания о ней не стерлись и за двадцать лет. Шуму подняла из-за того, что мы создаем университету дурную славу, порти́м репутацию, что я чуть не повесил убийство на нее. Должен сказать, что счастлив, потому что больше никогда в жизни не видел эту Рейчел Трэвис.

Глава 50

– Ник, ты где? – Я стараюсь привести дыхание в норму, когда бросаю сумку в машину и захлопываю дверцу пассажирского места. – Я еду к Кристи Райли, можешь там со мной встретиться? Поговорила с Карлом Уэстоном. Кристи нам наврала. Она училась в Даремском университете вместе с Марком и Мэттом и знала про Бет. Я собираюсь выяснить, о чем еще она врала. Вполне может оказаться, что она держит Дилана в гостевой спальне. А ее девичья фамилия Трэвис, как и у Рейчел Трэвис. Позвони мне сразу же после того, как прослушаешь это сообщение.

Когда мы прощались с Карлом, я пообещала сообщить ему, если раздобуду какую-то новую информацию об убийстве Бет. То, что он сказал мне, только подтвердило все сказанное вчера Дженнифер: Бет выяснила что-то про своего жениха, что ее сильно напугало. Чем-то он занимался с мальчиками, которых Дженнифер именовала «даремской элитой», но образы которых оставались туманными. Прошла всего неделя, и они опять были вместе с Марком, изображали счастливую пару, словно ничего не случилось. Когда Бет изменила решение, почему ничего не рассказала Дженнифер? Она смирилась? Успокоилась и вернулась к Марку, а в следующую пятницу ее изнасиловали и убили. Не думаю, что все было так просто. Может, она обратилась к новой подруге, чей парень в равной степени с Марком завяз в каком-то нехорошем деле, которое видела Бет. Думаю, что она отправилась к Кристи Трэвис.

«Рейндж Ровер» припаркован на подъездной дорожке, и я останавливаюсь сразу за ним, так близко, как только могу. «Не сбежишь», – мысленно говорю я.

Собираюсь постучать во входную дверь и потребовать у Кристи Райли, чтобы она рассказала мне все, объяснила, почему не сказала про знакомство с моим мужем и сообщила все, что ей известно про местонахождение моего сына. Я не уйду, пока она мне все не расскажет. Или не вызовет полицию.

Несмотря на то что машина стоит на подъездной дорожке, дом выглядит пустым. Громко стучу во входную дверь, но никто не

открывает. Заглядываю в одно из окон, вижу, что телевизор выключен, свет не горит. Я уже готова махнуть рукой и уехать (да, помню: обещала себе не уезжать, пока не добьюсь правды), но тут мой взгляд внезапно падает на нечто, от чего кровь стынет в жилах. Я смотрю в окно гостиной, и с этой точки просматривается расположенная за ней столовая, откуда, как мне известно после предыдущего посещения этого дома, можно попасть в оранжерею. Но, если сравнивать с моим предыдущим посещением, есть отличия: красивая хрустальная ваза, стоявшая на видном месте на столе в столовой и явно бывшая предметом гордости хозяйки, теперь разбита, а ее куски разбросаны по полу. Цветы рассыпались, а вода собралась вокруг всего этого, словно кровь, сочащаяся из раны на голове.

Я могла бы не обращать внимания на разбитую вазу, пожать плечами – мало ли, случайность, а хозяйка так торопилась куда-то, что не убрала осколки (хотя не думаю, что Кристи Райли относится к типу женщин, которые могут махнуть рукой на подобное), но это еще не все. Сквозь дверной проем, ведущий в столовую, я вижу отброшенную в сторону туфлю на каблучке – так, словно ее беззаботно сняли с ноги и оставили валяться. Рядом с туфлей ступня.

* * *

Мне следует вернуться в машину, позвонить в полицию и уехать. До того как эта разумная мысль успевает должным образом укорениться в сознании, я огибаю дом, направляясь к задней части, где находится оранжерея.

Кристи Райли мертва. Узнать ее невозможно, только по копне светлых волос и дизайнерской одежде, которая все еще на ней. Ее красивое лицо превратилось в месиво из крови и костей, ни одна из черт, так привлекавших внимание при жизни, не осталась целой.

Я с трудом сдерживаю крик. Тело сводит судорогой, я опускаюсь на колени и готовлюсь, что меня сейчас будет рвать. Я уверена, что поток рвоты фонтаном вылетит у меня из горла, но ничего не происходит. «Звони в полицию, – орет подсознание. – Немедленно набирай 999».

«Но ты же не можешь это сделать? – хитро говорит более рациональная часть. – Как это будет выглядеть? Параноидальная, отмотавшая срок убийца уверена, что Кристи Райли что-то знает про исчезновение ее сына, едет к ней домой и находит женщину мертвой. Как кстати. На этот раз, дорогая, тебя не ждет никакой «Окдейл», точно отправишься в тюрьму».

Проклятье. Что мне делать? Мои нравственные принципы говорят, что я должна доверять системе правосудия, поступить так, как следует, сообщить о случившемся. Меня так воспитали, учили отличать плохое от хорошего. Уехать с места преступления плохо. Так я считала раньше. До того как меня ложно обвинили в убийстве собственного сына, а все вокруг начали врать. Как они врали! Теперь я знаю правду: люди, управляющие нашей жизнью, так же коррумпированы, как и все остальные, а честность *не* всегда является лучшим курсом. Именно поэтому я поступаю так, как поступаю. Сбегаю.

Я уже сижу в своей машине и успеваю проехать половину дороги, когда до меня доходит, к каким сложностям для Рейчел это может привести. Как бы мне ни хотелось ненавидеть ее за ту роль, которую она сыграла в случившемся со мной, я не могу забыть ее помощь и поддержку, которую она оказала мне в трудный период жизни, а это ее сестра. Я не могу ей сказать, что Кристи мертва, но сложно за такой короткий период времени переключиться с благодарности человеку на ненависть. Я должна предупредить Рейчел о том, что у нее могут возникнуть проблемы. Очень не хочется рассматривать подобную возможность, но не исключено, что опасаться ей следует моего бывшего мужа.

– Адвокатская контора «ЗБХ». Меня зовут Джемма. Как я могу вам помочь?

– Джемма, это Сюзан Вебстер. Соедините меня, пожалуйста, с Рейчел.

– Я сейчас посмотрю, сможет ли мисс Трэвис...

– Нет, Джемма, вы не будете ничего смотреть. Дело серьезное, на самом деле вопрос жизни и смерти. И вы соедините. Меня. С. Рейчел. *Немедленно.*

Джемма быстро соображает, что я звоню по очень серьезному делу. В трубке снова слышатся долгие гудки.

– Рейчел Трэвис у телефона.

– Рейчел, это Сьюзан Вебстер. *Не* вешайте трубку. Это очень важно.

– Сьюзан, да мне и в голову не могло прийти повесить трубку, – произносит она фальшивым тоном «я так рада вас слышать». – Как вы?

– Вы сегодня разговаривали с Марком?

Пауза – я понимаю, что она удивлена. Перемещаюсь на левую полосу магистрали и увеличиваю скорость. Мне нужно как можно дальше уехать от этого дома и найти Ника.

– Конечно, нет, зачем мне...

– Хватит притворяться, Рейчел. Дело очень важное. Вопрос жизни и смерти. Моей, моего сына и, может, вашей, так что давайте кое-что проясним. Я знаю про ваше родство с Кристи Райли. Я знаю, что ее муж – ваш зять, и они с моим мужем были членами какого-то Братства или еще чего-то такого глупого и ребяческого. Я в курсе, что вы знали про мою невиновность и преднамеренно испортили мою защиту.

– Я не знаю...

– Вы не знаете, о чем я говорю. Конечно, не знаете, я не ожидаю, что вы в этом признаетесь, поэтому заткнитесь и слушайте. Если Марк вам позвонит, не отвечайте. Если появится у вас в конторе, *не* впускайте его. Вы поняли?

– Почему? – Она пытается говорить с вызовом, но я слышу страх в ее голосе.

– Я думаю, что он опасен, Рейчел, и я думаю, что он пытается добраться до людей, которые знают правду про Дилана. Просто сделайте, как я говорю, и постарайтесь держаться от него как можно дальше.

– Я с ним разговаривала. – В ее признании теперь звучит паника, это больше не та невозмутимая женщина, которую я знала. А раньше она всегда сохраняла невозмутимость и держала себя в руках. – Он звонил примерно час назад и спрашивал, где Кристи.

У меня внутри все опускается. Даже после всего случившегося я все еще надеялась, что не моего бывшего мужа нужно винить в убийстве Кристи.

– Что вы ему сказали?

– Что, насколько мне известно, Кристи дома. Еще он хотел знать, что она вам рассказала. Он в курсе, что вы на днях были у Кристи.

Марк говорил и говорил, спрашивал, что вы рассказали мне, а я вам. Он хотел знать, что за мужик вас сопровождает и где вы живете. Мне позвонить в полицию?

– И что вы им скажете? Вы знали, что меня подставили, и на самом деле я не совершала никакого убийства, а теперь один из ваших подельников охотится за вами? Делайте, что должны, Рейчел. Я со своей стороны вас предупредила, это более чем достаточно.

Я отключаюсь, надеюсь, что сказала достаточно, чтобы спасти ей жизнь. Не знаю, станет ли она звонить в полицию, но подозреваю, что нет. Они захотят поговорить со мной, а у меня нет времени отвечать на вопросы. Мне нужно найти Ника, затем добраться до Марка и выяснить, что он сделал с моим сыном.

Заезжаю на стоянку перед зданием, которое занимает редакция «Стар», обвожу ее глазами в поисках машины Ника. Я ее не вижу, но здесь столько машин, и вообще у него может быть свое место с другой стороны здания.

– Здравствуйте. Я хотела узнать, на месте ли еще Ник Уайтли? Мне очень нужно с ним поговорить, – заявляю симпатичной девушке за стойкой внизу.

– Я почти уверена, что он еще не ушел. Не видела. – Она хмурится, пытаюсь вспомнить. – Сейчас позвоню наверх. Как вас представить?

– Сью... Эмма, – тут же поправляю себя и задумываюсь, не разозлится ли Ник из-за того, что я сюда заявила. Но я в таком состоянии, что мне плевать. – Он поймет, кто это.

– Да, конечно.

Она поднимает трубку внутреннего телефона, а я даже в панике на мгновение задумываюсь, не было ли у них с Ником когда-то романа. Предполагаю, что большинство женщин запрыгнули бы к нему в постель, если б им только представился малейший шанс. Минуту спустя говорю себе, что меня не волнует личная жизнь Ника.

– Ник? Здесь к тебе пришла женщина по имени Эмма. – Девушка опускает трубку. – Он уже спускается. Можете подождать вот здесь, если хотите. – Она показывает на диванчики и улыбается.

– Спасибо, – улыбаюсь в ответ, пытаюсь не обвинять ее в преступлении, которое она совершила только у меня в сознании.

Жду и нервно постукиваю пальцами по бедру. Интересно, Кристи Райли уже нашли? Рейчел позвонила в полицию и рассказала им про мои опасения насчет Марка? Мне кажется, проходит невероятно много времени до того, как я слышу звоночек, оповещающий о прибытии лифта на первый этаж. Из него выходит пожилой джентльмен и пересекает фойе. Он выглядит немного эксцентрично в белой рубашке в тонкую полоску, натянутой на внушительный живот, и темно-оранжевом галстук-бабочке. Его лысая макушка блестит, а по бокам остались каштановые и седые пучки волос. Он подходит ко мне и тепло улыбается.

– Здравствуйте. Чем могу быть вам полезен? – спрашивает он.

– О, спасибо, ничего не нужно. Я жду Ника Уайтли.

Мужчина явно поставлен в тупик.

– Это я. Меня зовут Ник Уайтли. А вы...

Глава 51

Бет: 20 ноября 1992 года

– Если хочешь знать, говорит ли он правду, просто проследи за ним.

Когда Джен произнесла эти слова, Бет просто отмахнулась, посчитав безумием, но они не давали ей покоя всю неделю, она все время об этом думала, пока не поняла, что больше не может их игнорировать. Теперь идея снова казалась ей безумной – Бет съезжилась за мокрыми кустами и следила за заброшенным зданием, словно какая-то устроившая засаду белка.

Бет видела, как они прибывали по одному – парни, которых ее жених называл друзьями, четыре раза стучались в дверь склада, а потом, не произнеся ни слова, проскальзывали внутрь. Теперь ей требовалось только подобраться к одному из разбитых окон и украдкой заглянуть внутрь, посмотреть, как они играют в покер и чем еще занимаются в свободный вечер. После этого она отправится в трехмильный путь домой. Было холодно, а идти придется в темноте, чувствовать она себя будет глупо, но при этом испытывать облегчение.

Бет заранее приготовила рассказ на тот случай, если ее застукают: позвонила сестра, их отец заболел, ей нужно поговорить с женихом. Разумно же, правда? Марк не должен разозлиться, если он только играет в покер. Бет надеялась, что ее рассказ никто не станет проверять. Она потом подумает, как объяснить чудесное быстрое выздоровление отца. Может, стоит сказать, что заболел Джош. В любом случае они его никогда не видели, поэтому маловероятно, что он решит его навестить, и обман вскроется.

Это безумие. Зачем ей было сюда приходить и смотреть? Она видела, как появлялись парни. Вероятно, Марк говорил правду. Чем, по ее мнению, они здесь занимались? Она выпрямилась и внезапно почувствовала себя очень глупо. Ей нужно возвращаться в свою комнату, взять бутылку вина и отправляться к Джен. Они выпьют по бокальчику и посмеются над ее временным безумием. Уже давно пора

провести время с лучшей подругой. Бет знала, что в последнее время игнорировала Джен, вместо этого предпочитая проводить свободное время с Марком. Может, пора немного охладить пыл, возвести несколько мостов.

Бет услышала в отдалении шум приближающейся машины и снова присела, хотя и было темно. Черная «Вектра», которую она не узнала. Вроде ни у кого из друзей Марка такой не было. Машина медленно подъехала к складскому зданию и остановилась совсем рядом. Бет затаила дыхание, когда открылась дверца у водительского места, из машины вышел Джек Брэтбери. Бет выдохнула так медленно, как только могла, и молча молилась, чтобы он ее не заметил. Если Джек увидит, как она тут прячется в кустах, Марк просто не станет ее слушать.

Бет ненавидела Джека. Громкоголосый, развязный, бесстыжий и наглый, он был главным в их компании, а еще был задирой, который любил травить и запугивать людей. Ему приглянулась Бет, и он заигрывал с ней при любой возможности, независимо от того, видел это Марк или нет. Похоже, ему особенно нравилось, когда Марк видел. «Да он просто дурачится, – обычно отвечал Марк, когда Бет говорила, что ей от этого некомфортно. – Он так развлекается, потому что знает, что тебя это заводит». Бет несколько по-другому представляла развлечения, и ей не хотелось иметь такого друга как Джек, но она понимала, почему Марк не выступает, хотя это приводило ее в ярость.

Бет наблюдала за Джеком – он обошел автомобиль спереди и остановился у передней пассажирской дверцы. Когда он открыл ее, из салона показалась пара длинных женских ног. Бет не узнала девушку, которая появилась вслед за своими ногами, но была уверена, что вспомнила бы ее, если б когда-то видела раньше. Длинные светлые волосы падали на роскошную грудь, едва прикрытую маленьким обтягивающим платьем. Бет стало холодно при взгляде на нее. Боже, как же эта девушка, наверное, замерзла! Она пошла неровной походкой, и Бет решила, что ей должно быть тепло от выпитого алкоголя.

Кто она такая? Бет не слышала, чтобы Джек упоминал какую-то подругу. В любом случае сегодня предполагался мальчишник, а это создание, по виду напоминающее проститутку, очевидно, не учло

этот момент. Бет наблюдала за приближавшейся к двери парой, потом они четыре раза постучали и проскользнули внутрь, и их проглотила тьма.

Теперь Бет просто не могла уйти. Ей требовалось выяснить, кто эта таинственная, так легко одетая девица, и что она здесь делает сегодня вечером. У Бет дрожали ноги, но она приблизилась к зданию, стараясь не привлечь к себе внимания.

Окна склада давно были заколочены изнутри, доски частично сгнили, но все равно закрывали обзор. Бет не потребовалось много времени, чтобы найти дыру размером с кулак в одной из досок. Ее было достаточно, чтобы заглянуть внутрь. Но больше времени ушло на то, чтобы набраться смелости, прижаться лицом к доске и посмотреть во тьму внутри здания.

Казалось, прошла целая вечность перед тем, как ее мозг обработал сцену, открывшуюся глазам. Электрический свет не включали, но бывший склад освещался сотней свечей, они были разных форм и размеров и отбрасывали странный свет на просторное помещение. Зловещий и жутковатый! В центре помещения стоял большой стол прямоугольной формы, покрытый черной материей. Его можно было рассмотреть только благодаря свечам, которые стояли вдоль каждой стороны. Их пламя дрожало и отражалось от бокалов, наполненных темной жидкостью. Вокруг этого центрального предмета стояли резные дубовые стулья. Они пустовали, а те, для кого они предназначались, предпочитали переминаясь с ноги на ногу вдоль стен склада.

Определенно было непохоже, что сегодня вечером здесь собираются играть в покер, только Бет никак не могла понять, на что это похоже. Парни, которые по одному заходили в здание, теперь надели длинные черные мантии с капюшонами, лиц было не видно, и создавалось впечатление, что там, где должны быть лица, зияют темные дыры. Бет попыталась найти Марка, но это оказалось невозможно. Они все казались одного роста и телосложения. Парни стояли по двое и по трое, маленькими глотками потягивали темную жидкость из бокалов («пожалуйста, господи, пусть только это будет не кровь!» – пронеслась безумная мысль), другие курили, глубоко затягиваясь. Даже находясь снаружи, на холоде, Бет ощущала царившее внутри напряжение, оно накатывало волнами, его источали

все в здании. Что-то должно было случиться – нечто большее, чем игра в карты. Она это чувствовала.

Где девушка? Бет осталась посмотреть на нее, хотя на мгновение ей показалось, что гостья совсем не имеет значения – так ее поразила странность разворачивавшейся сцены. Кто-то что-то произнес – короткий приказ резким тоном, хотя Бет не разобрала слов. Несколько голов в капюшонах повернулись к углу помещения, другие, казалось, наоборот, избегали туда смотреть. Бет напрягла зрение, чтобы рассмотреть, что там происходит, но развевающиеся мантии закрывали ей вид.

Тот же голос заговорил опять – тихо, но приказным тоном, и Бет узнала Джека. Другие просто подчинились. Каждый занял свое место за столом, и Бет поняла, на кого они смотрели. На девушку.

Глава 52

– Мне кажется, тут какая-то ошибка. – После того как шок уходит, я беру себя в руки и качаю головой. А я вообще туда пришла? – Это редакция газеты «Стар»?

– Да, она самая, – кивает в ответ мужчина, заявляющий, что он и есть Ник Уайтли. – Единственная и неповторимая.

Сейчас я не понимаю, что происходит, но знаю, что должно быть какое-то разумное объяснение происходящему.

– Я ищу человека, с которым у нас общие дела. Он здесь работает. Здесь работает еще один Ник? Высокого роста, короткие темные волосы, яркие голубые глаза, модно одет.

Я вижу, что мужчина передо мной не понимает, о ком идет речь. Девушка вышла из-за стойки и тихонечко приводит в порядок газеты на столике рядом с нами. Вероятно, пытается выяснить, что происходит. Я помню, как в офисе важны сплетни.

– Нет, простите, я не знаю ни одного человека, которому подошло бы такое описание. Терри? – Он поворачивается к девушке и дает ей таким образом понять, что знает, зачем она подошла.

– Я бы запомнила такого мужчину, – пожимает плечами она. – Мне очень жаль.

– Как вы представились? – спрашивает он, и тут я понимаю, что он точно знает, кто я такая.

– Я не представлялась. Простите, вероятно, попала не в то место. Моя ошибка.

Я встаю и сбегую, пока ни один из них не задал мне больше ни одного вопроса.

* * *

Возвращаюсь в машину и понимаю, что я в шоке. У меня крутит живот, сдавливает горло. Ник врал мне все это время. Я такая дура, поверила, что он тот, кем представляется. Я пустила совершенно незнакомого человека в свою жизнь. Ощущение, будто у меня был

мужчина на одну ночь, и я так напилась, что даже не помню, кто он. А теперь я не представляю, куда идти и что делать. Мне следует отказаться от поисков и пойти в полицию? Не думаю, что я могу сделать это без Ника. Есть труп, и дело стало слишком серьезным.

Я еду дальше по улице и останавливаюсь в месте, где поблизости нет журналистов, чтобы собраться с мыслями. Если Ник не Ник Уайтли из «Стар», то кто он тогда? Он друг Марка? Боже, может, он вместе с ними учился в университете, был даже одним из представителей даремской элиты. Вполне. Он мог подстроить сцену с вином и аспирином, чтобы я поверила, будто схожу с ума. Он вломился в мой дом? *Убил бездомного кота?* Но именно он убедил меня, что то, во что я хочу верить, имеет смысл, он поддерживал меня, он заставил меня считать, что нужно отомстить. Почему он это делал? Чтобы попытаться меня напугать? Находиться рядом, чтобы выяснить, что мне известно? И стоило нам подобраться к правде, как Кристи Райли убивают в собственном доме. *Вероятно, всего через несколько минут после того, как я оставила сообщение на автоответчике Ника, заявив, что я знаю, кто она?*

Телефон издает сигнал у меня в кармане. «Ник?» Нет, не он. На экране мигает имя «РОБ». «Как вы? Х». Я засовываю телефон назад в карман. Сейчас у меня нет времени на Роба Хоуи, я могу думать только о том, что мне делать с Ником.

Больше всего на свете мне хочется доехать до его дома и встретиться с ним лицом к лицу, наорать на него и потребовать объяснений, но дело в том, что он может быть опасен или может быть сумасшедшим, вероятно, и то и другое одновременно. По меньшей мере, он лжец и очень умелый. Хотя я ни разу не ставила под вопрос то, кем он представлялся. Но, если вспомнить нашу первую встречу, я даже не уверена в том, что говорила ему. Я сама могла сказать ему, что он журналист. Он может быть кем угодно. Вот дерьмо собачье, куда же я вляпалась-то?

Нет, я не могу вернуться к нему домой, – решаю я. У меня там осталось мало вещей, и всеми я могу пожертвовать ради собственной безопасности. И у меня в машине все еще лежит какая-то одежда и туалетные принадлежности. Нужно поехать в какое-то безопасное место и решить, обращаться в полицию или нет с тем, что мне известно на настоящий момент. Домой я точно отправиться не могу.

Ник знает, где я живу, а если он в этом деле вместе с Марком, то, несомненно, уже передал тому всю информацию. К папе? Не думаю, что он станет возражать, но мне не хочется подвергать его опасности, не говоря уже о том, что не хочется рассказывать про смерть Кристи Райли и про то, что я узнала про Ника. Я не в том настроении, чтобы серьезно обсуждать мою недалёковидность, когда дело касается красивых мужчин. Да, не разбираюсь я в них. Единственный реальный вариант – Кэсси. Я уже чувствую себя отвратительно из-за того, что не держала ее в курсе событий последние несколько дней. Все происходило так быстро. Могу ли я сейчас попросить разрешения пожить у нее дома?

Я думаю обо всем, через что мы прошли вместе, и понимаю, что она нормально воспримет мою просьбу. Она моя лучшая подруга, а после того, как я расскажу ей, в какой ситуации оказалась, она придумает, что делать. «Пожалуйста, господи, пусть она знает, что делать».

Глава 53

Бет: 20 ноября 1992 года

Девушка двигалась между одетых в черные мантии фигур, устроившихся у стола, наполняла их бокалы из бутылки с красным вином (слава богу!) и мило улыбалась каждому из них. Значит, это официантка. Бет вздохнула с облегчением. В этом весь Джек. Он не мог просто устроить вечер игры в покер, обязательно нужно было привести полуголую официантку и заставить всех облачиться в церемониальные мантии. По крайней мере, теперь Бет может уйти. Как только оторвет глаза от девушки.

Та двигалась с легкостью танцовщицы, чуть потерлась телом об одну из фигур, затем склонилась над этим парнем, чтобы наполнить его бокал. Из-под мантии показалась большая рука и провела по ее почти голому заду. Потом пальцы опустились ниже, отодвинули в сторону маленькую полоску ткани между ног девушки и исчезли там. Бет прикусила губу. «Это не Марк, – уверенно заявила она сама себе. – Марк любит меня. Это кто-то из его похотливых друзей».

Стриптизерша (Бет теперь так думала о ней) дернулась и быстро пошла дальше. Она двигалась скользящей походкой немного быстрее, чем раньше, приближаясь к месту во главе стола, где, как предполагала Бет, восседал Джек, и склонилась, чтобы наполнить его бокал. До того как девушка успела отступить, Джек схватил ее за локоть, подтянул ближе и что-то прошептал ей на ухо. Даже на таком расстоянии, глядя сквозь маленькую дырку, Бет увидела, как у девушки округлились глаза. Она уверенно покачала головой и попыталась вырваться, но Джек крепко ее держал. Он снова заговорил, теперь его скрытая под капюшоном голова приблизилась к ее голове, и он явно говорил более настойчиво. Девушка изменилась в лице, и Джек отпустил ее локоть. Выражение его лица было не рассмотреть, но казалось, все его тело источает победу. Девушка отступила в сторону, уставилась в пол и стала вытягивать руку из обтягивающего платья. Все головы повернулись, чтобы смотреть стриптиз, который она демонстрировала с явной неохотой. Девушка

действовала медленно, словно надеясь, что это шутка, что кто-то сейчас крикнет: «Хватит! Это был розыгрыш», но никто ничего подобного не крикнул.

Сидевший во главе стола парень встал, с грохотом отодвинув стул в сторону, схватил девушку и нетерпеливо дернул платье на себя. Бет видела, как у него в руках порвалась тонкая материя, и он отбросил платье в сторону. На девушке остались только маленькие узкие трусики. Бет не сомневалась, что девушка теперь жалеет об этом. Дело зашло слишком далеко. Ей вмешаться? Она сможет зайти в это помещение и уйти вместе с девушкой? Это будет просто? Бет сомневалась. Джек этого не допустит, да и в любом случае как она объяснит свое появление? Почему она пряталась в тени, шпионила за ними?

Может, стоит позвонить в полицию? Необязательно кому-либо сообщать, что это она. И никто не узнает. Но тогда у Марка возникнут проблемы? В любом случае является ли что-то из того, чем занимаются эти парни, незаконным? Бет своими глазами видела, как девушка приехала вместе с Джеком. Непохоже, что ее доставили сюда против воли. Теперь она снова подавала напитки, хотя и с меньшим энтузиазмом, чем раньше. А если все это – какая-то большая игра? Ведь полиция потом может ей самой предъявить обвинение за то, что вынудила их зря потратить время.

Теперь казалось, что атмосфера в помещении заметно изменилась. Висевшее в воздухе напряжение, ожидание чего-то и беспокойство исчезли, людям явно стало легче дышать. Настроение изменилось! Парни радовались при виде фланирующей между ними обнаженной девушки, их пьянил ее вид. Девушка следила за тем, чтобы бокалы были наполнены, но теперь она взяла на себя еще одну роль – подавала сигареты и держала бокалы у губ пьющих. Озорные и легкие шлепки по попе становились вульгарными, никто больше не делал это украдкой. Из мантий появлялись руки, хватали девушку за обнаженное тело, щипали и лапали, как хотели. Бет видела, что парни очень довольны собой. О таком поведении в общественных местах они не могли и мечтать, а за этим столом оно определенно поощрялось.

Девушка нагнулась к одному из бокалов на столе, и в это мгновение парень, сидевший рядом, вытянул руку и грубо схватил ее.

Она замерла на месте, на ее красивом лице появился страх. Капюшон повернулся к груди девушки и прижался к ней. Когда парень отпрянул назад, на голой груди девушки остался ярко-красный след, кожа казалась скользкой от слюны. Это был Марк? Бет больше не могла на это смотреть.

Человек во главе стола снова заговорил, и помещение погрузилось в тишину. Судя по тону, это опять был приказ, и обращался он явно к девушке, потому что она сразу же пошла к нему и встала рядом. Мужчина схватил ее за густые светлые волосы и грубо прижал лицом к столу. Бет дернулась и съежилась, услышав глухой стук, когда лицо ударилось о деревянную поверхность. Звук долетел даже до того места, где она стояла! Человек во главе стола жестом приказал сидевшему рядом с ним парню встать и подойти к девушке сзади. Бет увидела, как черная мантия приоткрывается спереди, а потом ее полы скрывают часть стройного женского тела. Бет знала, что будет дальше, и больше не могла на это смотреть. Она судорожно хватала ртом воздух, слезы текли у нее по щекам. Она развернулась и побежала во тьму.

Глава 54

Дом Кэсси во многом напоминает ее саму – безупречная чистота, ни пятнышка, на пике своей формы. Я не знаю, откуда у нее деньги и никогда не стану об этом спрашивать – узнав детали, я, вероятно, стану соучастницей какого-то преступления. Но каким-то образом она приобрела дом и машину менее чем через год после освобождения. Кэсси гордится тем, что это первое жилье, владелицей которого она стала без помощи мужчины. Хотя я очень сильно сомневаюсь, что она копила свою зарплату за работу в столовой в «Окдейле», чтобы внести первый взнос.

Вижу ее машину на подъездной дорожке и чувствую себя глупо из-за того, что так нервничаю перед встречей с человеком, которого вижу почти каждый день. Делаю глубокий вдох и стучу в дверь.

– Сьюзан? – Кэсси смотрит на меня подозрительно, увидев у себя на пороге. – Что ты здесь делаешь?

– Я в беде, Кэсс, можно войти?

Она не хочет меня впускать, и на мгновение у меня появляется безумная мысль, что у нее кто-то есть. «Ник?» Через пару секунд она кивает и открывает дверь пошире. В доме никого нет. Я становлюсь параноиком и схожу с ума. «Еще больше схожу с ума».

– Спасибо, – благодарю я, следуя за ней в гостиную.

– В чем дело? – В голосе Кэсси звенит лед, и я мгновенно жалею о том, что сюда приехала. Что-то между нами изменилось, и я знаю, что сама стала причиной этого.

– В Нике, – почти с неохотой отвечаю я.

Мне уехать? Отправиться к папе и признаться в своей глупости? Не знаю, почему я не говорю Кэсси про Кристи Райли, но по какой-то причине не хочу этого делать. Это не та Кэсси, которую я знаю и которой доверяю.

– В чем дело? Он не опустил крышку унитаза? Оставил крошки в кровати или, погоди-ка, это были мокрые носки на полу в спальне?

– Что ты несешь? Я с ним не сплю, если ты на это намекаешь.

Моя лучшая подруга смеется, но в ее смехе не слышно веселья.

– Я не намекаю, а говорю это, Сьюзан. Наверное, ты считаешь меня душой.

– Мы обе дуры, Кэсс, – устало отвечаю ей. – Мы на самом деле очень глупые. И я очень сожалею об этом.

Судя по выражению лица, Кэсси поставлена в тупик.

– Только не говори мне, что он женат. – Ее голос звучит холодно, но теперь в нем, по крайней мере, появилось любопытство.

– Понятия не имею. Он может быть женат, может быть вдовцом... черт, да он может быть голубым, я просто не знаю.

Рассказываю о своем посещении редакции газеты и о встрече с настоящим Ником Уайтли, лысым и старым. Когда я завершаю свой рассказ, Кэсси снова выглядит сильно недовольной, как и раньше, только раздражение усилилось.

– Когда все разваливается на части и золотой мальчик оказывается гнусным лжецом, ты бежишь ко мне, – ядовито выплевывает она. – От меня ты ждешь, что я склею все куски и при этом не стану повторять: «Ну, я же тебе говорила».

Я искренне удивлена злости в ее голосе. Я могу понять, что надоела ей, но это уже выходит за рамки.

– Я скажу это только один раз: да, Ник меня привлекает, но между нами ничего не было... Ну, как бы его там ни звали. Мне очень жаль, что мы с ним рванули в Дарем без тебя, я должна была быть постоянно на связи. Но это было сумасшествие, все случилось одновременно. Если б я знала, что ты ревнуешь... Мне даже в голову не приходило, что он тебе нравится...

Кэсси смотрит на меня с отвращением.

– Я думаю, тебе лучше уехать, – говорит она. У меня возникает ощущение, будто кто-то врезал мне кулаком в живот. Я не знаю, куда еще могу податься.

– Что? – глупо спрашиваю я.

– Просто уезжай, Сьюзан, – повторяет Кэсси, качая головой. – Я на самом деле надеюсь, что ты найдешь Дилана, и в твоей истории будет счастливый конец.

Подхватываю сумку и ухожу. Я обижена и озадачена. Да, я допустила ошибку, но неужели она стоит трех лет дружбы? Неужели от нашей дружбы нужно отказываться? Я устала, болят все мышцы. Хочу только рухнуть на кровать, любую кровать, и спать. Но не могу.

Мне придется пойти в полицию. Мне придется сдать, рассказать все про Дилана, Марка и даже Кристи Райли. По крайней мере, в тюрьме я буду в безопасности, там до меня не доберется никто из тех людей, кто хочет свести с ума или сделать кое-что похуже. Я устала, запуталась. Сажусь в машину и еду в ближайшее отделение полиции.

* * *

Проходит менее десяти минут, и у меня звонит телефон. На экране появляется имя «Ник», сердце начинает судорожно стучать в груди. Я смотрю на дорогу впереди, протягиваю руку к мобильному, отвлекаюсь на секунду от дороги, чтобы нажать отбой, и его звонок присоединяется к трем другим пропущенным вызовам. Телефон звонит снова. На этот раз на экране появляется «Папа».

– Папа, привет. Я сейчас за рулем, можно тебе перезвонить?

– Это срочно, Сьюзи. Ко мне только что приходили из полиции. Они хотят с тобой поговорить.

Сердце снова начинает учащенно биться, по телу растекается страх, грудь сжимает.

– Чего они хотят? Это связано с Марком?

– И да, и нет. Сюзан, они сказали, что убита какая-то женщина, и они хотели бы поговорить с тобой и с Марком в связи с ее убийством. Они считают, ее убила ты.

Проклятье. Как же я вляпалась?!

– Я ее не убивала, папа. Я не имею никакого отношения к смерти этой женщины.

– Конечно, не имеешь, дорогая, – заявляет папа с полной уверенностью. Я чувствую облегчение, которое разливается по всему телу. Если папа мне верит, то все будет хорошо. – Я просто хотел тебя предупредить. Что бы там ни происходило, женщина мертва, а я беспокоюсь за тебя. Что ты собираешься делать?

– Я не знаю, папа. Я боюсь.

Как хорошо иметь возможность вслух сказать о своих чувствах. Я так рада, что отец снова присутствует в моей жизни. Даже если я снова могу вернуться в тюрьму за еще одно преступление, которого не совершала.

– Я скоро позвоню тебе, – говорю я, пока папа не успел сказать что-то еще. – Думаю сдать полицию, все объяснить и надеяться, что они поверят моему безумному рассказу. Я тебе позвоню. Люблю тебя.

– И я тебя люблю, Сьюзан. Береги себя.

– Постараюсь, папа.

Сворачиваю на дорогу напротив парка, в котором гуляет много счастливых мамочек, весело играющих со своими детьми. На горке стоит недавно научившийся ходить малыш, который соскальзывает по желобу в руки маме и радостно смеется, потом снова быстро поднимается по ступенькам, и все повторяется. Я сижу и смотрю, представляю себя на месте этой мамы, а Дилан – тот маленький мальчик, который соскальзывает по желобу мне в объятия. Шепотом произношу молитву – найти его невредимым, чтобы я снова стала целым человеком, а не пазлом с одной недостающей деталью, не потушенной свечой, не матерью без ребенка.

Мобильный резко звонит в третий раз и выводит меня из транса. Смотрю на него сверху вниз. Этот номер я не узнаю.

– Алло?

– Это Сьюзан? – уточняет незнакомый женский голос. Ответа она не дожидается. – Это Маргарет. Маргарет Вебстер.

Я знаю, кто эта женщина. Хотя мы с ней никогда не встречались, она присутствовала в моей жизни на протяжении всего того периода, пока я состояла в браке. Она была заметна из-за своего отсутствия на свадьбе, при рождении внука, а потом на его похоронах. Маргарет Вебстер – моя бывшая свекровь.

– Маргарет? Что вы делаете в стране?

– Я живу в этой стране, Сьюзан, в Галифаксе. Я не знаю, что тебе говорил Марк, но я всегда здесь жила. И звоню тебе, потому что Марк исчез.

– Марк исчез? – злобно рывкаю я. – Вы меня удивляете. Скажите что-нибудь, что меня интересует.

И она говорит:

– Он отправился на поиски Дилана.

Глава 55

Марк: 27 ноября 1992 года

Что он здесь делает?

Марк снова и снова задавал себе этот вопрос, пока ехал сюда. Ему с трудом удалось убедить Бет не идти в полицию на прошлой неделе, и только с помощью Кристи. Бет пригрозила отменить помолвку, если она еще раз увидит его поблизости от этого места.

Но он снова здесь.

Марк всю неделю пытался объявить Братству, что уходит, но ему так пока и не удалось собраться с силами.

Сегодня. Когда вечер закончится, он скажет Джеку, что уходит навсегда.

Темное помещение медленно заполнялось фигурами в капюшонах, за последние несколько месяцев он уже привык к этому ритуалу. Он помнил тот вечер, когда Джек ввел мантии. Именно тогда все начало меняться, перекручиваться и искажаться, пока не осталось ничего, кроме извращенной и искаженной интерпретации Братства, в котором состоял прапрадедушка Джека. «Эле Толдот» – «Из поколения в поколение».

Джек, как и всегда, появился последним. Марк чувствовал себя некомфортно, переминался с ноги на ногу, то брал бокал с вином со стола, то ставил его назад, а между этими действиями вытирал влажные ладони о длинную мантию, ниспадавшую до пола. Расслабиться было невозможно, напряжение чувствовалось сильнее обычного. Бет считала, что он уехал на выходные навестить родителей, чтобы таким образом пропустить еженедельную встречу, пока не собрался с силами, чтобы сказать им, что завязывает. Тем не менее он стоял здесь, его тянуло на этот заброшенный склад, как наркомана к трубке с крэком.

– С тобой все в порядке? – Голос Мэтти ворвался в поток его мыслей и словно вернул назад на склад.

Только один Мэтт знал про его намерение выйти из Братства, и Марк все еще надеялся, что Мэтт уйдет вместе с ним. Мэтт

постепенно стал его лучшим другом, и еще он понял, что на самом деле представляет собой Джек. Марк считал, что Кристи тоже хочет, чтобы Мэтт вышел из Братства, но Мэтт был знаком с Джеком дольше, чем Марк и Кристи, да и Кристи не настаивала так, как Бет. Кристи все это время знала про «Эле», хотя насколько порочно и развратно Братство, выяснила только на прошлой неделе, когда к ней пришла Бет и сломалась. Но даже после этого она была готова принять его. Марк знал, Кристи – типичная содержанка. Он мог поклясться, что она поступила в университет только с одной целью – найти мужа, который обеспечит ей все привилегии даремской элиты. И она очень ценила отношения с Мэтти, поэтому не станет на него давить и принуждать сделать выбор. Кристи отличалась от Бет: у нее не было никаких нравственных принципов.

Воздух в помещении был пропитан напряжением, смесью возбуждения и страха. На некоторых лицах, которые ему удавалось рассмотреть под капюшонами, он видел мальчишескую радость, даже ликование, другие выглядели так, словно их вот-вот стошнит. Марк знал, что он не единственный, кого ужасает, во что превратилось Братство. Но он также знал, что ни у кого не хватит смелости уйти вместе с ним.

– Марк, я спросил, все ли в порядке, – повторил Мэтти тихим голосом.

– Все прекрасно, – ответил он, ничего не объясняя, потому что боялся, что его выдаст голос.

– Выглядишь дерьмово. Возьми себя в руки, или Джек сразу заметит, что что-то не так. Просто переживи сегодняшний вечер, и мы найдем способ сообщить ему, что ты уходишь.

Марк кивнул.

Просто пережить сегодняшний вечер. Проще сказать, чем сделать.

Глава 56

Кажется, проходит целая вечность перед тем, как до меня доходит смысл ее слов.

– Что он сделал? – глупо переспрашиваю я, хотя услышала все правильно. Мой бывший муж спятил. Он убил невинную женщину, и *он знает, где находится мой сын.*

– Мне очень жаль, Сьюзан. Я понимаю, что все это тебя шокирует, и мне бы не хотелось обсуждать этот вопрос по телефону. Да и времени нет. Ричард их сейчас ищет.

– Ричард? – быстро перебиваю я. – Ричард Вебстер? Отец Марка? Я не добавляю «умерший отец Марка».

– Да. Я слышу удивление в твоем голосе. – Она не ждет, пока я объясню, что именно меня удивило. – Ты можешь к нам сюда приехать, Сьюзан? Думаю, нам нужно поговорить.

– Куда «сюда»? Куда отправился Марк? Где все это время находился Дилан?

– Я не знаю, где находился Дилан, Сьюзан, и Марк не знает. Мне нужно тебе кое-что объяснить.

Она называет адрес в Галифаксе и объясняет, как их найти.

Просчитываю в уме, как быстро могу туда добраться. Дорога займет больше часа – за это время с моим маленьким мальчиком может случиться что угодно. Представляю Марка сидящим в машине с закрытыми окнами, выхлопные газы заполняют небольшое пространство – подобные образы проносятся в голове, но какой у меня выбор? К этому времени он может находиться где угодно. Здесь я ничего не могу сделать, только позвонить в полицию. Какова вероятность, что они поверят подозреваемой в убийстве женщине, если она скажет, что бывший муж отправился на поиски умершего сына, а мертвый свекор сейчас ищет их обоих?

Я принимаю решение.

– Еду. Буду, как только смогу.

– Вы их нашли? – спрашиваю я, как только Маргарет Вебстер открывает мне дверь через пятьдесят минут. Все это время я ехала с превышением скорости по всем ведущим сюда дорогам. Вероятно, стану банкротом после того, как мне пришлют штрафы со всех камер и сборы за пользование перегруженными участками дорог. И еще пожизненно лишат водительских прав. Я не жду, пока она пригласит меня в дом. Я даже не представляюсь. – Откуда он знает, где находится Дилан? Откуда он знает, что Дилан жив?

Я отталкиваю мать Марка в сторону. Дом очень красивый, просто идеальный. Это огромный отдельно стоящий дом, который мог бы служить выставочным образцом. При других обстоятельствах я бы рассмотрела тут каждую деталь. Но сейчас мне абсолютно все равно, я не обратила бы внимания, даже если бы стены оказались выкрашены расплавленным золотом, а дверь открыл обнаженный дворецкий.

– Никакой информации о них нет, – отвечает женщина, прикусывая губу, а ее глаза каждые несколько секунд смотрят на дверь. – Боже, тут так все запутано! Мне очень жаль, что все так получилось.

Она берет меня под локоток и ведет в гостиную, где на стеклянном кофейном столике стоит чайник и две чашки. Похоже, что и очень богатые люди ставят чайник, если складывается трудная ситуация.

– К тому времени, как родился Дилан, мы уже много лет не разговаривали с Марком.

Маргарет наливает мне чашку чая и передает сахар. Насыпаю четыре ложки дрожащими руками. Горячий сладкий напиток меня немного успокаивает, хотя сильное ощущение чего-то ужасного не рассеивается. Я пытаюсь сказать себе, что Марк никогда не причинит Дилану зла, хотя последние несколько дней говорила себе, что он не мог принести зла своей бывшей невесте, а после этого он убил жену лучшего друга. Забыть об этом я не могу.

– Почему? – спрашиваю я.

– Он не желал иметь с нами никаких дел. – Женщина выглядит обиженной, когда вспоминает об этом. Чувствую, как на меня снова накатывает злость, но стараюсь сдерживаться. Несмотря на все, что эти люди со мной сделали, единственное, что играет сейчас роль –

безопасность моего сына. С остальными эмоциями и кучей дерьма можно разобраться потом. – Все началось со смерти Бет.

– Вы знаете про Бет?

Глупый вопрос. Естественно, она знает. Это же мать Марка, которая его растила, кормила, одевала, пела ему колыбельные, чтобы он уснул, и утешала после того, как он жестоко убил свою невесту.

– Какое-то время Бет была практически членом семьи.

Ого!

– В ту ночь, когда она умерла, Марк примчался сюда примерно в два часа. Он рыдал, был просто в истерике и что-то лепетал про Братство. Ричард отвел его в свой кабинет, явно считая, что там я их не услышу, но я все равно подслушивала. Марк рассказал Ричарду, как убил Бет. Он не знал, что это она, все получилось случайно. Он повторял и повторял, что *не знал*. Марк хотел пойти в полицию, но Ричард пресек эту мысль на корню. Он отправил его назад в Дарем и сказал, что со всем разберется. На следующий день, когда нашли тело Бет, полиция рыскала везде. Они хотели поговорить со мной, с Ричардом, с Марком. Потом они исчезли. Через три недели расследование было закончено, а мне оставалось только собирать осколки.

– Как вы могли притворяться, что не знаете?

Маргарет пожимает плечами.

– Проще, чем ты думаешь. У меня был выбор: или притвориться, будто я ничего не слышала, или разбить нашу семью, запятнать наше имя и отправить единственного сына в тюрьму.

Ну, если представить это *так*...

Маргарет встает и идет к окну, ища глазами мужа и сына. Ну хоть какой-то знак!

– Марк сломался, – продолжает она, голос звенит от переполняющих ее эмоций. – Он не мог продолжать учебу в университете, у него был нервный срыв. Как обычно, вмешался Ричард, заплатил кому надо и решил все вопросы. Даремский университет разрешил Марку учиться дистанционно, сын вернулся к нам. Только на самом деле мы получили назад не Марка. К нам вернулся совсем другой человек, и больше он никогда не был таким, как прежде. Он ненавидел Ричарда, ненавидел то, как отец решал все вопросы, брал все под контроль. Было ясно, что Марк винит отца в

том, что тот не дал ему в ту ночь пойти в полицию. Марк съехал от нас и говорил всем, что Ричард мертв. Со мной он обошелся помягче – я эмигрировала в Испанию. – Она усмехается, но безрадостно. – Ричард все это время надеялся, что Марк вернется. Он продолжал ежемесячно отправлять Марку деньги на карманные расходы, пока тот не сказал: не прекратишь – расскажу всем, что случилось с Бет.

Деньги, которые я видела на сберегательном счету, были *ежемесячными* платежами на карманные расходы сына? Боже, я знала, что у Марка богатые родители, но даже примерно не представляла, насколько. «Кровавые деньги, – говорю сама себе. – Деньги, благодаря которым без вопросов исчезают трупы и воруют сыновей у матерей».

– А какое все это имеет отношение ко мне и моему сыну? – спрашиваю я, чувствуя, как мой гнев снова усиливается. Эта женщина ожидает, что я стану ее жалеть? Я только что выяснила, что провела последние четыре года своей жизни без сына, *хотя он был жив*, а она жалуется, что ее драгоценный выпускник Даремского университета отказывался принимать деньги на карманные расходы?

– Мы не видели Марка пятнадцать лет, и вдруг четыре года назад он возник у нас на пороге, чтобы рассказать, что случилось с Диланом. *Целых пятнадцать лет*. Ты считаешь, тяжело выдержать четыре года? Умножь на четыре и поймешь, через что прошла я, Сьюзан. И вот в один прекрасный день он появляется, сжимая в руке фотографию самого красивого ребенка, которого я только видела. Марк практически ворвался в дом, чуть не снес входную дверь и рявкнул на меня, что ему нужно поговорить с отцом. Когда они снова появились через час, Ричард сказал, чтобы я никому никогда не упоминала, что он был здесь. Сказал, что у матери ребенка психоз, она страдала от послеродовой депрессии и убила ребенка.

– Я никогда не стала бы угрожать своему сыну, – шепчу я, но очень эмоционально. – Я люблю своего сына.

– Я так и подозревала, – спокойно отвечает Маргарет, отходя от окна и снова усаживаясь напротив меня. – И даже после того дня Марк продолжал злиться на отца из-за случившегося в университете. Похоже, сейчас злится еще больше. Неделю назад он снова сюда примчался, орал, говорил про тебя, про фотографию, которую тебе прислали. После этого здесь стали появляться незнакомые люди. Я

уверена, это частные детективы. Вначале я не знала, что происходит, но потом подслушала достаточно, чтобы понять. Они искали Дилана.

– Мне все говорили, что я его убила. – У меня по щекам текут холодные слезы, собираясь на ключице. – Как они могли его искать?

Наконец Маргарет смотрит на меня, и ее глаза полны жалости.

– Говорят, деньги развязывают языки, но это не всегда так, Сьюзан. Иногда деньгами покупают молчание.

– Что это значит? Что вы за люди такие? Почему вы ничего не сказали?

– Было слишком поздно. Я не знала всей правды, знала недостаточно, чтобы с уверенностью говорить, что Дилан жив, а ты невиновна. И правда еще раз угрожала убить нас. Если быть абсолютно честной, я вела себя эгоистично. Сын вернулся в мою жизнь, и я была ему нужна. Если ты нужна своему ребенку, Сьюзан, ты от него никогда не откажешься.

– У кого, по мнению Марка, находится Дилан? Куда он отправился?

Судя по виду Маргарет, она предпочтет вырвать себе язык, но не говорить дальше. Мне плевать на ее чувства. У меня в голове проносится масса вопросов, но эта женщина не может на них ответить. Почему фотография заставила Марка думать, будто Дилан жив, если он сам нашел его мертвым в нашем доме? Кто, по его мнению, забрал Дилана и каким образом? *Зачем кому-то забирать моего ребенка?*

– Я не знаю. Прости. Марк заявился сюда сегодня утром, орал, что ты узнаешь правду, что он знает, где находится Дилан и кто его забрал. Он прыгнул в машину до того, как мы смогли его успокоить, и куда-то умчался. Ричард сразу же начал ему звонить, но Марк не отвечал и исчез.

– Откуда он вдруг узнал, где Дилан? Ради всего святого, Маргарет, с кем он разговаривал? Что он выяснил? Где он, черт побери?

Как раз в этот момент у меня в сумке вибрирует телефон. Запускаю руку в сумку, достаю мобильный, и у меня кровь стынет в жилах, когда вижу текст сообщения. Оно от Роба: «Я нашел Марка и знаю, где Дилан. Приезжай». И адрес в Дареме.

Вскакиваю на ноги, хватая сумку. *Он знает, где Дилан.*

– Что? Куда ты? – спрашивает Маргарет, у нее на лице написан страх.

– Я собираюсь вернуть себе сына.

Глава 57

До места, адрес которого мне сообщил Роб, ехать полтора часа. На всем пути мое сердце сжимается от страха. Маргарет хотела, чтобы я подождала Ричарда, и они поехали со мной, но я не могу представить сценарий, при котором эти люди могли бы улучшить положение вещей. Я не могу положиться на Кэсси и Ника, и поэтому я одна. Но ничего, сделаю все сама. Я долго сомневалась в себе, в своем здравомыслии, в своей нормальности и силе характера. Сомневалась в себе как в женщине, матери и просто человеке. Какой человек может убить собственного сына, а потом просто... взять и забыть?! Черт! Теперь все изменилось. Я больше не та женщина, которая совершила ужасное злодеяние. Я – женщина, у которой забрали сына, я – женщина, которая не сдастся, пока мой ребенок снова не окажется в моих объятиях. Я не боюсь за себя, я боюсь опоздать. Только бы не оказалось слишком поздно для моего сына!

Во время этого путешествия я много раз задумываюсь о том, что сделаю, если Марк нашел Дилана, если он предложит вместе бежать. После всего того, через что мне из-за него пришлось пройти, задумываюсь, могу ли я пойти на это. Повернуть стрелки часов назад и снова стать семьей, забыть последние четыре года и начать все с чистого листа с мужчиной, которого я любила. Мне стыдно признаться, но я обдумываю этот вариант. Вот так – он нашел нашего сына, и жизнь становится, как раньше.

К тому времени, как я останавливаюсь перед заброшенным складом, к которому меня направил Роб, дневной свет сменяется наполненной туманом густой тьмой. Интуиция подсказывает, что я сделала большую ошибку. На навигаторе мигает красная точка, показывая, что я добралась до места назначения. Но как это может быть тем местом, куда мне нужно? Неужели Марк привез нашего сына сюда?

Я вижу огромное разрушающееся здание в лунном свете. Черные квадраты на фасаде старого строения из серого кирпича закрывают те места, где когда-то зияли оконные проемы. Дверь огромная – может заехать грузовик. Я осматриваю деревья по обеим сторонам

подъездной дороги, пытаюсь разглядеть, нет ли здесь кого-то еще. Нет ни машин, ни адвоката, ни моего бывшего мужа, никто меня не ждет и не приветствует. А Роб вообще сказал, что Марк будет здесь? Достāju мобильный. Его сообщение все еще висит на экране, координаты те же самые – перед домом Маргарет я вбила именно их. Это место, которое мне нужно. Я будто чувствую толчок и, поддавшись порыву, нажимаю «Вперед», прокручиваю контакты у себя в телефоне, пока не вижу номер Кэсси. Она находится в четырех часах езды отсюда и не желает меня видеть, но здесь что-то не так, и я не хочу заходить в здание, не поставив никого в известность. Я же смотрела фильмы.

Но решение принято. Если есть хоть малейший шанс, что внутри я узнаю о том, что случилось с Диланом, я ни в коем случае не поверну назад.

У меня под ногами хрустит гравий, звук захлопывающейся дверцы машины очень громкий – все, кто находится поблизости, оповещены о моем присутствии. Значит, Роб, ты знаешь, что я здесь, теперь твой шаг.

Изо рта идет пар, я обнимаю себя руками, тру ими тело, чтобы стало хоть немного теплее. Теперь жалею, что не подумала об одежде. Джемпер у меня такой тонкий, что я вижу, как вставшие дыбом волоски у меня на руках проглядывают между нитей.

Потускневшая вывеска над дверью оповещает, что здание когда-то принадлежало некоему Дж. К. Стэнли. Задумываюсь об отношении мистера Стэнли к полам с подогревом – и почему-то думаю, что он не считал нужным их устанавливать.

– Привет! Роб? Марк?

В здании тихо, все вокруг неподвижно, и звук моего голоса кажется чужеродным в этом месте. Создается впечатление, что громко говорить здесь неправильно, как в библиотеке.

Запираю дверцу машины и быстро иду в здание, не хочу оставаться на открытом пространстве больше, чем необходимо. Как уже говорила, я смотрела фильмы. Подойдя достаточно близко, чтобы прикоснуться к тяжелой деревянной двери, я вижу, что она висит только на одной петле и немного покорежена. Проем между нею и косяком достаточно большой, чтобы человек мог пробраться внутрь. Держась за косяк обеими руками, я протискиваюсь во тьму – и оказываюсь на полу с другой стороны.

По стенам склада пляшут тени, место напоминает пещеру, которая освещается только оранжевым огнем, который горит в черном металлическом мусорном баке в центре помещения. Кто-то здесь есть.

– Роб? Марк?

Мой голос эхом отдается от стальных опор и балок, ударяется о пыльный бетонный пол и уходит во тьму за языками пламени.

– Сьюзан. – У меня перехватывает дыхание, я делаю шаг назад и врезаюсь каблуком в сломанную дверь. – Сьюзан, я здесь.

Мой муж спешит ко мне из тьмы. В мелькающих языках пламени и в дыму он кажется более худым и изможденным даже по сравнению с тем, как выглядел всего несколько дней назад.

– Где Дилан? – спрашиваю я. – Почему ты захотел встретиться со мной здесь? – Мне сложно принять тот факт, что Дилану уже четыре года. Не укладывается это у меня в голове! Я все еще жду, что Марк передаст мне в руки трехмесячного ребенка. Я когда-нибудь смогу принять, что столько времени было потеряно? – Где Роб?

Прижимаюсь спиной к влажной покореженной двери. Впервые после того, как я здесь оказалась, у меня неистово колотится сердце в груди, дышать тяжело, в горле комок. От дыма щиплет глаза. Господи, только бы не паническая атака. Не сейчас, когда я так близко подошла к разгадке, когда я нужна своему мальчику, возможно, больше, чем когда-либо раньше.

– Кто такой Роб?

– Роб Хоуи, начальник Рейчел. Адвокатская контора «ЗБХ». Он сказал, что ты нашел Дилана.

– Роб Хоуи? – Марк хмурится. – Как он выглядит?

– Свободно спадающие, мягкие каштановые волосы, голубые глаза, шрам на шее.

– Черт! – тихо ругается Марк.

– В чем дело?

– Проклятье. Черт! Это не Роб Хоуи, Сьюзан, это... Боже, нет. Он сказал, что Дилан у него?

– Нет, не так прямо. Если он не Роб Хоуи, то кто? – Когда моему мозгу пришлось выбирать между паникой и злостью, он выбрал злость. Хотя бы в этот единственный раз моя неисправная проводка решила поработать на пользу. – Кто он такой, и что сделал с моим сыном?

Ноги автоматически несут меня вперед, подпитываемые яростью, пока я не оказываюсь в нескольких дюймах от мужчины, которому доверила свою жизнь.

– Богом клянусь, Марк, или ты мне объясняешь, что происходит, или я...

– Джек.

Я никогда не встречала никакого Джека. Я не знакома ни с одним Джеком.

Марк опускает глаза в пол, словно внимательно изучает пыльный бетон.

– Есть вещи, которые ты не знаешь, Сьюзан, про меня, про Джека и...

– Я знаю все про Бет. – Он сжимается от звука ее имени. – Я знаю, что с ней случилось.

– Ты это слышал, Марк? Она знает.

Голос спокойный и знакомый, я оглядываю помещение в поисках той, которая произнесла эти слова. Я не вижу ничего за дымом и языками пламени. Огонь трещит, искры и пепел падают на пол.

Глаза Марка осматривают тьму в поисках хозяйки, как и мои.

– Выглядит несколько иначе без столов и стульев, правда? Прости, Шекс, я не смогла точно воспроизвести сцену. Думала об этом, но мне показалось, что будет несколько мелодраматично.

Я вижу движение в углу помещения, и женщина выходит из тени на освещенный огнем участок.

– Дженнифер?

Марк словно давится этим словом, а я пытаюсь вспомнить, где же видела эту женщину раньше. Затем я вспоминаю. Дженнифер... библиотека... лучшая подруга Бетани...

У меня такое ощущение, будто я вижу ее впервые и при этом знала много лет. Она покрасила длинные волосы цвета грязный блонд в сочный рыжий, а толстые черные линии вокруг глаз наводила явно дрожащей рукой. Но сейчас я вижу ее не стоящей в свете огня, окруженную дымом и летающим по воздуху пеплом. Я вижу ее в дверном проеме нашего с Марком дома, ее силуэт на фоне яркого солнечного света днем, я слышу ее голос: «Миссис Вебстер?» Это было в тот день, когда моя жизнь закончилась.

– Ты приходила в мой дом. В тот день ты приходила в мой дом.

Улыбка на тонких губах.

– Немного поздновато для воспоминаний.

– Что ты там делала? Что ты делаешь *здесь*? Где Роб? Где мой сын?

– Роб – это не Роб. Может, все совсем не так, как кажется. Ты никогда не задумывалась об этом, Сьюзан? Может, черное – это белое, а низ – это верх. Может, «ЗБХ» означает Зара, Брэтбери и Хоуи, а мужчина, которого ты видела, – кукловод. Может, у тебя нет сына. Может, ты его убила.

Дженнифер говорит небрежно, словно все это для нее ничего не значит. Она безумна. Дилан у нее? Девушка подходит поближе, и я чувствую резкий запах свежей краски. Она держит в руках маленький серебряный предмет. Зажигалку.

– Я думаю, мы все знаем, что это неправда. – Стараюсь говорить ровным голосом, не выдать свой страх, от которого парализовало ноги. Чувствую, как струйка пота катится вдоль позвоночника вниз. – Я вся внимание, Дженнифер. Разве ты не этого хотела? Фотография, Кристи Райли... все это?

Судя по лицам их обоих, они поставлены в тупик. Очень хорошо, пусть побудут в замешательстве. Я в таком состоянии прожила четыре года.

– Какая фотография? – уточняет Дженнифер.

– Что там с Кристи? – одновременно с ней спрашивает Марк.

– Ха! Похоже, я не единственная, кто не в курсе всего.

– Райли мертва, – объявляет Дженнифер. – На самом деле они оба мертвы. Ты считал себя таким умным, Билли, помогая Мэтту исчезнуть. Если б он только подождал, пока Кристи и маленькие принцессы смогут к нему присоединиться. Проявил бы немного терпения. Так нет же, совесть его замучила, он решил найти меня. Джек не допустил бы этого.

– Мэтти мертв? – У Марка искажается лицо, он закрывает глаза словно от боли. – Проклятая сука. – Марк открывает глаза и бросается на нее.

– Эй-эй, потише, парень! – Дженнифер поднимает зажигалку, щелкает ею и освещает свое лицо. Марк резко тормозит. – Одним больше, одним меньше, какая разница? Бетани, Кристи, Дилан. Это все сопутствующие потери. Из поколения в поколение, так ведь? Все, что

угодно, только защитить Братство. Скорее, защитить собственные задницы. Но не на этот раз. Однажды я тебя вернула, Марк, но этого недостаточно.

– Почему ты не сказал мне, что Мэтт Райли был твоим лучшим другом? – Адресую вопрос Марку, но не свожу глаз с Дженнифер. – Почему ты никогда про него не рассказывал?

Марк качает головой.

– Мэтти и Кристи – люди из того периода моей жизни, про который мне никогда не хотелось говорить. Я не хотел, чтобы ты про него слышала. Я не хотел путаться в сложных объяснениях, или чтобы кто-то из нас случайно проговорился и упомянул... случившееся. Я просто хотел защитить тебя, Сьюзан.

– Ах ты, господи! – врывается голос Дженнифер. – Может, Марк не так прост, не сразу заметишь? Ты удивишься, Сьюзан, узнав, что мы с ним в университете были любовниками?

– Нет.

Эта новость должна удивить, но не удивляет. Откуда мне это знать?

– Нет, конечно, нет. Я тебе один раз уже говорила об этом. Я знала, что ты вспомнишь. Но несколько поздно, Сьюзан.

Она говорит это таким тоном, каким ребенку объявляют, что он опоздал на обед. «Что она имеет в виду? Когда она мне говорила?»

– Мы не были любовниками, – выплевывает Марк. – Я один раз допустил глупую ошибку. Самую большую ошибку в своей жизни. Ошибку, которая испортила все.

Дженнифер его полностью игнорирует и ведет себя так, словно он не произнес ни слова.

– Она все вскоре вспомнит, Марк. И тогда возненавидит так, как тебя ненавижу я. Должна сказать, мне очень жаль – в смысле, что тебя не будет рядом с ней, чтобы это увидеть, но я всегда знала, что к этому все придет, даже если не знал ты. Я наконец могу тебе объявить: я тебя ненавижу.

– Дженнифер, пожалуйста. – Голос Марка напоминает писк. Я умоляю его глазами, пытаюсь донести до него, что нужно молчать. Мне нужно подумать, если Марк продолжит говорить, она может нас убить.

Дженнифер корчит гримасу, глядя на меня.

– Серьезно, Сьюзан, что мы в нем нашли? Уверена, что сама не хочешь это сделать? Не думаю, что кто-то станет тебя винить. Может, нам даже удастся убедить полицию, что в этом случае не нужно вторично судить за одно и то же преступление. Я знаю, за одно и то же преступление два раза не судят, но тут же другой человек, и вообще око за око, да? Ты уже отмотала срок... – Она протягивает мне зажигалку, я колеблюсь. Она полностью сошла с ума. Думает, я его убью? Позволит мне просто взять зажигалку? Она смеется и отводит руку назад. Я упустила свой шанс. – Нет? Если честно, я тебя не виню. Убийство меняет. Для того чтобы забрать чужую жизнь, нужно быть на самом деле больным на голову. Правда, Марк?

Марк стонет и закрывает лицо руками.

– Так, ну-ка иди сюда. Хороший мальчик. – Дженнифер поднимает что-то с пола у огня. Наручники. Она подготовилась заранее. – Надевай один на руку. Вот так, а теперь двигай к стене.

Я не могу четко рассмотреть стену. Марк колеблется, Дженнифер делает два быстрых шага вперед и грубо хватает его за руку. Физически она вроде бы ему не соперница, но или она сильнее, чем выглядит, или он совсем не оказывает сопротивления, потому что начинает двигаться. Отвожу одну ногу назад. Я собираюсь сбежать и надеюсь позвать кого-то на помощь до того, как Дженнифер что-то с ним сделает.

– Даже не думай бежать. – Не знаю, как она заметила мое движение в темноте и сквозь пелену дыма. – Я подожгу этот склад до того, как ты успеешь сделать еще один шаг. Готова поспорить: вот эта жидкость сработает быстрее, чем ты. Давай вон туда и побыстрее. Когда твой любовничек поймет, где ты, мне придется беспокоиться не только о вас двоих.

Я понимаю, что она говорит про Ника, но решаю не говорить, насколько маловероятен подобный сценарий. Ник не придет меня спасать. Я молюсь богу, чтобы Кэсси получила мое сообщение и полиция уже направлялась сюда.

Марк смотрит на меня, и у него в глазах появляется нечто напоминающее надежду. «Он ей верит, – понимаю я. – Он на самом деле думает, что нас спасут». А я не могу поверить: благодаря ему все случилось, он повел нас по этой дороге и теперь считает, что я буду

нас спасти? Мне очень жаль расстраивать тебя, дорогой, но я очень плохо разбираюсь в мужчинах. Помнишь...

– Вон туда. – Дженнифер показывает на шлакоблоки стены. – Там труба. Один наручник на руку, второй на трубу. И еще есть одна парочка для дамы.

Марк делает то, что приказано, опускаясь на колени у стены. Я понимаю, что собирается сделать Дженнифер, и меня тошнит. До меня наконец доходит, какой запах я почувствовала, когда она появилась из тьмы. Это была не свежая краска, а уайт-спирит [\[46\]](#). Она собирается поджечь склад.

– Я туда не пойду.

Если я это сделаю, мы оба окажемся в ловушке в горящем здании.

Взгляд Дженнифер становится жестким, она в ярости.

– Быстро туда.

– Ты, вероятно, шутишь. Тебе придется убить меня.

Она плотно сжимает губы, закатывает глаза и нетерпеливо вздыхает.

– Хорошо.

До того как я успеваю понять, что она собирается сделать, Дженнифер поднимает руку, и моя голова раскалывается от боли.

Глава 58

Марк: 27 ноября 1992 года

Четыре громких удара в дверь сигнализировали о прибытии главаря. Марк почувствовал, как бледнеет, а в груди начало покалывать. Так начинается сердечный приступ? Через несколько секунд у двери оказался самый крупный парень в помещении. Марк сразу же узнал фигуру этого регбиста, правой руки Джекка Брэтбери, Адама Харви. Услышав, как дверь открывается, Марк ощутил тяжесть в груди, словно его сердце превратилось в кусок свинца.

Народ в помещении загудел. Как и всегда, Джек прибыл не один.

– Добрый вечер, джентльмены, – поприветствовал он собравшихся. Его голос отдавался от стен склада. – Вы, вероятно, гадаете, какой подарок я вам приготовил. Должен признаться, не такой, как обычно.

Он подтолкнул вперед сгорбленную фигуру, которую до этого придержививал. Было ясно, что девушка в отключке, потому что она сразу свалилась на пол и даже не предпринимала попыток встать. Подобного раньше не случалось. Обычно девушки, по крайней мере, осознавали происходящее и добровольно участвовали в играх Джекка, хотя бы вначале. Эта девушка явно ничего не хотела и участвовать просто не могла. На ней была надета такая же мантия, как и на всех собравшихся. Когда она упала на пол, мантия немного задралась, открывая голую кожу под ней. Голову ей закрывал черный капюшон, и в отличие от их капюшонов, он полностью скрывал ее лицо.

– Что с ней? Это собака? – спросил один из парней. Остальные захихикали. Джек рассмеялся.

– Хорошо, признаю: я придумал этот план в последнюю минуту. Так сложились обстоятельства. Да и я не мог просто так отпустить одного из своих парней, не устроив ему должного прощания.

В помещении опять начался гул. Кто уходит? О чем говорит Джек? У Марка возникло ощущение, будто его легкие наполнились свинцом. Джек знает?

«Расслабься, – приказал он сам себе, делая глубокие вдохи, но так, чтобы этого никто не заметил. – Он может говорить про кого угодно».

Джек переступил через девушку, валявшуюся на полу, и внимание всех в помещении внезапно перешло с нее на него. Все глаза следили за тем, как он шел к тому месту, где стоял Марк, парализованный от страха. Джек опустил тяжелую руку Марку на плечо немного сильнее, чем требовалось, склонился к Марку, и его губы оказались рядом с ухом Марка, которому было очень некомфортно.

– Ты думал, я не узнаю? Ты на самом деле думал, что я просто так тебя отпущу? – прошипел Джек. Кровь стучала у Марка в ушах, во рту пересохло, он не мог ничего ответить. – Ты никуда не уйдешь, – продолжал Джек, на этот раз громче. – Без должного прощания!

Группа парней вокруг них рассмеялась, напряжение стало спадать.

– Выстраивайтесь в очередь, парни, – давал указания Джек. Значит, обычной процедуры не будет. – Ты первый. – Джек вручил Марку маленький квадратный пакетик с презервативом и жестом показал на лежавшую на полу девушку. – Кто-нибудь, поднимите ее на стол.

Марк рискнул взглянуть на Мэтти, который упрямо смотрел в пол. Ноги сами понесли его к тому месту, где на столе девушка лежала с раздвинутыми ногами. Мантию с нее не сняли, капюшон так и закрывал лицо.

– Как мне возбудиться, если я даже не вижу, кого трахаю? – Марк попытался сделать голос беззаботным, но он дрожал и срывался.

– Не будь таким неблагодарным, – огрызнулся Джек. – Приступай. Мы тоже хотим. Все сделаешь – и можешь отправляться к своей малышке и забыть о нас. А если нет... Ну, Адам давно хочет начистить твою довольную физиономию, с тех пор, как нам было по пятнадцать.

Ему отчаянно хотелось отказаться, послать Джека к черту. Он хотел уйти со склада, пройти пешком до Тревельян-колледжа, схватить Бет и вместе с ней уехать как можно дальше от Даремского университета. Но он этого не сделал. Он шагнул к столу.

В последний раз. Всего один раз. Но даже он сам не верил в это, когда слова звучали у него в голове. Марк приподнял мантию и расстегнул джинсы.

Глава 59

У меня болит плечо в том месте, которым я ударилась, когда упала. Боль сильная, кажется, что плечо раскалилось добела. Эта боль распространяется вниз до самых пальцев. И еще внезапно появляется острая боль в правой части головы. Дженнифер так сильно ударила меня, что я отлетела назад к стене и теперь меня шатает, так что я ударяюсь головой о блоки. Боже, я и подумать не могла, что такая маленькая женщина может быть такой сильной, хотя после знакомства с Кэсси удивляться нечему. Мне следовало бы это знать. Дыхание у меня прерывистое – никак не могу привести его в норму. Я закрываю глаза и падаю, как мешок.

– Сьюзан! – Голос Марка доносится откуда-то издалека, словно нас разделяет толща воды. Я приземляюсь лицом в какую-то жидкость с отвратительным запахом. Уайт-спирит. Когда Дженнифер подожжет ее, из меня получится фейерверк, как на Ночь Гая Фокса [\[47\]](#). – Ты ее убила!

– Она жива. Правда, Сьюзан? Просто в шоковом состоянии.

Дженнифер говорит нетерпеливо, но я не могу ответить. Рот не слушается, все тело отказывается работать, у меня просто нет сил. Хочется лежать и не шевелиться, и пусть моя жизнь вытекает из меня на пол.

– Посмотри: она ударилась головой. У нее течет кровь! Это зашло слишком далеко, Джен, вызывай помощь. Я усвоил урок. Прости меня за то, что сделал с тобой, с Бет. Мне очень жаль. Очень. Прости.

Я чувствую ладони на своей руке. Меня тащат по полу. Наверное, я на какое-то время теряю сознание. Когда мне наконец удается наполовину приоткрыть веки, я уже сижу у стены, привалившись к ней рядом с моим бывшим мужем, правая рука пристегнута наручником к газовой трубе.

– Очнулась? – Боже, она все еще здесь. И я все еще здесь. Где Кэсси? Где полиция? По ощущениям, мы здесь всю ночь, но с тех пор, как я пробралась сквозь ту дверь, не могло пройти больше двадцати минут. – Сьюзан? Ты очнулась? Я хочу, чтобы ты кое-что послушала.

– Да, очнулась.

У меня пересохло в горле, слова вылетают с трудом. Как сильно она меня ударила? У нее свинцовые руки? Дыхание все еще неровное и прерывистое, я понимаю, что дым стал гуще и наполняет мои легкие и грудь. Кажется, голова набита пухом и перьями.

– Я очень рада тебя видеть. Я не хотела, чтобы ты пропустила эту часть. Финальную речь Марка. Он попытается спасти свою жизнь, может, и твою тоже, но свою в первую очередь. Пожалуйста, не забывай, что наш Шекспир всю жизнь был бесхребетным ублюдком, и это уже не первый случай, когда он готов подставить тебя, чтобы спасти свою шкуру. Правильно, Шекс?

«Шекс».

Я никогда раньше не слышала старое университетское прозвище Марка, но теперь, когда оно слетело у нее с губ, слово кажется таким знакомым, словно я все это время его знала.

– Ты так его называла. Ты так его называла, когда пришла в наш дом. Зачем ты приходила, Дженнифер? Что ты хотела мне рассказать? Что там было такого ужасного, раз мой разум заблокировал эту информацию на целых четыре года?

– Теперь ты хочешь слушать? – Она буквально выплевывает эти слова на меня. – Теперь ты хочешь, чтобы я тебе все рассказала? Ты же раньше не хотела со мной разговаривать, Сьюзан. Не хотела, когда я пришла, чтобы предупредить тебя о том, что собой представляет твой муж. Ты *набросилась* на меня.

В мое сознание врывается образ, причем с такой ясностью, словно все случилось только сегодня утром. Я уложила Дилана в переносную кровать-корзину, сама улеглась на диван и прикрылась одеялом, но тут внезапно зазвонил дверной звонок. Я морщусь. Господи, пожалуйста, пусть они не разбудят моего ребенка. Но Дилан не издает ни звука, и я иду к входной двери.

– Что вы хотели?

На пороге незнакомая женщина – завитые волосы цвета грязный блонд, дикие карие глаза. Стоит мне открыть дверь, как она тут же смотрит через мое плечо в холл у меня за спиной. У нее на щеках нездоровый румянец, глаза красные и припухшие. Вероятно, она плакала. Как я могла не вспомнить этого раньше, когда увидела ее в библиотеке?

«Ты помнила, – говорит мне внутренний голос. – Но твое сознание так сопротивлялось, борясь с этими воспоминаниями, что паническая атака оказалась предпочтительнее, чем их возвращение. А теперь, если хочешь выжить, борись или беги».

– Мне не следовало на тебя набрасываться. Прости. Мне не хотелось верить в то, что ты мне рассказывала, потому что если бы это оказалось правдой, то сломало бы мою жизнь. И жизнь моего сына. Прости. Мне очень жаль.

Дженнифер смеется.

– Ты это слышишь, Марк? *Ей* жаль. Еще одна бедная несчастная душа, которой не повезло оказаться в твоей постели. Ты очаровал ее, потом сломал ей жизнь, и теперь *она* извиняется. Кому следует извиняться и сожалеть, Марк?

– Мне.

Слово вылетает словно вздох. Марк повесил голову, у него нет сил, чтобы встретиться со мной взглядом. У меня все плывет перед глазами: я потеряла слишком много крови. Думаю, мне придется умереть, и у меня нет сил на истерику. На руке, которая не онемела, выступает гусиная кожа, у меня начинают стучать зубы.

– Да, ему! Именно он трахал лучшую подругу своей невесты! И он не мог взять на себя ответственность!

– Один раз! – взрывается Марк. – Одна ошибка, когда я был пьян, Дженнифер! Ты поэтому сломала мне жизнь? Потому что я смог сделать то, что ты так хотела много лет, только когда был в стельку пьян?

– Я думала, вы познакомились в университете. Разве не так?

Марк фыркает.

– О нет, мы с Дженни знаем друг друга гораздо дольше, не правда ли, Джен?

– Я тебя любила, – выплевывает она ему в лицо. – Всегда любила! С тех самых пор как Джек притащил тебя домой, как испачканную, промокшую насквозь маленькую собачонку. Я тогда это поняла. Знала, что нам предначертано судьбой быть вместе, в тот раз я решила, что и ты наконец это понял. Решила, что теперь-то наконец все будет так, как и должно – мы будем вместе. Затем на следующий день ты проснулся и заявил, что сделал ошибку. Эта высокомерная, заносчивая сука – твоя девушка, ты встречаешься с ней, а вчера вечером был слишком пьян,

чтобы осознавать, что творишь. Ты заставил меня поклясться, что я ей никогда об этом не расскажу, чтобы не испортить ваши великолепные отношения из-за одной *глупой ошибки*. Вот как ты меня назвал. Но этого тебе оказалось недостаточно, Марк. Тебе потребовалось меня полностью сломать.

– Он заставил тебя сделать аборт, – вспоминаю я. Вспоминаю, как услышала эти слова от совершенно незнакомой женщины четыре года назад и подумала: «Она сумасшедшая. Она врет, и она сумасшедшая».

– Он заставил меня убить моего ребенка.

Теперь у нее по щекам текут слезы, на мгновение мне становится ее жалко – ту девушку, которой она была, влюбленную в парня, который относился к ней бессердечно и черство.

– А потом он заявляет, что они собираются пожениться. Я только что вышла из больницы – одинокая, морально опустошенная, в гневе из-за того, что он убил нашего ребенка. И тут с ужина возвращается леди Дрянь с булыжником в девятнадцать карат на пальце.

– Ты, вероятно, была убита горем.

– Убита горем? Я была *в ярости*. И именно тогда я решила: я сделаю так, что ее убьют.

Глава 60

Помещение, которое совсем недавно казалось таким огромным и продуваемым насквозь, теперь кажется не больше моей камеры в «Окдейле». Дым, идущий от огня, стал гуще, стоит у меня в горле, жжет глаза. Дженнифер этого вроде бы не замечает, а Марк практически в ступоре. Он словно уже принял нашу судьбу и тупо смотрит прямо перед собой, мыслями совсем в другом месте.

– Где Дилан, Дженнифер?

Она притворяется, будто меня не слышит, но, может, это на самом деле так.

– Ты уже вспоминаешь, Сьюзан? Помнишь, что было потом?

Я пытаюсь сосредоточиться, представить женщину, сидящую у меня в гостиной и рассказывающую, как отец моего ребенка убил ее ребенка. Я вижу, как с ее губ слетают два слова:

– «Эле Толдот».

Дженнифер улыбается и хлопает в ладоши.

– Все правильно! Почти получилось. Мы почти закончили. Да, «Эле Толдот».

Марк издает какие-то тихие странные звуки – разобрать слова невозможно.

– Что ты там бормочешь? – Дженнифер подходит к нему и хватается за волосы. – Ну-ка, сэр, давайте-ка, постарайтесь для зрителей.

– Я сказал: «Из поколения в поколение».

Боже, о боже, я вспоминаю. Вспоминаю все. Самую ужасную историю, которую я когда-либо слышала, историю об издевательствах, извращениях и ритуальных унижениях, историю о зажавшихся мальчишках из состоятельных семей, которые использовали университет как игровую площадку. Я не поверила ни слову, разозлилась, назвала ее вруньей, толкнула, ударила, орала на нее, требуя убраться из моего дома и оставить в покое мою семью. Теперь я вижу все: как она прикрывается руками, чтобы защититься от моих ударов, а потом толкает меня. Тогда я в последний раз видела своего сына – когда падала на пол.

– Ты ударилась головой, – легким тоном говорит Дженнифер, словно читает мои мысли. – Я подумала, ты мертва. И еще я подумала, что получила второй шанс стать матерью. Марк вернул мне моего ребенка. Я забрала твоего сына.

– Вот так просто взяла его? – Я поворачиваюсь, чтобы снова посмотреть на Марка, посмотреть ему прямо в лицо. Боль стреляет мне в руку и в бок, я с трудом дышу из-за дыма и знаю, что жить мне осталось недолго. Но мне нужно узнать правду до того, как я умру. – Когда ты вернулся домой...

– Я не поехал домой, Сьюзан. Я был на работе, когда мне позвонили...

Дженнифер улыбается.

– Мой кузен Джек. Я ему позвонила и попросила подчистить за мной, как-то все обставить. Джек – мастер по урегулированию хм-м-м... сложных ситуаций.

– Джек? – Я поставлена в тупик. – Тот парень, которого, по твоим словам, ненавидела Бет? Это он притворялся начальником Рейчел? Он твой двоюродный брат?

– С самого моего рождения. И он на самом деле начальник Рейчел, только не в том смысле, в котором представлялся тебе. Он очень умный. Они с Рейчел присматривали за тобой с тех самых пор, как ты вышла на свободу. Он – старший партнер в «Зара, Брэтбери и Хоуи», а Рейчел делает то, что велено. Это ему пришла мысль поручить ей твое дело. Он всегда был кукловодом, как я уже говорила. Ну, почти всегда. Джек был умным, его любили окружающие, хотели быть с ним в одной компании, но я знала кое-что, что он хотел скрыть ото всех. Я знала про девочек, которых они накачивали наркотиками, чтобы трахнуть. И я знала про Люси.

– Люси? – Даже Марк удивлен, судя по тону. – Это та домработница, с которой спал Джек, когда нам было по пятнадцать?

– Черт, не будь таким идиотом, Марк! Когда мы росли, предполагалось, что умный – ты, а ты слепо верил всему, что он тебе трепал. Джек с ней *не спал*! Забыл, как я тебе говорила, что эта девка динамщица? А Джеку очень не нравится, когда его дразнят. Когда она его послала, он все равно ее трахнул, независимо от ее желания. Оказалось, ей это совсем не понравилось, и дяде Джорджу пришлось выложить кругленькую сумму, чтобы она заткнулась. Джек не хотел,

чтобы в студенческом городке знали, какой он на самом деле, и я была единственной в курсе того, чем занимались вы, маленькие грязные развратники.

– Ты шантажировала его, чтобы он украл моего ребенка? – говорю так громко, как только могу. В моих словах столько яда, сколько позволяют выдавить оставшиеся у меня силы.

– Я сразу забрала Дилана и ушла. Джек только все обустроил после случившегося. Мой двоюродный братец – на самом деле отбитый на голову ублюдок. А теперь давай я тебе расскажу про Бет. – Она откашливается. – Джек хотел Бет с той самой минуты, как только ее увидел. Он засыпал ее цветами, ювелирными украшениями, всем, что только может прийти в голову. Она говорила, что он ее пугает, но всегда сдержанно отказывала. Бет была очень хорошо воспитана и всегда вела себя вежливо. Но конец был неизбежен после того, как она несколько месяцев спустя сошлась с Марком. Джек никогда бы не позволил продолжаться этим отношениям.

– Почему нет? Разве он не мог принять поражение? И ты не могла?

Где Кэсси? Где полиция? *Где Дилан?*

– Я это пропущу мимо ушей, Сьюзан. Я знала, что после того, как Марк меня бросил и заставил убить нашего ребенка, Джек сделает за меня всю работу, если я выберу правильную тактику. Им было так просто манипулировать. Обычно так и бывает с людьми в ярости. Чем умнее они себя считают, тем глупее оказываются. Он был таким самонадеянным, таким наглым, что ему ни на секунду не приходило в голову, что на этом шоу кукловод не он. – Дженнифер морщится. – Мне пришлось несколько месяцев терпеть Бет, смотреть, как она распушает хвост, словно чертов павлин, как тычет мне в нос своим булыжником на пальце и, глупо улыбаясь, рассказывает о своем замечательном Марке перед тем, как терпение Джека лопнуло, и он решил перевести дело на другой уровень. Конечно, потребовалось на него мягко надавить и убедительно с ним поговорить. Я пригрозила обо всем рассказать.

Я представляю Бетани Коннорс в самый счастливый период ее жизни – как она пролистывает свадебные журналы, звонит друзьям и родственникам, чтобы, захлебываясь, сообщить хорошие новости,

планирует жизнь с Марком и все это время не знает, что девушка, которую она считала лучшей подругой, молча ее ненавидит.

– Дилан сейчас у Джека? Скажи мне, что мой сын не у Брэтбери. – Судя по голосу Марка, он предпочел бы, чтобы Дилана воспитывал Тед Банди [\[48\]](#).

Дженнифер смеется.

– Было бы прекрасно. Кузен Джек воспитывает сына Марка Вебстера – ирония судьбы и высшая справедливость, не так ли?

Она снова поворачивается ко мне.

– Можешь себе представить, что произошло в здании Братства, *этом* здании. – Она обводит склад руками. – От тела избавлялись Марк и Мэтт. Я последовала за ними, проследить, чтобы работа была сделана должным образом. Они вели себя как лунатики. Так вели машину, что могли меня *убить*. – Она не может не рассмеяться своей шутке. – Я планировала находиться рядом с Марком после того, как ее найдут. Естественно, мы должны были страдать вместе, оплакивать ее. В конце концов он должен был стать моим. Мы могли бы родить ребенка, на этот раз запланированного. Когда они уехали, я сделала несколько фотографий на будущее как инструмент давления, и еще прихватила эти наручники, которые сейчас на тебе. Когда я их сняла, то уловила ее дыхание и поняла, что Бет еще жива. Никчемные идиоты не доделали работу. *В конце концов* она умерла бы, но я не могла рисковать. Мне самой пришлось это сделать.

– Как? – спрашиваю я. Не хочу знать, но она радуется, когда я задаю ей вопросы. Она ухмыляется.

– Я приложила к ее лицу свою сумочку и придушила. – Дженнифер смакует каждое слово, как будто очень долго ждала возможности их произнести. – Бет уже была без сознания, поэтому я не видела, как из нее уходит жизнь, ничего такого, что доставило бы мне удовольствие, но должна сказать – это принесло мне удовлетворение. Когда я убила суку Райли, я такого удовольствия не испытала, хотя получила кайф от того, что использовала *настоящую* хрустальную вазу, купленную на богатства семьи Райли. Убийство Марка станет моей наградой за страдания, принесет внутреннее удовлетворение. А ты, боюсь, – просто побочный продукт, так сказать, издержки производства. Тебе не повезло. Ты мне нравишься, думаю, мы могли бы стать подругами.

После всего услышанного это кажется самым худшим. Я думаю, что меня сейчас стошнит, и еще ко всему примешивается боль. Эта женщина идентифицирует меня с собой, она считает нас родственными душами в безумной маленькой пьесе, и эта мысль будет преследовать меня всю жизнь. Хотя жизнь может оказаться очень короткой.

– А брату Бет ты определенно понравилась.

– Брату Бет? Когда я с ним познакомилась?

– Тот мужчина, который прикидывался журналистом. – Я не вижу, как меняется выражение ее лица, когда до нее доходит, как обстоят дела, но слышу, как она смеется в темноте. – О, вижу, что ты не знала! Да, Сьюзан, тебе следует с большей осторожностью выбирать мужчин, которых пускаешь в свою жизнь.

Брат Бет. Он все это время знал, кто та рыжая девушка на фотографии, знал про ее смерть. Я для него являлась лишь средством для достижения цели. Ему плевать на то, что случилось с Диланом. Он просто надеялся, что я приведу его к правде о том, что произошло с его сестрой. Не знаю, виню ли я его за это или нет. Я сама стала бы врать кому угодно, чтобы только добраться до Дилана, но это не помогает – все равно чувствую себя преданной. Преданной и глупой.

Мои мысли обрывает звук сирен вдали. Дженнифер замирает на месте. Я вижу, что она пытается определить, сюда они едут или нет.

– К счастью, у меня гораздо лучше получается выбирать друзей.

Ей требуется всего секунда, чтобы прийти в себя.

– Это ничего не меняет. Просто дела пойдут немного быстрее.

Она скрывается в тени. Марк не смотрит на меня, но когда Дженнифер исчезает из поля зрения, тихо шепчет:

– Труба сломана. Не смотри. Справа от меня.

А я-то думала, Марк в ступоре, ничего не соображает от шока и страха, но на самом деле он все время искал выход из этой жуткой ситуации.

– Когда я скажу: «Давай!», нам нужно двигаться как можно быстрее. Если она нас увидит, нам конец, но мы в любом случае не можем здесь просто лежать и ждать смерти.

– Не уверена, что у меня получится. Голова тяжелая, я едва могу дышать. Не думаю, что у меня получится подняться.

– Ты сможешь, Сьюзан. Ты сильная, сильнее меня. Я никогда не думал, что ты такая сильная.

В его голосе слышится нечто похожее на уважение, а раньше я уважения от него никогда не слышала. Он сплетает пальцы с моими и крепко сжимает мою руку.

– Мне нужно знать, Марк, на тот случай, если мы умрем. Ты когда-нибудь любил меня?

– Любил. Я любил тебя так сильно, что ты сейчас не поверишь. А когда ты подарила мне Дилана, я был так счастлив. Только боялся, что это счастье долго не продлится.

– Из-за... – Я не могу произнести ее имя. – Из-за того, что ты сделал – думал, что сделал?

– Из-за того, что сделал. Дженнифер сказала, что это не моих рук дело, но на самом деле моих. Я убил Бет и знал, что наступит день, когда придет кто-то и заберет у меня все.

– Почему ты мне об этом не рассказал?

Он смотрит в сторону.

– Наверное, тебе не требуется ответ на этот вопрос.

Он прав. Честное слово, я не знаю, как поступила бы – заставила бы его пойти в полицию или просто взяла нашего сына и ушла. Я только знаю, что последние четыре года моей жизни сложились бы совсем по-другому.

– Джек позвонил мне в тот день и сказал, что Дженнифер приходила домой и все рассказала тебе. Он заявил, что ты взбесилась, а Дженнифер позвонила ему, чтобы он тебя успокоил, но, когда он добрался до нашего дома, было уже слишком поздно. Ты убила Дилана и отключилась, ударившись головой о стол. Я даже в дом не заходил. Мы встретились с Мэтти на стоянке у больницы, и я вместе с тобой отправился в отделение неотложной помощи. Мэтти унес куда-то Дилана, я его не видел. Я с ним даже не попрощался. – У Марка срывается голос. – Я на самом деле думал, что ты это сделала, Сьюзан. Мне не следовало им верить, не следовало думать, что ты можешь... Но ты стала другим человеком после рождения Дилана. Я с легкостью поверил, что ты могла причинить ему зло. Только скрывал причину, почему у тебя снесло крышу. Больше я ничего не знал.

У меня по носу катятся слезы, капаяют на губы. Но я их не смахиваю. Пусть видит их, пусть видит, какую боль мне принес.

– Как ты мог не понимать? Как ты мог поверить ему, а не мне?

– Ты *сама* думала, что сделала это. – Марк трет лицо свободной рукой. – Сьюзан, я миллион раз думал о том, чтобы рассказать тебе про Бет. Я представлял, как ты меня обнимаешь, говоришь, что все будет в порядке, мы вместе с этим справимся, и ты не перестанешь меня любить, но в глубине души я знал, что этого никогда не случится. Когда Джек сообщил, что Дженнифер тебе все рассказала, и вы с Диланом мертвы, я был убит горем, морально опустошен, но я ему поверил, потому что знал тебя. Я знал, что ты не сможешь прожить остаток жизни с убийцей, знал, что не сможешь сдать меня полиции. Я подумал, ты не увидела другого выхода.

Мне его жалко. У меня сжимается сердце при мысли о том, как он жил, каждый день думая, что в любой момент может потерять все. Я не пожелала бы такого и злейшему врагу. Затем вспоминаю, что ощущала сама, каждый день думая, что убила своего сына. А ведь это – прямой результат совершенного им ужаса, и я хочу, чтобы он за это заплатил.

– Я не знаю, как отреагировала бы, если б ты рассказал мне про случившееся с Бет, – говорю тихо, и ему приходится склониться ко мне. – Но уясни одну вещь, Марк: я скорее убила бы вас четверых, чем позволила бы чему-то случиться с моим мальчиком.

– Сьюзан, мы пойдем в полицию, я все расскажу, мы найдем Дилана. Обещаю! Но вначале нам нужно отсюда выбраться. Ради Дилана. – Он снова сжимает мою руку. – Сможешь?

Я киваю.

Сирены теперь завывают громче, объявляя о прибытии наших спасителей. Но они приедут слишком поздно. Дженнифер снова приближается к нам, держа что-то в руке. Маленькую прозрачную бутылочку, которая кажется пустой, но это не так. Уайт-спирит.

– Я знала, что до этого дойдет, – говорит она ровным, спокойным голосом. – Надеюсь, ты счастлив, Марк. Это за Бет.

Она поднимает ногу, потом замахивается и бьет по металлическому ведру. Пламя вырывается из-за обода, напоминая пальцы скелета, которые хотят поймать растекающуюся по полу жидкость.

– Давай! – кричит Марк, как раз когда ведро переворачивается, загорается вся стена, и дверь скрывается за лесом огня.

Глава 61

Марк: 27 ноября 1992 года

Благодаря мантши, капюшону, отсутствию движений и звуков ему было легче. Да, когда девушки были в сознании, он мог притвориться, что они получают удовольствие, с трудом, но мог. На этот раз он не видел страх у нее в глазах, не знал, больно ли ей или стыдно, и каким-то странным образом это помогало.

Большинство парней теперь сидели на стульях, опустив плечи, и напивались, отчаянно пытаясь надраться до состояния, когда уже не ощущается чувство вины. Марк сидел с краю, пил больше, чем следовало, зная, что надо бы остановиться. Это все равно не помогало.

Джек стоял отдельно от всех, не скрываясь, и смотрел, как Марк вливает в себя бокал за бокалом. Его слова звенели в ушах Марка: «Ты на самом деле думал, что я просто так тебя отпущу?»

Неужели отпустит после этого? Ему на самом деле разрешат выйти из Братства?

– Твоя очередь, командир. – Адам опустил руку на плечо Джека. Марк увидел, как Джек качает головой.

– Не в этот раз, друг. Нам нужно действовать быстро. Пришло время финала. Джентльмены! – теперь Джек заговорил громче, обращаясь ко всем собравшимся. – Как вы все знаете, один человек планировал нас сегодня покинуть.

Он завладел вниманием, но больше всех его слушал Марк. Джек повернулся к нему лицом, на котором злое подрагивал свет свечей.

– Мы, собравшиеся здесь, родились в привилегированных семьях. – Джек широким жестом обвел помещение. – Каждый из вас находится здесь, потому что так решили ваши отцы и деды. Из поколения в поколение! Один из вас не считает это честью, как остальные. Один из вас не ценит щедрость, которую я продемонстрировал, доставляя вам сюда самые сладкие фрукты, которые только может предложить Дарем. И я ведь делал это каждую неделю. Он не ценит

ту власть, которую я даровал вам. Может, то, что произойдет сегодня, поможет вам все понять.

У Марка возникло ощущение, будто его сердце сейчас выпрыгнет из груди, когда Джек широкими шагами направился к нему, запустил руку под мантию и извлек какой-то маленький серебряный предмет. Он жестом приказал Марку следовать за ним к тому месту, где распростертая девушка лежала на столе. Она дышала, ее грудь поднималась и опускалась под черной мантией, но она так и не пошевелилась на протяжении всего часа. Хотя Марк не видел ее лица под темным капюшоном, было ясно, что она без сознания.

– Что это, черт возьми? – спросил Марк, когда Джек вручил ему предмет, который извлек из-под мантии. Нож.

– Это твое наследие, – объявил Джек, обводя рукой склад, показывая на каждого парня, потом остановил взгляд на девушке. – Ты думаешь, что можешь уйти от нас? Ты один из нас. Наша кровь течет в твоих венах. Пришло время тебе присягнуть на верность и доказать, что ты нам верен. Убей ее.

Пара человек непроизвольно резко втянула воздух. Джек повернулся и посмотрел на них.

– Какие-то проблемы? Не хотите, чтобы наш брат показал верность Братству? Может, вы предпочтете сделать это вместо него?

Все вокруг опустили головы, испытывая шок от этого предложения. Никто не высказался по поводу зверства, в котором всем предлагалось поучаствовать. За исключением Марка.

– Нет. Ни в коем случае, Джек. Ты спятил? Ты вообще понимаешь, что несешь?

– Спятил? – Голос Джека отражался от стен. – Спятил? Я организую тебе потрясающую жизнь в этом гнусном месте и что получаю в качестве благодарности?

Он кивнул Адаму, который отправился в угол склада и взял в руку небольшое металлическое ведро.

– Я вижу, требуются дополнительные доводы, чтобы тебя убедить. – Джек снова кивнул, и на этот раз два парня, которые стояли по обе стороны от Марка, плотно схватили его за предплечья. – Адам...

На лице Адама появилось победное выражение. Он вел себя так, словно демонстрировал какой-то трофей, хотя на самом деле поднес помойное ведро к лицу Марка, и тот не мог не заглянуть внутрь.

– Презервативы? – Страх уступил место непониманию. Марк был озадачен. Джек выглядел довольным.

– Презервативы. Они доказывают, что каждый из вас трахал эту девку. А теперь или ты делаешь то, что я приказал, или это сделаю я. И все в этом зале станут соучастниками ее смерти. – Он повернулся к остальным членам Братства. – Голосовать будем?

Никакого обсуждения не потребовалось.

– Ради всего святого, Вебстер! – крикнул один из парней в дальней части помещения. Марк не видел, Тернер это был или Торп. – Мы все влезли в это по самые яйца. Не надо, чтобы из-за этого куска дерьма все рухнуло, и мы всего лишились.

Судя по шепоту, который пошел по складу, все были с ним согласны. Марк с диким видом оглядывался вокруг, отчаянно пытаясь найти хоть кого-то, кто скажет ему, что все это шутка. Но даже Мэтти изучал свои ботинки, демонстративно отказываясь прийти на помощь.

– Вы что, серьезно? Неужели никто из вас не понимает, что он просит меня сделать? Это же убийство! Он требует, чтобы я ее убил!

– Никому не нужно об этом знать, – мягко заговорил Джек, снова протягивая ему нож. – Ты это сделаешь, и мы снова станем Братством. Мы все в этом замешаны, Марк. Мы вместе, как и всегда хотели. Мы тебя защитим. Уйдешь от нас – и никогда больше не получишь такой защиты. Уйдешь от нас – и тебе конец. Насильник. Ты отправишься в тюрьму, и у тебя не будет никакой блистательной карьеры. Твое будущее с Бет? Не будет и его.

Бет. Что она скажет, если узнает? Марк не сомневался, что Джек говорил правду: если он этого не сделает, не будет у него никакой жизни с Бет. Джек с самого начала хотел, чтобы не было, и вот как оно вышло. Ему придется сделать то, что приказывают, чтобы Джек был доволен. Ради Бет.

Он сделал шаг вперед и взял нож. И тут же услышал, как парни втянули воздух. Он поднял голову и увидел, как Мэтти на мгновение

оторвал глаза от пола, встретившись с ним взглядом, а потом снова быстро опустил глаза в пол.

– Прекрасный выбор, Марк, просто прекрасный. Для тебя, для Бет. Так, давай я тебе помогу.

Джек направился к телу девушки. Он поднял капюшон, чтобы обнажить кремово-белую шею, и показал пальцем на место слева от трахеи.

– Слева направо, одним движением. Это легко.

Марк сжал рукоятку ножа, стараясь, чтобы было удобно его держать. Он не сможет этого сделать, никогда не сможет.

– Давай, Марк, просто сделай это. Ради Бет. – Марк чувствовал теплое дыхание Джека у себя на щеке. – Сделай это. Ради Бет.

Он сделал все так, как указал Джек. Слева направо. Одним движением. Убить человека оказалось проще, чем он думал. Ему на руки хлынула теплая и липкая кровь, Марк инстинктивно вытер руки о мантию, но они все равно были замазаны красным. Замараны. В эту секунду он понял, что они навсегда останутся в крови.

Джек выдохнул, и Марк понял, что их главарь не ожидал, что он это сделает. И тут Марк словно получил удар по голове. Он осознал, что натворил. На самом деле убил девушку. Чью-то дочь, может, чью-то сестру, девушку типа Бет.

Джек быстро пришел в себя и от души хлопнул Марка по спине.

– Отличная работа, друг! – Его голос эхом разнесся в мертвой тишине. Марк дернулся от этого прикосновения и отпрыгнул назад, прочь от Джека.

– Нет! – рявкнул он. – Не прикасайся ко мне! О боже, боже!

Марк отвернулся от парней, потом почувствовал, как тошнота подступает к горлу, и его вырвало на пол теплой желчью и алкоголем.

– Я понимаю. – Джек поднял руки и отступил назад. – Для тебя это первый опыт, надо все переварить. – Потом повернулся к собравшимся. – Поаплодируйте нашему герою, парни. – В помещении стояла тишина. – Я сказал: аплодируйте.

Парни начали хлопать, но без всякого энтузиазма. Марк подумал, что его сейчас снова вырвет. Он опустил на пол, снова и снова протирая глаза, словно таким образом мог стереть жуткие воспоминания.

– Вставай, – приказал Джек, а когда Марк не подчинился, кивнул Адаму, который резко поднял его на ноги. – Ты доказал свою верность Братству, друг мой. Теперь пришло время за собой подчистить, убрать твою грязь.

Он кивнул на то место, где на столе так и лежала девушка, только теперь вокруг нее стала собираться лужа крови, и капли медленно капали на пол.

– Мою... – Марк не мог выдать из себя больше ни слова.

– Не беспокойся: Мэтью тебе поможет. Засуньте ее вот сюда. – Джек показал на черный пакет для мусора, который лежал под столом. Марк не обращал на него внимания раньше. – Потом где-нибудь сбросите. Можете взять машину Адама.

Адам мгновенно запустил руку в карман за ключами.

Джек снова повернулся к собравшимся.

– Вы все можете идти. Но до того, как уйдете, давайте уясним одну вещь. Мы все замешаны в этом деле. – Он показал пальцем на каждого из них по очереди. – Сегодня вечером каждый из вас трахнул эту девку. И на ноже вполне могла лежать рука каждого из вас. Братство должно держаться вместе в такие времена. – Он повернулся к Марку и посмотрел ему прямо в глаза. – Именно для этого существуют друзья. Сегодня вечером мы были вместе, в студенческом баре. Всю ночь.

Все парни тупо кивнули. Уходя, никто не произнес ни слова. Остались только Мэтью, Марк, Адам и Джек.

– Я горжусь тобой, Марк, – спокойным тихим голосом заговорил Джек. – Я обиделся, узнав, что ты планируешь нас покинуть. Мне было больно! Я считал нас братьями. Но теперь я вижу, что ты на самом деле один из нас.

– Один из вас? – Он с трудом выдал из себя слова, словно они приносили ему физическую боль. – Никогда.

Джек рассмеялся.

– И это говорит убийца. – Марк дернулся. – О, прости, я забыл, что ты же сделал это ради Бет. Не притворяйся, что руководствовался благородными намерениями, Марк. Ты сделал то, что я тебе приказал, чтобы спасти свою шкуру. Ради всего святого, ты же даже не захотел узнать, чье горло перерезаешь. Тебе следовало хотя бы спросить.

Что-то в голосе Джека заставило сердце в груди у Марка плотно сжаться.

– Кто она?

Глаза Джека улыбались, но губы не шелохнулись.

– Кто она, Джек?

Это были первые слова, произнесенные Мэттью, и в них звучало напряжение. В эту секунда Марк все понял и подумал, что и Мэттью тоже понял все.

– Боже, нет. Джек, скажи мне, что это не...

Он бросился к безжизненному телу девушки, но по ощущениям двигался так, словно шел в воде. Марк протянул руку к капюшону, скрывавшему ее лицо. Он не хотел этого делать, совершенно не хотел видеть лицо девушки, которую лишил жизни. Он знал, что под тканью зияет рана, но он должен знать точно. У него дрожали руки, когда он развязывал шнуровку под капюшоном, а потом медленно его поднимал. По столу рассыпались рыжие волосы, а на него уставились мертвые зеленые глаза.

Глава 62

Марк бросается прочь от стены огня, продолжая держать меня за руку. Он сильно дергает меня, увлекая за собой, я падаю на бок, судорожно перебираю ногами, пытаюсь нащупать пол.

Дженнифер стоит в центре помещения, наблюдая за оранжевыми языками пламени, которые, как змеи, подбираются к нам. Она кричит, ее голос повторяет эхо над ревом огня.

Труба под нами раскалилась докрасна. Моя рука соскальзывает вниз и прикасается к меди, я чувствую дикую обжигающую боль на запястье, ощущаю едкий запах собственной обожженной кожи. Марк резко дергает руку вверх, отрывая мою кожу от трубы. Свободной рукой он поднимает меня на колени, и мы вместе двигаемся в сторону пламени.

– Слишком жарко, мы умрем! – Я слышу панику в собственном голосе и чувствую поднимающийся в груди ужас. Марк тянет меня к стене огня. Ни один из нас отсюда не выберется.

Языки пламени змеями ползут вверх по стенам, текут, словно жуткий поток, только огненный и в другом направлении. Кажется, у меня на коже появляются и лопаются волдыри от этого жара. Я представляю, как Марка охватывает огнем, и он начинает извиваться, словно огненный шар, прикованный к моей руке. Я все еще чувствую Уайт-спирит на лице и знаю: если подойду достаточно близко к огню, мне не выжить.

– Давай!

Он бросается вперед, в последнюю секунду хватая свободной рукой конец трубы и рвет ее, тянет на нас. Труба отрывается от стены, никакой треск никогда в жизни не доставлял мне такого удовольствия, как этот. Марк дергает и меня вместе с ней, я падаю лицом вниз на грязный пол. Мы свободны.

Я слышу полные агонии крики Марка, они отзываются у меня в голове, но теперь смешиваются с другим звуком, первобытным ревом. Дым проникает в легкие, я не могу кричать, не могу предупредить Марка, что Дженнифер бежит к нам, размахивая бутылкой, как победным трофеем.

– Марк!

Хватаю его за руку и тяну к себе, отвлекая от полученных им травм, чтобы он посмотрел на орущую женщину, которая несется прямо на нас. Когда она врзается в меня всем телом, чувствую, как мне на волосы и лицо выплескивается холодная жидкость, разливается по нам обеим. Я слышу еще один крик, тихий гортанный звук, и вижу, как Марк свободной рукой хватается за волосы. Я смотрю ему в глаза и кричу: «Нет!», но Марк меня не слышит. Он хватается обеими руками, используя все оставшиеся силы, чтобы броситься вместе с ней к бушующим языкам пламени.

– Марк! – пытаюсь крикнуть я, но дым заполняет мои легкие, я падаю на пол, кашляю, хватаю ртом воздух.

«Он мертв, и она тоже мертва. Мой бывший муж и наша единственная надежда найти сына».

И тут я вижу его, он ползет ко мне. «Он жив. Он жив, и мы найдем Дилана».

– Сьюзан. – Марк задыхается, прикрывает лицо рукой, чтобы защититься от дыма. – Дверь.

Я поворачиваюсь и вижу ее. По дереву уже ползут языки пламени, выход закрывает оранжево-черная пелена.

– Есть другой выход? – Склоняюсь к Марку, и мы оба съеживаемся на полу, опускаемся так низко, как только можем. Здесь густой дым, но несравненно легче дышать, чем стоя. – Марк! Есть еще выход?

Дым жжет глаза, наполняет рот, змеей пробирается в ноздри и заполняет легкие. Я ложусь всего на секунду, и Марк ложится рядом со мной.

– Мне очень жаль, Сьюзан, – шепчет он мне в ухо. – Прости меня. Я так тебя люблю.

– Ш-ш-ш, – говорю ему. – Давай с тобой притворимся на минутку, что мы дома. Здесь Дилан, он с нами, и мы никогда с ним больше не расстанемся. Обещай мне, Марк, что мы никогда с ним больше не расстанемся.

Я жду от него обещания, но слов не слышно. Когда я открываю глаза, чтобы взглянуть на Марка, то его глаза закрыты.

Если я отдохну всего одну минуту, одну секунду, со мной все будет в порядке. Воя сирен больше не слышно, как криков и воплей,

только рев огня, и я в последний раз устраиваюсь в объятиях Марка.

Глава 63

Джек: 23 июля 2009 года

– Я ничего не могу поделать, если ты все время нанимаешь таких придурков, Тони. Что ты от меня ждешь? Я должен просматривать список информаторов, которым ты платишь? Я адвокат, а не консультант по подбору персонала. За что ты платишь этому тупому Дональдсону?

Телефон подал сигнал, и он прервал свою отповедь. Джек отодвинул мобильный от уха, чтобы взглянуть на экран, но все еще слышал, как Тони Буд блеет на другом конце.

Дженни. Вот радость-то. Какого дьявола ей нужно?

– Тони, мне нужно идти. Я позвоню завтра, чтобы договориться о встрече. Послушай, не нужно так ругаться. Надень что-нибудь такое, чтобы заключенные лопнули от зависти.

Он закончил разговор, несмотря на яростные протесты звонившего ему человека.

– Дженнифер, моя очаровательная кузина, свет очей Люцифера, что ты хочешь от меня?

– Дуй в дом Вебстера. Прямо сейчас.

Эту фамилию он уже давно не слышал.

– Что происходит, Дженнифер? Ты сейчас у Вебстера? Что ты наделала?

На другом конце воцарилось молчание.

– Я все рассказала его жене, – наконец произнесла она.

Дерьмо. Какое дерьмо.

– Что ты ей рассказала? Что она ответила?

У него сейчас на все это просто не было времени. Он был занят решением проблем в конторе, не хватало только подчищать дерьмо за психованной кузиной.

– Ты не хочешь меня слушать, Джек! Она на меня набросилась. Я ее толкнула. Она мертва, и еще на всякий случай я вколола ей хорошую дозу кетамина.

Джек выругался вслух.

– Могу порекомендовать тебе хорошего адвоката, – сардонически предложил он.

Дженнифер рассмеялась, и у него от этого звука все волоски на руках встали дыбом.

– Мне не нужен адвокат, Джек. Мне нужно, чтобы ты сюда приехал и все уладил для меня. Я уезжаю. Уезжаю отсюда прямо сейчас, а ты приедешь сюда и разберешься со всем этим дерьмом.

– Почему ты думаешь, что я собираюсь ввязываться в твои дела? Ты напортачила, ты и улаживай.

Он включил левый поворотник и резко завернул на боковую улочку, потом быстро поехал в направлении дома Марка.

– О, ты все сделаешь. Сам знаешь, что сделаешь, потому что если откажешься, то тебе и твоей маленькой банде братьев придет конец. Как это будет выглядеть – одного из самых уважаемых юристов судят за убийство?

Джек вздохнул.

– Прости, Джен, но ты уже давно утратила возможность использовать эту информацию. Доказательств у тебя нет. Твое слово против моего, а в эти дни мое слово значит гораздо больше твоего. На этот раз сама разбирайся со своим дерьмом.

Он ввел координаты дома Марка Вебстера в навигатор. Чуть больше тринадцати миль.

Связь на секунду прервалась, и Джеку пришлось приложить усилия, чтобы услышать следующие слова Дженнифер, а когда он их расслышал, кровь отхлынула у него от лица.

– Ты слышишь меня, Джек? Я сказала, что была там. У меня есть доказательства, есть фотографии. Я снова отправилась туда после того, как вы все закончили. У меня есть... трофеи, скажем так. Так что разгребите за мной это дерьмо, или увидимся в суде. И в этот раз ты будешь не в группе защиты. Но ведь ты знаешь хороших адвокатов, правда?

Джек вздохнул.

– Хорошо. Хорошо, Джен. Я займусь этим делом. Но это будет последний раз – и мы квиты. У тебя есть твои доказательства, а у меня будут мои. Я больше не хочу никогда тебя слышать.

– Меня это устраивает. Но ты должен еще кое-что узнать.

– Что? Что я еще должен знать?

Опять молчание.

– Я забрала мальчика. Сына Марка Вебстера. И я оставляю его себе.

** * **

Джеку потребовалось меньше двадцати минут, чтобы добраться до дома, в котором Марк Вебстер жил последние шесть лет. Хотя Марк пытался избегать любых встреч с ним после окончания Даремского университета, он купил дом совсем недалеко от здания, в котором располагалась адвокатская контора Джека. Как иронично.

Десять минут пути Джек использовал на звонки, чтобы разгрести это дерьмо. Забавно, что решение вопроса заняло так мало времени. Вчера вечером он потратил больше на заказ еды из китайского ресторана.

Он припарковался у дома Марка Вебстера и удивился тому, как хорошо обустроился его бывший друг. Да, он присматривал за ним все эти годы, пусть и на расстоянии, читал о его продвижении по карьерной лестнице в газетах, видел фотографии с его свадьбы на сайте Даремского университета в разделе, посвященном выпускникам, но никогда не бывал у него дома. И Джек как-то пропустил рождение сына Марка, что, очевидно, не упустила Джен. Наверное, она очень сильно расстроилась, когда оказалась здесь и увидела идеальную жизнь Марка, в особенности учитывая то, что ее собственные дела в последние несколько лет шли все хуже. Родители проговорились во время одного из ужинов с Джеком и его женой, когда все сильно напились, что у Дженнифер уже много лет проблемы с головой. Она разорвала отношения со своим женихом, узнав, что не может иметь детей, и отправилась назад, в Даремский университет. Предпочла жить там в дешевой квартирке, а не брать деньги у тети и дяди. Это, наверное, тоже сильно на нее повлияло.

Джек сидел в машине на углу подъездной дорожки к дому Марка и ждал прибытия второй машины. Она остановилась перед ним, раскрылась дверца водительского места.

– В чем дело, Брэтбери?

Даже по прошествии стольких лет звук этого голоса был чем-то вроде возвращения домой. Джек почувствовал легкое сожаление из-за того, как у них сложилась жизнь, и из-за того, что они все пошли разными путями.

– Мэтти, я рад снова тебя видеть. – Он опустил стекло и улыбнулся. – Как ты? Как Кристи?

– Не называй ее так, – предупредил его Мэтт Райли сквозь стиснутые зубы. – Вообще не произноси имя моей жены. В какую игру ты играешь теперь? Зачем ты сейчас вытянул меня сюда?

– У нас возникла небольшая проблемка, решить которую можем только мы с тобой, – тихим голосом сообщил Джек. – Джен сморозила глупость. Она рассказала жене Марка о нашей маленькой проблемке с Бет.

– Что? Что ты имеешь в виду? Как рассказала? И что сказала Сьюзан? Отправилась в полицию?

Джек вопросительно приподнял брови.

– Сьюзан, да? Значит, вы с Кристи по воскресеньям ходили сюда на обед?

– Что ты несешь? Я никогда в жизни не встречался с этой женщиной. Марк жутко боится, что что-то может всплыть. Последние десять лет мы встречались тайно. Что ты от меня хочешь? Чтобы я убедил женщину, которую никогда в жизни не видел, не обращаться в полицию?

– Она мертва, Мэтт.

Мэтту потребовалось несколько секунд, чтобы осознать услышанное, но Джек не ожидал реакции, которая последовала после того, как до Райли дошло. Мэтт издал странный звук, что-то среднее между сдавленным криком и рыком, бросился к окну у водительского места и попытался сквозь него вытянуть Джека.

– Эй, давай поспокойнее. – Джек отодвинулся внутрь салона, вне пределов досягаемости Мэтта. – Я этого не делал. – Слова «на этот раз» не были произнесены вслух. – Они подрались с Джен. Все произошло случайно. Но это еще не все. Джен сказала, что Сьюзан спятила, пыталась наброситься на ребенка. Поэтому Джен забрала ребенка с собой.

Мэтт лишился дара речи.

– Скажи что-нибудь, Мэтти. Нам нужно с этим разобраться перед тем, как звонить Марку, или он вывалит нас всех в грязи.

Лицо бывшего друга покраснело, губы были плотно сжаты. Он закрыл глаза, будто находился на каком-то безумном сеансе психотерапии. Джек буквально слышал, как этот идиот размышляет.

– Хорошо, – в конце концов произнес Мэтт. – Ты знаешь, где она? Мальчика нужно вернуть до того, как вернется Марк. Он не должен знать, что мы были здесь.

Джек покачал головой.

– Мы не можем вернуть мальчика, Мэтт. Джен оставляет его себе.

– О нет, нет, черт, Джек. Мы не можем так поступить с Марком. Он любит сына больше жизни. Неужели ты думаешь, что он просто так от него откажется, только чтобы эта сумасшедшая сука была счастлива?

Джек вздохнул. Он знал, что это будет нелегко.

– Мне кажется, ты не понимаешь. Она нас шантажирует. У нее есть фотографии того, что в ту ночь происходило в Дареме. И мы все окажемся в дерьме, если Марк пойдет в полицию.

– Не думаю, что мы на это сможем повлиять. Как нам его остановить? Ты и его собираешься убить?

Джек должен был признать, что у него появлялась такая мысль. Но тогда все получится слишком грязно. Он планировал более чистый вариант.

– Нет, не собираюсь. Послушай, Сьюзан мертва, и ничто этого не изменит. Тут мы ничего поделать не можем. Марк спустит это дело на тормозах только в одном случае: если мы скажем, что ребенок тоже мертв. Он будет страдать, но потом снова начнет жить.

– А как насчет такой маленькой детали, как исчезновение тела? И кто убил их обоих?

– О теле я позаботился. Это займет несколько часов, и именно поэтому мне нужна твоя помощь. С тем, кто все это сделал, просто. Мы скажем Марку, что Сьюзан убила ребенка, а потом потеряла сознание, ударилась головой о стол или еще что-то. Ей вколота большая доза кетамина, поэтому и так все будет выглядеть как попытка самоубийства.

– Ты позаботился о теле? – Мэтти врезал по боковой стороне машины. – Черт, Джек, что это? Какой-то гангстерский фильм? Как в реальной жизни можно «позаботиться о теле»? Как ты вообще можешь говорить такое?

Джек рассмеялся.

– О, прекрати! Я знаю половину преступных элементов в Йоркшире – черт, да я работаю на половину преступных элементов Йоркшира! Ты не думаешь, что такое происходит в реальной жизни? Пора вылезать из пузыря, в котором ты сидишь. Помнишь того ребенка, который пропал два месяца назад и тело которого обнаружили в реке? Ты считаешь, что это был тот самый ребенок? Тело опознавали по зубной карте, а ребенок к тому времени уже находился в другой части Европы. Вот она, реальная жизнь, Мэттью.

Мэтт склонился поближе к окну, и Джек подумал, что он снова собирается на него наброситься.

– Я каждый день благодарю бога за то, что не живу в твоём мире.

– Ну, в таком случае тебе лучше молиться своему богу о том, что, когда мы найдем Дженнифер и вернем ребенка, она не отправится в полицию со всем, что о тебе знает. Если отправится, это будет уже не только мой мир, это будет и твой мир тоже, и мир Кристи, и мир твоих дочерей. Можешь себе представить, с каким удовольствием надзиратели в тюрьме будут обыскивать маленьких Тори и Терри, когда они придут навестить папочку в тюрьме?

У Мэтта округлились глаза, когда он услышал имена своих дочерей.

– Что ты от меня хочешь?

Джек с трудом сдержал ухмылку.

– Я хочу, чтобы ты отправился в больницу и ждал Марка на стоянке. В машине будут Сьюзан и сверток из одеялец Дилана. Пусть Марк несет в больницу Сьюзан, а ты должен быстро отнести «Дилана», чтобы ему оказали первую помощь. Прямо в операционную, там тебя будет ждать человек, которого я пришлю, с нужным телом. Не болтайся по стоянке, чтобы никто не начал приставать к тебе с вопросами.

Джек получил удовлетворение при виде того, как Мэтт сжался, услышав слово «тело». Чертова неженка.

– Что ты собираешься сказать Марку, чтобы он поехал на встречу со мной в больнице?

– Только то, что ему необходимо знать. Что сюда приходила Дженнифер и рассказала Сьюзан про Бет. Сьюзан слетела с катушек и стала угрожать ребенку, поэтому Джен позвонила мне. К тому времени, как я сюда добрался, они оба были мертвы, поэтому я позвонил тебе, зная, что ты врач. Я проверю, чтобы он сказал полиции, что это он их нашел и повез в больницу, чтобы детективы не задавали никаких вопросов о том, почему здесь появлялась Джен и что она такое сказала, чтобы вызвать подобную реакцию у Сьюзан. Нас с тобой здесь никогда не было – ты встретился с Вебстером на стоянке у больницы, и он стал умолять тебя о помощи. Понял?

Мэтт вздохнул и потер лицо.

– Понял. Звони, а я пошел за Сьюзан.

Глава 64

Мое тело резко приподнимается и изрыгает густую темную желчь на мокрую траву. Легкие втягивают свежий воздух, как легкие новорожденного ребенка, после каждого вдоха моя грудь сотрясается от диких спазмов.

«Трава?»

Я пытаюсь снова открыть глаза и увидеть побольше из того, что меня окружает, но ни одна часть тела не желает в этом помочь. Какие-то руки поднимают меня вверх, а потом надо ртом оказывается что-то жесткое и холодное. Мои веки приоткрываются наполовину. Меня завозят в какой-то большой металлический ящик... нет, подождите, это, вероятно, карета «Скорой помощи». Рядом со мной стоит женщина и придерживает маску у меня на лице. В легкие врывается свежий воздух. Хлопают дверцы, затем машина начинает движение, воют сирены.

– Марк? – спрашиваю я. – Где Марк?

Женщина игнорирует мои вопросы, только гладит меня по голове и наполняет шприц какой-то прозрачной жидкостью.

– Где Марк?

Я понимаю, почему она не отвечает. Слова не вылетают из меня так, как я это планировала. На самом деле я вообще ничего не произношу вслух. У меня больше нет сил держать глаза открытыми, чувствую, как они снова закрываются.

* * *

Первое лицо, которое я вижу, снова открыв глаза, это лицо моего отца. Я больше не на холодной и мокрой земле, лежу на чем-то мягком и сразу понимаю, что я в больнице и жива. По ощущениям, по моей верхней части тела неоднократно врезали бейсбольной битой, ноги кажутся бесполезными, как два куска картона, но я жива.

– Дилан, – выдыхаю я.

У меня в голове мелькают кадры, словно я смотрю кино. Фрагменты происходившего перед тем, как я потеряла сознание в предыдущий раз: к нам несется Дженнифер, Марк хватает ее за волосы, предпринимает отчаянную попытку спасти свою жизнь и бросает в огонь нашу последнюю надежду.

– Ш-ш-ш, дорогая. Тебе нужно отдохнуть. Дилана ищет полиция, ищут везде, где бывала Дженнифер, опрашивают всех, с кем она общалась.

– Только сама Дженнифер знает, где он, – удается мне выдавить из себя. Но она мертва. Я видела, как она сгорела.

У папы страдальческое выражение лица.

– Ее еще не нашли, но полиция считает, что живой не найдут.

– А Марка? – хриплю я.

– Мне очень жаль, дорогая. Марк был уже мертв, когда полиция приехала на место. Твой друг Джош сказал, что не успел вовремя до него добраться.

Папа берет мою руку в свою и крепко сжимает. Зажмуриваю глаза, чтобы сдержать слезы, которые уже начали наворачиваться в уголках. Несмотря на то что мне хочется очень сильно ненавидеть Марка, я все еще помню, как любила его. Он пожертвовал собственной жизнью, чтобы спасти мою – в последние несколько минут перед смертью он попытался искупить трусость всей своей жизни.

– Джош?

«Кто такой Джош?»

– Я благодарю бога за то, что он сделал, Сьюзан. Он приехал в одно время с полицией, но до пожарных. Ему говорили, чтобы он туда не лез, но Джош все равно бросился в здание и вытащил вас обоих из огня.

Джош Коннорс. Старший брат Бет. Ник.

– Дилан, папа, – снова шепчу я.

– Я помню, дорогая. Полиция делает все возможное, чтобы соединить разрозненные куски. Они уже побывали в квартире Дженнифер.

– И никаких следов? Одежда, игрушки, хоть что-нибудь?

Папа качает головой.

– Мне очень жаль, но там ничего нет. Я сейчас позову медсестру. Нужно сообщить, что ты проснулась и чувствуешь себя хорошо.

Ко мне пускают еще одного человека. Человека, который ждал все это время в холле, – она приехала через час после того, как меня привезла «Скорая». Ее впускают в палату, и я понимаю, что в мире нет другого человека, которого я бы так хотела видеть.

– Сюзан! – Кэсси бросается к кровати и обнимает мои ноги. Выглядит это комично, но она не хочет касаться моего травмированного плеча. – Я думала, ты уже не выкарабкаешься!

Пытаюсь рассмеяться, но это невозможно, получается только кислая улыбка.

– Спасибо... ты мне поверила... Позвонила в полицию... спасла мне жизнь...

Внезапно она становится очень серьезной, голубые глаза темнеют.

– После того как я тебя подвела, и тебя чуть не убили. Ты не должна была все это делать одна, Сюз. Прости меня. Я чувствовала себя отвратительно после того, как ты уехала. Мне следовало тебе позвонить.

– И ты прости меня, дерьмовую подругу.

– Ты никогда не была дерьмовой подругой, – тихо отвечает она. – Это я дерьмовая подруга.

У себя в сознании я тепло улыбаюсь, хотя не уверена, что это отражается на лице.

– Спасибо тебе... Ты подумала... что красивый мужик... забрал твою лучшую подругу?

Она не улыбается.

– Заткнись. – Кэсси шлепает меня по руке, и я морщусь. – Проклятье! Прости. Но серьезно, Сюз, ты – единственная, кто у меня есть, и у меня возникло чувство, будто я тебя теряю. Я испугалась, что больше тебе не нужна.

– Ты никогда меня не потеряешь, – обещаю ей. – И я точно никогда не променяю тебя на мужика. Кстати, где он? Папа сказал...

– Он тебя вытащил. На самом деле герой. Я позвонила ему сразу же после того, как обратилась в полицию, и он мне все рассказал. Джош – брат Бет. Он всегда подозревал, что существует какая-то связь между тем, что случилось с его сестрой и с тобой, но хотел выяснить, что тебе известно про Марка. Я сообщила ему адрес, и он прибыл на место через две секунды после полиции. Он даже мне позвонил, чтобы

рассказать, где ты была. – Боже, сейчас ее послушать, так можно подумать, он ей нравится. – Он ждет, хочет тебя увидеть.

– А почему он представился журналистом?

Кэсси смеется.

– Говорит, что не делал ничего подобного. Это ты предположила, что он журналист, а потом ты захотела обсудить с ним статью, которую он якобы написал, и он решил подыграть.

Проклятье. Я пытаюсь вспомнить наш первый разговор, если вообще можно назвать разговором то, что происходило во время нашей первой встречи – я орала на него, когда он сидел машине и, запинаясь, пытался что-то вставить в поток моих воплей. У меня начинает болеть голова. Джош Коннорс, но я не могу думать о нем, кроме как о Нике Уайтли.

– Рейчел? – спрашиваю я.

Кэсси хмурится.

– Исчезла. Она, Брэтбери, его жена – все сделали ноги. Полиция отправилась к ней домой, и оказалось, что нет половины ее вещей, паспорта, части косметики и еще чего-то. Они почти уверены, что она уехала с Брэтбери по доброй воле. Они до сих пор пытаются связаться с другими партнерами адвокатской конторы.

– Меня это не удивляет.

Кэсси качает головой.

– Я бы придушила эту суку. Полиция добралась до ее электронной почты. Эти они с Брэтбери устроили разгром в твоём доме, а Брэтбери нанял каких-то типов за тобой следить. Она приказала убить Джосса. По ее приказу в твой телефон установили «жучок» и слушали все твои разговоры после выхода из «Окдейла». Она была втянута в это дело с самого начала и не хотела, чтобы ты что-то выяснила. В дом Ника вломился Джек Брэтбери – после того, как увидел вас вместе в «ЗБХ». Он думал, вас обоих нет, но увидел тебя на диване, порвал все бумаги и обустроил сцену так, будто ты попыталась совершить самоубийство.

Боже! Я думала, Рейчел на моей стороне. Она навещала меня в «Окдейле», приносила подарки, обнадеживала и подбадривала. Даже выяснив, что она не использовала часть доказательств во время судебного процесса, я не хотела верить, что она участвовала в этом деле. Я удивляюсь, поняв: хочу, чтобы полиция ее нашла, и она

провела остаток своей гнусной жизни в тюрьме, как планировала для меня. Джека Брэтбери я просто хочу видеть мертвым.

Через два часа медсестра выводит Кэсси из палаты, не слушая наши возражения. Мне требуется отдохнуть, словно я и не спала восемнадцать часов подряд. Кэсси обещает снова пробраться ко мне с фастфудом при первой возможности и спрашивает, не хочу ли я что-то передать Джошу. Я хочу сказать ему тысячу вещей, но не могу подобрать правильные слова, поэтому просто говорю – нет.

Эпилог

– Ты уверена, что готова к этому? – спрашивает Кэсси, опуская ладонь на мою руку. Сегодня у нее ярко-розовые ногти, еще она покрасила светлые волосы с медным отливом в темно-рыжий, а кончики – в голубой. Кэсси все еще придерживается мнения, что новая прическа помогает справиться с любыми проблемами. Универсальное средство!

– Нет. – У меня слегка дрожат руки, и я прижимаю их к бокам, чтобы скрыть это от старшего инспектора Гаррисона.

– Просто выслушайте все, что она вам скажет, – говорит мне офицер полиции. – Я предпочту, чтобы вы сами услышали это.

Я смотрю на мужчину, который сидит на диване рядом со мной. Ник – мысленно я продолжаю называть его Ником, по крайней мере, пока – ободряюще мне улыбается.

Марка больше нет. Он не смог выбраться со склада после того, как спас мне жизнь. Я пролила много слез. Оплакивала мужчину, которого любила, и еще мне было жалко себя: я с грустью думала о том, что могло бы быть между нами. Последним его делом на этом свете стало спасение моей жизни, и я старалась об этом не забывать даже после того, как в полиции мне сообщили об эксгумации гроба с телом моего сына. Там на самом деле лежали останки ребенка, но это был не Дилан.

Полицейский кивает, сообщая мне, что она здесь. В горле появляется комок, к лицу приливает кровь. Это нервы. Я рада, что все происходит там, где я чувствую себя комфортно, по крайней мере, все сделано на моих условиях.

Миссис Мэттьюс выглядит точно так же, как при нашей предыдущей встрече всего несколько недель назад, когда я получила фотографию сына. Мы виделись в кафе у Роузи, а потом еще перед зданием библиотеки. Ее длинные светлые волосы сейчас заколоты сзади, но выглядит она точно так же нервно. Она словно несет на плечах тяжеленный груз. Только на этот раз я знаю, почему у нее такой вид. Я знаю, кто она.

Кэсси встает, смотрит на Ника и кивает в сторону двери. Они оба снова улыбаются мне и уходят, не произнеся ни слова. Старший инспектор Гаррисон обещал дать мне выслушать эту историю без свидетелей (в конце-то концов, он сам ее уже слышал), но я все равно удивляюсь, когда он встает, чтобы выйти из комнаты.

С минуту мы сидим молча, ни одна из нас не знает, с чего начать.

– Я потеряла дочь, – внезапно произносит Ребекка Мэттьюс, удивляя меня. Она не смотрит мне в глаза, сосредоточивается на заусенце у ногтя большого пальца и тербит его, пока говорит. – Ей было двадцать два года, когда она исчезла. Она была больна. Но, знаете, легче не становится никогда. Да, конечно, вы знаете.

Она смущается.

– Я приняла как факт, что она больше никогда не вернется. Мой муж был потрясен и убит горем. Он не мог понять, почему наша красивая девочка вдруг взяла и бросила нас, даже не попрощавшись. Но она была взрослым человеком, могла делать все, что хотела. Официально она не была признана пропавшей, просто не хотела, чтобы мы знали, где она.

Я вижу боль и обиду у нее в глазах. Она сейчас рассказывает все это мне, незнакомому человеку, но долгие годы она скрывала эти чувства ото всех, улыбаясь, несмотря на боль, когда ее друзья говорили об успехах своих детей.

– Продолжайте, – мягко подбадриваю ее, пытаюсь не показаться нетерпеливой. Мне же очень хочется все побыстрее услышать. Похоже, это не помогает. Судя по виду, женщина сейчас находится в месте, до которого мне не дотянуться. Однако минуту спустя Ребекка делает небольшой вдох и продолжает.

– Четырнадцать лет мы не видели и не слышали ее. Никаких контактов вообще! И вдруг она появляется у нас на пороге, словно уезжала всего на неделю. Сообщила, что вышла замуж и родила ребенка, но отец малыша умер. Ей требовалась наша помощь с ребенком. Красивым трехмесячным мальчиком.

У меня учащается сердцебиение. Я чувствую, как сердце колотится в груди.

– Наверное, вы испытали огромную радость, – говорю, стараясь сильно не давить на нее. Однако, услышав эту фразу, она улыбается. Улыбка у нее восхитительная, озаряет все ее лицо.

– Да, это была радость, – признает женщина. – Он просто фантастический мальчик, такой красивый, здоровенький, толстощекий. Теперь ему четыре года. Да вы, конечно, сами это знаете. Я просто хотела вам сказать при личной встрече, что мне очень жаль.

Конечно, я знаю. Полиция сразу же сообщила мне, как только они нашли четырехлетнего «сына» Дженнифер Мэттьюс, проживающего с бабушкой и дедушкой. Тесты уже сделали, результаты скоро будут готовы.

– Я понятия не имела о делах своей дочери, об обстоятельствах, в результате которых Саймон оказался у нас. Ничто не вызвало у меня подозрения. – Она говорит ровным монотонным голосом, словно зачитывает заявление в суде. – У меня не было оснований считать, что Дженни нам врала, что Саймон не ее ребенок. Я понятия не имела!

– Да, вы говорили. – Я очень стараюсь не разозлиться. Во-первых, любая эмоция все еще приносит мне физическую боль. Во-вторых, я на самом деле знаю, чего все это ей стоит.

– Вначале Дженни оставляла Саймона у нас на выходные, – продолжает миссис Мэттьюс. – Затем к выходным стали добавляться и другие дни. Ну а потом он стал постоянно жить у нас, а дочь только его навещала. В конце концов и визиты стали редкими. Хорошо, если мы видели ее раз в месяц.

«Она забрала у меня ребенка и отдала его другим людям. Она лишила меня ребенка, а потом *его отдала*».

– Месяц назад к нам пришел мужчина, искал Дженнифер. Он спрашивал про ее сына, только называл его Диланом. Саймон тогда гулял с моим мужем, и я почему-то сказала тому мужчине, что мы уже много лет не видели Дженнифер. Не знаю, что заставило меня соврать. Именно тогда я поняла, что тут что-то не так.

Если кровь на самом деле может застыть в венах, мне кажется, это сейчас происходит со мной. Все волоски на руках встают дыбом, холодок пробегает по спине. Ребекка Мэттьюс этого не замечает и продолжает свой рассказ, я вижу решительность на ее красивом лице. Мэттью Райли стоял совсем рядом с тем местом, где находился мой сын. Появился бы несколькими минутами позже – и встретил бы мальчика, которого искал. Если б он чуть задержался, то вполне вероятно, что они с женой остались бы живы.

– Что было дальше? – стараюсь не допустить враждебность в свой голос. Если эта женщина сейчас уйдет, возможно, мне больше никогда не удастся ее найти.

– Он представился другом Дженнифер и сказал, что знал отца ребенка, Марка Вебстера. После того как он ушел, я нашла в Интернете Марка и поняла, что с вами случилось. Я посвящала все свое время нашему внуку и не смотрела новости. Но даже если б и увидела сообщения о вас, то не смогла бы совместить эти два события. Дженнифер никогда не упоминала Марка.

Мой разум старается все это переварить. Мне приходится сжимать зубы, чтобы не начать выкрикивать вопросы ей в лицо.

– Я все еще не была уверена. Но я нашла фотографию Дилана в одной старой статье в Интернете. Мне следовало пойти в полицию, как только я поняла, что случилось, но я боялась того, что может устроить Дженнифер и мой муж. Он так любит Саймона, я не могла его предать. Не хотела быть человеком, который сообщит ему правду. После смерти Дженнифер я просто не могла продолжать жить, как жила. Он – наш маленький мальчик, это все, что у нас осталось от нашей дочери. Я обрадовалась, когда полиция нас нашла.

– Вы отправили мне фотографию, – говорю я.

Ребекка кивает.

– Я не знала, что делать, – признается она, ломая руки. – Я ожидала появления полиции в любую минуту, но никто не приходил. Мой муж убил бы меня, если б узнал, что я сделала, но я не могла притворяться, будто не знаю, кто Саймон на самом деле. Я – мать, миссис Вебстер, и есть вещи, которые может понять только мать. Именно поэтому я должна была предпринять эту попытку – заставить вас действовать, самой попытаться все узнать. Я понятия не имела, что эти молодые люди творили с девушками много лет назад.

Я киваю и позволяю ей молча плакать. В ее истории счастливого конца не будет.

– А расческа и одеяльце?

– Дженнифер принесла одеяльце, когда впервые появилась с ребенком. Он с ним не расставался. Прекратил с ним спать только в прошлом году.

Мысль о том, что у моего сына была все эти годы маленькая часть меня, наполняет меня радостью.

– Я видела вас. В кафе. И перед библиотекой. Вы приехали искать меня в Ладлоу.

Кажется, это было целую вечность назад. Ребекка кивает.

– Я сказала мужу, что отправляюсь на поиски Дженнифер, чтобы попробовать уговорить ее навещать Саймона. Именно тогда я принесла конверт с фотографией и подбросила статью вам в сумку. Чтобы вы подвергли сомнению ту версию, которую вам представили.

– Как вы меня нашли?

– Мой отец был детективом. Несколько его коллег еще живы.

– Если б вы это рассказали раньше, ваша дочь и мой бывший муж остались бы в живых.

Она зажмуривается, но слезы все равно просачиваются.

– О господи, я это знаю. Мне так жаль.

* * *

Я в третий раз провожу руками по джемперу, стряхивая пушинки, которых там нет. Сегодняшний день, пожалуй, станет самым важным в моей жизни, и я точно никогда так не нервничала раньше.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Джош, обнимая меня за плечи.

Он пытается меня защитить. Я чувствую, как спокойствие разливается по всему телу. Мне нравится, как он на меня действует. Знаю, что со мной все будет в порядке, когда я с ним. Киваю с большей уверенностью, чем на самом деле чувствую.

– Послушай, мне нужно тебе кое-что сказать, – говорит он, поворачивая мое лицо к себе.

Мы сидим в его машине перед домом, в котором может измениться вся моя жизнь, а он именно *сейчас* хочет мне что-то сказать? Он словно читает мои мысли и говорит:

– Я должен тебе это сказать на тот случай, если Ребекка это упомянет. В конце-то концов он же ее племянник.

Джек Брэтбери. Кукловод в сумасшедшем, тошнотворном спектакле, в который он превратил жизнь моего мужа. После исчезновения Джека с Рейчел я про него почти ничего не слышала. Знаю, что их контора прекратила свое существование после

разразившегося скандала, но он успел обчистить все счета. Похоже, Джек Брэтбери снова вышел сухим из воды.

– И что ты хочешь про него рассказать?

У меня начинают трястись руки при одном упоминании о человеке, с которым я была едва знакома.

– Его арестовали. – Джош улыбается и опускает обе руки мне на плечи. – Взяли, когда вернулся в страну с фальшивым паспортом. Наглый сукин сын думал, что может вернуться, словно ничего не случилось.

– Зачем? Зачем он вернулся?

– На похороны Марка.

Эти слова выбивают воздух у меня из легких. Я решила не идти – это было трудным и важным решением, но считаю, что все сделала правильно. С трудом могу поверить, что человек, виновный во всем случившемся, разрушивший мою спокойную жизнь, а также испортивший жизнь неизвестному количеству девушек и их семей, думал, что может просто прийти на похороны Марка и вести себя так, словно абсолютно невиновен.

– Что с ним будет? – Я дрожу и очень стараюсь не расплакаться.

– Отправится в тюрьму. Очень надолго. Обещаю.

Джош своими руками, которые так и лежат у меня на плечах, снимает все напряжение. За последние несколько недель он делал это неоднократно. Он так хорошо меня успокаивает! Но я до сих пор гадаю, что сделаю, если в один прекрасный день Джош склонится ко мне и поцелует.

– После того как всплыла информация о Бет, уже масса девушек обратилась в полицию и рассказала, что он и его друзья делали с ними, начиная с 1990 года.

«Он и его друзья. Мой муж».

* * *

Я собираюсь с силами и звоню в звонок. Слышу стук маленьких ножек, сбегających по лестнице, и на секунду у меня появляется мысль, что я сейчас развернусь и сбегу, несмотря на то что Джош находится рядом.

Мы виделись с Ребеккой всего неделю назад, но по ощущениям – я снова отбыла трехгодичный срок.

Простой, ничем не примечательный белый конверт, который потенциально мог изменить всю мою жизнь, четыре часа лежал на кухонном столе моего отца, пока я наконец не сломалась и не позвонила Джошу. После испытаний, которые чуть не стоили ему жизни, он мог больше никогда в жизни не захотеть меня видеть. Для этого имелись все основания. Но он приехал в дом моего отца и молча сидел рядом со мной, пока я не собралась с силами, чтобы открыть конверт. Потом Джош обнимал меня, а я рыдала у него в объятиях. Не знаю, что будет с нами после того, как все это закончится. Я только знаю, что не готова отпустить его из своей жизни.

Семья Мэттьюс не стала бороться за ребенка, когда социальные службы решали, как лучше воссоединить меня с сыном. Ребекка просила только позволить им участвовать в жизни Саймона. Учитывая то, что их дочь украла моего сына и убила бывшего мужа среди прочих, в просьбе ей отказали, но тут выступила я и пообещала им регулярные встречи с внуком. Они не сделали ничего плохого, мой сын их любит, было бы несправедливо их отталкивать. Не могу сказать, что буду такой же сговорчивой и покладистой с бабушкой и дедушкой со стороны отца. Королевская прокуратура по уголовным делам до сих пор решает, предъявлять ли Маргарет и Ричарду обвинение в препятствовании правосудию в деле об убийстве Бет, а я сама еще не знаю, как буду с ними общаться.

Сегодня мне предстоит встретиться с сыном впервые за четыре года. Мы все согласились, что для него будет лучше, если это случится в доме, где он рос, и действовать мы будем медленно – так, как нужно для него. Ребекка открывает входную дверь, и я вижу, что Мишель, наш консультант из социальной службы, уже здесь.

– Привет!

Ребекка быстро меня обнимает и ведет в гостиную, где ждет Мишель вместе с Кристофером Мэттьюсом. Я представляю Джоша, Мишель улыбается, приветствует нас обоих, а Кристофер только резко кивает. Он не устраивает сцен, но видно, что из-за происходящего у него разрывается сердце. Я могу только представить, что сейчас чувствует эта семья после того, как до них дошла новость о племяннике.

– Так, Сьюзан, вы готовы? – мягко спрашивает Мишель.

Я не готова. Думаю, что независимо от того, сколько я могла бы готовиться к этой минуте, все равно не буду готова. Тем не менее я киваю. Мишель смотрит на Ребекку, затем выходит в коридор, и я слышу, как она тихим голосом разговаривает с ребенком. Моим ребенком.

Дверь открывается. Я задерживаю дыхание, когда красивый маленький мальчик появляется в дверном проеме. Он смотрит себе под ноги. Ребекка слегка кивает ему и ободряюще улыбается. Маленький мальчик делает несколько шагов в комнату и поднимает глаза на нас с Джошем.

– Привет! – радостно здоровается он.

У меня в горле появляется комок. Не знаю, смогу ли вымолвить хоть слово, но мне удастся выдать из себя ответное приветствие. Я смотрю сверху вниз на маленького мальчика, которого родила, держала на руках и укачивала, пока не заснет, когда он плакал.

– Меня зовут Сьюзан. А тебя?

– Саймон, – отвечает он и гордо поднимает игрушечный грузовик, чтобы мы оба могли его увидеть. – Вам нравится мой грузовик?

– Отличная машина, – отвечаю я, и у меня на глаза наворачиваются слезы. – Просто отличная.

notes

Примечания

1

1 дюйм = 2,54 см (*прим. пер.*).

2

Имеется в виду Окдейлский институт психиатрии.

3

1 фут = 30,48 см.

4

Билли – сокращение от Уильям.

Пуэперальный психоз – послеродовой психоз.

21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

«Гардиан» – ежедневная газета в Великобритании, основанная в 1821 году. Ее сайт – самый посещаемый из сайтов британских газет.

«Вейтроуз» – сеть британских супермаркетов.

Fred Perry – бренд спортивной одежды, выпускаемый компанией, которую основал английский теннисист Фред Перри.

Street Fighter – серия мультиплатформенных видеоигр. «Лицо» серии – японский каратист Рю, который на протяжении всей серии путешествует по всему миру в поисках достойных соперников. В боях принимают участие персонажи со всего мира.

«Чисто английские убийства» – британский детективный телесериал об убийствах, которые расследует инспектор Барнаби, по романам Каролины Грэм.

12

1 миля = 1609 м.

Джонатан Крик – помощник фокусника, герой одноименного британского детективного телесериала. Вместе с журналисткой Маделин берется за расследование крайне запутанных дел.

14

Чтобы скрыть номер звонящего, в Великобритании перед набором номера абонента нужно набрать 141.

Пенне аль полло – макароны в виде трубочек с косо срезанным краем, с куриной грудкой, грибами и чесноком.

999 – номер телефона для связи с экстренными службами в Великобритании.

«Трэвелодж» – сеть бюджетных отелей по всей Великобритании.

Амир Хан (1986) – британский боксер-профессионал.

Степфордская жена – нарицательное выражение, благодаря роману Айры Левина и снятому по нему фильму «Степфордские жены». Означает женщину, которая стремится стать идеальной домохозяйкой и образцовой супругой.

«Бутс» – британская сеть розничных магазинов, предлагающих товары для красоты и здоровья, и аптек, как маленьких, так и очень крупных.

Yankee Candles – один из самых известных и продаваемых брендов ароматизированных свечей в мире.

«Закон и порядок: Специальный корпус» – популярный американский телесериал, спин-офф сериала «Закон и порядок».

23

1 унция = 29,57 мл.

В британском суде зрители обычно сидят на балконе, «галерее», нависающем над местами для непосредственных участников процесса.

25

Запрещен в России.

«Жители Ист-Энд», «Улица Коронации» – британские сериалы.

Даремский университет состоит из семнадцати колледжей.

Библиотека Даремского университета носит имя Билла Брайсона.

«Книга джунглей» – девятнадцатый полнометражный мультфильм студии «Дисней».

Бриджит Джонс – главная героиня книг и фильмов «Дневник Бриджит Джонс».

Соседский дозор – самоорганизация соседей для борьбы с правонарушителями.

Куки (cookie— *англ.*) – печенье и куки – фрагмент данных, отправленный веб-сервером и хранимый в компьютере пользователя.

«Кэрри» – американский фильм ужасов по роману Стивена Кинга.

Ловкий плут – персонаж романа Чарльза Диккенса «Оливер Твист».

Мисс Манипенни – персонаж из романов и фильмов о Джеймсе Бонде, личный секретарь М., главы МИ-6.

«Жены футболистов» – английский телесериал.

Ссылка на миф о Елене Прекрасной. В войне из-за нее участвовала тысяча кораблей. Выражение означает «очень красивый человек».

«Инспектор Морс» – британский телесериал.

Круэлла – главная антагонистка «101 далматинца», одержимая идеей сшить шубу из далматинцев.

Фонзи – культовый персонаж американского комедийного сериала «Счастливые дни».

В «Гарри Поттере» любой специалист по защите от Темных Искусств всегда носит с собой шоколад. В волшебном мире шоколадом лечат чуть ли не все болезни. Он – идеальное противоядие для любого человека, которого истощило присутствие дементоров. Считается, что шоколад очень помог Джоан Роулинг в трудный период ее жизни.

Кларк Кент – главный герой, сверхсильный инопланетянин из сериала «Тайны Смолвиля».

На сегодняшний день семнадцать, последний основан в 2020 году.

Ссылка на фильм «Миссис Хайд».

GHD – британская компания, производитель средств по уходу за волосами.

Уайт-спирит – бензин-растворитель.

Ночь Гая Фокса – ежегодный праздник в Великобритании, который отмечается 5 ноября – запускают фейерверки, жгут костры.

Тед Банди (1946–1989) – американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил. Действовал в 1970-е годы.